

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

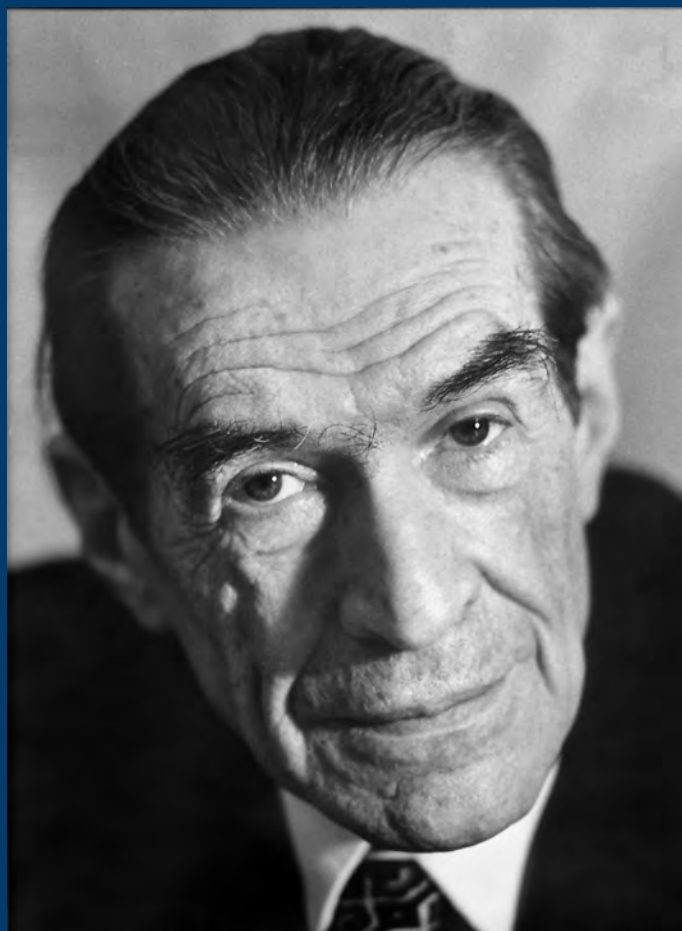
ISSN 1819-2653

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

METHODOLOGY AND HISTORY OF PSYCHOLOGY

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ • 2018 • Выпуск 1

КОНСТРУИРОВАНИЕ МИРОВО

Выпуск 1

Январь — Март 2018

Научный теоретико-методологический и историко-психологический журнал
«МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ»
Издается с 2006 года (перерегистрирован в 2009 году)

Сайт журнала: <http://mhp-journal.ru>

Международный стандартный номер периодического издания: ISSN 1819-2653
Свидетельство о государственной регистрации: ПИ ФС77-35640 от 17.03.2009

Журнал выходит четыре раза в год

Редакционная коллегия

В. Ф. Петренко (гл. ред., Москва), Ю. И. Александров (Москва),
В. М. Аллахвердов (Санкт-Петербург), А. А. Демидов (Москва),
И. Н. Карицкий (зам. гл. ред., Москва), Д. А. Леонтьев (Москва),
В. А. Мазилев (Ярославль), А. В. Юревич (зам. гл. ред., Москва)

Международный консультативный совет

Ч. И. Абрамсон (Стиллиуотер, Оклахома, США), Я. Вальсинер (Альборг, Дания),
Х. Люк (Хаген, Германия), Р. Смит (Ланкастер, Великобритания),
К. Шигемасу (Токио, Япония), В. А. Янчук (Минск, Беларусь)

Попечительский совет

И. Л. Сурат, Л. И. Сурат

Редакционно-техническая группа

А. А. Костригин (Москва), С. П. Сеньющенко (Краснодар)

Адрес редакции: 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект,
д. 34, стр. 14, ком. 300, e-mail: mhp@bk.ru

Журнал «Методология и история психологии» издается на средства
НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»,
адрес: 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14,
тел.: (495) 782-3443, e-mail: inpsycho@inpsycho.ru, сайт: <http://inpsycho.ru>

Все публикуемые статьи прошли процедуры рецензирования,
экспертного и конкурсного отбора.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

© «Методология и история психологии», 2018

На первой странице обложки фотография А. Н. Леонтьева, статья, посвященная
115-летию А. Н. Леонтьева, опубликована на стр. 186-206.

РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА, ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ
МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПСИХОАНАЛИЗА

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

КОНСТРУИРОВАНИЕ МИРОВ

Выпуск 1

ЯНВАРЬ — МАРТ

2018

RUSSIAN PSYCHOLOGICAL SOCIETY
LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
DEPARTMENT OF PSYCHOLOGY
MOSCOW INSTITUTE OF PSYCHOANALYSIS

METHODOLOGY AND HISTORY OF PSYCHOLOGY

CONSTRUCTION OF WORLDS

Issue 1

JANUARY — MARCH

2018

С О Д Е Р Ж А Н И Е

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ	5	<i>И. Н. Карицкий</i> Конструирование миров
МЕТОДОЛОГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ	15	<i>В. Ф. Петренко</i> Конструирование истории
	34	<i>Г. В. Акопов</i> Психология искусства: от Л. С. Выготского к В. Ф. Петренко (трансценденция проектов психологии искусства в различных модусах сознания)
СУБЪЕКТНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ МИРОВ	46	<i>В. М. Аллахвердов</i> Психология как наука и проблема демаркации (статья первая)
	58	<i>В. А. Петровский</i> Прозрачный мир в картинках, или Кто видит мир? (эскиз концепции взаимоопосредования)
	84	<i>В. А. Шкуратов</i> Культура мысли и знание-власть
КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ	108	<i>В. А. Мазилев</i> Психология в XXI столетии: проблема предмета науки
	124	<i>В. А. Янчук</i> Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции пси- хологии в условиях неопределенности и конструктивистско- го многообразия
КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИУМА	155	<i>А. В. Юревич</i> Методология количественной оценки психологического со- стояния современного российского общества
ИНТЕРВЬЮ	174	<i>А. Г. Асмолова</i> Интервью о будущем психологии
СОБЫТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	186	<i>А. Н. Ждан</i> Масштабность личности и деятельности А. Н. Леонтьева (5.02.1903 – 21.01.1979)
	207	<i>В. А. Мазилев</i> «Все в моей жизни так складывалось, чтобы я обязательно стал психологом»: несколько штрихов к портрету Г. В. Залевского
	218	<i>В. Аллахвердов, И. Карицкий</i> Задумчивый рыцарь многомерного мира (к 70-летию блестя- щего психолога и необыкновенного человека В. Ф. Петренко)
	229	<i>С. А. Богданчиков</i> Проблема генезиса советской психологии (юбилейные размышления)
	233	<i>В. А. Мазилев</i> Слово о Н. П. Фетискине (памяти ушедшего друга)
	244	Аннотации статей на английском языке
	279	Сведения об авторах

C O N T E N T S

EDITORIAL	5	<i>I. N. Karitsky</i> Construction of worlds
METHODOLOGY OF CONSTRUCTION	15	<i>V. F. Petrenko</i> Construction of history
	34	<i>G. V. Akopov</i> Psychology of art: from L. S. Vygotsky to V. F. Petrenko (transcendence of projects in psychology of art in various consciousness modes)
SUBJECT FOUNDATIONS OF WORLDS CONSTRUCTION	46	<i>V. M. Allakhverdiv</i> Psychology as a science and a demarcation problem (article 1)
	58	<i>V. A. Petrovsky</i> A psychophysical problem: “who” sees the world? (a sketch of the concept of intermediation)
	84	<i>V. A. Shkuratov</i> Culture of thought and knowledge-power
CONSTRUCTION OF PSYCHOLOGY SUBJECT-MATTER	108	<i>V. A. Mazilov</i> Psychology in the 21st century: a problem of science subject-matter
	124	<i>V. A. Yanchuk</i> Cultural-dialogical metaperspective of psychology knowledge integration in conditions of uncertainty and constructivist diversity
CONSTRUCTION OF SOCIETY	155	<i>A. V. Yurevich</i> The quantitative estimation methodology of modern Russian society’s psychological state
INTERVIEW	174	<i>A. G. Asmolov</i> The interview on the future of psychology
EVENTS OF PSYCHOLOGICAL LIFE	186	<i>A. N. Zhdan</i> The immensity of personality and activities of A. N. Leontiev (5.02.1903 – 21.01.1979)
	207	<i>V. A. Mazilov</i> “Everything in my life was for my becoming a psychologist”: on the portrait of G. V. Zalevsky
	218	<i>V. Allakhverdiv, I. Karitsky</i> The thoughtful knight of the multidimensional world (on the 70th anniversary of V. F. Petrenko, the brilliant psychologist and extraordinary man)
	229	<i>S. A. Bogdanchikov</i> The problem of the genesis of soviet psychology (anniversary reflections)
	233	<i>V. A. Mazilov</i> The word about N. P. Fetiskin (in memory of the departed friend)
	244	Abstracts & References (in English)
	279	Information about Authors

КОНСТРУИРОВАНИЕ МИРОВ

И. Н. Карицкий

*Московский институт психоанализа,
Москва, Россия,
e-mail: ignikkar@mail.ru*

Исследовано понятие конструктивизма в гуманитарных и социальных науках, прежде всего, в психологии. Показано, что представления людей конструируются на всех уровнях их организации: от биологической и нейрофизиологической до социальной и лингвистической. Указаны основные представители конструктивизма в психологии в России и за рубежом. Рассмотрены ведущие направления конструктивизма в психологии: конструктивизм в узком значении, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм, конструктивный реализм и другие. Более подробно проанализированы конструктивистские взгляды А. Г. Асмолова (праксиологический конструктивизм) и В. Ф. Петренко (эпистемологический конструктивизм). Раскрыто содержание статей, представленных в данном номере журнала, общей тематики конструирования миров, показано многообразие подходов к конструированию миров психологами.

Ключевые слова: конструктивизм, направления конструктивизма, социальные представления, знание, плюрализм, конструирование миров, социальная реальность.

DOI: 10.7868/S1819265318010016

Для цитаты: Карицкий И. Н. (2018). Конструирование миров // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 5–14.

Люди живут в мире представлений, но принимают их за объективную реальность. Уже восприятие обусловлено структурными и функциональными особенностями органов восприятия (Ф. Варела, У. Матурана, Г. Рот, Ж.-К. Табари), перцептивной категоризацией (Дж. Брунер), установками (Д. Н. Узнадзе), личностными и социальными конструктами (Дж. Келли, П. Бергер, Т. Лукман), языковыми категориями (Э. Сепир, Б. Уорф,

Дж. Фишман, Дж. Люси) и т.п., которые определяют, что будет воспринято, как воспринято, через какую сетку категорий, что будет выделено как существенное, отнесено к определенной системе понятий, встроено в систему «реальности» и что будет проигнорировано как несущественное или несуществующее. Эти детерминирующие схемы пронизывают всю психику и определяют ее содержание, процессы мышления, личностные

пристрастия, реакции на события «реальности», поведение и деятельность. Данный эпистемологический подход в современной философии, социологии, психологии, культурологии, в целом в социальных и гуманитарных науках называется конструктивизмом в широком смысле. Его ближайшими предшественниками в западной психологии называют, прежде всего, Ж. Пиаже, в отечественной науке — М. М. Бахтина и Л. С. Выготского. Ряд современных отечественных психологов ведет исследования, опираясь на теоретические и методологические принципы конструктивизма (А. Г. Асмолов, В. В. Знаков, Т. П. Емельянова, В. Ф. Петренко, В. А. Янчук и др.).

Сегодня существует множество направлений конструктивизма, представленных, в первую очередь, в западной науке. В то же время, как отмечает А. М. Улановский, можно говорить о трех основных его течениях: конструктивизм (в узком смысле) в психологии, социологии, философии и педагогике (П. Бергер, Дж. Брунер, Дж. Келли, Т. Лукман, Ж. Пиаже и др.), радикальный конструктивизм (Ф. Варела, П. Ватцлавик, Э. Глазерсфельд, У. Матурана, Г. Рот, Х. Ферстер и др.) и социальный конструктивизм (конструкционизм) (К. Герген, Дж. Поттер, Т. Сарбин, М. Уэзерелл, Р. Харре, Г. Херманс, Дж. Шоттер и др.). (Вместе с тем, следует отметить, что в рамках конструктивизма также выделяют такие общие подходы, как культурный, структурный, реляционный, коллективный, коммуникационный, критический конструктивизм, конструктивный реализм и др.) Конструктивизм в узком смысле при всем разнообразии подходов базируется на представлении не об отражательной (в духе теории отражения или теории копирующей истины), а в основном о конструктивной сути сознания и познания, обусловленности восприятия и понимания мира личностными конструк-

тами, образованными в ходе онтогенеза, и в силу этого на представлении о множественности трактовок реальности, отсутствии объективной и абсолютной истины. В радикальном конструктивизме вообще отрицается возможность отображения действительности в какой-либо форме, живая система сама создает «воспринимаемый» мир в силу специфической структуры организма и нервной системы, знание представляет собой способ организации опыта живой системы. Социальный конструкционизм исходит из приоритета дискурса и intersubъектных отношений в конструировании образа мира и представления личности о себе, существенно, что образ мира и личности формируется в коммуникации, в социальных практиках, в сообществе, является своего рода конвенцией между людьми, а не результатом сугубо личного опыта. Таким образом, общим для всех конструктивистских теорий является представление о том, что знание конструируется, истина плюралистична, а критерием «хорошего» знания является его пригодность (Бергер, Лукман, 1995; Касавин, 2008; Лекторский, 2015; Матурана, Варела, 2001; Петренко, 1988; 2010; Улановский, 2009; Янчук, 2005). В то же время для одних исследователей преобладающей методологической установкой является рассмотрение конструктивизма в плоскости эпистемологии, они отвечают на вопрос: чем является знание. И это эпистемологический конструктивизм. Для других более существенно активное, деятельное преобразование социальной и психической реальности, они стоят на позиции праксиологического конструктивизма, конструирования самой реальности. Хотя оба подхода имеют множество пересечений и общих утверждений.

А. Г. Асмолов строит неодеятельностную историко-эволюционную парадигму психологии, опираясь на идеи культурно-исторической психологии, целенаправленной деятельности, индивидуали-

зации личности в историческом процессе, конструирования жизненных миров, делания психологией истории, рассматривает образование «как ведущую социальную деятельность», порождающую новые социальные миры и решающую актуальные проблемы современности. А. Г. Асмолов отмечает: «В парадигме неклассического мышления психология выступает как наука о конструировании миров в историко-эволюционном процессе жизни, стремящемся к нарастанию разнообразия», психика должна изучаться как конструктивный фактор самой эволюции, «...предназначение психологии как ведущей науки о человеке, способной конструировать “поле предметных значений”» (А. Н. Леонтьев) — особое интересубъективное измерение действительности»; психологию исследователь рассматривает как «конструктивную проектировочную науку, выступающую фактором эволюции общества» (Асмолов, 2001; 2008). Таким образом, конструктивное начало психики автором рассматривается в двух отношениях: 1) как и в конструктивизме, психика (личность) активно строит образ мира, но также 2) психика (личность) конструирует, формирует саму социальную реальность. И второй аспект конструирования для автора является важнейшим, поскольку может быть направлен как в сторону гуманизации, так и дегуманизации общества: психологи, как «мотиваторы конструктивных социальных изменений», способны поддерживать и развивать «культурные практики очеловечивания», социального разнообразия, образцы гуманистического поведения, предлагать «позитивные образы будущего в социализации современных детей и подростков» (Асмолов, Гусельцева, 2016). Соответственно, если конструктивизм в целом по преимуществу является эпистемологией, то в подходе А. Г. Асмолова он является, прежде всего, праксиологией — учением об изменении социальной реальности.

На позициях конструктивизма в психологии с первых своих исследований стоит создатель отечественной экспериментальной психосемантики В. Ф. Петренко. Он пишет, что «основным методом экспериментальной психосемантики является метод реконструкции субъективных семантических пространств», «реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других, самого себя» (Петренко, 1988). В. Ф. Петренко исходит из представления о том, что «что знания не являются... отражением реальности, а конструируются субъектом на основе опыта взаимодействия с миром и зависят от мотивации субъекта познания, языка описания, операциональных средств и т.п., что определяется культурой общества и личностными особенностями субъекта познания, его картиной мира». Автор пишет, что такие понятия, как объективная действительность, истина, «представление о том, что можно изучать нечто, как оно есть “на самом деле”, независимо от позиции интерпретатора, постепенно уступают место таким понятиям, как жизненное пространство (зависимое от системы отсчета), жизненный мир (подразумевающее наличие “пристрастного”, “страдающего” человека), ...множественность истины, адекватность и эвристичность модели взамен самого понятия истины. Эта система методологических понятий, под разными именами активно используемая в квантовой физике и структурной лингвистике, находит реализацию и в гуманитарной науке — как парадигма конструктивизма». Термин конструктивизм «применяется в гуманитарных науках для обозначения теоретических и методологических установок, подчеркивающих роль социальных ценностей и познавательных мотивов в построении картины мира данной культуры, сети научной коммуникации и деятельности научных коллективов

в производстве научных знаний. Как философия познания конструктивизм находится в скептической позиции относительно онтологических представлений классической науки». Согласно методологическому принципу конструктивизма «знания не содержатся непосредственно в объекте (в объективной действительности) и не извлекаются из нее в ходе движения от относительной к абсолютной истине, а строятся (конструируются) познающим субъектом в виде различного рода моделей, которые могут быть как взаимозаменяемыми, так и взаимно дополнительными». С позиции конструктивизма познающий субъект создает модели мира, которые «по принципу кольцевой причинности определяют ту социальную реальность, в которую он погружен». Автор подчеркивает, что идеи конструктивизма постепенно овладевают не только научным сообществом, но и проникают в массовое общественное сознание: люди сознают, что существуют многообразные индивидуальные и групповые конструкты социальной реальности, что ни одна точка отсчета не является избранной и никто не обладает абсолютной истиной. В. Ф. Петренко отмечает, что «даже собственное Я, ощущаемое человеком как безусловно достоверная реальность... в методологии конструктивизма рассматривается как сложная конструкция деятельности самосознания, включающая осознаваемые и бессознательные компоненты» (Петренко, 2010).

Настоящий выпуск журнала «Методология и история психологии» имеет тематический подзаголовок «Конструирование миров» и состоит из статей, авторы которых либо прямо опираются на теорию и методологию конструктивизма, либо вполне солидаризуются с его основными позициями (знание конструируется исследователем на основе определенной категориальной сетки и параметров используемого инструментария; истинность

нового знания определяется через соотношение его с уже существующим знанием, соответствием определенной модели рациональности, эвристичности и пригодности для использования полученных результатов; признание того, что реальность может быть описана иными способами с получением других результатов), либо, оставаясь на позициях реализма, согласны с тем, что конструктивизм составляет неотъемлемый момент психического функционирования и построения научного знания. В то же время основной смысл, который вкладывается в подзаголовок «Конструирование миров» — это показать многообразие научных миров психологии, из которых она сегодня складывается. Выпуск журнала представлен статьями таких известных исследователей, как Г. В. Акопов, В. М. Аллаhverдов, В. А. Мазилев, В. Ф. Петренко, В. А. Петровский, В. А. Шкуратов, А. В. Юревич, В. А. Янчук, интервью с А. Г. Асмоловым, другими материалами.

В статье В. Ф. Петренко «Конструирование истории» психолог стоит в позиции реконструирования сознания людей прошлых эпох. Автором представлен методологический инструментарий экспериментальной психосемантики, позволяющий строить многомерные семантические пространства, которые выступают операциональной моделью сознания на основе выделения его базисных категорий. В. Ф. Петренко показывает, что «конструктивизм в психологической науке содержит несколько базисных составляющих»: идея познания как построения знания; идея о том, что теории не копируют, а моделируют реальность; идея множественности истин и моделей реальности; идея о том, что познание не только описывает, но и творит реальность. В статье исследователь отмечает, что «историческая психология призвана реконструировать дух прошедших эпох, ментальность выдающихся исторических деятелей,

а также и картину мира, обыденное сознание народов, подчас уже сошедших с исторической сцены», эволюцию ментальности разных народов и социальных слоев в ходе исторического процесса, их видение мира. Автор также поднимает проблему переосмысления истории в каждую историческую эпоху. Важной методологической установкой «конструирования истории» является понимание того, что «позиция исследователя, его язык описания, культурные установки и система ценностей имплицитно присутствуют в категоризации, описании» исторических объектов и событий и что «следствием этого положения становится идея плюрализма, множественности различных исторических моделей описания прошлого». Одной из существенных проблем конструирования ментальности людей прошлых эпох с позиции психосемантики является то, что исследователь имеет дело не с живыми представителями изучаемой эпохи, а с различного рода артефактами, проникаясь духом которых он «стремится отрефлексировать ее категориальный строй».

Г. В. Акопов в своей статье развертывает широкое полотно «трансценденции проектов психологии искусства в различных модусах сознания», раскрывая читателю индивидуальные миры исследователей, репрезентированные в частных системах психологии искусства. Как пишет автор, «в качестве универсальной категории психологического анализа явлений искусства» им предложен концепт сознания, содержательно раскрываемый в двухфакторной модели (Акопов, 2010). Г. В. Акопов отмечает, что проект «Психология искусства» Л. С. Выготского направлен на изучение «чистой и безличной психологии искусства безотносительно к автору и читателю», в то же время, он акцентирует внимание на том, что искусство является «социальным в нас», выражает социальные чувства. Мир В. П. Зин-

ченко, преломленный через материал поэзии, представлен категориями «живое знание», «органическая психология», «поэтическое прозрение», «творческий акт», «целостность», «дух», «душа», «смысл человеческого бытия» и др. Поэзия предстает как школа сознания, прозревающая непознанное в его целостности, «искусство на столетия опережает науку в познании». Психологический анализ поэзии В. П. Зинченко релевантен самой поэзии, метафоричен и наполнен тончайшими и глубочайшими смыслами, недоступными рационализму науки.

Продолжая раскрывать многообразие конструируемых реальностей в психологии искусства, Г. В. Акопов обращается к интерпретациям других авторов. Исследовательский мир искусства В. М. Аллахвердова задан, прежде всего, по оси «сознание — бессознательное» с акцентом на приоритете бессознательного, в ходе «общения» с художественным текстом происходит эмоциональное переживание творческого процесса: «восприятие художественного текста имитирует для читателя и зрителя творческий процесс, порождает эмоциональное переживание инсайта, творческого открытия, познания»; «коммуникация и творчество как в самом художественном произведении, так и в читательском восприятии и интерпретациях определяются сложной (парадоксальной) “игрой” художественного сознания и бессознательного и, в конечном счете, трансценденцией эмоционально и идейно значимого содержания из бессознательного в осознаваемую смысловую форму». В. Е. Семенов рассматривает искусство сквозь призму межличностной коммуникации, вводя ее базисные принципы: принцип «личностной совместимости художника и реципиента, всех участников процесса художественной коммуникации» и «принцип постоянной взаимной связи искусства и социальной действительности». Перечисленный

ряд психологических реконструкций искусства автор статьи завершает рассмотрением проекта В. Ф. Петренко, представленного, прежде всего, монографией «Психосемантика искусства», в которой утверждается, что произведение искусства представляет собой «специфический текст, который обеспечивает общение двух субъектов», являясь медиатором между сознанием творца и сознанием читателя, зрителя. Будучи хорошо операционализированной методикой, «психосемантический анализ художественного произведения с помощью построения семантических пространств... способствует увеличению степени осознанности художественного текста», выявляет не только явные, но скрытые конструкты автора произведения и их взаимное соотношение. Г. В. Акопов полагает, что конструктивистский подход В. Ф. Петренко «впервые представляет также универсальную инструментальную модель (метод) психологического анализа произведений искусств».

Проблема демаркации научного и ненаучного знания в психологии представлена работой В. М. Аллахвердова. Автором предложены и проанализированы различные критериальные конструкты демаркации: «научным является только эмпирическое знание, только непротиворечивое знание, только практически применимое знание» (другие критерии будут исследованы в продолжении статьи), — и показано, что они недостаточны. Хотя в другой работе автор утверждает: «И все же мне кажется, что существует критерий, с помощью которого можно провести демаркационную линию», — это методологические правила (принципы). «Научной будет такая деятельность, которая построена в соответствии с этими методологическими правилами» (Аллахвердов, 2013). В то же время в настоящей статье автором поднят ряд сложных проблем науки: что является действительно-

стью, истиной, фактом? каково соотношение видимого и реального? как определяется существенное и несущественное в исследовании? Показано, что содержание любого эмпирического исследования, его данные, их обработка и результаты основываются на теоретических предположениях, а факт существует только в рамках категориальной сетки какой-то теории, да и сами понятия — не только результат обобщения эмпирически наблюдаемого, но включают в себя ряд внеэмпирических допущений, в том числе самого общего порядка. Как отмечает В. М. Аллахвердов, «подлинными теориями, как правило, конструируют причины наблюдаемых явлений», включают в себя «ненаблюдаемые конструкты». Непротиворечивость научного знания является, с одной стороны, слишком формальным критерием, с другой — в науке существуют теории, «несовместимым образом объясняющие одно и то же явление»: как подчеркивает автор, «наличие противоречий не делает знание ненаучным», «построение полностью непротиворечивого знания» — это утопия. Сложную проблему представляет собой конструкт «научным является только практически применимое знание», поскольку практически эффективным может оказаться любое предположение (ненаучное, ложное), а «для оценки практической эффективности необходима теория». Признавая реальность, В. М. Аллахвердов, вместе с тем, утверждает, что ее теория может быть сконструирована по-разному и описана на разных языках, т.е. придерживается позиции конструктивного реализма (В. А. Лекторский (2015)).

В. А. Петровский предлагает оригинальную версию разрешения психофизической проблемы на основе тщательного исследования релевантных ей понятий, определяя физическое как сверхчувственное и мыслимое, психическое как чувственное и приходя к выводу, что «субъ-

ектом созерцания, переживания, действия» никто не является: «наличие психических содержаний не обязательно означает присутствие наблюдателя, то есть не обязательно существует тот, кому психические содержания даны», «психические содержания для своего существования не нуждаются в существовании “я”». (В то же время в другой работе В. А. Петровский рассматривает, каким образом культурный знак «я» через чувственную презентацию, индивидуальную активность и прообразы «я» превращается в я-подлинное (Петровский, 2010).) Автор конструирует ситуацию порождения психического как «композицию физических явлений, например, волн, порождаемых мозгом, и волн, поступающих извне»: «полагаем, что возникновение психического образа, переживания, интенции и т.п. обязано композиции, как минимум, двух волн, одна из которых определяется процессами, протекающими в теле индивидуума — мы называем ее “принимающей волной” — а другая, мы называем ее “поступающей волной”, имеет своим источником объекты окружения». Определяющей характеристикой физического В. А. Петровский считает его трансферентность — распространение физического за пределы места его порождения с сохранением определяющих его свойств, а психического — нетрансферентность, т.е. «локус возникновения и локус существования психического совпадают, оно существует там и тогда, где и когда появилось, и таким образом не является ни корпускулой, ни волной».

В своем труде «Культура мысли и знание-власть» В. А. Шкуратов конструирует научный аппарат «авторской концепции исторической психологии» (метапсихологической теории), одновременно сквозь призму этого аппарата представляя историю познания на материале европейской культуры (антропоисторику). Статья «написана в русле

авторских теоретизирований относительно социокультурных оснований человеческой психики». Отмечая у себя наличие большого числа новых терминов, автор подчеркивает, что «при видимой словесной избыточности они не были упражнениями в терминологии, а пытались обрисовать системы артефактов, фундирующие психику со стороны социума и культуры, по аналогии с тем, как нейрокognитивные науки делают это со стороны мозга». Авторский проект «исторической психологии складывается вокруг понятий антропокультуры и сапиентного диапазона эволюции». В понятии антропокультуры конкретизирована «идея социокультурных систем порождения психики», «сапиентный» диапазон эволюции представляет собой «срок существования современного (сапиентного) человечества, который совпадает со временем действия... систем психической генерации Человека разумного». В антропокультуре автор наибольшее внимание уделяет анализу «культуры мысли», т.е. такого соционатурального порядка, который развивает «умственные прерогативы человека», и «когитократии» — использованию мыслительной деятельности как обычной практики власти (управлении, основанном на знании). Антропоисторика автором представлена парадигмами Античности (мифоритуальной), средневековой (религиозной), Нового времени (научной) и современной (сочетание истории и психологии) (см. также: Шкуратов, 2009).

Дискуссионная проблема предмета психологии представлена статьей В. А. Мазилова, проблема, к которой автор обращается на протяжении многих лет (Мазилов, 2006; 2014 и др.). Исследователь анализирует современное состояние психологии, отмечая, что многие недавние подходы существенно устарели: «трактовка психики как отражения тоже утратила свое былое значение: в настоящее время термин “отражение”

применим разве что к сенсорным процессам, поскольку уже перцептивный уровень содержит мощную составляющую, которая логичнее объясняется с позиций конструктивизма. Даже методологический статус психологии как науки... в действительности не определен». В то же время В. А. Мазиллов видит вполне позитивные перспективы психологии. Автор полагает, что психология представляет собой единую науку, оспаривая утверждение ряда авторов, что этой целостности нет. Психология является фундаментальной наукой. Автор подвергает сомнению традиционный взгляд, что психология стала самостоятельной наукой во второй половине XIX века, и обосновывает позицию, что она еще не достигла этого состояния. Важнейшим условием ее самостоятельности является новая трактовка предмета психологии. В. А. Мазиллов полагает, что этим предметом является внутренний мир человека. Такой подход «позволяет решить многие проблемы, накопившиеся в общей психологии». «Приоритет в разработке проблемы внутреннего мира как психологического образования в новейшей российской истории психологии принадлежит В. Д. Шадрикову», который «предложил рассматривать внутренний мир как конкретное наполнение концепта “предмет психологии”». «Внутренний мир человека представляет собой потребностно-эмоционально-информационную субстанцию, имеющую сложную внутреннюю архитектуру, так понимаемый предмет психологии позволяет «осуществить содержательное наполнение предмета, вместили всю психическую реальность в полном объеме» (Мазиллов, 2014). Автором приводятся аргументы, обосновывающие, что такой подход снимает многие нерешенные проблемы психологии.

В статье «Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии

в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия» В. А. Янчук рассматривает проблему «теоретико-эмпирических оснований интеграции психологического знания», анализируя многообразие существующих к ней подходов и приходя к выводу, что такого рода интеграция продуктивна на основе «культурно-диалогической интердетерминистской метатеории». Исходной исследовательской посылкой выступает представление о том, что психологическая феноменология имеет «комплексную био-психо-социальную культурную» гетерогенную динамическую обусловленность. Автором формулируется концепция «четырёхмерности континуумов психологической феноменологии, системообразующим универсальным основанием которых является культура в аспекте конструирования психологической реальности». Основное содержание подхода заключается «в обосновании диалогической интердетерминированности функционального состояния динамических гетерогенных психологических систем в определенных точках пространственно-временного континуума», которое достигается за счет «нахождения баланса взаимодействия сопряженных внутренних и внешних систем, определяющих выживание самой системы в условиях конкретного социального и природного окружения». Согласно В. А. Янчуку, понимание психологической феноменологии возможно за счет учета их многомерности, мультипарадигмального и мультидисциплинарного подхода к ним, «культуризации психологического знания», «выхода за рамки персонотризма» и включение «в плоскость анализа интердетерминирующего влияния эго-протяженности», учитывающей социальное, природное окружение и историко-культурный контекст.

А. В. Юревич в своей работе «излагает и обосновывает методологию коли-

чественной оценки психологического состояния современного российского общества», используя для этого макропсихологический композитный индекс. Как отмечает автор, психологическое состояние общества по своей значимости вполне сопоставимо с его политическим и экономическим состоянием. Если психология традиционно изучала психику, личность, отдельные психические процессы, малые и большие социальные группы, то «макропсихология изучает психологические процессы, релевантные обществу в целом, чем, в частности, отличается от социальной психологии, “заканчивающейся” на уровне больших социальных групп». Композитный индекс конструируется автором на основе первичных индексов: «смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств», «смертности от самоубийств», «заболеваемости психическими расстройствами», «устойчивости семьи», «социального сиротства» и «смертности от убийств». Как показывает исследователь, имеет место высокий уровень корреляции первичных индексов между собой, что позволяет применить их обобщение для характеристики макропсихологического состояния общества. Полученные на основе композитного индекса данные по динамике состояния российского общества в целом соответствуют представлениям социологов, «демонстрирующим его улучшение на протяжении длительного периода и некоторое ухудшение в последнее время, и расходятся с мнением психологов, дающих ему в основном негативные характеристики». В заключение автор отмечает, «что мы живем в достаточно напряженном, в том числе и психологическом плане, обществе», поскольку относимся к транзитивным социумам с множеством негативных факторов, которые приводят к соматизации социальных явлений (см. также: Юревич, 2015).

Тема конструирования реальности, ее предельной актуальности снова

поднимается в интервью А. Г. Асмолова, который показывает, что современный психолог выступает как архитектор изменения ментальности общества и через это становится «мастером социального конструирования». Психология — это наука о жизни и наука об изменении, ученый говорит: «Я рассматриваю психологию в контексте эволюции целеустремленных живых систем и проповедую телеологический подход». Психология сегодня изменяет свой социальный статус, становясь «уникальным междисциплинарным направлением науки», «психология берет на себя функцию социального конструирования реальности». Ученый подчеркивает: «Думаю, что мы уже на пороге супертрансформации и видения жизни как уникального эволюционного потока сознания по направлению персонализации жизни», психология современности находится в координатах «сложности, неопределенности и разнообразия», формируя соответствующие направления психологии, она перейдет от традиционной «психологии языка, задатков и факторов... к языку потенциалов и ресурсов». А. Г. Асмолов замечает: «В эпистемологии нам надо по-другому подумать об интеграции — как о цветущей сложности», необходимо «эпистемологию и методологию науки поставить во главу угла. Это и есть самая практическая психология». Психологи должны «осознать свой статус носителей экспертной власти, наряду с другими экспертами в науках о жизни», «будущее за людьми, готовыми к изменениям», психолог-конструктор через модернизацию образования ведет к трансформации общества, он через конструирование «вариативного, развивающего, смыслового образования» помогает «человеку обрести самостояние», «построить модель желаемого будущего и через эту модель почувствовать себя востребованным в мире». Ученый заостряет свои рассуждения заключением: «Психологи

должны отрефлексировать свою миссию... из-за того, что, если мы этого не сделаем, мы не сможем утешиться формулой “блаженны нищие духом”, потому что они такого натворят, что мы уже не сможем этого ведать» (см. также: Асмолов, 2008; Асмолов, Гусельцева, 2016).

Таким образом, данный выпуск журнала представлен многообразием подходов к научно-психологическому конструированию реальности, психики, сознания, человеческих представлений, построению теорий, выделяющих свою специфическую психологическую феноменологию на основе тех конструктов, которые сформированы с опорой на исходные предпосылки и основания, частично эксплицированные исследователями, но по большей части существующие в имплицитной форме. Статьи данного выпуска отчетливо иллюстрируют тот факт, что сегодня конструктивизм в психологии в явной или неявной форме ясно присутствует в психологических исследованиях и теориях и демонстрирует широкий спектр конструктивистских установок: от мягких подходов конструктивного реализма до радикального и социального конструктивизма.

Литература

- Акопов Г. В. (2010). Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Аллахвердов В. М. (2013). Зачем психологии нужны правила игры в науку // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». № 2. С. 2–17.
- Асмолов А. Г. (2001). Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл.
- Асмолов А. Г. (2008). Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. № 5. С. 3–11.
- Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. (2016). Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе // Мир психологии. № 4. С. 14–28.
- Бергер П. Л., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. М.: Медиум.
- Касавин И. Т. (2008). Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. № 1. С. 5–14.
- Лекторский В. А. (2015). Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. № 1. С. 19–26.
- Мазилев В. А. (2006). О предмете психологии // Методология и история психологии. № 1. С. 55–72.
- Мазилев В. А. (2014). О предмете научной психологии: утраты и обретения // Ярославский педагогический вестник. Т. 2. № 1. С. 266–270.
- Матурана У., Варела Ф. (2001). Древо познания. М.: Прогресс-Традиция.
- Петренко В. Ф. (1988). Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Петренко В. Ф. (2010). Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 5–12.
- Петровский В. А. (2010). Существует ли Я — субъект познания, воли, переживаний? // Методология и история психологии. 2010. Вып. 1. С. 136–148.
- Улановский А. М. (2009). Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. № 2. С. 35–45.
- Шкуратов В. А. (2009). Новая историческая психология. Ростов н/Д: ЮФУ.
- Юревич А. В. (2015). Психологическое состояние современного российского общества: новые оценки // Вопросы психологии. № 2. С. 32–45.
- Янчук В. А. (2005). Конструктивистский подход в социальной психологии // В. А. Янчук «Введение в современную социальную психологию». Мн.: АСАР. С. 147–161.

МЕТОДОЛОГИЯ КОНСТРУКТИВИЗМА

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИИ

В. Ф. Петренко

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: victor-petrenko@mail.ru*

В статье с позиции философии конструктивизма и культурно-исторической психологии рассматривается процесс воссоздания исторической картины прошлого. История психологии в этом контексте рассматривается как часть исторической психологии. В рамках культурно-исторической теории обосновывается активное участие самого интерпретатора в построении-конструировании модели прошлого, производность создаваемой им модели от имплицитных целей исследования, движущих мотивов, категориального строя языка исследователя. Помимо понятийной рефлексии объекта исследования, полагается возможность эмпатичного вчувствования, идентификация с людьми той или иной эпохи.

Ключевые слова: философия конструктивизма, культурно-историческая психология, эмпатия, идентификация, ментальная археология.

DOI: 10.7868/S1819265318010028

Статья подготовлена при поддержке РФФ: грант 17-18-01610

Для цитаты: Петренко В. Ф. (2018). Конструирование истории // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 15–33.

Историческая психология и история психологии. Что общего между этими областями науки, кроме сходных терминов, содержащихся в названии нашего журнала «Методология и история психологии»? Историческая психология изучает, в первую очередь, менталитет прошедших эпох, ту умственную оснастку людей и культур, которые обеспечивали им выживание и развитие, формируя картину мира, которую сами люди воспринимали

как «объективную действительность» или единовозможную данность. В этом контексте история психологии как наука о человеке является частью исторической психологии, ибо взгляды на психику человека и трактовки достижений в этой области требуют реконструкции менталитета общества, выявления критериев «научности», присущей этому периоду развития психологии, а, с другой стороны, оказываются производными

от менталитета, системы ценностей самого исследователя, как представителя современности.

Менталитет людей того или иного общества, этноса, той или иной эпохи — область исследования, где в наибольшей степени сходятся интересы психолога, социолога, историка и этнографа и где сближаются концептуальные аппараты этих наук. Рассмотрим, например, результаты психологического исследования политических представлений населения. Что это? Исторический документ или психологическое исследование менталитета «дня сегодняшнего»? А если это исследования месячной давности? А годовой? История «дышит нам в затылок». И если быть строгим, все, что изучала психология, уже история, ибо «нельзя дважды войти в одну и ту же реку».

Исторические факты и события не могут быть интерпретированы и поняты вне контекста эпохи, ее духа, «вне не высказанных эксплицитно, не вполне осознанных в культуре умственных установок, общих ориентаций и привычек сознания, “психологического инструментария”, “духовной оснастки” людей — того уровня интеллектуальной жизни общества, который современные историки обозначают расплывчатым термином “ментальность”» (Гуревич, 1984, с. 8). Историческую антропологию с психологической наукой сближает не только предмет исследования, но и гносеологический инструментарий — направленность на реконструкцию категориального строя сознания, на вычленение категорий, образующих картину мира (Гуревич, 1984). Подход этот восходит к идеям И. Канта об априорных категориях сознания, к гумбольдовским представлениям о «внутренней форме языка», отражающей «дух народа» (Гумбольдт, 1984), затем нашедших операциональное воплощение в понятии семантического поля неогумбольдтенцианцев (Й. Трир, Л. Вайсгербер,

В. Порциг), а в самой исторической науке — в исследовании этнической картины мира О. Шпенглера (1998). Как пишет философ В. С. Степин (1986, с. 50), «преобразование объектов в человеческой деятельности является главным определением самого человека, выражением его сущности и основанием человеческого мира. Поэтому категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемые в человеческую деятельность, выступают в качестве базисных структур человеческого сознания». Категории, как и человеческое сознание в целом, находятся в постоянном развитии. В работах А. Я. Гуревича (1984; 1990) приводится множество ярких различий в представлениях человека средневековой Европы и современного индустриального общества. «Мы имеем в виду, — пишет он, — такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода “модель мира”, ту “сетку координат”, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» (Гуревич, 1984, с. 30).

Наряду с объектными, базисными категориями рефлектирующее сознание выделяет категории, отражающие субъект, — субъектные отношения, атрибутивные характеристики социального бытия. Так, в философии экзистенциализма до уровня мировоззренческих философских категорий поднимаются такие эмоции и психические состояния, как чувство вины, сопричастности, страх, одиночество и т.п. Грань между категориями философского или научного сознания и категориями обыденного, житейского сознания достаточно условна. Последние, развиваясь и обрастая системными связями

и отношениями, могут подниматься до уровня понятийных форм. Специфика категорий как наиболее общих и емких значений заключается в системной организации их содержания, а не в формах их репрезентации (образной или знаковой). Поэтому в психологии используют термин «категориальные структуры» применительно и к сфере восприятия, и к области понятийного, вербального мышления. Так, Дж. Брунер (1977) называет перцептивными категориями целостные перцептивные гипотезы, свернутые до некоторого единичного эталона, определяющего построение и распознавание образа.

В психологической науке исследования категориальной структуры сознания реализуются главным образом в рамках так называемой экспериментальной психосемантики (Петренко, 1983; 1988; 2013 и др.), инструментальный аппарат которой был заложен работами американских психологов Ч. Осгуда (Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957) и Дж. Келли (Kelly, 1955) и получил дальнейшее развитие в отечественной психологии в работах В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелева, О. В. Митиной, А. П. Супруна и др. В рамках этого подхода операциональной моделью сознания и его картины мира выступают многомерные семантические пространства. С помощью экспериментальной психосемантики, включающей применение методов многомерной статистики (факторного, кластерного анализа, многомерного шкалирования, структурного моделирования), выделяются базисные категории индивидуального и группового сознания. При геометрическом модельном представлении они выступают координатными осями многомерного семантического пространства, а анализируемые объекты картины мира задаются в виде координатных точек внутри этого пространства. Ряд параметров семантического пространства выступает операциональными коррелятами когнитивных структур.

Так, размерность пространства (число независимых категорий-факторов) отражает когнитивную сложность, меру категориальной расчлененности сознания. Мощностные выделенных категорий-факторов (вклад фактора в общую дисперсию) отражает субъективную значимость для человека данного основания категоризации. Размещение (координаты) объектов анализа в семантическом пространстве позволяет зафиксировать представления исследуемого человека об анализируемом объекте и описать этот объект на метаязыке выделенных категорий-факторов. Анализ трансформации семантических пространств позволяет описывать динамику менталитета индивидуального и общественного сознания.

Не описывая подробно методического инструментария психосемантики (см. об этом: Петренко, Митина 1997), отметим, что используемый аппарат может оказаться полезным для формализованной репрезентации результатов исторического анализа ментальности. Вместе с тем, следует подчеркнуть ряд принципиальных проблем, затрудняющих проникновение психосемантических методов в историческую науку. Главная из них в том, что психолог обращается к сознанию его реальных носителей, персонально участвующих в психосемантическом исследовании, причем сознание респондентов задействовано в «режиме употребления», а не в акте рефлексии или самосознания.

Поясим это на примере. В лингвистике используются понятия *language competence* и *language performance* — «знание языка» и «языковые умения». Маленький ребенок может прекрасно говорить на своем родном языке (т.е. обладать *language performance*), но не осознавать правила его грамматики (*language competence*). Именно «не осознавать», потому что если ребенок порождает грамматически правильные конструкции, то,

следовательно, правилами, по которым он строит речевое высказывание, он владеет, пусть имплицитно. Аналогично, взрослый человек может не осознавать категориальный строй собственной картины мира. Как писал Л. С. Выготский (1934), являясь средством осознания, понятия (и соответственно, наиболее общие понятия — категории) могут не осознаваться субъектом как таковые. Поэтому в психосемантическом эксперименте перед испытуемым (респондентом) не ставится задача на осознание собственной категориальной сетки мировосприятия. Ему даются задачи, где система значений задействована в режиме употребления. Человек в психосемантическом эксперименте что-либо классифицирует, оценивает, выносит конкретные единичные суждения, а результаты этой деятельности накапливаются и фиксируются в матрице данных, из которой с помощью многомерного статистического анализа исследователь затем выделяет некие базисные категории. Это категории-факторы, и они задействованы в режиме «употребления» при единичных высказываниях и суждениях респондента. Таким образом, по результатам конкретной деятельности испытуемого исследователь реконструирует категориальную систему, которая может и не осознаваться самим испытуемым, но образует опорные точки его собственной «картины мира».

В исторической антропологии историк основывается на собственных представлениях о той или иной эпохе и, будучи проникнутым ее духом и мироощущением (т.е. являясь ее гражданином не по «крови, а по духу»), стремится отразить ее категориальный строй. При этом он обращается к собственному историческому сознанию, так что респондент и исследователь оказываются представленными в одном лице — своеобразном очевидце не виденных, но воссозданных в воображении событий.

Как совместить достоинства обоих подходов к исследованию менталитета? Большую формализованность и отстраненность, и отсюда, возможно, большую объективность психосемантического подхода, обращенного к сознанию массы обывателей, и историческую компетентность, и интерпретационную виртуозность историка, обращенного к собственным представлениям об изучаемой эпохе. Эта проблема, решение которой может обогатить и историческую, и психологическую науку, пока (хотелось бы верить, что только пока) далека от решения.

В качестве гипотетических наметок можно было бы отметить только то, что и психолог, анализирующий семантическое пространство респондента (описывающий его менталитет), не свободен от интерпретационных проблем. И психология, и история, исследуя человека, являются науками о понимании, т.е. герменевтическими науками (Брудный, 1998; Гадамер, 1988; Дильтей, 1996; Залевский, 2008; Знаков, 2007; 2010; Карицкий, 2010; Мартинсон, Карпова, 2008; Янчук, 2007 и др.). Однако многомерное семантическое пространство с его координатными точками восприятия множества объектов выступает ориентировочной основой для вчувствования, эмпатии исследователя в сознание респондента. Оно выступает своеобразной синхронической партитурой (картиной, картой, схемой), которую породил респондент и которую должен прочесть исследователь.

Возможно, что позиции исследователя и субъекта мировосприятия, совмещенные в одном лице, для историка могут быть разведены через создание тезаурусов исторических документов и огромного материала личных дневников, писем и литературного творчества людей изучаемой эпохи. Развитие компьютерной техники с ее огромными возможностями хранения информации может привести к созданию мощных баз дан-

ных, построенных на основе исторических документов — формализованной и упорядоченной «исторической памяти», представленной в форме семантических пространств, семантических сетей или иных форм репрезентации. В таком случае откроется перспектива исторической психосемантики — психосемантического анализа в исторической антропологии.

В отличие от истории психологии, где происходит смена школ и парадигм в ходе становления психологии как науки, историческая психология призвана реконструировать дух прошедших эпох, ментальность выдающихся исторических деятелей, а также картину мира, обыденное сознание народов, подчас уже сошедших с исторической сцены.

Действительно, чтобы функционировали политические и экономические институты, необходимы определенные типы сознания людей, реализующих экономическое и политическое поведение. Например, для того чтобы существовало феодальное общество, необходимы феодалы, имеющие свои представления об отношениях вассала и сюзерена, о долге и чести рыцаря, крестьяне, имеющие свое отношение к земле и труду, погруженные в мир представлений сельской общины и ее традиционный уклад, и, наконец, необходима некая религиозная идеология, синхронизирующая взаимодействие различных сословий.

Для того чтобы существовало социалистическое общество советского типа (эпохи развитого социализма), необходима особая форма «двоемыслия» (Дж. Оруэлл) или «кентаврического сознания» (М. К. Мамардашвили), где нормы поведения граждан определяются не декларируемыми и закрепленными в конституции правами, а некими негласными правилами, нарушение или даже попытка обсуждения которых каралась инквизицией двадцатого века — спецслужбами НКВД, КГБ. Специфика сложной семио-

тической игры декларируемого и реально действующего породила специфический тип еретика-правозащитника, ориентированного в своей правозащитной деятельности именно на соблюдение конституционных прав граждан.

Помимо социальных представлений (в терминах С. Московичи (1998)), в механизм социального взаимодействия входят и эмоциональные состояния. Например, чувство религиозного воодушевления во времена крестовых походов, эсхатологические ожидания близкого конца Света в Византии накануне первого тысячелетия или доминирующее чувство страха во времена разгула инквизиции в Средневековье или в современном тоталитарном обществе.

Современная Западная Европа и Северная Америка, коммунистический Китай и Черная Африка, Арабский Восток и Индия отличаются не только и не столько промышленными технологиями и обликами городов, которые в условиях глобализации имеют тенденцию к стандартизации, сколько системой ценностей и картиной мира людей, их населяющих. Новейшая история демонстрирует, что в дискуссии Ф. Фукуямы (2003), предрекавшего конец истории как снятию противоречий при всемирном движении к либеральному обществу, и С. Хантингтона (2003), полагавшего в ближайшем будущем противостояние нескольких крупных цивилизаций, объединенных религиозно-идеологическим единством, прав, скорее, Хантингтон, и антагонизм разных «правд» сохранится. Только, вероятно, в эпоху Интернета противостояние и конкуренция различных ценностей и стилей жизни необязательно должна реализовываться в привычных рамках государственных образований, а они возможны и между виртуальными сообществами людей, объединенными сходством менталитета.

Понимание предмета исторической психологии как истории и эволюции

ментальности заложено, на мой взгляд, трудами О. Шпенглера, исторической школой Анналов (Л. Февр, М. Блок), работами отечественного историка А. Я. Гуревича (1984; 1990), психологов А. П. Назаретяна (2001) и В. А. Шкуратова (1994). Наряду с реконструкцией исторической ментальности предметом рассмотрения исторической психологии могут быть и потенциально возможные траектории исторического бытия, и картины мира, где ставшее и актуально существующее бытие есть только одна из воплотившихся реализаций потенциально возможного, только одно из возможных состояний, к которому могла бы прийти эволюционирующая система. Применительно к истории возможность сослагательного наклонения — «что было бы, если бы реализовалась альтернативная версия значимого исторического события», как в этом случае развивались бы обстоятельства и формировался общественный менталитет и культура, использовал Дж. Тойнби (1996). Примером его анализа были гипотетические зарисовки такого типа: каким мог бы быть архитектурный образ европейских городов, если бы в битве с арабами при Пуатье победило не объединенное рыцарство христианского мира, а мавры. Применительно к нашей новейшей истории это могли быть такие построения: куда пошло бы развитие СССР и России, если бы в августе 1991 года победили лидеры ГКЧП, или, более узко и конкретно, куда могла бы привести цепочка этих событий, если бы в начале путча первый президент Российской Федерации Б. Ельцин был бы арестован.

В более узком плане и в применении к России историческая психология направлена на реконструкцию духа отечественной истории, на анализ стилей жизни, системы ценностей, нравов, жизненных сценариев и идеалов различных социальных слоев в ее различные исторические периоды. Так, например, карти-

на мира и система ценностей наших соотечественников двадцатых-тридцатых годов прошлого века, в силу понятных причин, связанных с тоталитарным прошлым, выдававших желаемое за действительное и искоренявших субъективизм в исторической науке, изучены, наверное, в меньшей степени, чем менталитет эпохи Пушкина и декабристов.

Последующие зигзаги нашей политической истории и связанное с этим переосмысление прошедшего породили шутовское изречение: «Россия — страна с непредсказуемым прошлым». В общем-то, эта шутка представляет собой парафразу положения немецких романтиков Ф. Шлегеля и Новалиса: «Историк — это пророк, предсказывающий прошлое». Поскольку достаточно общепринятым стало положение о том, что позиция исследователя, его язык описания, его культурные установки и система ценностей имплицитно присутствуют в категоризации, описании объекта или события (в нашем случае исторического), то следствием этого положения становится идея плюрализма, множественности различных исторических моделей описания прошлого. Так возможно ли объективное изучение прошлого, и существует ли исторический факт, как непреложная данность?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, рассмотрим представления так называемой «ленинской теории отражения», на которой было воспитано старшее поколение российских (советских) психологов, а также конструктивистского и интуитивистского подходов в гуманитарных науках и психологии. Многие психологи могут мне возразить, что они давно отошли от метафоры отражения, и это пройденный этап в методологии психологии. Но найдутся и явные сторонники. И тем, и другим я могу продемонстрировать множество психологических текстов, где пишется о соответствии их теорети-

ческих построений некоей «объективной действительности», «психологической реальности», «социальной действительности». При этом сама эта действительность подразумевается, как некая онтологическая данность, существующая сама по себе безотносительно к позиции исследователя, и ставится вопрос, насколько тот или иной образ, та или иная характеристика или оценка соответствует действительности. Один из наиболее ярких отечественных методологов естественно-научной парадигмы В. М. Аллаhverдов выразил подобную позицию следующим образом: «ученый стремится узнать то, что есть на самом деле, но всегда вносит в это знание нечто такое, чего на самом деле нет. Ученый является лишь искателем истины, а не ее носителем» (Аллаhverдов, 2005; см. также: Аллаhverдов, 2009; Аллаhverдов, Кармин, Шилков, 2008). Эти представления характеризуют позицию многих не только отечественных, но и зарубежных ученых. Как отмечает Х. Патнем, «сегодня многие философы, а возможно, большинство, придерживаются некоторую версию “копирующей” теории истины — т.е. концепцию, согласно которой утверждение является истинным в том случае, если оно соответствует (независимым от сознания) фактам» (Патнем, 2002, с. 9). Теория отражения (или ее версия «теория копирующей истины») имплицитно содержится в мировосприятии большинства психологов и философов. Особенно это парадоксально звучит в тематике общения, межличностного восприятия, сознания и самосознания, где, казалось бы, уже сама проблематика подразумевает пристрастного наблюдателя, включенного в изучаемый процесс.

Интересно, что ортодоксальные марксисты не замечали противоречия между положением о возможности бесконечного приближения к истине в познании «объективной реальности» и ут-

верждаемого ими же положения о классовой природе познания. При этом последнее положение, по сути, ближе культурологическому релятивизму О. Шпенглера (1998), рассуждавшего о специфике греческого, арабского или новоевропейского (фаустовского) мироощущения и возможности в рамках этих разных картин мира различных форм логики и математики.

В истории советской гуманитарной науки наиболее глубокие отечественные философы и психологи (под мощным давлением тоталитарной идеологии вынужденные прикрываться идеологическими клише типа «диалектического материализма») выходили за жесткие рамки «теории отражения» или ее психологической производной — «теории уподобления», фиксируя включенность позиции субъекта как в его картину мира (А. Н. Леонтьев), так и в его бытие (С. Л. Рубинштейн).

Взамен бессубъектного понятия «действительность», под влиянием, как полагаю, М. Хайдеггера (об этом свидетельствует, в частности, использование хайдеггеровского понятия онтического) С. Л. Рубинштейн в своем труде «Бытие и сознание», и особенно в книге «Человек и мир», вводит в психологическую теорию понятие «бытие». «Бытие как таковое, — пишет он, — как сущее — это исходное, первично данное, необходимо предполагает мое познание, т.е. человека, существование сущего и познаваемого» (Рубинштейн, 1997, с. 9). Наука о бытии невозможна без человека. Специфическим способом существования человека, по Рубинштейну, является наличие у него сознания и действия. Мир, по Рубинштейну, есть «организованная иерархия различных способов существования, точнее — сущих с различным способом существования» (там же, с. 10). Вместо бессубъектной «объективной действительности» объектом психологического рассмотрения и осознания

у Рубинштейна оказывается «Мир существования как мир человеческого страдания...» (там же, с. 19). Таким образом, уже отечественная психология в лице ее наиболее глубоких мыслителей стремилась выйти за рамки натуралистически-материалистической парадигмы теории познания, уже преодоленной в таких областях науки, как релятивистская и квантовая физика, отчасти семиотика и структурная лингвистика.

Наиболее радикально порывает с традицией онтологизации познавательных моделей конструктивистский подход или конструктивистская парадигма в теории познания. «Конструктивность — полагает И. Т. Касавин — едва ли не главное отличие человеческого познания... Знаково-символические системы, стихийно возникая как эпифеномен деятельности и общения, приобретают затем относительную самостоятельность, и мыслительная работа с ними не только сопровождает все проявления человеческой активности, но является условием ее возможности. Познание не есть копирование некоторой внешней познаваемой реальности, но внесение смысла в реальность, создание идеальных моделей, позволяющих направлять деятельность и общение и приводить в систему состояния сознания» (Касавин, 2000, с. 21).

Жесткий конструктивизм выражает немецкий философ П. Элен, говоря о том, что «лежит ли в основе познания какая-либо <действительность>, мы не можем знать; высказывания на эту тему, и в первую очередь все метафизические понятия — субстанция, бытие, сущность, суть наши конструкции и лишены какого-либо реального основания» (Элен, 1999, с. 84). Как лапидарно утверждает американский философ Р. Роти, «понятия, в которых сформулированы традиционные вопросы западной философии, были полезны прежде, но сегодня они бесполезны» (цит. по Элен, 1999, с. 84).

Истоки конструктивистских идей можно найти у В. Гумбольдта (1984, с. 9): «Различные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его». Эта мысль продолжена авторами гипотезы лингвистической относительности Сэпира-Уорфа: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим языком, мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит — в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании... Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» (Уорф, 1960, с. 174).

Конструктивизм уже завоевал доминирующую позицию в социологии (П. Бергер, Т. Лукман), в этнологии и антропологии (Ф. Барт, Э. Галлер, Э. Хобсбаум, В. Тишков). Предшественниками конструктивизма в социологии можно считать основоположника феноменологической социологии А. Шюца. «Даже в повседневной жизни — полагает он — восприятие предмета представляет собой нечто большее, чем просто чувственную презентацию. Это объект мышления, конструкт высоко сложной природы, включающий в себя не только определенные формы последовательности его конструирования во времени как объекта отдельного чувственного восприятия, скажем, зрения, но и пространственных отношений, чтобы конституировать его как чувственный объект нескольких чувств, скажем, зрения и осязания, но также и вклад воображения,

завершаемый гипотетическим чувственным представлением... Иными словами, так называемые конкретные факты быденного восприятия не столь конкретны, как кажутся. Они уже включают в себя абстракции высокосложной природы, и мы должны принять их во внимание во избежание неуместной здесь иллюзии конкретности» (Шюц, 2004, с.7).

Яркий пример конструкционизма в социологии являет концепция «общества, основанного на знаниях», Н. Стера (Stehr, 1994), в которой представлены проблемы глобализации современного мира. Обсуждая эту теорию, отечественный социолог Н. Е. Покровский отмечает, что «теория Стера имеет немалую историю, связанную с именами Р. Лейна, П. Дракера, Д. Белла, Р. Аарона. Действительно, в современных обществах научное знание представляет собой не только способ мысленного освоения социальной реальности, но и средство ее практического творения. В этой связи сообщества ученых исполняют не только функцию экспертов, но и «драматургов» самого действия (на что, как правило, претендуют лишь политики и предприниматели)» (Покровский, 2004, с. 23). Особую роль психологии как инструмента конструирования социальной реальности через трансформацию и развитие образования постоянно подчеркивает А. Г. Асмолов (Асмолов, 2016; Асмолов, Гусельцева, 2016).

В психологии родоначальником конструктивизма можно считать Л. С. Выготского, заложившего основы культурно-исторической теории. Идея формирования «нового человека», которую разделял Выготский в аспекте построения реальности под некий идеал, по сути конструктивистская (утопизм тоже форма конструктивизма). В бурном революционном начале 20-го века идеи конструктивизма были широко распространены в архитектуре (Г. Земпер, Ле Корбюзье, В. Е. Татлин, И. И. Леонидов), живописи,

поэзии (К. Л. Зелинский, И. Л. Сальников, А. Н. Чечерин, В. Имбер, отчасти Э. Багрицкий).

Идея «мы старый мир разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...» — звучала рефреном в мировоззрении не только леворадикальных политиков (не говоря уже о жаждущих перемен широких массах), но была лейтмотивом творчества значительной части гуманитариев, для которых отказ от ветхозаветной модели неизменно во времени человека означал возможность творческой эволюции человечества в движении к справедливому обществу. Последовавший затем переход в идеологии от революционного романтизма и футуризма (которые можно условно назвать леворадикальным «конструктивизмом») к теории отражения и «социалистическому реализму» является косвенным свидетельством отклонения маятника идеологии от революционных к предельно консервативным формам мировоззрения, фиксирующим «единственно правильную точку зрения». Проявлением этого консерватизма в политике стал переход к однопартийной системе, в экономике — практически возврат к крепостному праву в деревне и рабский, принудительный труд в Гулагах, в науке же вылился в требование единомыслия.

Психологи Ф.И. Барский и А.М. Улановский в частной беседе обратили мое внимание на то, что и представители школы Выготского—Лурии—Леонтьева, декларируя приверженность ленинской теории отражения, стояли на позициях конструктивизма. С этим можно согласиться только отчасти. В условиях жесткого идеологического давления тоталитарного общества даже само методологическое обсуждение неких иных принципов, кроме официально декларируемых, было просто немислимым, и гипотетический методологический спор быстро перешел бы (история отечественной науки

знает множество тому трагических примеров) в плоскость «быть или не быть» в чисто физическом плане. И наши учителя вынуждены были часто прибегать к охранительной терминологии, дающей индульгенцию на идеологическую чистоту. Тем не менее действительно, этнопсихологические исследования А. Р. Лурии (1974) культурно-исторической специфики познавательных процессов, идея функционального органа (А. А. Ухтомский, А. Р. Лурия), не имеющего морфофизиологической привязки и возникающего под решение конкретной задачи, на мой взгляд, в методологическом плане резонансны идее «множественности возможных миров» (Хинтикка, 1980) или моделей «потребного будущего» (в терминах Бернштейна (1966)). Близок к конструктивизму и В. В. Давыдов (1972), рассматривающий теоретическое мышление как оперирование идеальными моделями, фиксирующими наиболее существенные свойства, не сводимые к эмпирическому опыту, а раскрывающиеся (конструируемые) только в системных связях и отношениях с такими же абстрактными теоретическими моделями.

На мой взгляд, конструктивизм в психологической науке содержит несколько базисных составляющих, таких как: идея познания как построения («познавать значит динамически воспроизводить объект, но для того чтобы воспроизводить, нужно уметь производить...» (Пиаже, 1960)); идея модальности в познании как понимание того, что наличные теории не копируют, а моделируют реальность («карта — это не есть территория» (Гриндер, Бэндлер, 1994); идея плюрализма истинности как понимание правомочности множества конкурирующих моделей, адекватность которых может определяться не наличным, а еще «не ставшим», находящимся в развитии бытием; и, собственно, идея конструктивизма, заключающаяся в том, что познание

не только описывает, но и творит реальность, и теоретические модели по принципу кольцевой причинности участвуют в созидании мира (познание как конструирование, внесение в мир нового (Петренко, 2002)).

Ну и наконец, наиболее последовательную конструктивистскую позицию занимает создатель теории личностных конструктов Дж. Келли (1955; 2000). Его известное положение о том, что «психические процессы канализируются по руслам тех конструктов, в рамках которых антиципируются события», является по духу конструктивистским, так как выводит активность действующего и строящего мир субъекта, исходя из вариантов его картины мира. Забегая вперед, отмечу, что дальнейшее развитие идей Келли в рамках отечественной психосемантики (Петренко, 1983; 1997; 2013; Петренко, Митина, 1997; Петренко, Супрун, 2017; Шмелев, 1983; 2002) неизбежно интегрирует идеи конструктивизма и интуитивизма, ибо построение многомерных семантических пространств как операциональных моделей сознания и фиксации коннотативных значений (смыслов субъекта по поводу анализируемых объектов) дают своеобразную ориентировочную основу для эмпатии, встраивания в сознание картины мира другого. Само же эмпатийное сопереживание имеет не рационалистически конструктивистскую, а интуитивистскую природу.

Вообще-то стихийный конструктивизм имманентно присущ психотерапии как системе психологических технологий, призванных перестроить «психический мир» пациента, той рациональной психотерапии, адептом которой являлся Дж. Келли, и особенно нарративной психотерапии (М. Мэхони, Н. Мейер (Соколова, 2002)), где рассказ пациента о прошлом и перекомпозиция этого рассказа с иными акцентами на произошедшие события и переживания ведут

к перестройке автобиографической памяти (Нуркова, 2002) и, как следствие, изменению личности.

Методическими средствами изучения исторической психологии в рамках конструктивизма могли бы быть построения семантических пространств на основе тезаурусов исторических текстов. Такого рода исследования вполне реализуемы, хотя и требуют компьютерной обработки огромных массивов исторических материалов. Трактовка же построенных исторических семантических пространств как ментальных карт прошедших эпох неизбежно содержит интерпретационный плюрализм и различные герменевтические версии.

Если для эпистемологической парадигмы «теории отражения» когерентной является общественно-формационная модель истории с «объективными законами развития» и включающая идею «эквивализма» самого исторического процесса, то конструктивистская модель подразумевает как вариативность возможных сценариев будущего, так и плюрализм истинности в версиях прошлого. Обе вышеупомянутые парадигмы включают некую методологию и систему научных методов опосредованного изучения исторического процесса и менталитета людей, его реализующих. Для формационной модели он прямо детерминирован социальной принадлежностью индивида.

Психосемантический подход к исследованию сознания и личности в психологической науке традиционно относят к когнитивистской парадигме. Так, в четырех из пяти изданных на русском языке американских учебниках по психологии личности теория личностных конструктов отнесена к когнитивистскому подходу, для которого свойственны операционализация теоретических понятий и широкое употребление математического аппарата и формализаций в построении ментальных карт. Такая классификация

справедлива лишь отчасти. Действительно, психосемантика использует аппарат многомерной статистики (факторный, кластерный, детерминационный анализ, многомерное шкалирование и структурное моделирование) для построения семантических пространств, выступающих операциональной моделью индивидуального и общественного сознания. И отдельные параметры этих семантических пространств отражают когнитивную организацию сознания индивида (Петренко, 1983; 1987; 1997).

Так, размерность семантического пространства (число независимых факторов) отражает когнитивную сложность личности в данной содержательной области. Семантические склейки дескрипторов языка описания выделяют личностные конструкты как индивидуальные эталоны категоризации, присущие субъекту. Мощностные выделенных факторов (перцептуальная сила признака), выраженная во вкладе фактора в общую дисперсию, отражает субъективную значимость для индивида данного основания категоризации. И, наконец, координаты коннотативных значений в семантическом пространстве (как проекции образов анализируемых объектов на координатные оси семантического пространства) выступают коррелятами личностного смысла субъекта (термин А. Н. Леонтьева) относительного анализируемого объекта. Казалось бы, семантический аппарат дает достаточно формализованную модель содержания сознания субъекта и отнесение психосемантики к когнитивистской парадигме вполне правомочно. Но в отличие от объектного описания, присущего естественно-научной парадигме в психологии, субъективные семантические пространства выступают для интерпретатора не как некий идеальный модельный объект, изоморфный объекту исследования. Если, как подчеркивает герменевтика, естественные науки — это науки о познании,

то гуманитарные — о понимании. Применительно к построению субъективных семантических пространств Ч. Осгуд, один из основателей психосемантического подхода (и автор метода семантического дифференциала), рассматривал семантическое шкалирование как «поддержанную интроспекцию».

С нашей точки зрения, система личностных смыслов, представленных в семантическом пространстве облаком координат коннотативных значений, выступает как ориентировочная основа процесса эмпатии, встраивания сознания исследователя в мироощущение другого (или в свое собственное при исследовании самосознания). То есть интерпретация построенных семантических пространств как необходимое и важнейшее звено психосемантического анализа необходимо включает эмпатийно-интроспективную составляющую. Интроспекция как непосредственное (прямое знание) собственной психической жизни, многократно и справедливо раскритикованная многочисленными психологическими школами (начиная с бихевиоризма и психоанализа и заканчивая теорией деятельности и когнитивистикой психологией) остается тем не менее ведущим источником информации о психической жизни субъекта (см. также: Карицкий, 2005; Мазилев, 2007). Ведь подчас «забывается», что тексты испытуемого — основной источник информации для психолога-исследователя и практика — порождаются на основе интроспекции (самоотчета) испытуемого. И здесь, в наших теоретических построениях и рассуждениях, мы перекидываем мостик между конструктивизмом и интуитивизмом как взаимосвязанными и необходимыми процессами построения идеальных моделей в познании (отметим, что в математике эта связь вырисовывается с очевидностью (Непейвода, 2001)).

Идею прямого, непосредственного знания дает подход, который можно ус-

ловно назвать интуитивистским и который наиболее последовательно представлен в философии Анри Бергсона (1998). В интуитивистской парадигме (в исторической психологии, скорее, потенциально возможной, чем реально существующей и связанной, более вероятно, с религией и теософией, чем с позитивной наукой) предполагается возможным непосредственное восприятие исторической ментальности и в пределе исторического факта как непосредственно наблюдаемого события.

В новаторской для своего (1907 г.) да и нашего времени работе А. Бергсон пишет о принципиальной невозможности научными методами, годными только для фиксации синхронических (фотографических, в терминах Бергсона) срезов, описать живое движение, динамику эволюционирующего (в нашем случае — исторического) процесса. Применительно к биологической эволюции Бергсон вводит понятие интуиции, интуитивного вчувствования одного живого существа в психику другого как механизм прямого знания. Так, рассуждает Бергсон, оса безошибочно наносит жалящий укол в нервные ганглии гусеницы (чтобы в дальнейшем использовать ее как пищу для собственной личинки) не путем научения (через систему проб и ошибок, объяснили бы бихевиористы), а непосредственно чувствуя, ощущая в себе самой эти ганглии и их местоположение (т.е. моделируя средствами своей психики самоощущение другого существа). Аналогичный пример приводит П. Бреннер, когда он попробовал лечить с помощью акупунктуры жеребца, который покрывал кобылу и при этом повредил себе спину: «Прикинув, в каком бы месте у меня бы начала стрелять спина при активных занятиях любовью, я быстро воткнул двухдюймовую иглу в спину лошади с апломбом китайского мастера-мудреца, который вылечил тысячи больных жеребцов»

(Бреннер, 2003, с. 38). Попытка увенчалась успехом, и жеребец выздоровел.

Возможность интуитивной эмпатии Анри Бергсон объясняет наличием общих эволюционных корней у живых существ. Это чувство единства всего живого, генетического родства с миром животных и даже растений может непосредственно переживаться тонкими поэтическими натурами. «Со всей этой летающей, плавающей, бегающей тварью я чувствую родственную связь, и для каждой в душе есть образ-памятка, всплывающий в моей крови через миллионы лет: все это было во мне, гляди только и узнавай...». «Мы потеряли способность плавать, как рыбы, и качаться на черенке, прикрепленном к могучему стволу дерева, и носиться из края в край семенными летучками, и все это нам нравится, потому что это все наше, только было очень, очень, очень давно» (Пришвин, 1926).

В рамках трансперсональной психологии С. Гроф (1994) полагает возможность в измененных состояниях сознания проникать в опыт предыдущих реинкарнаций (воплощений) человека. Глубина этой памяти, возможно, опускается вниз по эволюционному генетическому древу, и в глубинах человеческого бессознательного содержится информация о наших далеких животных предках. По крайней мере, это справедливо относительно морфологических трансформаций в ходе эмбриогенеза (от «рыбки» к человеческому существу). Можно высказать гипотезу и об эмбриогенезе психики, ведь доказано, что и в утробе матери развивается психика ребенка и он чувствует состояния матери, слышит музыку и т.д. Но ведь эти способности с чего-то начинались? Поэтому представляется разумным предположение о наличии и хранении в подкорке человека некоего надындивидуального опыта предков. Ключом, способным открыть это хранилище, может выступать гипноз. «Знакомая из биологии формула “онто-

генез повторяет филогенез” справедлива не только по отношению к закономерностям физического развития человека, но и применительно к становлению его психических функций» (Гримак, 2004, с. 10).

Предлагаемое ниже описание, взятое из психотерапевтической практики моего друга и сотрудника, гипнолога В. В. Кучеренко, может иметь множество различных интерпретаций. Одна из интерпретационных версий может работать на гипотезу даже не родовой, а «типовой» (тип позвоночных) памяти. Пациентка наряду с психосоматическими расстройствами страдала булимией (обжорством без насыщения). В юности она училась в балетной школе и вынуждена была ограничивать себя в еде. Иногда она срывалась и в тайне от окружающих поедала пирожные, испытывая потом сильнейшее чувство вины. Оставаясь стройной и миниатюрной, она воспринимала себя толстой и непомерно развешшейся. Во время гипнотического сеанса ею был воспроизведен опыт переживания той далекой молодости, даже детства, когда ее балетный партнер, застав ее за пожиранием пирожка, отвесил ей оплеуху и назвал короной (ведь ему требовалось поднимать ее при исполнении па-де-де). Ненасытное чувство голода преследовало ее и во взрослом состоянии. В состоянии гипнотического сеанса психотерапевт отправлял пациентку в иллюзорную реальность «греческого пира», в обильное застолье усадьбы русского барина и даже в оргию первобытного племени, празднующего добычу мамонта. Но нигде воображаемая ситуация не позволяла ей наестся и насытиться. Так, например, в последней ситуации аппетитный поджаренный на костре кусок мамонтины у нее грубо отнял здоровенный амбал в звериной шкуре, и ей осталось только обиженно скулить о незаслуженной обиде. Блаженство насыщения она смогла пережить только в гипнотическом сеансе в образе птеродактиля,

когда социальные запреты оказались сняты, и в теле доисторического животного она смогла реализовать свои нереализованные желания. Барражируя на своих перепончатых крыльях и испытывая, как она сама потом выразилась, «чувство территориального хищника» («моя территория, моя добыча»), и затем спикировав на воображаемое земноводное (крупное и вкусное типа эволюционного предка жабы), она с неизъяснимым удовольствием сожрала его. С тех пор нормальное чувство сытости стало регулярно возникать у нее в реальной жизни.

Возможность интуитивной эмпатии русский философ «серебряного века» Н. О. Лосский (1992) объясняет координацией «субстанциональных субъектов» — своего рода резонансом душ живых существ. Применительно к общению людей эмпатическим камертоном взаимопонимания выступает эмоциональная близость. Так, например, опираясь на этнографические зарисовки южноафриканского писателя Лоуренса Грина, психолог А. Г. Сулейманян (2003) обсуждает возможность телепатической связи между членами первобытного племени. По мнению Л. Грина, «язык дымов» африканских бушменов и австралийских аборигенов, с помощью которого передаются довольно детальные сообщения, не является языком в собственном смысле слова, так как скорость передачи сообщений слишком велика для примитивной сигнальной системы. Костры только стимулируют, призывающий туземцев настроиться на прием сообщения. «Я развожу костер для того, чтобы другие знали, что я уже начал думать — объяснял один австралийский абориген писателю. — И они тоже начинают думать, пока наши мысли не совпадают» (Грин, 1966, с. 43). Анализируя текст книги Грина, Сулейманян приводит ряд психологической литературы по телепатии и связывает возможность телепатии со способностью туземцев к край-

нему сосредоточению внимания (присущему и животным), а также очень тесным и близким отношениям между собой членов племени. Сходные телепатические феномены, по мнению Сулейманяна, могут наблюдаться и у «цивилизованных людей» в экстраординарных обстоятельствах. Например, есть множество свидетельств того, что матери испытывают, казалось бы, беспричинную тревогу по поводу детей, находящихся за многие сотни километров от матери, действительно попавших в это время в беду. Утрату этих телепатических способностей у современного человека Сулейманян видит в духовной нищете и утрате любви к ближним, ссылаясь на свидетельство Матери Терезы: «Вечером я ходила по вашим городам. Входила в ваши дома, и обнаружила в них еще более глубокую нищету, чем у нас в Индии: нищету душ, лишенных любви». Не в этом ли лежит ключ к разгадке тайны?» (Сулейманян, 2003).

Возможно, дорогу к состоянию единения душ дает гуманистическая психология, а конкретнее, групповая психотерапия в духе К. Роджерса. Трудно описать тому, у кого нет опыта прохождения Т-групп, эти состояния измененного сознания, некоторого нервного возбуждения, в определенный момент охватывающего одновременно всех участников группы и ощущаемого как единое напряженное поле. Это чувство единства группы, включающей всех участников группового процесса, как приятных, так и неприятных тебе людей. Каждая группа уникальна, и рассказ о происходящем в группе даже близкому тебе человеку ощущается как некоторое предательство группы, потому что происходящее надо непосредственно пережить во всех нюансах, а рассказ вне контекста — всегда огрубление, граничащее с опошлением; и, наоборот, уход, выпадение из группы даже неприятного тебе человека воспринимается болезненно, как будто в едином поле

образовалась дыра, и группа лишилась одного полноценного, имеющего свою правду жизни, голоса.

К. Роджерс приводит самоотчет одного из участников психотерапевтической группы: «Это было глубокое духовное переживание. Я чувствовал единство духа нашей группы. Мы дышали вместе, чувствовали вместе, даже говорили друг за друга. Я чувствовал мощь “жизненной силы” (чем бы она ни была, наполнявшей каждого из нас. Я ощущал ее присутствие без привычного деления на “я” и “ты” — это было похоже на медитативное ощущение, когда я чувствовал себя центром сознания. И вместе с этим экстраординарным ощущением единства никогда еще так ясно не сохранялась настоящая отдельность каждого человека» (Роджерс, 2001).

В отличие от акцентуации ценности и неповторимости бытия отдельной личности в философии экзистенциализма и гуманистической психологии в восточной буддистской традиции культивируется идея ухода от «индивидуальной биографии», от уникальности личности, при близости к идее интеграции и соборности, свойственной христианской традиции. В дзен-буддизме возможность актуализации в сознании человека предыдущего исторического опыта связана с идеей иллюзорности бытия отдельной личности (принцип анатта) и идеей общности всего живого как форм воплощения единого духа. Дзен-буддизму вторит сикхизм: «Как множество искр возникает из одного огня, и в конце концов, гаснет и поглощается опять этим огнем, так и бесчисленные волны рождаются из одного океана и, несмотря на это, поднимаются как одна и та же вода, так и мириады форм Творения, все проявления одного Единого Бесформенного. Все люди происходят из человеческого рода и должны пониматься едино» (Гуру Гобинд Сингх, Десятый Гуру сингхов, цит. по: Баба Вирса Сингх, 2004, с. 30).

Противопоставление тварного мира как пространственно-временного, в котором только и возможна история, сверхпространственному и сверхвременному «Я» — «субстанциональному деятелю» (в терминах Лосского (1992)) при-суще и русской религиозной и около религиозной философии бытия. «Так как субъект есть существо сверхвременное и сверхпространственное, — пишет Н. О. Лосский, исходя из представления о бессмертии души, — то и координация его с объектами не есть пространственная близость и не есть сосуществование во времени; это связь субъекта с миром, стоящая выше всякой пространственной и временной раздробленности. Поэтому возможно знание о предметах далеких от моей теперешней жизни во времени. На этом основании может быть выработана интуитивистская теория памяти, согласно которой воспоминание есть интенциональный акт, направленный субъектом через пропасть времени прямо на событие, пережитое или воспринятое вчера, или даже 20–30 лет тому назад; при этом акт воспоминания есть теперешнее событие, а вспоминаемое есть само прошлое в подлиннике, опять наличествующее в сознании» (Лосский, 1992, с. 151).

В любом случае безотносительно к возможным интерпретациям идея исторической памяти на все события и все деяния человечества и отдельных «человеков» заслуживает внимания (по крайней мере, в психотерапевтическом плане, обеспечивающая если и не личное бессмертие, так хотя бы всеобъемную и бесконечную память о всем нашем бытии). Аргументами в пользу этой идеи могли бы быть следующие соображения. Индивидуальная человеческая память содержит, по мнению А. Р. Лурии, практически все события, происшедшие с человеком в ходе его жизни. Эксперименты Х. Дельгадо по электростимуляции мозга позволили ему утверждать, «что нейроны сохраняют

полную запись прошлых событий, включая всю сенсорную информацию (зрительную, слуховую, проприоцептивную и т.д.), а также эмоциональное звучание событий» (Дельгадо, 1971, с. 154). Созвучны этому утверждению и результаты экспериментов Б. М. Величковского по определению объема долговременной памяти визуального материала, и гипнотические опыты В. В. Кучеренко по извлечению из пассивной памяти свидетеля событий прошлого.

Память Бога, интегрального сознания или эволюционирующей Вселенной, насчитывающей миллиарды лет существования, вполне могла бы содержать механизмы, обеспечивающие фиксацию и хранение всей информации обо всем произошедшем и пережитом. Вспомним по сути религиозное пророчество «рукописи не горят» М. Булгакова. Конечно, подобное допущение в науке, согласно принципу Оккама «не умножать сущности без нужды», должно бы быть элиминировано. Но не укладывающиеся в естественно-научную парадигму линейного времени «вещие сны», предчувствия и пророчества, ощущение присутствия в себе других личностей («вселение бесов»), парадоксальное ощущение чувств не высказавших свои переживания, страдания других людей. Примером тому переживания никогда не сидевшего А. Галича, но остро чувствовавшего и описавшего мироощущение зеков, населявших ГУЛАГ, никогда не воевавшего В. Высоцкого, через военные песни которого возопили души погибших солдат, или автора исторического романа «Петр Первый» А. Толстого, вообще жившего в другую эпоху, но предельно четко и детально описавшего менталитет и прошедшей эпохи Петра Великого, да и нас самих, способных удивиться тонкости их исторического чутья, а следовательно, соотносящих их творчество с ощущаемой нами самими исторической достоверностью.

Какими средствами творческой эмпатии осуществляется подключение к этим историческим ментальным эгрегорам таких писателей, как Александр Пушкин, Томас Манн, Леон Фейхтвангер или Алексей Толстой, мы еще не знаем. Перефразируя слова Гиля Уленшпигеля в романе Ш. де Костера — пепел прошлого (погасших звезд) стучит в нашем сердце — можем вспомнить, что наша плоть, наше тело включает, например, металлы, которые образуются при вспышках сверхновых звезд (т.е. звезд, частично выгоревших и под действием гравитации коллапсирующих и сжимающихся в сверхмалые (по галактическим масштабам) объемы, где в силу гигантского давления и сверхвысокой температуры образуются те самые элементы, которые через миллионы лет эволюции вошли в нашу плоть). Мы (по крайней мере, то вещество, из которого мы состоим) столь древние, что мы не можем однозначно отрицать возможные адаптационные механизмы хранения информации самой этой материей, возникшие за миллиарды лет космической эволюции, или не допустить иных гипотетических механизмов памяти и самосознания Вселенной. Можно полагать, что не только (экспериментально не доказанные, но широко используемые в теоретических построениях) коллективные юнговские архетипы присутствуют в нашем подсознании, но и другие формы эволюционной памяти и исторического опыта. Ключ, открывающий доступ к наследственной, «генетической» памяти человечества, могут дать формы измененных состояний сознания (Минделл, 2004; Тарт, 2003; Хант, 2004; Кучеренко, Петренко, Россохин, 1998; Майков, Козлов, 2004; Козлов, 2010) и, в частности, медитация (Конзе, 1993; Andresen, 2000). И, обратив медитативный взгляд внутрь себя, реализовав призыв древних мыслителей «познай себя» и осуществив своеобразную «ментальную археологию», мы обречем еще один ключ к познанию истории.

Литература

- Аллахвердов В. М.* (2005). Блеск и нищета эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. № 1. С. 44–65.
- Аллахвердов В. М.* (2009). Сознание — кажущееся и реальное // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 137–150.
- Аллахвердов В. М., Кармин А. С., Шилков Ю. М.* (2008). Почти постмодернистский гипертекст о методологии науки // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 5–8.
- Асмолов А. Г.* (2016). Конструирование образов образования в науке и культуре // Образовательная политика. № 1. С. 86–88.
- Асмолов А. Г., Гусельцева М. С.* (2016). Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе // Мир психологии. № 4. С. 14–28.
- Баба Вирса Сингх* (2004). Объяснение в любви (избранное). М.: без изд-ва.
- Бергсон А.* (1998). Творческая эволюция. М.: Кучково поле; Канон-пресс.
- Бернштейн Н. А.* (1966). Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина.
- Бреннер П.* (2003). Будда в приемной. Киев: София.
- Брудный А. А.* (1998). Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт.
- Брунер Дж.* (1977). Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс.
- Выготский Л. С.* (1934). Мышление и речь. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство.
- Выготский Л. С., Лурия А. Р.* (1930). Этюды по истории поведения. М.; Л.: Гос. изд-во.
- Гадамер Х.-Г.* (1988). Истина и метод. М.: Прогресс.
- Грипак Л. П.* (2004). Тайны гипноза: современный взгляд. СПб.: Питер.
- Грин Л.* (1966). Последние тайны старой Африки. М.: Мысль.
- Гридер Д., Бэндлер Р.* (1994). Формирование трансa. М.: Каас.
- Гроф С.* (1994). Области человеческого бессознательного. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та.
- Гумбольдт В.* (1984). Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс.
- Гуревич А. Я.* (1984). Категории средневековой культуры. М.: Искусство.
- Гуревич А. Я.* (1990). Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство.
- Давыдов В. В.* (1972). Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения предметов). М.: Педагогика.
- Дельгадо Х.* (1971). Мозг и сознание. М.: Мир.
- Дильтей В.* (1996). Описательная психология. СПб.: Алетейя.
- Залевский Г. В.* (2008). Объяснение и понимание против «циклопной психологии» // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 41–46.
- Знаков В. В.* (2007). Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 65–74.
- Знаков В. В.* (2010). Тезаурусное и нарративное понимание событий как проблема психологии человеческого бытия // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 105–119.
- Карицкий И. Н.* (2005). Специфический и всеобщий метод психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии. / под ред. В. В. Новикова и др. Ярославль: МАПН. С. 111–135.
- Карицкий И. Н.* (2010). Понятие субъекта и объекта в философии и психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 69–101.
- Касавин И. Т.* (2000). Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии. СПб.: РХГИ.
- Келли Дж.* (2000). Психология личности. Теория личных конструктов. СПб.: Речь.
- Козлов В. В.* (2010). Трансперсональная психология: измененные состояния сознания, околосмертные переживания, интуиция, психология духовности. М.: Эксмо.
- Конзе Э.* (1993). Буддийская медитация. М.: Изд-во МГУ.
- Кучеренко В. В., Петренко В. Ф., Россохин А. В.* (1998). Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. № 3. С. 70–78.
- Лосский Н. О.* (1992). Учение о перевоплощении; Интуитивизм. М.: Прогресс; VІA.
- Лурия А. Р.* (1974). Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука.

- Мазилев В. А. (2007). Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 61–85.
- Мартинсоне К. Э., Карпова А. К. (2008). Интерпретация психологии в социокультурных взаимосвязях // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 28–40.
- Минделл А. (2004). Сновидение в бодрствовании. М.: АСТ.
- Майков В., Козлов В. (2004). Трансперсональная психология. Истоки, история, современное состояние. М.: АСТ.
- Московичи С. (1998). Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии.
- Назаретян А. П. (2001). Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М.: ПЕР СЭ.
- Непейвода Н. Н. (2010). Интуитионизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль. С. 136–138.
- Нуркова В. В. (2000). Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО.
- Патнем Х. (2002). Разум, истина и история. М.: Практикс.
- Петренко В. Ф. (1983). Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Петренко В. Ф. (1987). Психосемантический подход к этнопсихологическим исследованиям // Советская этнография. № 4. С. 22–38.
- Петренко В. Ф. (1988). Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Петренко В. Ф. (1997). Основы психосемантики. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Петренко В. Ф. (2002). Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. № 3. С. 113–121.
- Петренко В. Ф. (2013). Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Эксмо.
- Петренко В. Ф., Митина О. В. (1997). Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале исследования политического менталитета). М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П. (2017). Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. М.: Нестор-История.
- Пиаже Ж. (1960). Структуры математические и операторные структуры мышления // Преподавание математики / авт.-сост. Ж. Пиаже. М.: Учпедгиз.
- Покровский Н. Е. (2004). Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Город и село в современной России: перспективы структурного воссоединения / под ред. Н. Е. Покровского. М.: СоПСо.
- Пришвин М. (1926). Родники Берендея. М.; Л.: Гос. изд-во.
- Роджерс К. (2001). Клиентоцентрированный / человекоцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. № 2. С. 48–58.
- Рубинштейн С. Л. (1997). Человек и мир. М.: Наука.
- Соколова Е. Т. (2002). Психотерапия. Теория и практика. М.: Academia.
- Степин В. С. (1986). О прогностической природе философского знания // Вопросы философии. № 4. С. 39–53.
- Сулэйманян А. Г. (2003). О «языке дымов» бушменов // Проблемы медиапсихологии / сост. и ред. Е. Е. Пронина. М.: РИП-холдинг. С. 96–103.
- Тарт Ч. (2003). Измененные состояния сознания. М.: Эксмо.
- Тойнби А. Дж. (1996). Постигание истории. М.: Прогресс.
- Уорф Б. Л. (1960). Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1 / под ред. В. А. Звегинцева. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Фукуяма Ф. (2003). Великий разрыв. М.: АСТ.
- Хант Г. (2004). О природе сознания. М.: АСТ.
- Хантингтон С. (2003). Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.
- Хинтикка Я. (1980). Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс.
- Шкуратов В. А. (1994). Историческая психология. Ростов н/Д.: изд-во Город Н.
- Шмелев А. Г. (1983). Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: Изд-во МГУ.

Шмелев А. Г. (2002). Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь.

Шпенглер О. (1998). Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль.

Шюц А. (2004). Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия.

Элен П. (1999). Удивление — пафос философской мысли // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления / под. ред. И. Т. Касавина и В. Н. Поруса. СПб.: РХГИ. С. 74–89.

Янчук В. А. (2007). Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диа-

логическая перспектива метода психологического исследования // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 207–226.

Andresen J. (2000). Meditation Meets Behavioural Medicine: The Story of Experimental Research on Meditation // Cognitive Models and Spiritual Maps. Bowling Green, USA.

Kelly G. A. (1955). The psychology of personal constructs. N.Y.: Norton & Company.

Osgood Ch. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. (1957). The Measurement of Meaning. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.

Stehr N. (1994). Knowledge Societies. L.: Sage Publications.

**ПСИХОЛОГИЯ ИСКУССТВА:
от Л. С. ВЫГОТСКОГО к В. Ф. ПЕТРЕНКО
(трансценденция проектов психологии искусства
в различных модулах сознания)**

Г. В. Акопов

*Самарский государственный
социально-педагогический университет,
Самара, Россия,
e-mail: akopovgv@gmail.com*

В статье последовательно рассматриваются различные проекты исследовательских направлений в психологии искусства: начиная с известной публикации Л. С. Выготского и кончая последними крупными работами в этой области, затрагиваются методологические основания и теоретические особенности этих подходов. Анализируемые проекты соответствуют постулату взаимодополнительности науки и искусства при большей или меньшей специфике объекта, предмета и методов соответствующих исследований. В качестве универсальной категории психологического анализа явлений искусства предложен концепт «сознание», обеспечивающий диахроническую трансценденцию содержательного анализа и методов психологических исследований произведений искусства. Понятийные вариации концепта «сознание» для тех или иных рассматриваемых проектов раскрываются в словосочетаниях: художественное сознание, эстетическое, творческое, коммуникативное и другие модулы сознания, а также состояния переживания, осмысления и сотворчества. Проблема социальности искусства прослеживается в функциональном плане от «общественной техники чувств» у Л. С. Выготского до политических и масс-медиа манипуляций «экономического отношения вымысла и смерти» в современных социальных практиках «реанимации» древнеримского опыта (В. А. Шкуратов). Подтверждена диалектика исторической цикличности направленности искусства: в психологическом измерении это смена эмоциональной доминанты (сопереживание, катарсис) когнитивной (идеациональной) доминантой ценностей и смыслов (В. В. Знаков, В. Ф. Петренко, В. Е. Семенов, Н. А. Хренов и др.). Бессознательное в новейших изысканиях по психологии искусства может быть органично включено в содержательный анализ художественного произведения (В. М. Аллахвердов), а также в инструментальное обеспечение релевантных искусству исследований (В. Ф. Петренко). Психосемантическое оснащение исследовательских процедур определяет универсальность соответствующего методического аппарата.

Ключевые слова: искусство, психология, художественное сознание, проекты Л. С. Выготского, В. П. Зинченко, В. Е. Семенова, В. М. Аллахвердова, В. Ф. Петренко, автор художественного произведения, текст (продукт), читатель (потребитель); восприятие, понимание, интерпретация, оценка, искусство и свобода, коммуникация, цикличность, современность.

DOI: 10.7868/S181926531801003X

Для цитаты: Акопов Г. В. (2018). Психология искусства: от Л. С. Выготского к В. Ф. Петренко (трансценденция проектов психологии искусства в различных модулах сознания) // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 34–45.

Проект Л. С. Выготского

Искусство, несомненно, один из самых трудных и вместе с тем самых привлекательных объектов в психологической проблематике сознания. Неслучайно один из основателей постклассической (неклассической) психологии Л. С. Выготский является «одновременно» автором убеждающего тезиса о сознании как главном предмете психологии (Выготский, 2000а), что вполне согласуется с его культурно-исторической концепцией, и автором не опубликованного при жизни фундаментального труда по психологии искусства (Выготский, 1987). Взаимосвязь явлений создания, восприятия, понимания и оценки искусства с психологией и, в частности, с художественным сознанием трудно подвергнуть сомнению. Вместе с тем психологизм в искусстве зачастую рассматривается как отдельная, т.е. частная проблема. В этом контексте можно воспринять упрек Выготского к соотносимой по времени науке о том, что «вопрос о психологической природе сознания настойчиво и умышленно обходится в нашей научной литературе. Его стараются не замечать, как будто для новой психологии он и не существует вовсе» (Выготский, 2000а).

Как отмечает в этой же статье Выготский, психология сама закрывает себе доступ к исследованию сколько-нибудь сложных проблем поведения человека, игнорируя проблему сознания (Выготский, 2000а). Вместе с тем в работе «Психология искусства» мы не находим явных посылов, связанных с проблемой сознания. Центральной идеей психологии искусства Выготский считает «признание преодоления материала художественной формой или, что то же, признание искусства общественной техникой чувства» (Выготский, 1987, с. 8–9). Автор отчетливо определяет избранный метод исследования в психологии искусства, а именно аналитический метод, при существенном ограничении

поля (объекта) исследований искусства психологическими методами, когда за основу берется «не автор и не зритель, а само произведение искусства» (Выготский, 1987, с. 26). Характеризуя направленность используемого метода, Выготский следующим образом определяет логику исследования: «от формы художественного произведения через функциональный анализ ее элементов и структуры к воссозданию эстетической реакции и к установлению ее общих законов» (Выготский, 1987, с. 27). Данная «формула», предположительно, может существенно расширять предметное поле психологических исследований искусства, включая в него субъектов «эстетической реакции», однако Выготский далее уточняет, что «функциональный анализ» осуществляется им безотносительно к индивидуальным психологическим особенностям воспринимающего («безличность эстетической реакции») (Выготский, 1987, с. 27).

В предваряющем исследовании пояснении Выготский вполне отчетливо определяет свою позицию: «Мы пытаемся изучать чистую и безличную психологию искусства безотносительно к автору и читателю, исследуя только форму и материал искусства» (Выготский, 1987, с. 3). Вместе с тем в завершающей части своей работы, как бы продолжая логику мыслей, связанных с конкретизацией «формулы анализа» (со-искусство; аналитическое описание «метаморфозы материала», создающего метаморфозу чувств, разрешающегося «аффективным противоречием», переживанием катарсиса как формы возвышения над индивидуальными чувствами), Выготский определяет искусство как «социальное в нас», подразумевая под социальным нечто иное, нежели коллективное, т.е. множество людей (Выготский, 1987, с. 238), так как «социальное и там, где есть только один человек и его личные переживания», и действие искусства есть действие социальное (Выготский, 1987, с. 238).

Таким образом, в проекте Выготского представлено только одно из трех направлений психологии искусства: анализ текста художественного произведения (Петренко, 2014, с. 24–28). Как считает Л. Я. Дорфман, центральной темой психологии искусства у Выготского является анализ структуры художественного произведения и таким образом Выготский «вывел психологию искусства за рамки индивидуального сознания» (Дорфман, 1997, с. 63).

Социальность, согласно Выготскому, не сводится к явлениям заражения, широко обсуждавшимся сторонниками новых идей в социологии и психологии масс. Выготскому важно подчеркнуть иной характер социальности переживаемых в искусстве чувств: «чувство становится личным, не переставая при этом оставаться социальным» (Выготский, 1987, с. 239).

Проблема социальности в искусстве

Социальность «разлита» в созданном и окружающем человека предметном мире и, как поясняет Выготский, «перековка чувств вне нас совершается силой социального чувства, которое объективировано, вынесено вне нас, материализовано и закреплено во внешних предметах искусства, которые сделались орудиями общества» (Выготский, 1987, с. 239). Орудийность как одно из важнейших достижений человеческой эволюции, как известно, приобрела в общем учении Выготского (культурно-историческая психология) статус главного объяснительного принципа. В приложении к искусству Выготский наделяет ее также значением «общественной техники чувства, орудия общества», посредством которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего существа (Выготский, 1987, с. 239). В этой, не представленной автором читателям, работе Выготский еще не акцентирует вопросов тождественности ору-

дийности и сознательности, либо предшествований того или другого фактора в филогенезе психики человека. Проблематика сознания в искусстве фиксируется Выготским только в главе «Искусство и психоанализ» в короткой констатации того, что «неучет сознательных моментов в переживании искусства стирает совершенно грань между искусством как осмысленной социальной деятельностью и бессмысленным образованием болезненных симптомов у невротиков или беспорядочным нагромождением образов во сне» (Выготский, 1987, с. 68).

Как отмечает М. Г. Ярошевский в своем послесловии к опубликованной работе Выготского, «ко времени подготовки книги “Психология искусства” у Выготского уже сложилось новое понимание сознания» (Ярошевский, 1987, с. 299). Вывод Ярошевского следует из совпадения времени подготовки статьи «Сознание как проблема психологии поведения» (1925 г.) и завершения книги по психологии искусства. Вместе с тем, отмечает Ярошевский, искусство рассматривается Выготским «под совершенно иным углом зрения» (Ярошевский, 1987, с. 300). Определенная переключка тезисов о сознании и суждений об искусстве в упомянутой Ярошевским статье и работе Выготского об искусстве несомненна. Это, в частности: «мысль о тождестве механизмов сознания и социального контакта, о том, что сознание есть как бы социальный контакт с самим собой»; и утверждение, что «сознание следует рассматривать как частный случай социального опыта» («социальное чувство», «орудия общества», «общественная техника чувства») в цитатах из книги «Психология искусства». Можно согласиться с мнением Ярошевского, что «проблема представленности переживания в структуре сознания осталась вне горизонта научного видения Выготского, хотя и была скрыта в самой ткани его «Психологии искусства» (Ярошевский,

1987, с. 322). Как отмечает Е. Ю. Завершнева, «Выготский, критикуя старые теории эмоций... не был до конца свободен от тех ограничений, которые налагала новоевропейская метафизика...» (Завершнева, 2007, с. 19). Можно предположить, что незавершенность работы Выготского над проблемой эмоций служила серьезным препятствием для концептуализации новаторских идей Выготского в области психологии сознания. В связи с этим сошлемся на мнение Б. С. Братуся и В. В. Умрихина: «Линия Выготского: аффективные тенденции, эмоции, чувства. Это — за сознанием» (Братусь, Умрихин, 2011, с. 8).

В нашей обзорной работе по проблемам психологии сознания впервые сопоставлены два важнейших тезиса Выготского о «системном и смысловом строении сознания» и о «сознании как общении и обобщении» (Акопов, 2010). Если в работе «Психология искусства» Выготским был достаточно полно реализован тезис о системном (форма и содержание произведения искусства) и смысловом (катарсис как способ разрешения «аффективного противоречия», открытие нового, более высокого представления, т.е. смысла) строении художественного сознания, то в основополагающей статье и в своих последующих работах, связанных с проблемой сознания, Выготский в значительной мере разработал линию исследований сознания как обобщения, сохранив, к сожалению, в имплиците не менее важную составляющую тезиса — общение, которое сегодня в условиях информационного общества выходит на первый план, в чем-то совпадая и не совпадая с деятельностью (Акопов, 2011б). Таким образом, психологическая проблематика искусства как общения, как межличностной коммуникации (Бахтин, 1994; Семенов, 2007 и др.), намеренно или вследствие других причин не была включена Выготским в корпус текстов «Психологии искусства» и присутствует имплицитно как «общение» компе-

тентного читателя («идеального читателя» по М. Риффатеру) с автором и потенциальным читателем произведения. В книге В. М. Аллахвердова «Психология искусства» (2001) приводятся и иные модели анализа («общение» других компетентных читателей), и версии, в частности, интерпретация повести И. Бунина «Легкое дыхание», не совпадающие с аналогичными у Выготского. В этом контексте весьма интересен также анализ повести «Шинель» Н. В. Гоголя, блестяще осуществленный В. Ф. Петренко и А. П. Супруном в противовес другим известным трактовкам (Петренко, Супрун, 2010).

Наука, искусство и глобальные социальные изменения

В связи с кризисом психологической науки, совпавшим или имманентным с переходным процессом конца XIX — начала XX вв., проблематика психологии искусства отошла на второй план. В зарубежной и отечественной психологии возобладала позиция объективизма (Акопов, 2017а) с философскими ориентациями позитивизма и диалектико-исторического материализма. К концу XX века проблема объективизма в психологии вновь приобрела острый характер, обозначенный в формах методологического кризиса (Петренко, 2011; Юревич, 2005 и др.) при неизменности основного противоречия в содержании и методах психологической науки в вековых переходах XIX—XX и XX—XXI вв., а именно — противоположность либо взаимоисключение естественно-научного и социо-гуманитарного подходов в психологии. Изменились, как стало очевидно, противопоставляемые категориальные, концептуальные и психотехнологические составляющие объективизма и субъективизма в современной психологии: рефлексология и когнитивизм (познание) (В. М. Бехтерев), а также сознание и поведение (Л. С. Выготский) в переходе

XIX–XX вв.; сознание и отношение, ней-рокогнитивизм и коммуникативное действие (Ю. Хабермас), социальная эволюция (революция) и социальный конструктивизм в переходе XX–XXI вв. Как видим, и в том, и в другом вариантах переживания как психическое явление «вынесено за скобки». Оно, как известно, и составляет механизм воздействия искусства. Следуя аналогии физического принципа дополнительности, можно утверждать, что в обсуждаемых вековых переходах в качестве дополнения к доминанте когнитивного объективизма развивался также эмоциональный объективизм в форме научных направлений психологии искусства, в новых представлениях о ее содержании и методах.

Проект В. П. Зинченко

Основным содержанием в новом, после Л. С. Выготского, проекте, который можно, на наш взгляд, отнести к психологии искусства, стала поэзия. В. П. Зинченко первоначально в небольшой работе, которая получила название «Возможна ли поэтическая антропология?» (Зинченко, 1994), основываясь на тезисе «Искусство на столетия опережает науку в познании неживого и особенно живого»; и «сохраняет мир целостным», определил совершенно новое содержание поэтической психологии.

Поэтическая антропология, как считает В. П. Зинченко, «озабочена в первую очередь проблемами духа, души, смысла человеческого бытия; увидев смысл в поэтическом тексте, — включает автор, — мы можем быть, научимся видеть смысл в жизни, расширяя сознание и обретая мудрость» (Зинченко, 1994). В последующих работах В. П. Зинченко обозначил развиваемое им учение как «Живое знание» (Зинченко, 1998). Согласно Зинченко, «органическая (живая) психология», построенная на поэтико-философских обобщениях, призвана «дополнить... принцип детерминизма

свободой... оживить язык науки, тем самым расширить ее сознание» (Зинченко, 1994), и в этом плане «поэзия может быть школой сознания» (там же), способствуя «преодолению узкой направленности личности, в том числе и ученой», т.к. «бытие в поэзии — бытие всего человека» (там же).

Метод, используемый автором, основан на логической либо ассоциативной связи поэтических и научных понятий, идей, фактов, суждений, выводов, связей и закономерностей (Зинченко, 1998). Материал поэзии, в частности, «поэтические прозрения», «живые поэтические метафоры» и т.д. позволяют также получать новое осмысление научных положений о человеке, обеспечивая «наглядность мыслимого», «представимость целого». Автор приводит целый ряд соответствующих примеров из поэтического творчества О. Мандельштама и других поэтов. В своей последней объемной работе «Сознание и творческий акт» (2010) В. П. Зинченко подвергает всеобъемлющему анализу явление метафоры (метафорическое мышление) и связующую роль метафоры в процессах художественного и научного сознания. В этом плане весьма полезной представляется отчетливая дифференциация научного и художественного познания, предложенная В. В. Знаковым (Знаков, 2003). Поэтическое мировосприятие, как одна из форм сознания, отмечает В. Ф. Петренко, «одновременно строит некое бытие и дает ему описание». Таким образом, «мир поэзии и порождает поэтическую личность» (Петренко, 2014, с. 63), которая лишь контекстно присутствует в проекте В. П. Зинченко, как и особенности восприятия и понимания читателем поэтических произведений (Зинченко, 2009).

Проект В. М. Аллахвердова

Совершенно иной, можно сказать, противоположной концепциям рационального (когнитивного) объяснения ис-

куства, проект оформлен В. М. Аллахвердовым в «Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений» (Аллахвердов, 2001). Анализируя линию Выготского о переживании, вызванном произведением искусства, и связи переживания с противоречием, оформляемым особым соотношением формы и содержания произведения (открытие, согласно автору, восходящее к Ф. Шиллеру), В. М. Аллахвердов обращается к выявленной им парадоксальной связи сознания и бессознательного. Метафора Выготского об эмоции как «разряде» или «расходе энергии», а также «коротком замыкании» как «завершающей точке», в которой аффект «находит свое уничтожение» и тем самым достигается «специфическое состояние очищения» или катарсиса, вызывает серьезные сомнения у автора с точки зрения научной верифицируемости (Аллахвердов, 2001, с. 35) (современные томографические и другие объективные технологии позволяют, на наш взгляд, спланировать и проверить метафору Выготского экспериментально).

Необходимо отметить, что в работах В. М. Аллахвердова призыв Выготского о необходимости в первую очередь концентрировать исследовательские усилия психологов на проблематике сознания был реализован не только теоретически, но и на обширном эмпирическом материале (Аллахвердов, 2000). Если Выготский, вопреки представлениям многих современников, убежденно относил психику, сознание и бессознательное к «центральному и основным психологическим вопросам», считая, «что в психологии совершенно законно говорить о психологически сознательном и о психологически бессознательном, т.к. бессознательное есть потенциально-сознательное» (Выготский, 2000б), внося, таким образом, также и бессознательное в объект и предмет психологической науки, но сохраняя при этом верховенство сознания как представителя

высших уровней познания, переживания, действия и регуляции поведения, то в исследованиях В. М. Аллахвердова «приоритет» переходит к бессознательному, а в современной Науке сознания, в ее зарубежных версиях, — к исследованиям мозга как центральному и основному органу познания, переживания, действия и регуляции поведения. Можно предположить, что сегодня в комплексных исследованиях сознания (см. ежегодные форумы ASSC (Ассоциации научных исследований сознания)) культурно-историческая парадигма уходит на периферию Науки сознания. Поясним, однако, что речь идет о текущем этапе развития науки. Возможно, что в ближайшем или более отдаленном будущем новые законы работы сознания, открытые В. М. Аллахвердовым, с точки зрения их научного осознания и последующего возможного влияния (использования самим сознанием, а не только мозгом) на процессы познания, переживания, действия и регуляции, создадут условия и необходимость возвращения парадигмы Выготского в психологическую науку.

Несомненной заслугой исследований В. М. Аллахвердова по проблематике взаимосвязи сознательного и бессознательного является также психологическое определение критерия художественности (Аллахвердов, 2001, с. 50), приобретающего острую актуальность в современном искусстве. С позиций практической (прикладной) психологии В. М. Аллахвердов в качестве главного предназначения искусства рассматривает воспринимаемую читателем (зрителем) в процессе общения (подчеркнуто нами — *Г. Аков*) с художественным текстом» установку творческого отношения к миру (Аллахвердов, 2001, с. 94). Как справедливо отмечает автор, «восприятие художественного текста имитирует для читателя и зрителя творческий процесс, порождает эмоциональное переживание инсайта, творческого открытия, познания» (там же, с. 95), «духовного подвижничества»

(там же, с. 101). В своем проекте психологии искусства В. М. Аллахвердов рассматривает также возможные негативные аспекты, связанные с явлением, обозначенным В. Е. Семеновым понятием «антикатарсис» (Семенов, 2015).

В этой многослойности проблем психологии искусства в работе В. М. Аллахвердова, как и в проекте Л. С. Выготского, также проявлена проблематика социальной, в частности, рассмотрение художественного текста и как общения («возможность высказать свою сокровенную позицию»), и как обобщения (возможность определить степень сходства—инаковости в сравнении с большинством людей и др.) (Аллахвердов, 2001, с. 96, 100). Весьма тонкий мастер психологического анализа В. М. Аллахвердов, по-видимому, преодолевая некоторую дефицитарность социального содержания в своем проекте, впервые реализовал уникальный опыт коллективного обсуждения компетентными читателями проблемы «эмоционального воздействия искусства» в представленном им проекте. В обсуждении приняли участие известные ученые: д.ф.н., проф. В. П. Бранский; к.пс.н., доц. В. И. Викторов; д.ф.н., проф. М. В. Иванов; д.ф.н., проф. М. С. Качан; к.пс.н., доц. М. В. Осорина; к.ф.н., доц. Т. В. Холостова и ведущий — д.ф.н., проф. А. С. Кармин. Таким образом, искусство как коммуникация (Семенов, 2007) в этом проекте обрело живое воплощение. Однако следует отметить, что в многообразии интерпретаций, мнений, суждений и оценок достаточно сложно определить связующие нити единства, которое только и может служить критерием обобщенности коммуникативного итога; зачастую такую обобщенность обеспечивает единство либо универсальность метода исследования. Так, согласно В. Ф. Петренко, «психосемантический анализ художественного произведения с помощью построения семантических пространств... способствует увеличению степени осоз-

нанности художественного текста как одной из версий в понимании произведения искусства» (Петренко, 2014, с. 10).

Проект В. Е. Семенова

Тезис о социальности как коммуникативном феномене получил свое развитие в философии и в социогуманитарных науках относительно недавно. В отечественной науке серьезные достижения в этой области связаны с именем М. М. Бахтина и его исследованием творчества Ф. М. Достоевского (Бахтин, 1994). Интересно отметить, что типология российских менталитетов конца XX начала XXI вв., предложенная В. Е. Семеновым, автором социально-психологического проекта психологии искусства, содержательно связана с главными персонажами романа «Братья Карамазовы» (Семенов, 2015).

В своей фундаментальной работе В. Е. Семенов последовательно рассматривает искусство «как процесс художественной коммуникации между художником и аудиторией» (Семенов, 2007, с. 24). Проблематика психологического анализа при этом существенно выходит за пределы текста, его содержания, формы и открывает также психологическое портретирование автора художественного произведения, читателей (зрителей), процесс художественного творчества, особенности восприятия художественного произведения и прочее. В. Е. Семенов впервые в отечественной психологии системно рассматривает вопрос о возможных негативных воздействиях искусства, связанных с массовым производством арт-объектов (поп-культура), и вводит дополнительное к катарсису понятие «антикатарсис» (Семенов, 1988; 2007). В исследовательской методологии восприятия искусства В. Е. Семенов определяет в качестве принципов положение о «личностной совместимости художника и реципиента, всех участников процесса художественной коммуникации», а также

«принцип постоянной взаимной связи искусства и социальной действительности» (Семенов, 2007, с. 183). Эти принципы приобретают особое значение в условиях современной социальной жизни, насыщенной быстро распространяющейся информацией, отсутствием общеразделяемого базиса ценностей и высокой активностью некоторых групп населения, воспринимаящих безусловно свободу слова так же, как свободу действий, направленных на подавление тех или иных форм самовыражения в искусстве. Современные переходные процессы в экономике, политике, социальной организации и т.д., обусловленные процессами глобализации (Акопов, 2011а; Ионесов, 2011; Хренов, 2005 и др.), существенно усложнили и обострили соотношение коллективного и индивидуального, инновационного и традиционного, объективного и субъективного, логического и образного и т.д. в жизнедеятельности человека. Обозначенный спектр проблем, несомненно, присутствует и в современном искусстве. Можно согласиться с мнением В. А. Шкуратова, что «искусство... не только отражает жизнь, но и конструирует реальность» (Шкуратов, 2006, с. 221). Обращаясь к культурно-историческим истокам искусства и последовательно анализируя сложившуюся в мире ситуацию после серии террористических атак, автор приходит к заключению, что «искусство участвует в настоящей крови, настоящей смерти, а политика, возможно — это постановка при участии масс-медиа» (Шкуратов, 2006, с. 230).

Таким образом, в современном мире условность образов сознания посредством искусства трансцендируется в событийную реальность сознания.

Пространство, личность и время в искусстве

Широкое многообразие форм социальности, представленных в искусстве мо-

жет быть структурировано в пространственно-временном и духовном (социально- и личностно-смысловом) измерениях. В предельно обобщенных категориях многообразия сущего отчетливо проявляется в пространственно-временном и информационном измерениях. Если говорить об искусстве, то любое произведение, признанное художественным, в тех или иных масштабах определяет в концентрированной форме знаково-эмоциональное выражение пространства, времени и человеческого «Я». Перечисленные образующие художественного сознания, очевидно, неоднородны и включают физическое, социальное и духовное (ценностное) субпространства, историческое, социальное и биографическое время, когнитивную, эмоциональную и действенно-установочную составляющие образа «Я» автора художественного произведения. В нашем исследовании на материале лирической поэзии осуществлен сравнительный анализ поэтического сознания трех выдающихся поэтов — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Дж. Г. Байрона (Акопов, 2013). Поэтическое пространство (лирические произведения) Пушкина по своим центральным элементам может быть определено как мир (пустыня) с иным, чем в окружающем мире, поэтическим порядком вещей, с социальным приоритетом свободы, с ментальной установкой самосознания и самопостижения.

В поэзии Лермонтова очевидна раздвоенность физического субпространства поэтического пространства во всем корпусе лирических произведений и — концептуальная конфликтность двух топосов — Земли и Неба, — которая сохраняется на протяжении всего творческого пути поэта. Отметим также, что Земля и Небо — самые частотные понятия в поэтическом словаре Лермонтова. В лирической поэзии Байрона физическое субпространство представлено множеством разнообразных земных ландшафтов. Социальность в лирическом

творчестве трех поэтов также представлена тремя различными доминантами: точность, т.е. локализованность в сферах общественной и личной свободы у Пушкина; контрсоциальность или внесоциальность в иллюзорном (созерцаемом) пространстве у Лермонтова; экстремальная интенция действенного утверждения социальной свободы на всем земном пространстве — у Байрона (Акопов, 2013).

Таким образом, можно констатировать, что поэтико-смысловое «проникновение» в прошлое, настоящее и будущее демонстрирует возможности сознания—созерцания, отчасти обогащенного физической, социальной и духовной деятельностью, существенно дополнять ту или иную картину мира, конструируемую усилиями научного сообщества.

Проект В. Ф. Петренко

Развивая и расширяя современный методологический дискурс, В. Ф. Петренко дифференцированно определяет понятия конструктивизм и конструкционизм (Петренко, 2010, с. 104), все более вытесняющие традиционные для отечественной (советской) психологии категории отражения и порождения. В предельной логике суждений отождествление воспринимаемого и реально существующего мира, именуемого также действительностью, с позиций ряда современных философских учений и некоторых парадоксальных выводов естественных наук (квантовая и релятивистская физика, современная астрофизика), не вызывает острого диссонанса даже у приверженцев общенаучного материализма и монизма. Приобретающие глобальный характер цифровизация, компьютеризация, айтизация практически всех сторон современной жизни, с одной стороны, неминуемо расширяют возможности человека, с другой — существенно сокращают спектр свободных проявлений вне этих

«оплетающих» активность людей рамок. Искусство при всех технических и цифровых соблазнах, к счастью, сохраняет широкий диапазон свобод. Вместе с тем без коммуникативного потенциала произведение искусства превращается в изолированный или «безмолвный» артефакт. В этом смысле совершенно правы те исследователи, которые определяют искусство как межличностную коммуникацию (Семенов, 2007), не исключая скрытую, внутреннюю коммуникацию личности (внутренний диалог, аутокоммуникация, общение: «Я» — «Другой» и т.д.).

В наших работах по проблеме сознания была предложена двухфакторная модель, определяющая явления сознания в неотрывной связи с общением и свободой в их структурном многообразии (Акопов, 2007; 2010). Соотношение различных уровней свободы и коммуникативной активности художника, поэта и других творцов искусства определяет специфику художественного сознания автора произведения. Осознание, как отмечает В. Ф. Петренко, «требует наличия некоего языка..., некой знаковой системы» (Петренко, 2014, с. 7), которая позволяет представить, выразить ту или иную «из многочисленных форм возможной интерпретации образов-символов, расширяя таким образом сферу осознания» (там же). Согласно В. Ф. Петренко, «психосемантический анализ художественного произведения с помощью построения семантических пространств... способствует увеличению степени осознанности художественного текста» (Петренко, 2014, с. 10). В связи с этим и вслед за М. М. Бахтиным автор рассматривает произведение искусства как «специфический текст, который обеспечивает общение двух субъектов», т.е. является посредником между сознанием... автора и сознанием... реципиента — читателя, зрителя и т.д. (Петренко, 2014, с. 24). Интересно отметить, что Р. Познер, исследуя поэтическую

коммуникацию с позиций лингвистики, литературоведения и философии, приходит к заключению, что в ней, т.е. в поэтической коммуникации, обнажаются «имплицитные или новые типы отношения человека к обществу и реальности», и, таким образом, дополняются или обновляются «используемые в данное время социокультурные коды, явно или неявно подчиненные эстетическим кодам» (Познер, 2015, с. 168), что достаточно близко к позиции Ю. М. Лотмана (Лотман, 2010). Продуцирование различных интерпретаций художественного произведения, с точки зрения Р. Познера, необходимо, чтобы «помочь читателю установить личное отношение» к произведению искусства (Познер, 2015, с. 235). Художественный текст, в частности, поэтический, согласно М. Риффатеру, «это не просто сообщение..., но весь акт коммуникации» (цит. по Познер, 2015, с. 198; см. также Акопов, 2017б). М. Риффатер предлагает анализировать «процесс построения и пересмотра ожиданий читателя» и «опыт воспринятых читателем контрастов» (цит. по Познер, 2015, с. 198), что совпадает с основной линией метода анализа художественного произведения в концепциях Л. С. Выготского и В. М. Аллахвердова, выступающих в этом случае в роли «идеального читателя» (концепт М. Риффатера), т.е. выполняя функции художественной (эстетической) коммуникации, итогом которой является нахождение центрального смысла произведения с учетом социального и, очевидно, хронотопического контекста.

Обращаясь к трехкомпонентной структуре психологии искусства, рассматриваемой в работах В. Ф. Петренко, В. Е. Семенова и др., можно заключить, что те или иные проекты психологии искусства в той или иной степени ориентированы на: 1) психологический анализ текста художественного произведения; 2) психологический анализ восприятия

и понимания произведения искусства; 3) психологическое исследование личности автора и процесса создания художественного произведения (Петренко, 2014; Семенов, 2007). При несомненной логичности данной структуры и всем многообразии функций или задач, решаемых искусством как в условиях стационарности общества, так и в переходных состояниях (Хренов, 2005), единым основанием психологического анализа во всех проектах психологии искусства явно или неявно принимается концепт художественного сознания, наиболее отчетливо представленный в работе В. Ф. Петренко в различных формах категории «художественный конструкт» (Петренко, 2014, с. 30, 35). Несомненно также, что процессуальное обеспечение явлений художественного сознания осуществляется в инстаурационных и коммуникативных формах. Двухфакторная модель сознания, предложенная нами (Акопов, 2007; 2009; 2010), позволяет с позиций различных уровней: 1) общения (Акопов, 2011б): контакт, информационная и смысловая коммуникации, метакоммуникация (коммуникативная рефлексия) и 2) свободы самопроявлений: выбор, творчество (идейная новизна), созидание (бытийная новизна), — амплифицировать исследования художественных произведений как прошлых лет, так и, в особенности, современных.

Весьма широкий тезис о периодической исторической смене культуры чувственного культурой идеационального (сверхчувственного) типа, коллективистической ментальности — индивидуалистической, а также тезис о компенсаторной функции искусства в обществе в связи с этими процессами (Хренов, 2005) может быть наполнен более конкретным теоретическим содержанием и соответствующей фактологией. Так, в проекте Л. С. Выготского исследовательскому анализу преимущественно подвергается текст произведений

искусства в его коммуникационной и созидательной связи с художественным сознанием, нацеленным на социальную инженерию эмоций и чувств в условиях новой (постреволюционной) социализации человека. В проекте В. П. Зинченко, трансцендирующем большую свободу, иллюстрируются возможности существенной амплификации научных методов познания человека и окружающей действительности методами художественного (поэтического, метафорического) постижения и проникновения в тайны бытия. В проекте В. М. Аллахвердова коммуникация и творчество как в самом художественном произведении, так и в читательском восприятии и интерпретациях определяются сложной (парадоксальной) «игрой» художественного сознания и бессознательно и в конечном счете трансценденцией эмоционально и идейно значимого содержания из бессознательного в осознаваемую смысловую форму. В проекте В. Е. Семенова многовекторная коммуникативная и созидательная взаимосвязь в триаде «автор—художественный текст—читатель» релевантно обеспечивается соответствующими формами трансценденции, выраженными в положениях о принципах психологии искусства.

Можно также констатировать периодическую смену или дополнение предметной области (содержание) психологии искусства — методической, что, на наш взгляд, выражает закономерную трансценденцию психологических исследований искусства в тот или иной модус исследовательского сознания. В качестве вариативных модусов можно рассматривать авторское сознание, сюжетное (текстовое) сознание, читательское, зрительское и т.д. сознание. В качестве универсальных, т.е. всеобщих модусов психологического анализа художественного произведения, на наш взгляд, можно рассматривать коммуникативное и творческо-созидательное сознание.

Один из новейших проектов — проект В. Ф. Петренко, помимо методологических и теоретических оснований, а также содержательно глубоких и интересных аналитических интерпретаций конкретных произведений в области психологии искусства, впервые представляет также универсальную инструментальную модель (метод) психологического анализа произведений искусств.

Литература

Акопов Г. В. (2007). Факторы контакта и свободы в объяснении явлений сознания // Мат-лы I Всеросс. конф. «Психология сознания: современное состояние и перспективы». Самара, 29 июня — 1 июля 2007 г., Самара: Изд-во «Научно-технический центр». С. 13–15.

Акопов Г. В. (2009). Классическая и / или неклассическая психология сознания // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 130–136.

Акопов Г. В. (2010). Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

Акопов Г. В. (2011а). Глобализация как фактор трансформации сознания // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики: Мат-лы V Международ. ежегод. научно-практ. конф. Казань, 15–16 апреля 2011 г. / под. ред. С. В. Петрушина. Казань: Изд-во «Отечество». С. 14–17.

Акопов Г. В. (2011б). Общение: уровневая структура // Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: Когито-центр. С. 46.

Акопов Г. В. (2013). Сознание и время: апология ментальности и поэтического сознания. Самара: Изд-во ВЕК#21.

Акопов Г. В. (2017а). Направления и формы интеграции психологических знаний в контексте развития науки // Интегративный подход к познанию психологии человека: В. Н. Панферов, В. В. Знаков, Е. Ю. Коржова и др. / под науч. ред. Е. Ю. Коржовой. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. С. 87–107.

Акопов Г. В. (2017б). Поэзия как коммуникация: психологическая оценка поэтического

произведения // Актуальная психология: научный вестник. №1. Ереван, Армения. С. 273–279.

Аллахвердов В. М. (2000). Сознание как парадокс. СПб.: Изд-во ДНК.

Аллахвердов В. М. (2001). Психология искусства. Эссе о тайне эмоционального воздействия художественных произведений. СПб.: Изд-во ДНК.

Бахтин М. М. (1994). Проблемы творчества Достоевского. Киев: Next.

Братусь Б. С., Умрихин В. В. (2011). Л. С. Выготский и А. Н. Леонтьев: личностные основания преемственности идей // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 5–17.

Выготский Л. С. (1987). Психология искусства. М.: Педагогика.

Выготский Л. С. (2000а). Сознание как проблема психологии поведения // Л. С. Выготский «Психология». М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс. С. 233–248.

Выготский Л. С. (2006). Психика, сознание, бессознательное // Л. С. Выготский «Психология». М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс. С. 249–261.

Дорфман Л. Я. (1997). Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М.: Смысл.

Завершнева Е. Ю. (2007). К публикации заметок Л. С. Выготского // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 15–24.

Зинченко В. П. (1994). Возможна ли поэтическая антропология? М.: Изд-во Российского открытого университета.

Зинченко В. П. (1998). Живое знание. Психологическая педагогика. Самара: Изд-во СГПУ.

Зинченко В. П. (2009). Мысль, слово, образ, действие, аффект: общее начало и пути развития // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 87–112.

Зинченко В. П. (2010). Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур.

Знаков В. В. (2003). Понимание произведений искусства // Психология искусства. Мат-лы Всерос. конф. Самара, 3–5 сентября 2002 г. Т. 1. Ч. 1. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН. С. 29–33.

Ионесов В. И. (2011). Мультикультурализм как интеграционный процесс: модель трансформации // Креативная экономика и социальные инновации. № 1. С. 60–65.

Лотман Ю. М. (2010). К построению теории взаимодействия культур // Ю. М. Лотман «Семиосфера». СПб.: Искусство-СПб. С. 603–614.

Петренко В. Ф. (2010). Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф.

Петренко В. Ф. (2011). Проблема психологии сознания // Психология сознания: современное состояние и перспективы: материалы II Всерос. науч. конф. Самара, 29 сентября — 1 октября 2011 г. Самара: ПГСГА. С. 109–125.

Петренко В. Ф. (2014). Психосемантика искусства. М.: Изд-во МАКС-Пресс.

Петренко В. Ф., Супрун А. П. (2010). «Шинель» Гоголя: христианская притча и буддийский коан // Общественные науки и современность. № 2. С. 160–166.

Познер Р. (2015). Рациональный дискурс и поэтическая коммуникация: методы лингвистического, литературного и философского анализа. Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та; Дизайн-студия «Провинция».

Семенов В. Е. (1988). Социальная психология искусства. Л.: Изд-во ЛГУ.

Семенов В. Е. (2007). Искусство как межличностная коммуникация (социально-психологическая концепция) // Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН.

Семенов В. Е. (2015). Полиментальность и социальные ценности современной российской молодежи // Психология сознания: этно-национальные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты: мат-лы междунар. науч. конф. Самара, 15–17 октября 2015 г. / под ред. Г. В. Аكوпова, Е. Л. Чернышовой, С. Г. Ихсановой. Самара: ПГСГА. С. 276–280.

Хренов Н. А. (2005). Социальная психология искусства: переходная эпоха. М.: Изд-во Альфа-М.

Шкуратов В. А. (2006). Искусство экономической смерти. Сотворение видеомира. Ростов н/Д.: Наррадигма.

Юревич А. В. (2005). Психология и методология. М.: Изд-во ИП РАН.

Ярошевский М. Г. (1987). Выготский как исследователь проблем психологии искусства. Послесловие // Л. С. Выготский «Психология искусства». М.: Педагогика. С. 292–323.

СУБЪЕКТНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ МИРОВ

ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА И ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ (статья первая)

В. М. Аллахвердов

*Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: vimiall@gmail.com*

Проблема проведения демаркационной линии между научным и ненаучным знанием особенно остро стоит в психологии. В статье обсуждается, почему невозможно отождествить научное знание с истиной. Утверждается, что невозможно даже сформулировать единственный критерий эффективности познавательной деятельности. Рассматриваются разные версии критерия демаркации (научным является только эмпирическое знание, только непротиворечивое знание, только практически применимое знание). Все эти версии играют важную роль в оценке науки, однако с их помощью демаркационную линию между наукой и не-наукой (псевдонаукой, лженаукой) не провести. Тем не менее можно оценить, насколько наука соответствует предложенным критериям. Под углом этих критериев специальное внимание уделяется психологии. В следующей статье будет продолжено обсуждение других версий критерия демаркации.

Ключевые слова: наука, психология, истина, очевидность, непротиворечивость, эмпирика, эффективность.

DOI: 10.7868/S1819265318010041

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 16-06-00858-а)

Для цитаты: Аллахвердов В. М. (2018). Психология как наука и проблема демаркации (статья первая) // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 46–57.

Психология объявила себя самостоятельной наукой всего лишь лет сто пятьдесят назад. И, не успев еще толком оформиться в этом качестве, тут же оказалась в кризисе. В 1877 г., т.е. еще за два года до создания В. Вундтом лаборатории экспериментальной психологии — первой психологической структуры, получившей

мировое признание, — о кризисе объявил Ф. Brentano. Целая монография под названием «Кризис психологии» была опубликована Р. Вилли в 1898 г. К началу XX в. ощущение кризиса в психологии стало едва ли не общепринятым. Все было шатким. Блестящие спекулятивные построения великих философов

рухнули, не выдержав опытной проверки. Н. Н. Ланге находит яркий образ: психологи подобны Приаму, сидящему на развалинах Трои. Тем самым как бы говоря: психолог — еще царь, однако его великолепные дворцы уже не приспособлены для жизни. Надо было срочно сооружать что-то новое. Но что? В 1927 г. монографическое исследование кризиса в психологии предпринимают независимо друг от друга два великих психолога — К. Бюлер и Л. С. Выготский. Правда, В. П. Зинченко (2004, с. 86) замечает, что для мировой психологии 1927 год был как раз годом не кризиса, а расцвета, но это лишь подчеркивает, что даже в период расцвета у великих психологов сохраняется ощущение кризиса. А. Н. Леонтьев (1966) уже во второй половине XX в. утверждает, что психологи до сих пор не имеют архитектурного проекта для строительства своих сооружений, хотя и собрали груды первоклассного строительного материала. Публикации, гласящие, что психология находится в глубоком кризисе, продолжают с завидной регулярностью. Все это позволило мне (Аллахвердов, 1993) написать о перманентном кризисе психологии. В 2011–12 гг. наличие кризиса признала примерно половина самых известных специалистов России в области методологии психологии, опрошенных редакцией журнала «Методология и история психологии» (правда, остальные наличие кризиса уверенно отрицали).

Может, все-таки что-то не так с нашей наукой? Может, психология это и не наука вовсе? Сам вопрос отнюдь не принижает психологию. Многие замечательные вещи в нашей жизни не являются наукой. Искусство, спорт, политика, вера, надежда, любовь да и вообще сама жизнь не являются наукой. (Поэтический опус Овидия «Наука любви», как и другие подобные метафоры, лишь подчеркивает сказанное.) И это никак не ущемляет достоинство жизни, любви или искусства.

С другой стороны, наука считается самым надежным источником знаний, а в связи с этим ее высоким статусом в современном обществе необходимо уметь отличать научные утверждения от ненаучных, псевдонаучных и лженаучных высказываний. Ведь, к сожалению, существуют такие виды человеческой деятельности, которые выдают себя за научные, хотя таковыми не являются.

В качестве наиболее типичного образца лженауки чаще всего называют астрологию. В 1975 году 186 ведущих мировых ученых, включая 18 нобелевских лауреатов, выступили с протестом против предоставления астрологам доступа к средствам массовой информации. В России публичной критикой астрологии как лженауки занимается «Комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований» при Президиуме РАН. Национальный научный фонд США относит веру в астрологию к одному из наиболее распространенных среди американцев псевдонаучных заблуждений. Нелепость исходных положений астрологии очевидна, однако зачем-то все-таки проводятся исследования, в которых опровергаются многие положения астрологии. Так, люди, разница в сроках рождения которых составляет менее пяти минут, не показывают даже намека на какое-либо большее сходство в сравнении с другими людьми, вопреки всем утверждениям астрологов (Dean, Kelly, 2003). И что? Сами астрологи уверены, что их ремесло не только научно обосновано, но и «эффективно работает». Эту веру с ними разделяют миллионы людей. Никто даже представить не может, сколько политических лидеров или спортивных тренеров принимают свои решения, исходя из положения звезд на небе, как бы потом телекомментаторы ни разъясняли нам мудрость этих решений. А самые образованные астрологи рассуждают так: астрология выполняет психотерапевтическую

функцию, отвечая чаяниям людей знать свою судьбу, она помогает людям жить в трудных и непредсказуемых условиях. Но ведь это правда: астрология помогает людям, иначе бы люди к ней не обращались. Но не является наукой.

Проблема проведения демаркационной линии между научным и ненаучным знанием особенно остро стоит в психологии. Как, например, оценить научность того или иного подхода в психотерапии? А психоанализ — это научная теория или, как заявляют некоторые психологи, лишь мифология и набор метафор? Вот более болезненный пример для отечественной психологии: что делать с теориями, созданными советскими психологами (Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, С. Л. Рубинштейном и др.) на базе, как тогда говорилось, «единственно верного учения» — марксизма? Если верить К. Попперу, то марксизм столь же ненаучен, как астрология и психоанализ. Так научны ли теории советских психологов? А бихевиоризм — это научная теория или вовсе не теория, как заявляют борцы с эмпиризмом? Да и когнитивная наука, с точки зрения неконгнитивистов, на хорошую науку не тянет.

Долгое время считалось, что цель научного познания — достоверное (адекватное) описание реальности. Поэтому научное знание должно отличаться от ненаучного, как истинное знание от неистинного. Однако ошибочные знания могут быть полезными и оказаться эвристичнее правильных. К. Птолемей, построивший научную астрономию с Землей в центре мироздания, ошибался. Но мы об этом знаем сегодня. А не знающие об этом моряки полторы тысячи лет плавали по его звездным картам, и это было достаточно эффективно. Его теория считается научной, но была ошибочной. В свою очередь, система Н. Коперника тоже была ошибочной — она хуже системы К. Птолемея описывала астрономические дан-

ные (до тех пор пока И. Кеплер не переправил в ней круговое вращение планет вокруг Солнца на эллиптическое), но оказалась эвристичнее системы К. Птолемея. Раз научные теории могут быть ошибочными, следовательно, научность знаний определяется не их истинностью, а чем-то другим. Но, заметим, из того, что не всякое научное знание истинно, не следует, что научное знание неистинно.

Напрямую отождествить научное знание с истиной нельзя. Действительно, не может быть абсолютно верных научных теорий. Наука — субъективная деятельность человека. Результат познания всегда зависит от способа познания, а значит, и от познающего субъекта. Дело в том, что оптимального, наилучшего алгоритма познания в принципе не существует. Доказано, что построить универсальный алгоритм решения даже самых простых познавательных задач принципиально невозможно. Теорема Геделя о неполноте показывает, что любая формальная система, в рамках которой можно определить натуральные числа, всегда неполна, т.е. нет алгоритма, способного решить все возникающие арифметические задачи. Теорема о невычислимости сложности информации по Колмогорову говорит о том, что нет алгоритма, позволяющего максимально компактно сжать любую поступающую информацию. И т.д.

Вряд ли этому стоит удивляться. Ценность любого научного результата не только в том, что он удачно описывает известные данные, но и в том, что побуждает к проведению новых исследований. Однако эти два разных требования не сводимы друг к другу. А потому невозможно сформулировать единственный критерий эффективности познавательной деятельности. Поиск такого критерия не привел к успеху ни в одной из областей, где нахождение такого критерия было важной практической задачей. В педагогике сложились по меньшей мере две не сводимые

друг к другу оценки эффективности: обученность, характеризующаяся объемом сведений, приобретенных учеником в процессе обучения, и обучаемость, трактуемая как умение ученика учиться и измеряемая темпом продвижения при усвоении учебного материала, способностью ставить и решать новые проблемы и т.д. По одним данным, обученность и обучаемость тесно положительно связаны: быстрее обучаются те ученики, чей уровень обученности выше. Другие авторы показывают, что оценки обученности и обучаемости не связаны между собой. Наконец, третьи получают отрицательную связь между обученностью и обучаемостью (это отмечал еще Аристотель: почему, спрашивал он, когда мы старше, у нас сильнее ум, а когда моложе, то легче учимся?) Невозможно свести обе эти оценки к одной. Подобная же путаница возникает и в *психодиагностике*, где заявляется о независимости способностей человека к дивергентному и конвергентному мышлению, о принципиальном различии креативности и интеллекта. Не могут найти удачный критерий познавательного развития и специалисты в *области поведения животных*. Как только они пытаются расположить разные виды животных по какой-либо «шкале интеллекта», так, по их утверждению, возникают непреодолимые трудности. Ведь надо оценивать не только сложность поведения животных, но и гибкость (способность к изменениям) — а это, как оказывается, не сводимые друг к другу характеристики.

Субъект познания не может соотносить свои сегодняшние знания с будущими, поскольку последние ему неизвестны. Никто не может знать, что должно получиться в итоге познания, а потому по ходу познавательной деятельности никогда до конца не ясно, что в получаемых знаниях верно и надо сохранять, а что — отбросить. К тому же, познающий никогда не имеет дело со всей действительностью во всей

полноте. В лучшем случае ему доступно только частичное описание реальности, а значит, невозможно непосредственно оценить, насколько полученный результат адекватен действительности в целом. В общем, как писал Б. Рассел (2001б), «все, что мы считаем познанием, в большей или меньшей степени недостоверно, и не существует способа решения вопроса, какая степень недостоверности делает нашу уверенность в чем-либо недостойной названия “познание”, как не существует способа решить, сколько человек должен потерять волос, чтобы считаться лысым».

Если нет ясного критерия, то в оценку научных теорий будут вмешиваться религия и политика. Церковные иерархи не только протестовали против железнодорожного транспорта и авиации, но и запрещали теорию Коперника как противоречащую Библии. Ведь, как следует из библейского текста, Иисус Навин, выполняя боговдохновенную задачу отмщения врагам израильтян, остановил солнце, а не землю. Некоторым религиозным деятелям до сих пор кажутся кощунственными и второе начало термодинамики, и теория эволюции. Да и политики не отстают. В СССР, например, они объявили и, что еще страшнее, заставляли самих ученых объявлять антинаучными педологию и психотехнику (постановление ЦК ВКПб 1936 г.), кибернетику, генетику и т.д.

Позитивисты, уже в XIX в. предчувствуя будущие проблемы, решили провести демаркационную линию между наукой и не-наукой, надеясь тем самым противостоять невежеству и догматизму. Рассмотрим разные версии построения демаркационной линии.

Версия первая. Окружающий мир является нам в фактах, без них мы ничего не можем знать о мире. Факты — воздух ученого (И. П. Павлов). Результат научного поиска будет достоверен, только если он строго опирается на факты. Поэтому *только то, что можно наблюдать*

и измерять, является научным. Эта попытка обладала интеллектуальным очарованием. Очистительный дождь позитивизма в начале XX в. позволил избавиться физикам от некоторых построений, казавшихся очевидными, но на самом деле требующих операционального уточнения. Например, что такое одновременность? Если в созвездии, находящемся на расстоянии в миллион световых лет от Земли, происходит некое событие, то о совершении этого события мы на Земле узнаем только через миллион лет после того, как оно произошло. Как тогда понимать одновременность: 1) как буквальное совпадение во времени с событием, о котором мы ничего не знаем? или 2) как совпадение с тем временем, когда нам об этом событии стало известно? Если принять позитивистский тезис, то мы должны выбрать второй вариант. А уже этот выбор вел к созданию теории относительности.

Позитивизм в психологии принимает обличье бихевиоризма. Сознание не поддается наблюдению, а значит, не является научным термином. Абсурдно всерьез размышлять, есть ли психические качества или сознание у муравьев и попугаев, ибо нет операционального способа определить наличие психики и сознания. Поэтому надо перестать вести праздные разговоры и изучать параметры, которые подлежат наблюдению и измерению, т.е. изучать поведение и измерять физиологические реакции. Признаюсь, для меня странновата психология, лишенная психики и сознания. Но главное в другом: осуществить позитивистскую программу в принципе невозможно.

Во-первых, не все, что мы непосредственно наблюдаем, верно. Мы невооруженным взглядом видим, как Солнце движется вокруг Земли, хотя это ошибочно; Солнце заходит за горизонт на 8 минут раньше, чем нам кажется, и т.д. Возможно, правильнее, как утверждал позитивист Э. Мах, описывать непосредственно

наблюдаемые факты на языке сенсорики, а не на языке реальности. Но тогда мы будем описывать не реальный мир. (Кстати, именно таким способом В. Вундт пытался изучать сознание и пришел в тупик.) Но в целом бихевиористы проблему игнорируют: мир, который мы воспринимаем и знаем, это и есть мир вокруг нас, заявляют они.

Во-вторых, мы не можем наблюдать за всем сразу. Мы обязательно из прагматических или теоретических (т.е. из внеэмпирических) соображений отбираем факты и принимаем решение о том, с какой точностью эти факты описывать. Поразительно, но психологи, опутанные позитивистской методологией, игнорируют и эту проблему. Например, Р. Баркер (Barker, 1969, p. 39) утверждает (и эта его рекомендация до сих пор всерьез цитируется): психолог должен обеспечивать максимально полное описание всего происходящего и заносить все данные в архив; даже если для одного исследователя эти данные будут пустой породой, то для другого окажутся золотом. (Блестящая рекомендация для золотоискателей: собирай все, что ни попадя, а даже если видишь, что порода пустая, продолжай собирать, авось кто-то другой обнаружит в ней золото.) Чтобы почувствовать бессмыслицу этого утверждения, попробуйте максимально подробно описать комнату, в которой живете. Когда закончите, проверьте, описали ли вы все щербинки на полу, все узоры на обоях, все обложки книг и т.д. А описали ли вы вид из окна, расстояние до метро, наличие лифта? (Между прочим, вы бы это обязательно сделали, например, в объявлении о продаже квартиры.) Как говаривал В. П. Зинченко, чтобы находить факты, нужен компас.

В-третьих, результаты эмпирического исследования обычно анализируются с помощью методов математической статистики. Дело даже не в том, что сами эти методы (как и вся математика)

не являются эмпирически обоснованными. Само их применение возможно только с опорой на внеэмпирические соображения. Обычно в психологии достоверным считается статистический вывод, при котором вероятность ошибки $p < 0,05$. Почему именно 0,05, а не больше или меньше? В результате *внеэмпирического* конвенционального соглашения. Один и тот же набор данных может быть описан бесконечным числом способов, а выбор способа описания зависит не только от данных, но и от решения исследователя. Даже подсчет средних отнюдь не всегда имеет смысл (см. подробнее: Аллахвердов, 2009, с. 96–99).

Рассмотрим пример. Испытуемые решали две серии задач разного типа. Если при подсчете среднего времени решения задач каждой серии округлять итог до секунд, то средние времена не отличались статистически достоверно друг от друга ($p > 0,05$). Однако если при подсчете среднего времени округлять итог до миллисекунд, то различие становилось статистически значимым ($p < 0,05$). Как решить, считать ли различие во времени реакции фактом?

Утверждение о тождественности чего-либо с чем-либо вообще не может быть доказано эмпирически, даже с помощью статистического анализа. Любое суждение (а без суждений не бывает науки) имеет вид: S есть P (т.е. S отождествляется с P). Но S и P эмпирически не тождественны. Ведь S — это все-таки не P . Поясняющий пример: фраза «Лев Толстой — автор романа “Война и мир”» отличается от фразы «Лев Толстой — это Лев Толстой». (Отсюда, кстати, заодно следует, что $S \neq S$, т.е. мы в процессе познания способны различать эмпирически неразличимое.)

В-четвертых, записанный факт — это же не факт сам по себе, а лишь его перевод на некий язык, интерпретация факта. Например, клиент проходит курс психоанализа. Его погрузили в гипноти-

ческое состояние и внушили младенческий возраст. Рассказывая в этом состоянии о своих младенческих переживаниях, он говорит, что чувствует либидинозное стремление к собственной матери. Что здесь есть факт? То, что взрослый человек на сеансе психоанализа такого-то числа в такое-то время произнес: «я чувствую либидинозное устремление к матери»? То, что клиент находился в гипнотическом состоянии? Что он вернулся в младенческий возраст? Что он помнит свои младенческие переживания? Что в младенческом возрасте он чувствовал либидинозное стремление к собственной матери?

Сам язык накладывает на факты категориальную сетку, опирается на не являющееся эмпирически обоснованным предположение о дискретности и постоянстве объектов и тем самым уже вносит искажения. (Когда Иван кушает котлету, мы не можем с помощью языка отразить тот момент, когда котлета перестает быть котлетой и становится частью Ивана.) Любое описание использует понятия. Но понятия не извлекаются сами по себе из опыта. В жизни мы не встречаемся с «кошкой вообще». Мы встречаемся с Васьками, Мурзиками и пр. Тем более мы не наблюдаем в жизни абстрактных понятий. Еще Платон удивлялся, как у нас может возникнуть понятие равенства, если в мире нет двух одинаковых вещей? Но даже если предположить логически невероятное, что понятия формируются исключительно из обобщения наблюдений опыта без допущения каких-либо внеэмпирических операций, то сам процесс этого обобщения нами все равно не наблюдаем. Странен призыв опираться только на наблюдаемое, но при этом использовать не наблюдаемые непосредственно понятия, построенные в результате ненаблюдаемого процесса.

В-пятых, исследователь не просто наблюдает и нечто измеряет, он ищет закономерности в явлениях, данных ему

в опыте. Обнаруженные эмпирические закономерности ценны только в том случае, если они могут быть распространены на какие-то другие явления, например, на будущие события. Однако, признаем вслед за Д. Юмом правомерность переноса найденной закономерности на основе полученных данных на другие данные не может обосновываться эмпирически. Любое эмпирическое обобщение исходит из внеэмпирического предположения: то, что было верно раньше, будет верным и в дальнейшем, т.е. опирается на веру в стабильность мира. Знание о том, что будет завтра, сегодня не является эмпирическим знанием.

Наконец, само требование «свести научное знание только к данным наблюдения» не является наблюдаемым фактом, а потому, если оно верно, то, с точки зрения самого требования, не является научным. А если оно не научно, то почему его надо соблюдать?

В. Вундт (цит. по: Мазиллов, 2004, с. 8) писал: «Если бы единственной целью экспериментальной психологии было просто определять какие-нибудь численные величины, то, конечно, было бы гораздо лучше употреблять затрачиваемый на это труд для чего угодно другого, например, на усовершенствование швейных машин». Факты — воздух ученого. Без фактов нет науки. Но одним воздухом сыт не будешь. Главные научные достижения — это законы и теории. Например, сегодня за счет совершенствования измерительной техники мы знаем, что открытый Ньютоном закон тяготения в 4 тысячи раз более точен, чем столетия назад мог обнаружить в опыте сам Ньютон.

Популярна фраза Л. Больцмана, «нет ничего практичнее хорошей теории». (Ее от своего имени однажды даже произнес Л. И. Брежнев — знать бы, какой шутник готовил ему доклад.) Позитивисты же, по существу, отказывают теориям в статусе науки. Ведь подлинные теории,

как правило, конструируют причины наблюдаемых явлений. Однако мы можем лишь предполагать наличие причинной связи, но не наблюдаем ее непосредственно. А нельзя, по логике позитивистов, в научные построения вводить ненаблюдаемые конструкты. Поэтому столь теоретически стерильны и бессодержательны бихевиористские построения. М. Полани (1985) резюмирует: научная теория, согласно позитивистам, это не более, чем суммирование опыта ради экономии времени и сил. Но тогда, издевается Полани, и расписание движения поездов, и телефонный справочник подпадают под это понятие научной теории. Как справедливо пишет А. В. Юревич (2008, с. 79), эмпирические обобщения психологической науки сами требуют объяснения.

Удивительным образом позитивистская методология, задуманная как способ борьбы с идеологическим вмешательством в науку, была взята — пусть и не всегда осознанно — на вооружение политиками. Министр просвещения нацистской Германии Б. Руст заявлял: «Национал-социализм не является врагом науки, он враг только теории». Впрочем, как всякий министр просвещения в тоталитарной стране, он просто не понимал, о чем говорит.

Версия вторая. Цель научного познания — сделать мир понятным, т.е. свести непонятное к понятному, очевидному. Физик Р. Фейнман (Фейнман, Лейтон, Сэндс, 1966) красиво сказал: «Истинное величие науки состоит в том, что мы можем найти такой способ рассуждения, при котором закон становится очевидным». М. Полани (1985) приводит пример исследования, которое воспринимает как нелепость, потому что не видит никакой возможности найти ему хоть какое-нибудь объяснение. В некоей статье в «Nature» доказывалось, что продолжительность беременности у различных грызунов (в днях) выражается в числах,

кратных л. Полани утверждает: сколько бы ни было доводов в пользу этого, они не смогут убедить в реальности данного соотношения.

Впрочем, неизвестно, откуда и почему переживание очевидности возникает. Само переживание таинственно, мистично. Религии исходят из того, что раз такое чувство возникает, то это неслучайно: очевидность ниспослана нам свыше и несет свет Истины — знание о том, как надо жить человеку. В Коране так и сказано: «Все написано в книге очевидности». «Царствие небесное внутри нас», — добавляют христиане. Однако не все, что кажется человеку очевидным, верно. Религия учит, как надо работать с собой, чтобы правильно выразить то, что человеку изначально дано и предстает как очевидное. Религия знает ответ (истина заранее дана), но тернист и неоднозначен путь ее постижения.

Наука не может ограничиться очевидностью, хотя и не может без нее обойтись. Она утверждает: заранее истина неизвестна, но если идти к ней по правилам, которые признаются очевидно верными, то можно надеяться, что мы к ней приближаемся. Наука не знает ответа, но убеждена в правильности избранного пути для его нахождения. Однако если не все очевидное верно, то как проверить верность самих правил? Правила, считали вначале, должны быть настолько самоочевидными, что даже нельзя предположить, что они неверны. Например, аксиома транзитивности: если $A = B$ и $B = C$, то $A = C$. Разве может быть иначе? Однако оказалось, что и «очевидные» аксиомы не всегда верны. Тезей, по легенде, каждый день в течение года для тренировки таскал на себе одного и того же теленка. Обозначим вес растущего теленка в первый день P_1 , во второй — P_2 и т.д. Допустим, что разница в весе теленка в двух идущих подряд днях Тезеем не замечалась (т.е. $P_1 = P_2$; $P_2 = P_3 \dots P_{364} = P_{365}$). Но ведь

через год он уже таскал на себе огромного быка. И наверняка разницу в весе почувствовал (т.е. $P_1 \neq P_{365}$). Это значит, что даже аксиома транзитивности не всегда верна. Математики стали играть с аксиомами. Оказалось, если изменить пятый постулат Эвклида, можно построить разные варианты неевклидовой геометрии; если отказаться от закона исключенного третьего, можно построить интуиционистскую математику. Но что же тогда можно считать неизбежно верным?

Начнем с самого начала. Для того, чтобы что-нибудь сказать, нужны слова. Эти слова можно определить с помощью других слов. Но эти другие слова надо тоже определять. Как остановиться в этом бесконечном процессе? Остается зафиксировать набор исходных, никак не определяемых слов, с помощью которых мы уже можем определить все остальные слова. В математике набор таких слов называется минимальным словарем, а вместо неопределяемых слов для экономии места математики используют набор ничего не значащих значков. (В лингвистике исходные слова называют семантическими примитивами.) Затем произвольно введем правила грамматики, позволяющие связывать слова в предложения (например, на языке арифметики предложение $2 + 3 = 8$ является грамматически правильным, хотя и ложным, а предложение $2 + 3) + ^2 = 8+$ — грамматически неправильным). Затем некоторые грамматически правильные предложения признаем истинными без какого-либо обоснования (аксиомами). Правильность выбора аксиом принципиально не может обосновываться (иначе эти аксиомы надо доказывать с помощью других аксиом). Если грамматически правильное предложение сводится по заданным правилам к аксиомам, оно объявляется истинным (теоремой). Если же оно сводится к отрицанию какой-либо аксиомы, оно объявляется ложным.

Требование таинственной самоочевидности заменилось требованием, чтобы формальная система не приводила к противоречию, т.е. чтобы грамматически правильные предложения не могли быть истинными и ложными одновременно. Математика в итоге — это наука об операциях, производимых по специально разработанным правилам над ничего не обозначающими значками, но на правила и аксиомы наложены ограничения — они не должны приводить к противоречию. Разных правил (и, соответственно, разных математик) может быть много. Математические структуры — это просто формы описания, лишённые какого-либо содержания. Никакие аргументы, кроме формальных, не принимаются к рассмотрению. (Потому, кстати, ссылка на опыт не может доказать ни одной теоремы.) Зато математическое знание не содержит и никакой тайны. По сути, оно имеет такую же природу, как и утверждение, что в метре 100 сантиметров.

Почему же так популярна фраза Галилея: «Книга природы написана на языке математики»? Чем объясняется «непостижимая эффективность математики в естественных науках» — название знаменитой статьи Ю. Вигнера (1971)? Оказывается: если придуманные значки, правила и аксиомы удастся так интерпретировать на реальности, что некоторые теоремы будут верны, т.е. будут удачно предсказывать опытные данные, то будут верны и все остальные теоремы. Это значит, что «на кончике пера» можно выводить новые законы! Для математиков осмысленность придуманной игры в значки определяется красотой и неожиданностью получаемых результатов, а для естественников — эффективностью ее предсказаний. Полагаю: математика эффективна потому, что мир поддается непротиворечивому описанию.

Сформулируем возможный критерий демаркации: *научные построения не*

должны противоречить друг другу, противоречивое знание не может считаться научным. Но как тогда быть с разными теориями, несовместимым образом объясняющими одно и то же явление? Они не могут быть все вместе верными. Но и выбор наилучшей из них зачастую сделать не удастся. А ведь это очень популярная ситуация в психологии.

Так, научение с точки зрения разных теорий протекает принципиально по-разному: в одних теориях — плавно, в других — скачкообразно. Есть теории, где след в памяти сам по себе разрушается со временем, в других теориях он разрушается от наложения на него других следов, в третьих — он не разрушается никогда (замечу, что последнюю точку зрения поддерживают С. С. Корсаков, Г. Эббингауз, З. Фрейд, А. Н. Леонтьев, У. Пенфилд, Е. Н. Соколов). Одни теоретики рассматривают ощущение как первичный процесс, на основе которого строится перцептивный образ, для других первичен перцептивный образ, который потом аналитически раскладывается на сенсорные элементы (А. А. Ухтомский, гештальтисты и др.). И уж совсем тихий ужас испытывают любители непротиворечивости при сопоставлении теорий внимания, сознания, личности. В итоге типичная история при написании диссертации: диссертант в связи с темой его работы вначале сообщает, что одна группа ученых думает об этом *так*, другая — нечто совершенно *противоположное*, а третья — совсем *иное*. После чего рассказывает о своем исследовании, даже не пытаясь сделать выбор между этими взглядами, но постоянно ссылаясь то на одних, то на других, то на третьих. Выглядит это привычно, хотя и не слишком красиво (не удовлетворяет эйнштейновскому требованию «внутреннего совершенства»).

Противоречие должно восприниматься как проблема, аномалия, «слабое место» научной теории. Научный

прогресс как раз во многом и состоит в устранении противоречий, как только они обнаруживаются (ср.: Тихомиров, 1995). Однако наличие противоречий не делает знание ненаучным. Построение полностью непротиворечивого знания — утопия даже в математике. Практически во всех науках всегда содержатся какие-либо противоречия. Даже великие ученые позволяют себе смиряться с противоречием. И. Ньютон публикует свой закон тяготения, но сам же признается в частном письме, что не понимает, как возможно притяжение на расстоянии: «Предполагать, что тяготение является существенным, неразрывным и врожденным свойством материи, так что тело может действовать на другое на любом расстоянии в пустом пространстве, без посредства чего-либо передавая действие и силу, это, по-моему, такой абсурд, который немислим ни для кого, умеющего достаточно разбираться в философских предметах» (цит. по: Вавилов, 1961, с. 129). С древних времен обсуждается, например, что детерминизм и свобода воли несовместимы — об этом пишут философы и психологи (Р. Декарт, И. Кант, Л. С. Выготский и мн. др.). В. Франкл формулирует лозунг: свобода, несмотря на детерминизм. (Ср. в Талмуде: все предвидено, но воля дана.) И Франкл прав: и свобода воли должна быть, иначе в мире нет места культуре и, прежде всего, праву, но и детерминизм должен быть, ибо в мире, в котором царит хаос, нет места для науки. Другое дело, что пока неясно, как совместить свободу и детерминизм (см. версии решений в: Аллахвердов, 2017). Но нельзя из-за этого всю психологию признать ненаучной.

И еще одно важное замечание. Непротиворечивость — исключительно формальное требование. Из того, что некто рассуждает непротиворечиво, следует лишь, что он рассуждает непротиворечиво, но вовсе не доказывает его правоту.

Версия третья. Цель науки — находить применение на практике. Раз это так, то если созданные учеными объяснения «работают» и приносят пользу, значит, они научны. Практика, как отмечал К. Маркс, имеет двуединую природу: с одной стороны, мы действуем, исходя из наших субъективных представлений о мире, но с другой — наши действия происходят в реальном мире. Поэтому добиться желаемого результата мы сможем только тогда, когда наши субъективные представления соответствуют реальному миру с точностью, достаточной для решения практических задач. Практика — критерий истины. Действительно, если мы добиваемся практического успеха, то это повышает веру в наши теории. Трудно не согласиться с В. Гейзенбергом (1987, с. 331): «Достаточно представить себе ту предельную степень точности, какой требует посадка на Луну, ту невообразимую меру надежности и отточенности, какая здесь продемонстрирована, чтобы понять, сколь прочная база достоверной истинности лежит в основании новоевропейского естествознания».

Проблема, однако, в том, что мы можем действовать, исходя из любых представлений, а побочный продукт этих действий может неожиданно решить какую-то практическую задачу. А далее мы просто будем повторять наши действия, приведшие к успеху, толком не понимая, что именно обеспечило успех. Люди многое умеют делать, зачастую представления не имея, как они это делают и почему достигается практический эффект. Практический эффект можно достичь, даже опираясь на ложную теорию. Например, мосты обычно проектируют из заведомо ложного предположения, что Земля — плоская. Дж. Гриндер и Р. Бендлер (1992, с. 19) не лукавили, объясняя ученикам на семинаре по НЛП: «Все, что мы собираемся вам здесь сказать, — это ложь. Поскольку у нас нет требований

к истинности и точности, на этом семинаре мы постоянно будем вам лгать... Если вы будете действовать так, *как будто* наши утверждения действительно истинны, то убедитесь, что они работают».

У. Джеймс пытается трактовать пользу как истинность. Если идея Бога полезна для людей, делает их счастливыми, то, утверждал Джеймс, она истинна. Б. Рассел удивляется (2001а): Предположим, вы хотите узнать, переплыл Колумб Атлантический океан в 1492 или в 1493 году. Обычно люди для этого смотрят в книгу. Но если принять точку зрения Джеймса, вы должны решить трудную проблему: какой ответ для вас будет полезнее? Экзорцизм (изгнание бесов) может быть эффективным психотерапевтическим приемом, но, как справедливо замечает А. Ш. Тхостов, из этого никак не следует, что бесы существуют. Польза не означает истинность.

Если практическая технология приводит к желаемому результату, мы не откажемся от нее, как бы ложно ни было ее теоретическое обоснование. Но демонстрация практической эффективности каких-либо методов еще не позволяет назвать эти методы научными. До конца XIX в. практические разработки всегда опережали теоретические построения. Да и до сих пор во многих отраслях промышленного производства, в металлургии и в различных отраслях сельского хозяйства деятельность осуществляется как своего рода искусство при полном отсутствии знания о составляющих ее операциях и процедурах. В частности, практика прядения хлопка — это «вещь в себе, которая с трудом соотносится с физическими знаниями» (Полани, 1985, с. 86). Технологии (от др. греч. τέχνη — искусство, мастерство) в любых сферах деятельности — это более искусство, чем наука.

Судя по описаниям, создатель физиогномики И. Лафатер был весьма эффективен в своих прогнозах. О Лафатере

рассказывают легенды. Однажды некая дама из Парижа привезла к нему дочь. Взглянув на девочку, Лафатер пришел в сильное волнение и отказался говорить. Дама умоляла. Тогда он написал что-то, вложил в конверт и взял с дамы клятву распечатать его не раньше чем через полгода. За это время девочка умерла. Мать вскрыла конверт. Там была записка: «Скорблю вместе с вами...». Но даже легендарные успехи Лафатера не превратили физиогномику в науку. Многие люди уверены, что они оказывают эффективную психологическую помощь своим знакомым, поговорив с ними на кухне «за рюмкой чая». Но трудно назвать этот метод научным.

Беда обсуждаемой версии еще и в том, что результат практической деятельности не дан сознанию непосредственно. Сличение ожидаемого результата практической деятельности с реально достигнутым невозможно. Сравнить можно только с *субъективным образом* достигнутого результата. А ведь люди обычно воспринимают то, что ожидают, в чем они убеждены. Если уж они верят, что в засуху дождь не пойдет, пока не будут произнесены определенные заклинания, то произнесение заклинаний для них становится обязательным. И рано или поздно дождь пойдет! Вряд ли тем не менее можно считать практику заклинаний научной. Гомеопаты уверяют в эффективности своих методов лечения, ведь миллионы людей используют и иногда не без успеха гомеопатические средства. Тем не менее большинство ученых-медиков объявляет гомеопатию шарлатанством, а успехи, если они есть, приписывают самовнушению пациентов. Еще более трудная ситуация в психотерапии, где работает «принцип Мейхенбаума»: любая самая абсурдная, самая фантастическая концептуальная схема может помочь клиенту, если он в нее поверит.

Более того, для оценки практической эффективности необходима теория. Как

долголетие сложных строительных конструкций обязательно доказывается теоретическими расчетами, так и возможные последствия психотерапевтических воздействий нельзя предсказать без теории. Будущих психотерапевтов надо обучать не тем технологиям, которые иногда могут быть эффективны (ибо тогда их следует учить и астрологии, и процедурам изгнания бесов, и шаманству, и прочим ненаучным процедурам), а только таким, которые при этом *не могут навредить*. Европейская психотерапевтическая ассоциация для признания метода научным не напрасно требует, чтобы он опирался на стройную теорию человека и был оправдан ясными основаниями.

Итак, умение достичь практического эффекта чрезвычайно важно, но его мало, чтобы признать деятельность научной. В следующей статье рассмотрим другие версии в надежде, что все-таки удастся провести демаркационную линию между наукой и не-наукой.

Литература

Аллахвердов В. М. (1993). Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб.: Печ. двор.

Аллахвердов В. М. (2009). Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб.: Формат.

Аллахвердов В. М. (2017). Сознание и проблема свободы воли // Журнал высшей нервной деятельности. 2017. Т. 67, № 6. С. 734–738.

Вавилов С. И. (1961). Исаак Ньютон. М.: Наука.

Вигнер Е. (1971). Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Е. Вигнер «Этюды о симметрии». М.: Мир.

Гейзенберг В. (1987). Шаги за горизонт. М.: Прогресс.

Гриндер Дж., Бендлер Р. (1992). Из лягушек в принцы. СПб.: Альвис.

Зинченко В. П. (2004). Исторический или психологический кризис? // Вопросы психологии. № 3. С. 86–89.

Леонтьев А. Н. (1966). Понятие отражения и его значение для психологии // Вопросы философии. № 12. С. 48–56.

Мазилев В. А. (2004). Стены и мосты: методология психологической науки. Ярославль: МАПН.

Полани М. (1985). Личностное знание. М.: Прогресс.

Рассел Б. (2001а). История западной философии. Новосибирск: Сибирское университетское издательство.

Рассел Б. (2001б). Человеческое познание, его сфера и границы. М.: Ника-Центр; Институт общегуманитарных исследований.

Тихомиров О. К. (1995). К. Поппер и психология // Вопросы психологии. № 4. С. 116–129.

Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. (1966). Фейнмановские лекции по физике. Т.3. М.: Мир.

Юревич А. В. (2008). Проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 74–87.

Barker R. (1969). Wanted: An eco-behavioral science // Naturalistic Viewpoints in Psychological Research / Ed. E. Willems & H. Rausch. NY: Holt, Rinehart, & Winston.

Dean G. and Kelly I. W. (2003). Is Astrology Relevant to Consciousness and Psi? // Journal of Consciousness Studies. № 10. P. 175–198.

**ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА:
«КТО» ВИДИТ МИР?
(эскиз концепции взаимоотношения)**

В. А. Петровский

*НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия,
e-mail: petrowskiy@mail.ru*

Вопрос о связи психического и физического (души и тела), сохраняя значение одной из центральных проблем философии, интригует трудностью своего рассмотрения не только философов, но и представителей конкретных наук, психологов, физиков, логиков, семиотиков. В последние два столетия появились новые термины («квалиа», «супервентность», «эмержентность», «философский зомби»), призванные содействовать разрешению «трудной проблемы сознания» (Д. Чалмерс). Но обеспечивают ли эти лингвистические инновации существенный прогресс в решении старой проблемы? Автор полагает, что, обновляя традиционный дискурс, они требуют существенной конкретизации, так как оставляют неясным сам критерий различения «психического» и «физического» (без чего вопрос об их соотношении теряет какой-либо смысл). Искомый критерий описывается в статье как трансферентность (распространяемость «за») нетрансферентность (приверженность месту). «Физическое» (волны, частицы) сохраняют собственные свойства за пределами места своего возникновения, обнаруживая трансферентность (частицы переносятся, волны распространяются без изменения собственных свойств); «психическое» (ощущения, представления, чувства, мысли, эмоции, устремления и др.) — нетрансферентны (существуют там и только там, где возникли). Трудность разрешения психофизической проблемы обусловлена «ошибкой смотрящего» — неразличением чувственных (представляемых) и сверхчувственных (мыслимых) элементов. Психические явления представляют собой результат взаимодействия мыслимых физических элементов (по примеру интерференции волн и образованию «стоячей волны»). Подразумевается, что одним из участников взаимодействия («сопродуцентом») является органическое тело индивида (и, в частности, его мозг). Гипотетическая модель психических содержаний (метафорическая модель) — это внутренняя голограмма, порожденная индивидом и существующая в единственном экземпляре. Предполагается, что, имея структурный характер, она способна конфигурировать проходящую сквозь нее лучистую энергию тела, выступая тем самым в роли «формальной» и «целевой» причин поведения (в терминах Аристотеля). Таким образом, оспаривается представление об эпифеноменальности (избыточности) психики в организации активности индивида. Особо подчеркивается эксклюзивный характер психических явлений как внутренних голограмм, так как согласно исходной гипотезе они привержены месту своего возникновения, — не могут быть зафиксированы с помощью технических устройств или, как говорится, «глазом», «извне» (не могут быть «извлечены», «подсмотрены», «переданы», «сфотографированы», «запеленгованы» и т.п.). Принято говорить, что психические содержания «скрыты от стороннего наблюдателя» и при этом «видимы (переживаемы) только изнутри». Автор показывает, что представления о «видимости психических содержаний изнутри» подлежат критическому рассмотрению: идея «внутреннего созерцателя» порождает

представление о «гомункулусах», — дурную бесконечность вложенных друг в друга «человечков». Тезис автора состоит в том, что первоначально «нет никого внутри, кто видел бы, переживал, стремился», иными словами, был субъектом внутренней жизни («я»); «созерцаемое» и «созерцатель» суть фрагменты феноменального поля, «комментированные» культурно-заданными вербальными знаками («я вижу», «я представляю», «я испытываю» и т.п.). Некоторые модели «я», порожденные телесностью индивида в социокультурной среде, проявляют свойство самодвижения, *causa sui*. Таким образом, в целом, взаимоотношения психического и физического интерпретируется как их взаимоопосредование, — со-бытийность; отношения не симметричны: не психика — «для тела», а тело — «для психики».

Ключевые слова: «трудная проблема сознания», квалиа, супервентность, эмерджентность, психическое, физическое, маргинальное, трансферентность–нетрансферентность, чувственное, сверхчувственное, причинность, эпифеномен, опосредование, «я».

DOI: 10.7868/S1819265318010053

Для цитаты: Петровский В.А. (2018). Психофизическая проблема: «кто» видит мир? (эскиз концепции взаимоопосредования) // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 58–83.

Вступительные заметки. Жанр этого повествования — скорее эскиз концепции, чем систематическое изложение завершенной концептуальной системы. По-видимому, нет в данный момент для автора иного пути, чем, высказывая свои мысли, заранее ограничить охват проблемы — в ее исторической ретроспективе, критическом анализе сегодняшних попыток решения. Обоснование собственных авторских предложений имеет, скорее, гипотетический (а то и метафорический) характер, чем указание на философски выверенные, эмпирически верифицированные аргументы. Некоторым оправданием автору служит то, что «психофизическая проблема» до сей поры составляет интригу и «центральный вопрос философии», не получившей ответа на протяжении нескольких столетий. Перед нами каскад «мысленных экспериментов» — характерная примета собственно философского (кабинетного) экспериментирования, открывающего возможности существования / несуществования решения проблемы, не подпадающей сегодня или в принципе подтверждению или опровержению в экс-

перименте. Также и автор этих строк, психолог-экспериментатор и вместе с тем психолог-практик, не помышляет сейчас о проведении каких-либо реальных (лабораторных) и, тем более, «полевых» исследований в данной области знания. При этом автор не исключает необходимости проведения эмпирических исследований, объединяющих философов с психологами и физиками, коль скоро речь идет о философской проблеме взаимоотношений между предметами той и другой науки, представителями которых они являются.

Позитивистски мыслящие психологи, бдительно относящиеся к суждениям, порою не имеющими «научного» (по Карлу Попперу) характера, осторожно именуют свои мысленные построения «спекулятивными», но все-таки не могут обойтись без них. Так и математики не могут обойтись без метаязыка (языка смыслов), комментируя формальный язык своих теорий. Искус говорить о неведомом, не скрывая свои подлинные, но требующие дополнительной аргументации мысли, — неотчуждаемая часть науки (или так хотелось бы думать).

Психофизическая проблема, попытки ее решения, заключает в себе определенный риск для мыслителей. Она обладает особой цепкостью, способна довести до отчаянья тех, кто над нею задумывается (многим, я знаю, повезло *никогда* не задумываться!). Впрочем, защитные механизмы и копинговые стратегии ученых функционируют бойко, обесценивая саму постановку проблемы, либо рождая одно за другим решения, кажущиеся истинными и тем самым «снимающим» эту проблему. Почти каждому из задумавшихся и предложившему свое решение думается, что его собственная отгадка — лучшая и что *его* слово станет последним. Так временами представляется и мне, автору этих строк. Но, в отличие от многих других старателей, я все-таки сознаю гипотетичность своих построений.

За пределами рассмотрения остаются... Общеизвестны исторически сложившиеся решения психофизической проблемы: теория психофизического взаимодействия (Р. Декарт) и теория психофизического параллелизма (Б. Спиноза). К традиционному изложению взглядов великих автор этой статьи, пожалуй, мало что мог бы добавить.

В новой истории попыток решения обсуждаемой проблемы мы встречаем теорию С. Л. Рубинштейна — «психофизического единства». Но является ли это теорией — вопрос. На наш взгляд, С. Л. Рубинштейн предложил словесную формулу, позволяющую, скорее, отсрочить решение, чем предложить новое, или, если быть оптимистом, удобное словесное место для последующих содержательных решений. Смысл предлагаемой Рубинштейном формулировки: они оба — Декарт и Спиноза — по своему правы, и в то же время оба не правы. Будущее покажет, что есть в действительности, но пока перед читателями фундаментальных «Основ общей психологии» — *означающее* для будущих *означаемых*. Есть решение? — Отчасти.

В новейшей истории поисков, на фоне серьезных разработки проблем методологии науки (В. А. Мазиллов, И. Н. Карицкий) и психологии сознания (В. М. Аллахвердов, А. В. Карпов)¹ определилось несколько интересных подходов в трактовке и разрешении психофизической проблемы (в России — разработки психологов Я. А. Пономарева, Л. М. Веккера, Ю. Б. Гиппенрейтер, А. И. Миракяна, В. Ф. Петренко, а также философов Д. И. Дубровского, В. В. Васильева, Д. Б. Волкова, Д. В. Иванова, С. В. Нагумановой, несколько особняком — Э. В. Ильенкова²; за рубежом — Д. Чалмерса, Д. Деннета, Дж. Серлза, Н. Хамфри, Т. Нагель и др.). Все эти подходы требуют

¹ Могут быть названы в связи с исследованиями сознания авторы нейрокогнитивных исследований (среди отечественных авторов — Б. М. Величковский, Ю. А. Александров и др.). Их креативные работы посвящены обсуждению биологических коррелятов сознания, но для нас это проблема *смежная* — психофизиологическая — хотя в литературе, даже энциклопедических статьях, до сих пор встречается путаница. Впрочем, некоторые работы самим своим содержанием немало содействуют тому, чтобы ассоциация по смежности между данными проблемами превратилась в ассоциацию по сходству; таково, к примеру, нейрокогнитивное исследование с многообещающим названием, начинающимся словами «В поисках Я...» (Velichkovsky et al., 2017).

² Не могу не поделиться воспоминанием о короткой встрече с Э. В. Ильенковым, активным критиком взглядов Д. И. Дубровского. Я возлагал большие надежды на разговор с Ильенковым, творцом блистательной теории «идеального»: что-то он скажет о психофизической проблеме? Я подошел к нему после лекции, которую мне посчастливилось услышать. Меня интересовал простой с виду вопрос, трудно сочетаемый, как мне казалось, с теорией Ильенкова: почему выпитая чашечка кофе (химия) вызывает изменение в самочувствии человека? Где здесь «идеальное» и есть ли оно здесь? Как соотносится идеальное и субъективное? Словом, я рискнул поставить вопрос о взаимоотношениях между теорией идеального и психофизической проблемой. Общий смысл ответа Ильенкова был таким: «Психофизическая проблема — ложная проблема, нет такой проблемы»... Аналитические философы последующих поколений, оказывается, и не знали, что предмета их исследований не существует.

специального *подробного* рассмотрения — о них нельзя говорить мимоходом³.

Новые слова или новое слово? В новейшее время с легкой руки Дэвида Чалмерса, в 1995 г., проблема была переназвана довольно точно и одновременно абсолютно неузнаваемым образом. Отныне перед нами не проблема «души и тела» (прочь эту архаику!), не «психофизическая проблема» (вечное «X», решаемое через «Y»), но просто и чистосердечно — «*трудная проблема*» сознания (Чалмерс, 2013). Таков, пожалуй, сегодняшний бренд, объединяющий философов, психологов, физиологов, физиков, работающих над ее решением.

Появились новые, а также освежены некоторые старые понятия, привлекаемые для того, чтобы справиться с трудной проблемой сознания:

- *квалиа* (новое понятие),
- *супервентность* (понятие, почти знакомое и явно менее сложное для понимания, чем его замысловатая словесная упаковка),
- *эмерджентные* свойства (эквивалент тому, что философы и психологи привычно называют «свойствами целого»).

Квалиа. Этот термин (от лат. *qualia* (мн. ч.) — *свойства, качества, quale* (ед. ч.) — *какого сорта или какого рода*) — используется в философии, преимущественно в англоязычной аналитической философии сознания, для обозначения сенсорных, чувственных явлений любого рода. Введен американским философом К. И. Льюисом в 1929 году. С тех пор это понятие иногда рассматривается как аргумент против сведения ментального (субъективно сущего) к физическо-

му (объективно сущему). Доказательство в пользу существования «квалиа», строящиеся, впрочем, на недоказуемых интуитивных посылах, может включать в себя некий феноменологический эксперимент: попробуйте ответить, что ощущает в полете летучая мышь? (Нагель, 2003). Добавим уже от себя: что «чувствует» комар, пьющий кровь? Об этом мы никогда не узнаем, — наверняка мы испытываем иные чувства, когда пьем кровь ближнего.

Э. Шредингер писал: «Ощущение цвета нельзя свести к объективной картине световых волн, имеющейся у физика. Мог бы физиолог объяснить его, если бы он имел более полные знания, чем у него есть сейчас, о процессах в сетчатке, нервных процессах, запускаемых ими в пучках оптических нервов в мозге? Я так не думаю» (Schrödinger, 2001).

Не отрицая красоты обольщающего своим звучанием термина «квалиа», нельзя не отметить сходства соответствующего конструкта с более привычным для нас (и ничем себя не ослабившим) понятием «ощущение». Разница, может быть, в том, что «ощущение» обычно означает для нас ощущение *чего-то* (знаемого или незнаемого), а термин «квалиа» подчеркивает отнесенность элемента, обозначаемого этим термином, к субъективной сфере индивидуума (= ментальности).

Ближе всего «квалиа», если иметь в виду исторические параллели, к так называемым «вторичным качествам» в их оппозиции к «первичным качествам». Напомним, что под *первичными* качествами Джон Локк понимал объективные свойства материальных тел, относя к ним протяженность, величину, фигуру, сцепление, положение, количественные характеристики вообще, механическое движение, покой, длительность (Локк, 1960); *вторичные* качества, по Локку, — это субъективные ощущения, не совпадающие со свойствами внешних объектов самих по себе; к ним относятся цвет, звук,

³ Весьма нежелательно, конечно, оставлять анализ этих работ за бортом, но нет смысла и нырять за борт. Требуется место для полноценного анализа, одинаково внимательного к идеям каждого из названных авторов.

вкус, запах и т.д. Современная аналитическая философия приписывает *квалиа* особую функцию — противодействовать сведению ментального к физическому. Перед нами не просто красное или зеленое, громкое или тихое, горькое или кислое, но «красность» как таковая, «громкость» сама по себе, «кислотность» как особое ощущение от лимонной дольки во рту. «Квалиа» характеризует не только элементарные, но и сложные переживания: мучительность боли, «горечь» обиды, «сладость» наслаждения (этот ряд вслед за философами, пишущими о квалиа, каждый мог бы продолжить сам).

Полагаем, что тезис о существовании квалиа, при всем многообразии его трактовок, все еще недостаточно разработан. В классической работе Д. Деннета (1998) указаны четыре свойства, которые обычно приписываются квалиа:

- 1) они не могут быть переданы в сообщении и не могут быть постигнуты каким-либо другим образом, кроме прямого переживания;
- 2) они являются свойствами, не связанными с отношениями и не изменяемыми в зависимости от взаимосвязи переживания с другими объектами;
- 3) любые межперсональные сопоставления квалиа теоретически невозможны;
- 4) переживать квалиа — автоматически знать о том, что ты переживаешь квалиа, а знать квалиа, значит, переживать его.

Заметим, что пункт 2 в этом списке (инвариантность в контексте отношений и других переживаний) заметно сужает объем понятия квалиа. Указанные Люисом в качестве квалиа «сенсорные чувственные явления *любого рода*» (выделено мной, — В. П.) не могут рассматриваться как независимые «ни от чего» элементы ментальности. Кроме того, правомерно усомниться в том, что «переживать квалиа

автоматически означает знание о том, что ты переживаешь квалиа, а знать квалиа, значит, переживать его». Мы находим антитезис к такому пониманию в феномене «фигура-фон» (чередование в поле зрения видимых профиля и вазы). Разумеется, «фигура» — это всегда квалиа. Но можно ли отказать «фону» в статусе квалиа на том основании, что в данный момент его (фона) присутствие не выступает на уровне *знания* да и само *переживание* не рефлексивируется (не соотносится с «я»)? Однако в тот момент, когда фигура становится фоном, а фон фигурой, человек *не переживает* эти скачки-переходы как чередование полюсов «объективное» — «субъективное». Обе части рисунка *как целого* находятся в одной плоскости сознаваемого.

В развитии темы квалиа мы предлагаем также различать объекты первого и второго рода в сознании (по аналогии с макро- и микрообъектами в физике). Объекты первого рода не изменяются в сознании, будучи подвергнуты рефлексии (процедура исследования не влияет на объект исследования). Объекты второго рода в такие моменты подвергаются изменениям. Примером объектов первого рода может служить квалиа *красное*: дорефлексивное и рефлексивируемое *красное* ничего не меняет в самом качестве переживания. Пример объектов второго рода — переживание слитности субъекта созерцания и созерцаемого предмета (см. ниже рис. 3); другой пример — переживание в сознании эмоционально близких друг другу людей дорефлексивной общности «Я = Ты»; «прикосновение» рефлексии к этим переживанием моментально расщепляет их на два полюса (так в гносеологии появляется противоположность «субъект познания — объект познания», в этике — теория «разумного эгоизма»)⁴.

⁴ Извечная мука русского рефлексивирующего интеллигента: «Для кого я это (доброе) сделал?»

Особый вопрос, является ли квалиа или комбинация квалиа необходимым критерием дифференциации психического и физического. Иными словами, существуют ли такие содержания психического, которые не могут быть поняты как квалиа (актуально или потенциально соотносимые с «воспринимающим “я”»)? В другой формулировке это звучало бы так: существует ли что-нибудь *афизическое* (термин А. И. Миракяна), что являлось бы *психическим*, но не имеющим статус переживаемого и актуально известного? К этому вопросу у нас будет повод вернуться.

Термин «квалиа» используют также для того чтобы провести различие между содержательным аспектом ментального процесса (контентом) и субъективным переживанием процесса, «каково это испытывать процесс на себе» (Д. Б. Волков). Но «квалиа» — это не только известное. Это, как мы уже отметили раньше, ощущения (или нечто внутреннее, но потаенное), предположительно свойственные существам иной природы. В фантазии исследователей естественным образом рождается образ особых «сущностей», обладающих самостоятельной силой влияния на физические процессы, протекающие внутри индивида и выражающиеся в его поведении. При этом феноменальное превращается в материальное и таким образом решительно снимается с повестки дня проблема эпифеноменальности психики (т.е. «ненужности» субъективных явлений для регуляции поведения) — таков дерзкий аргумент «каузальных траекторий» современного российского философа В. В. Васильева. Отдавая должное оригинальности взгляда соотечественника, заметим, что Э. Гуссерль, основатель феноменологии, категорически возражал

против того, чтобы рассматривать *феномены* как «действующие причины»; есть также современные российские авторы, приводящие весомые аргументы против попыток интерпретировать воздействие ментального на физическое аргументами «от квалиа» (Волков, 2008).

Супервентность. Еще одно «волшебное слово», призванное помочь нам справиться с трудной проблемой сознания, это «*супервентность*». В контексте нашего рассмотрения данный термин означает, в частности, отношение между физическим и психическим в виде особого типа следования второго за первым (англ. Supervenience — «действие, возникающее как следствие чего-то др.», «следование за чем-то», «дополнение прежнего чем-то новым». «Особый тип психофизической связи, когда психическое следует за физическим, сопрягается с ним, но не сводится к тем или иным свойствам мозга».

В статье «Ментальные события» (1970) Д. Дэвидсон, рассматривавший понятие «супервентность» как ключевое условия решения психофизической проблемы, писал: «Ментальные события в некотором смысле (курсив мой, — В. П.) независимы или супервентны от физических характеристик. Под супервентностью я здесь подразумеваю невозможность существования двух событий, идентичных в физическом плане, но различающихся в ментальном, а также невозможность изменения ментальных характеристик без изменения физических» (Davidson, 2006, с. 214). Известно, что многие представители аналитической философии (Kim, Lewis, Чалмерс), опираясь на «супервентность», вслед за Дэвидсоном стали рассматривать отношение супервентности применительно к сознанию. Согласно Дэвидсону, хотя психические состояния вызваны физическими состояниями, их нельзя свести к физическим свойствам.

Известно, что к занимающей нас проблеме непосредственное отношение

Для себя? Как же так?» Разгадка состоит в том, что в момент самого деяния человек переживал общность себя и другого (для кого что-то делалось), но вопрос «для кого?» ее расщепил.

имеет одна из форм супервентности, а именно «локальная супервентность» (в то время как глобальная супервентность относится к миру в целом, локальная — к отдельным объектам, например, к мозгу, с его ментальными и физическими характеристиками). Применительно к мозгу это означало бы, что не может быть ментальных различий без соотносимых с ними физических различий индивидуумов.

Вопрос, который мы бы поставили в связи с этим адептам идеи супервентности, мог бы прозвучать так: Не является ли концепт «супервентности» в теоретическом плане супервентным в отношении концепта «психофизического параллелизма»?

Эмерджентность. В общепринятом понимании «эмерджентность» (от англ. *emergent* — возникающий, неожиданно появляющийся) означает наличие у какой-либо системы особых свойств, не присущих ее элементам; в существующих дефинициях особо подчеркивается несводимость свойств системы к сумме свойств ее компонентов, что представляет собой современное прочтение аристотелевского (или приписываемого Аристотелю) положения, согласно которому «целое больше, чем сумма его частей». В категории эмерджентности некоторые философы (Васильев, 2009) видят путь к разрешению психофизической проблемы. С этой точки зрения, ментальное есть системный эффект участия физических компонентов телесности индивида, не редуцируемый к ним. Что можно возразить против этого? Данное положение представляется безупречным; оно столь же неопровержимо, как и памятное определение психики в трудах редко упоминаемого сегодня философа, В. Ильина⁵ («психика» им опре-

делялась как *функция* высокоразвитой материи); то же понимание мы находим и в работах классика философской психологической мысли С. Л. Рубинштейна, предложившего упомянутый нами ранее принцип «психофизического единства»).

Острый вопрос, однако, состоит в том, как *мыслить* данный системный эффект (эту «функцию мозга»), — мыслить, не копируя при этом саму дефиницию эмерджентности. Иначе говоря, если мы принимаем аргумент эмерджентности, то правомерно спросить, что представляет собой она конкретно. Разумеется, отвечая на этот вопрос, нельзя ограничиваться ссылками на Дэвидсона, копируя его тезис о том, что психические состояния вызваны физическими состояниями, но не сводимы к ним (ведь весь вопрос — в чем состоит их несводимость), и в той же мере ответом не может служить идея «нередуцируемости» психического к «квалиа», ведь в этом случае мы бы пришли к тавтологии, описывая ментальность как несводимость к физическому, посредством того, что к физическому несводимо.

Некоторые предпосылки к ответу мы находим в голографических моделях психики (начиная с работ К. Прибрама) и в гипотезах о том, что основу психического (ментального) образуют квантово-механические явления. Отметим также пионерские работы нашего соотечественника, В. Н. Пушкина (Пушкин, 1980). Он высказал идею (и приводил тому даже экспериментальные подтверждения)

этого философа. По свидетельству профессора Льва Борисовича Ительсона (я слышал от него это еще в доперестроечные времена), одному из критиков данного автора принадлежат такие слова: «У господина В. Ильина метод обсуждения философских проблем — венерологический: главное поставить диагноз». Не ручаюсь за точность цитирования и происхождение этих слов, но, судя по всему, они были сказаны некогда А. А. Богдановым, которого «господин В. Ильин», в свою очередь, пытался пригвоздить к позорному столбу «как махиста», а махистов — как солипсистов.

⁵ Старшему поколению не надо напоминать имя, точнее, еще один псевдоним автора хрестоматийного в советскую бытность сочине-

существования некоей «пси-волны», полагая, что информационные записи на уровне молекул и нейронов не являются еще образом и моделью объекта; образ возникает лишь после прохождения через эти записи стоячей пси-волны. К идее «стоячей волны» прибегаем и мы, однако подчеркивая, что пока это только метафора, и отбрасывая вводящий в тавтологию маркер «пси-».

Физическое, психическое, маргинальное (психофизическое). Признавая правдоподобность этих гипотез, подчеркнем, что, *затрагивая* связь физического и психического, они оставляют нетронутым вопрос о специфике психического по сравнению с физическим (отношение «связи» между этими явлениями остается нераскрытым). Договоримся в дальнейшем, говоря обобщенно о *физическом*, использовать греческую букву ϕ , а *психическое* обозначать буквой ψ (и таким образом, говорить о ϕ -элементах, ϕ -структурах, ϕ -образованиях, ϕ -процессах, а также — ψ -элементах, ψ -структурах, ψ -образованиях, ψ -процессах). Здесь же, не откладывая, обозначим гипотетические взаимопереходы физического и психического, то есть, собственно, психофизического (*маргинальное*, — «промежуточное», «переходное», «нейтральное») греческой буквой γ . Бытие индивида в целом обозначим ω . Таким образом, область наших исследований может быть символически представлена отношением: $\omega = \phi \gamma \psi$.

Спрашивая, «в чем специфика психического?», мы должны ответить также и на смежный вопрос — о специфике физического. Последний из двух в терминах Дэниела Стояра мог бы прозвучать так: «В чем специфика *эталонных физических объектов*? Рассмотрим в качестве таких объектов частицу (корпускулу, вещь) и волну и попробуем определить признак, им одинаково свойственный. На наш взгляд, таким общим признаком является несовпадение локуса их возникновения

и возможных локусов их существования в среде (иначе говоря, сохраняясь в качестве *данной* частицы, *данной* волны, они пребывают в движении, — перемещаются, распространяются далее). Метафорически они способны, сохраняя себя, «выходить за...». Их характерный признак: пространство за пределы места своего порождения, *трансферентность корпускул и волн* в пространстве-времени при сохранении определяющих их свойств. Другими словами, ни корпускулы (и, соответственно, «вещи»), ни волны не изменяют своих свойств при их перемещении из пространственно-временной окрестности точки a , соответственно, в окрестность точки b (будем говорить «в район a » и «в район b »). Так, вещь, находившаяся (или возникшая) в районе a , может быть мысленно (и фактически) *извлечена* оттуда и *перенесена* в район b (перенос, «транспортировка» не изменят в данном случае физических свойств вещи). Также и волна, отмеченная в районе a , сохранит те же параметры в районе b (говоря о *распространении* волны, мы абстрагируемся от явлений рассеивания)⁶.

Здесь-то мы и находим искомое различие между ϕ и ψ : *психическое*, в отличие от *физического*, *нетрансферентно* (его невозможно извлечь, перенести, передать, распространить, послать в виде сигнала и т.п.). Иначе говоря, *локус возникновения*

⁶ В той же логике могло бы быть описано и физическое поле, но оно не является «эталонным физическим объектом» и вообще «не является физическим объектом»). Цитирую: «Физические поля — пространственные распределения специфических параметров физических сред. Относящиеся к таким распределениям физические величины и сами поля не есть самостоятельные физические объекты, но лишь специфические свойства физических сред — носителей этих свойств, представляющих собой либо физическую величину, характеризующую среду — носитель в данной точке, либо распределение физических величин в области существования среды — носителя, что и есть физическое поле» (см. Павлов, б.г.).

и *локус существования* психического совпадают, оно существует там и тогда, где и когда появилось, и таким образом не является ни корпускулой, ни волной.

«Ошибка смотрящего». Наблюдаемое и мыслимое. Полагаю, что *трудность* рассматриваемой «трудной проблемы сознания» состоит, прежде всего, в том, что, действительно, весьма непросто, а точнее, совершенно невозможно вообразить переход от одних чувственных свойств мира, «элементов опыта», к другим чувственным элементам; например, вес, шестиугольность или краснота, как бы мы не пытались трансформировать их в боль, кислотность или переживание радости, никогда в нашем сознании не смогут учинить (мы бы сказали, учудить) ничего подобного. Опыт переживаемой беспомощности в попытках алхимически свести вместе чувственные (представляемые, наблюдаемые) элементы разной природы и получить при этом какой-то другой чувственный элемент мы называем «ошибкой смотрящего». Вскрывая эту ошибку, мы обретаем шанс продвинуться к разрешению вековой проблемы.

Принимаем четыре интуитивно приемлемые допущения, связанные с различением *чувственного (наблюдаемого)* и *сверхчувственного (мыслимого)*:

- «*физическое*», как таковое, *per se*, есть *сверхчувственное*. В этом случае мы говорим о физическом в его мыслимой «чистоте», имея в виду такие сущности как волна или частица, не отождествляя их с соответствующими культурными знаками, «следами», показателями каких-либо датчиков и т.п. Здесь требуется пояснение: «физическое» не покрывает собой всего сверхчувственного: геометрическая точка на плоскости («окружность нулевого радиуса»), контур шара (сколько не поворачивай шар, остается на месте) или световое пят-

но на удаленном экране (способно перемещаться со скоростью, превышающей скорость света) — все это, строго говоря, не есть физическое;

- «*психическое*», как таковое, есть *чувственное* (хотя не все, что относится к категории чувственного, есть психическое *per se*, то есть квалиа; к примеру, самолет, баобаб, айфон или «эскимо» — все это чувственное, но не психическое);
- чувственное, любой чувственный элемент опыта, есть результат слияния (композиции, взаимодействия) сверхчувственных элементов:

$$\Psi = \varphi_1 * \varphi_2 * \varphi_3 * \dots$$
- чувственное не является источником сверхчувственного (например, волн или частиц): вес, боль, фиолетовый цвет, «подъем душевных сил» не порождают частиц или волн; чувственное остается там, где оно есть, не распространяясь за пределы этого места; это относится, в частности, к ощущениям и соощущениям:

$$\varphi_1 * \Psi_2 * \Psi_3 * \dots \neq \varphi.$$

Итак, можно понять и принять, что имеющиеся у нас представления о частицах и волнах, их *чувственные образы*, — это не сами по себе частицы и волны, *мыслимые* нами. Последние суть *сверхчувственные* образования. Аналогии напрашиваются. Так, геометрическая точка («шар нулевого радиуса») или окружность («геометрическое место точек на плоскости, равноудаленных от одной») мыслимы, но, как таковые, невидимы. Чувственное — результат встречи сверхчувственных элементов. При этой встрече рождаются *образы* сверхчувственного, своего рода одеяния, прикрывающие их бытие *per se*. Мыслимое, оно всегда в одеянии чувственных образов, и любые настойчивые попытки разглядеть их под покровом чувственности — навязчивый гносеологический вуайеризм! — совершенно

Рис. 1. В результате сочетания поступающей извне «средовой» волны и принимающей «индивидуальной» волны, рождается нечто (красное), не способное излучать или перемещаться. То, что возникло, остается там, где возникло. Это — «как бы физическое», но не физическое, — форма, «наполненная» чувственным содержанием

несостоятельны⁷. Сами по себе физические элементы *мыслимы* в качестве перемещающихся или распространяющихся в пространстве-времени, в отличие от чувственных форм, в которых они представлены (они как бы сбрасывают с себя эти формы на ходу, пока мы пытаемся разглядеть их). Аналог физических *явлений* — знак как единство означающего и означаемого: «физическое явление» — это *явление* (знак) *физического* (значение).

Итак, мы подчеркиваем разницу между чувственным (наблюдаемым) и сверхчувственным (мыслимым). Разница заключается в том, что сверхчувственное *порождает* чувственное, но обратное *категорически* неверно: чувственность не есть частица и не состоит из частиц, она не является волной или «пакетом волн».

Следовательно, немыслимо, чтобы чувственные формы физических элементов существовали независимо от индивидов, порождающих их сверхчувственное бытие. Они всегда имеют своей опорой тело индивида (его мозг⁸) — они не «висят в воздухе» рядом с безучастной к ним живой плотью.

⁷ Мой коллега, И. М. Шмелев, прочитав рукопись, предложил, как мне кажется, более точные слова: не «под покровами чувственности» (с навязчивыми попытками разглядеть что-то под ними), а «*под вуалью*»: там всегда угадывается «что-то», но ясно и отчетливо — не разглядеть.

⁸ В античные времена органом души считали сердце — наивный взгляд! Но времена меняются, и предугадать мнение по данному поводу ученых ХХХ века вряд ли возможно.

Но это не означает, конечно, что психическое не причастно физическому. Ключевым фактором порождения психического можно считать *композицию* физических явлений, например, волн, порождаемых мозгом, и волн, поступающих извне⁹. Полагаем, что возникновение психического образа, переживания, интенции и т.п., обязано композиции, как минимум, двух волн, одна из которых определяется процессами, протекающими в теле индивидуума — мы называем ее «принимающей волной» — а другая, мы называем ее «поступающей волной», имеет своим источником объекты окружения (см. рис. 1) или другую часть тела, как бывает, например, при боли.¹⁰

⁹ Этот взгляд было бы интересно развить в связи с глубокой концепцией М. Б. Менского об эвереттовых мирах сознания (Менский, 2005). Среди психологов, продуктивно разрабатывающих проблему сознания концепцию Менского активно поддерживает В. Ф. Петренко (2010). «При описании квантовых измерений, — отмечает М. Б. Менский, — приходится вводить в это описание не только измеряемую систему и прибор, но и наблюдателя, точнее, его сознание, в котором фиксируется результат измерения» (Менский, 2005, с. 414). Это положение представляется нам безупречным и в эвристическом отношении продуктивным. Остается выяснить, однако, что представляет собой сознание (говоря совершенно без иронии: какая уж тут может быть ирония, — в разрешении «трудной проблемы сознания»?!).

¹⁰ Вопрос к физикам, как обозначить такую гипотетическую композицию физических явлений, например, волн, которая бы могла порождать невидимые извне *квалиа* (самим психологам, на взгляд автора, не следует торопиться

На рис. 2 линии, идущие слева направо вверх, символизируют потоки φ -элементов (в нашем примере мы говорим о волнах, хотя это могут быть и частицы), исходящие из внешнего источника («поступающая волна»), а линии, идущие справа и вверх — φ -элементы, исходящие из внутреннего источника («принимающая волна»). Образуются точки пересечения и геометрические фигуры: трехточие, двуточие, четырехточие, шеститочие; они, в свою очередь, образуют более сложные конфигурации, обведенные эллипсами. Конфигурации перед нами суть «системный эффект» встречи линий, символизирующих «принимающие» и «исходящие» φ -элементы. Будем считать, что именно в точках пересечения (наложения) φ -элементов образуются ψ -элементы и ψ -структуры, являющие собой качественно новые образования.

В чем состоит это новое качество? Оставим на время пример с линиями. Если говорить о встрече φ -элементов, то возникающее при этом новое качество состоит, во-первых, в том, что оно лишено свойства распространяться далее (в этом смысле оно *афизично*, приборами «невидимо», о чем было сказано ранее), и, во-вторых, поскольку мыслится нами как *сущее*, оно, в противоположность физическому, являет собой чувственное. Ну, в самом деле, если они невидимы, но существуют, то где и как? Ответ приведен: в ментальной сфере, в качестве ощущений и соощущений, — квалиа.

Психические содержания существуют всегда в «единственном экземпляре», оставаясь там, где возникли, — «здесь и теперь». Если они и «перемещаются», так только вместе с порождающими их физическими условиями, подобно тому как свежесть перемещается вместе с ветром, то есть они изменяют свое местоположе-

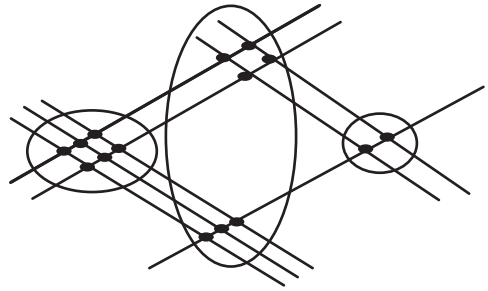

Рис. 2. В точках наложения φ -элементов образуются ψ -элементы

ние в пространстве-времени тогда и только тогда, когда изменения затрагивают порождающие их физические причины. И в этом смысле психические процессы и содержания «супервентны», а в более привычных для нас терминах *неотчуждаемы* от соответствующих телесных процессов (см. статью В. А. Петровского и М. Г. Ярошевского «Психика» (Петровский, Ярошевский, 2005).

В этом контексте рассуждений появляется возможность по-новому взглянуть на проблему эпифеноменальности психики. Это, как известно, одна из ипостасей психофизической проблемы, определяемая вопросом «зачем нужно психика, если все может быть объяснено с позиций физикализма?» (настоящая мука для всей философской мысли на протяжении трех столетий, начиная с Ламетри, и особенно после биолога Гексли, уподобившего психическое паровозному свистку, никак не влияющему на движение паровоза). Полагаем, что в самом термине «квалиа» есть намек на решение, впрочем, с подсказки Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Ведь этимологически «квалиа» (от лат. *qualia* (мн. ч.) — свойства, качества) включает в себе идею *границы*. Эксплицируя содержание категории «качество», Гегель вводит понятие «определенности»; контекстуально, «определенность», если вчитаться, может быть осмыслена как *определённость*, то есть характеризуется

с поиском названий — это прерогатива представителей других специальностей).

наличием предела, *границы*, отделяющей одно от другого. Было бы заблуждением полагать, что ощущения-квалиа бывают «точечными». Они всегда «заполняют» области субъективного опыта, а значит, заключают в себе **границу**. Так, красное — это *не* зеленое, *не* синее, *не* желтое; и вместе с тем красное — *не* острое, *не* вкусное, *не* тяжелое, *не* болезненное; кроме того, красное-*сейчас* отделено от красного-*вчера* каким-нибудь зеленым-*между*. В нашем сознании длительность и пространственность неразлучны¹¹. Усилим тезис,

¹¹ Согласно Анри Бергсону, математическая пространственная метафора времени (пространственная ось) неадекватна реальному переживанию времени — «длительности». Познание чистой «длительности» доступно лишь интуиции, понимаемой как непосредственное постижение. «Реальная длительность есть то, что всегда называли *время*, но *время*, воспринимаемое как неделимое. Что *время* предполагает последовательность, я этого не оспариваю. Но чтобы последовательность представлялась нашему сознанию, прежде всего как различие между рядомположенными “прежде” и “потом”, с этим я не могу согласиться... В пространстве, и только в пространстве, существует отчетливое различие частей, внешних друг другу» (Бергсон, т. 1, 1913, с. 31–32). «Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше “я” просто живет, когда оно не улавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали; для этого оно не должно всецело погружаться в испытываемое ощущение или идею, ибо тогда оно перестало бы длиться. Но оно также не должно забывать предшествовавших состояний: достаточно, чтобы, вспоминая эти состояния, оно не помешало их рядом с наличным состоянием наподобие точек в пространстве, но организовывало бы их так, как бывает тогда, когда мы вспоминаем ноты какой-нибудь мелодии, как бы слившиеся вместе» (Бергсон, 1992, с. 93). Длительность всегда существует как единство прошлого и будущего, прошлое всегда существует в настоящем, настоящее существует как воспоминание о прошлом. А. Бергсон сравнивает длительность со снежным комом, скатывающимся вниз с горы: разрастаясь, он сохраняет в себе первоначальное состояние; длительность, сберегая в себе настоящее и прошлое, вбирает в себя будущее. «Реальная длительность состоит из моментов, внутренних по отношению друг к другу»; «когда она принимает форму однородного целого, она

«соберем» мысленно ощущения в отдельные «психические состояния», образуем из них *паттерны* ощущений, — невидимые извне внутренние голограммы. И если нам удастся это мысленное собирательство, то мы будем готовы признать, что ощущения способны к образованию *форм*. В этих условиях границы и задаваемые ими формы сочетания ощущений приобретают в наших глазах искомую функцию. Мы можем рассматривать их (формы) как нечто, способное **направлять (структурировать)** поведение, — конфигурировать потоки активности. Ибо форма здесь заключает в себе пространственные определения, структуру. Такая структура способна опосредствовать активность, сказываясь на ее протекании.

При этом психику в целом, метафизически можно представлять себе по-разному: как территорию (ландшафт), орнамент, карту местности. В первой интерпретации это естественное (природное) образование, во второй — искусственное (созданное социумом и самым индивидом), в третьем — искусственно-естественное. В любом случае это множество соприкасающихся граней абстрактного многогранника¹². Каждая грань — квалиа. Предполагается, что грани обладают различной степенью проницаемости для энергетических потоков (поступающих и принимающих волн), а в местах их соприкосновения, на самих границах, возможна абсолютная прозрачность — образуется множество контуров, сквозь которые свободно проходит лучистая энергия, продуцируемая телом индивида. Подчеркиваем, что сказанное о проницаемости граней представляет собой *гипотезу*, и таким образом, правомерен вопрос, обращенный, прежде всего к физикам:

уже выражается в пространстве» (Бергсон, т. 2, 1914, с. 167).

¹² В отличие от традиционных многогранников, углы, длины ребер, выпуклости не имеют значения для абстрактных многогранников.

может ли нечто, не являющееся излучателем, *экранировать*, хотя бы отчасти, прохождение лучистой энергии?

Если это действительно так, то в общем случае психика способна обнаруживать себя в качестве причины-формы, а также, как мы увидим далее, причины-цели (не являясь, по Аристотелю, действующей или материальной причиной)¹³. Получается, что, хотя в психическом нет «ни грана вещества» (в терминах Аристотеля), ни кванта энергии (разделяем точку зрения Гуссерля, что психическое не энергийно), сказанного достаточно для критики взгляда на психику как на некий эпифеномен, обесценивающий ее значение в организации поведения.

Критика «эпифеноменализма» возможна и с другой точки зрения. Когда мы видим в психике, субъективном, исключительно регуляторную функцию (многие из нас вслед за С. Л. Рубинштейном, а тот вслед за В. И. Лениным — рассматривают психику как *функцию мозга*), то это лишь полуправда. Субъективное (феномены, квалиа) не только обслуживает жизнь, организуя ее протекание. Оно представляет собой ежечасно «всему делу венец», внутреннюю цель устремлений¹⁴. В связи с этим заметим (и нам представляется

это очень существенным, если иметь в виду критику эпифеноменализма), что индивидуальному телу «ничего не нужно»; оно является всего навсего *инструментом* (или *машиной*) нужды, *обслуживая* целевые ощущения, и притом обратное неверно (ибо у тела, как такового, нет никаких интересов). Изначально индивид, как психофизическая целостность, устремлен к получению определенных ощущений и переживаний, и только в развитии, возможно, они принимают на себя функцию опосредования его жизненных отправлений. Иначе говоря, в эволюционных процессах филогенеза, онтогенеза, персоногенеза (термин А. Г. Асмолова), субъектогенеза (термин А. С. Огнева) имеет место принцип *выживания для переживаний*, продуцируемых организмами, а не только *переживания для выживания* организмов. Полагать, что физические тела, как таковые, могут в чем-то нуждаться, совершенно нелепо.

Словом, допустима альтернативная к традиционной точка зрения на эволюционный процесс. Традиционная состоит в том, что живые существа в борьбе за существование, свое физическое присутствие на земле, совершенствуются; спонтанные мутации отбираются средой; перед нами прогресс, все большее совершенствование телесной организации живых существ, физических тел (вопрос «зачем?» при этом не имеет смысла, физические тела существуют «почему-то», «в силу чего-то», а не «ради чего-то» или «зачем-то»). Другой взгляд на эволюцию: это естественный отбор таких свойств живых тел, которые позволяют им ощущать, переживать, мыслить, — наслаждаться своим бытием в мире¹⁵.

¹³ Г. Г. Шпет (Шпет, 2010, с. 117–118), с опорой на Э. Гуссерля, остро критиковал своего современника В. В. Зеньковского, позиционирующего себя (говоря сегодняшним языком) как последователя применения феноменологического метода применительно к проблеме «психической причинности». Шпет цитирует Гуссерля (вчитаемся!): «Что касается... вопроса об *актах* (Зеньковский понимает их как “работу”, “энергию”, — В. П.), то здесь, натурально, не позволяется уже думать о первоначальном смысле слова *actus*, *мысль о действовании должна оставаться безусловно исключенной*».

¹⁴ Х. Хекхаузен (Хекхаузен, 1986), будто в намешку над бихевиоризмом, описывает мотивы как «желаемое целевое состояние» (с. 34), впрочем оговаривая, что «мотивы» — это «условные, облегчающие понимание, вспомогательные конструкции нашего мышления. Или, говоря языком эмпиризма, гипотетические конструкции» (с. 37).

¹⁵ Мы говорим здесь об эволюции живой природы и далеки от мысли всю Вселенную рассматривать в эволюционном плане как «движущуюся» в направлении субъективного. Но заметим, что когда кто-либо из нас говорит, что он «далек» от некоей мысли, то это значит, что

Такая трактовка психики, субъективного, не должна быть понята как очередная версия телеологической интерпретации жизни в духе «постулата общности» («адаптивности») поведения и сознания индивидов, их устремленности к заранее известному целевому состоянию. Субъективное — по своему качеству — вечно новое; узоры психического, как в калейдоскопе, меняются; в каждый момент времени они своеобразны; трудно помыслить их заранее «записанными» в физике тела и тем самым как бы «из прошлого» — в первоначальной форме — переходящими в будущее. Поэтому субъективное, как внутренняя цель (энтелехия) поведения и развития живых существ, не может быть понята как некое *предустановленное* состояние или отношение. Оно включает в себе избыток — как по отношению к прошлому, так и к возможному будущему.

Таким образом, тело инструментально; душа (ψυχή) самоценна. Организм есть машина, *поставляющая* ощущения и *опирающаяся* на них в своем функционировании. Как же это происходит? И какова перспектива динамики?

Предположительно, это происходит так. Сначала в результате телесных контактов индивида со своим окружением в его психике спонтанно появляются ощущения, имеющие определенный гедонистический тон («приятное» — «неприятное»). Далее в психике фиксируется маршрут, приводящий к таким ощущениям. Поскольку переживание *конфигурировано*, т.е. имеет *форму*, возможно управление поведением, ведущим к позитивному результату (действительно, там, где возможно говорить об управлении со стороны субъективного, мы всегда находим

следы наслаждения и страдания, вкрапление опыта притягательных и отталкивающих переживаний). При автоматизации поведения существующие в психике переживания, имевшие гедонистический знак, становятся необязательными и покидают субъективную сферу.

Еще, если искать эволюционный смысл, исключая идею эпифеноменальности психики, то это не только «избыточность» ее содержаний относительно производимых движений, не только системные качества одних переживаний на фоне других (например, особенностей переживания боли в обрамлении разных переживаний), но это еще и сама «невидимость» психических состояний (их неслышимость, беззапахость и т.п.). Не только мысли, но и ощущения, к счастью, не пахнут, что обеспечивает тайность наводок, секретность вынашиваемых индивидом планов, защищенность других от него и его — от других. Состояния психики «самостны»: они присущи именно *мне* (не-передаваемы — буквально, не-заразительны — буквально).

В этом контексте проясняется эволюционный смысл психики-невидимки. Кажется разумным считать, что, располагая такой способностью, индивиды приобретают дополнительные возможности достигать желаемого, чувствуя свою защищенность. Это дает им особые конкурентные преимущества во взаимоотношениях с миром. Цели, планы, эмоции индивидуума — все это соглядатаям недоступно. Психика-невидимка скрывает от чужих глаз то, что должно быть действительно невидимым.

Кроме того, «невидимость» (нетрансферентность) представляет собой, как уже было отмечено, ценность для других индивидуумов. Продолжим рассуждать в телеологических терминах, задаваясь вопросом «зачем?», «ради чего?». «Зачем» другому ощущать *мою* боль? К счастью для всех остальных, *моя* боль, как

именно такая мысль приходит ему в голову. Итак, я говорю читателю прямо: я «далек от мысли», что когда-нибудь будет написана «новая история универсума», «новая космогоническая теория» по имени *Наслаждающаяся Вселенная*.

уже было сказано, *не-заразительна*, — она *должна быть* неощутима другими. Поэтому эволюция как бы пресекает появление каких-либо физических волн или «струн», которые бы стали переносить боль от одних индивидуумов к другим. И точно так же, по-счастью, «*не-передаваемо*» переживание смерти (таков встроенный в нас эволюцией механизм защиты).

Но если нельзя извлечь, подсмотреть, сфотографировать субъективные явления, то кто является их «носителем»? Есть два ответа на этот вопрос. Один из них сводится к предположению о том, что существует некий субстрат, «подкладка» под ними или, как говорили старые авторы, «седалище души». Это может быть озвучено еще так: *с одной стороны* — материальный субстрат (например, мозг), *а с другой стороны* — феномены сознания и т.п. Но если принять это, то мы вернемся к идее воспроизводимости этого «нечто», что противоречит нашей исходной гипотезе (нетрансферентности).

Другой ответ звучит непривычно, но именно его мы придерживаемся: отыскиваемого нами субстрата (подкладки, «седалища души») просто не существует, хотя, конечно, существуют физические события, обуславливающие появление психических феноменов. И в этом случае наше решение состоит в том, что композиция физических явлений, причастных к рождению квалиа, — это и есть, собственно, квалиа. Иными словами, красное, боль, запах, звук, *как такое-вые*, — свои же носители; и таким образом любые попытки представить себе их «субстрат» должны приводить нас к ним же самим. При этом, конечно, подчеркивается, что квалиа *обусловлены* физическими «переменными»; но «быть обусловленным» и «быть стороной» чего-то суть разные вещи.

Но здесь же и другой несправедливый вопрос. Если психическое не может «перенестись» за пределы того места, где воз-

никает, то *кто* видит то, что мы видим? *Кто* является субъектом созерцания, переживания, действия? Казалось бы, ответ напрашивается. «*Наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания и т.п.*» — все это «в качестве переживания как будто непосредственно нам дано»... «*Принадлежность индивиду, их испытывающему, субъекту — первая характерная особенность всего психического ...* Переживания, мысли, чувства субъекта — это *его* мысли, *его* чувства; это *его* переживания — кусок его собственной жизни, в плоти и крови его», — пишет С. Л. Рубинштейн в первых строках «Основ общей психологии» (курсив С. Л. Рубинштейна) (Рубинштейн, 1946, с. 5). Можно ли понять эти слова классика иначе, чем признание того, что существует внутренний наблюдатель («я»), которому «как будто непосредственно дано» воспринимать, мыслить, желать и т.п. Думаю, С. Л. Рубинштейн неслучайно проявляет известную осторожность, не говоря прямо о внутреннем субъекте, а предпочитает образное высказывание о «куске его (индивида) внутренней жизни, в плоти и крови его». Но при этом остается рискованный тезис «*данности нам*» как условия отчетливого и ясного очерчивания «специфического круга явлений, изучаемого психологией», то есть психики. В чем риск?

Если психические содержания всегда даны *мне* как телесному индивиду или субъекту как уникальному «я», то подобное понимание, при всей его, казалось бы очевидности и естественности, возвращает нас к старой юмовской идее гомункулула, — каскада бесконечных «человечков» в «человечках», где каждый последующий воспроизводит в себе то, что было представлено в сознании его предшественника (см. подробнее: Петровский, 2012). И таким образом вопрос о субъекте, который имеет дело с содержаниями психики, сохраняется. Каков же возможный ответ?

На вопрос *кто?* мы отвечаем: *никто!* (или не столь категорично отвечаем: «*Возможно, никто*», — что объяснится позже). Иначе говоря, наличие психических содержаний не обязательно означает присутствие наблюдателя, то есть не обязательно существует тот, кому психические содержания *даны* (тот, кто видит, слышит, испытывает, полагает, стремится etc.). И это кажется парадоксом: психические содержания *есть*, они существуют, но могут быть *мною* не видимы, *мне* не даны.

Эти сомнения (в необходимости «внутреннего наблюдателя» для очерчивания круга психических явлений) появляются сразу, если задуматься над происхождением «я». Для нас очевидно, что самосознание ребенка (его «я») есть плод развития его сознания. Ощущения ребенка *уже* существуют, а его ощущающего «я» *еще* нет. «Я» есть сложное соощущение ощущений и является относительно поздним произведением онтогенеза. Психологам хорошо известны аргументы в пользу этого тезиса — в широком диапазоне теорий, от «культурно-исторической психологии» до «психоанализа» во всех его разновидностях. Остается только сделать радикальный вывод: «*Нельзя* очертить круг психических явлений, опираясь на конструкт их «данности» индивиду, будь то индивид «во плоти» или, может быть, «внутренний наблюдатель». Другими словами, психические содержания для своего существования не нуждаются в существовании «я».

С другой стороны, наше «я» не есть то, что (заимствуя слова Рубинштейна) *как будто непосредственно* оперирует с психическими содержаниями. «Соощущение ощущений» («я») само по себе не может быть «ощущающим», «представляющим», «стремящимся», «действующим».

Во взаимоотношениях с другими психическими содержаниями «я» выглядит несколько иначе, чем принято думать. Прояснить психологический статус «я»

поможет метафора. Представим себе картинную галерею перед самым ее закрытием. В одном из залов никого нет, кроме вас, единственного зрителя. В зале картины одного художника и среди них его автопортрет (это одна из картин в галерее). Автопортретов таких несколько. На одном из них — этот художник, рисующий себя (можно добавить — рисующий себя рисующим себя). На другом — он же в зеркале и его модель. Он смотрит в зеркало, и вы видите его напряженный взгляд. Есть портреты других людей. Вот тот же художник, рисующий женщину, и в данный момент она смотрит в вашу сторону. Вам кажется, что некоторые из людей на портретах смотрят на вас, единственного оставшегося в зале посетителя. Голос гида в наушниках рассказывает о жизни художника, о жанре его творчества, о том, кто был его моделями, о технике письма и т.п. Все это в поле вашего восприятия. Но вам прекрасно известно, что в данный момент никто никого не видит. И «гид» — это старая запись. Безумцы, дети и некоторые собратья-философы могли бы поверить в то, что «взгляды» и «действия» на картине происходят сейчас, наяву — «художник держит кисть», «видит себя в зеркале», «вглядывается в модель» и т.д. Но все это существует иначе, чем выглядит. Это — *портрет* художника (а не сам художник), *изображение* того, как он воспринимает себя (а не сам процесс восприятия). Галерея пуста. Есть только изображения.

Та же иллюзия присутствия воспринимающего и действующего «я» существует и в поле психических феноменов. «Художником», изобразившим наше «я» и начертавшим «автопортрет» *персонально* является культура, инкорпорирующая наши восприятия и чувствования. «Я» — это оттиск культуры в материале переживаний индивида. Восприятие («Я вижу что-то»), — прежде всего, артефакт, культурный фантом. Никто ничего не видит. Картинки есть, зрителей нет. Картинка

при этом включает в себя некое изображение «наблюдателя» и условные траектории «наблюдения», проведенные из точки «я» («наблюдатель») к объекту. Но никто здесь ничего не наблюдает. «Петя видит Машу» — это значит: живое тело, именуемое «Петя», порождает картинку, включающую в себя три элемента: «Маша», «Петя» и «видит». Ни один из этих элементов не может «видеть» другой элемент, и также *тело* Пети ничего не видит, но просто производит эту картинку.

Увы, мы не знаем, *где* именно пребывает сейчас эта картинка — находится ли она в голове Пети, в его пылком сердце (так решили бы античные авторы, считавшие сердце органом души), снаружи или, может быть, в каком-то другом измерении (в принципе, допустимо представить «картину» «парящей рядом» с головой Пети, но отнюдь не факт, что здесь уместны какие-либо трехмерные образы). Эта сложная и комментированная внутренним «гидом» визуальная модель, включающая в себя «Петю», «Машу», «взгляд Пети на Машу», — просто существует, и, как таковая, может структурировать поведение Пети в его взаимоотношениях с Машей; но только эта модель безадресна, она никому не дана в созерцании, ни Пете, ни, тем более, Маше

(хотя их физические тела могут продуцировать эти и подобные им «картинки»); и слово «гид», персонифицирующее источник речи, имеет в данном случае исключительно условный характер. Визуальные, речевые, кинестетические изображения-модели гомункулусов существуют, «они есть», но только нет самих гомункулусов (по крайней мере, нет в первом приближении, но к этому вопросу мы еще вернемся). Иллюстрацией сказанному может служить рисунок Э. Маха (рис. 3) и комментарий выдающегося исследователя когнитивного развития ребенка Т. Баура (в работах самого Бауэра мы не находим упоминаний о Махе).

В заключении этой части работы обсудим, мы бы сказали, шокирующее следствие из сказанного. Положим, я представляю сейчас человека, читающего этот текст (а читатель представляет меня, автора). В этот момент представления друг о друге невидимы: я не вижу того, что представляет читатель, а читатель не видит «себя», находящегося перед моими глазами. Пока еще в этой ситуации ничего парадоксального нет, любой бы аналитический философ сказал бы, должно быть: «Ну и что, квали есть квали!..» Но напомним, не только представляемый или видимый мною другой человек, не воспри-

Рис. 3. Фрагмент «я» (рисунок из книги Э. Маха (1908, с. 37). Приглядевшись, читатель может заметить кусочек физического «я», который ничем не похож на какого-либо «внутреннего созерцателя». «Психологи склонны думать о “я” либо как о бессмысленной абстракции, либо как о сложной проблеме, требующей глубокого размышления. Сведение “я” к зрительной проекции носа на сетчатку (именно краешек носа позволяет наблюдателю видеть себя в движении; примечание мое, — В. П.) обычно вызывает радостное оживление и насмешки слушателей» (Бауэр, 1979, с. 75).

нимается мною, «моим я»; образ этого человека существует независимо от моего «я», существование образа — функция (порождение) моего тела, как, впрочем, и то, что «мое я» — чувственный эффект синтеза явлений физического порядка, актуально присутствующих в моем теле. Но в этом случае правомерно поставить острый вопрос: что произойдет с образом другого человека, если в ментальном плане отсутствует построение «я» (в виде «я есмь»)? Представление чего-либо есть, но теперь-то уж точно некому сказать об этом «я вижу», «я представляю». О каких же «данностях» в этом случаях может идти речь, если некому признать, что они даны кому-либо? Если непросто признать существование вещей, существующих во внешнем мире, не представляя при этом себя в качестве наблюдателя (что, с точки зрения Дж. Беркли, вообще невозможно (Беркли, 1978)), то тем более трудно признать это применительно к объектам, существующим во внутреннем плане, да и само понятие «внутреннего», в котором присутствовали бы такие объекты, не соизмеряемые во всех отношениях, оказывается под ударом.

Наш ответ: то, что в такие моменты рождается (будь то образ моего читателя или статьи, которую он будет читать, если ему хватит сил и энтузиазма), оно существует как «часть» психического, но пребывает за порогом осознанности, ибо последняя означает не что иное, как *соотнесенность с «я»*. Чтобы уточнить форму существования не видимого никем содержания, остается определить разницу между понятием «предсознательное» и «бессознательное» в топографической модели Фрейда или других моделях устройства психики, предложенные в разные годы представителями разных психологических школ. Вполне реально, например, допустить, что в данный момент времени мозг порождает множество образов, некоторые из которых уже «на подхо-

де» к проникновению в сознание, то есть потенциально могли бы вступить в отношение видимости (быть встроенными в феноменологическую цепочку «я» — «вижу» — «объект»); и в этом случае, говорим мы, они предсознательны. Однако их присутствие может оставаться неопознанным бессрочно, хотя они существуют и их присутствие проявляется в структурировании поведения и модификации «видимых» объектов психики (соощущения ощущений, комбинаций квалиа); и в этом случае мы говорим об этих объектах, что они бессознательны.

Но является ли вообще существование «я» условием существования феноменов психики? Отрицательный ответ на этот вопрос отчасти уже был представлен нами: очевидно, что в процессе исторического развития психики такие содержания появляются раньше, чем «я» (примером может служить психика животных, психика младенца¹⁶). Предположим, однако, что, начиная с какого-то момента жизни индивидуума, присутствие его «я» становится неотторжимо от других его переживаний и представлений, аффектов и мыслей, устремлений и отношений (продуктируемых его телом). Вначале такое предположение кажется нам вполне приемлемым («мыслю, следовательно существую», «от боли нет спасения», «от себя не уйдешь», наслаждаясь, я ощущаю, что это «я наслаждаюсь»). Но если наше «я» неотчуждаемо от того, что мы испытываем, и если, умирая, мы испытываем страдание, то получается, что мы будем жить вечно и при этом страдать вечно, так как умирающий не может констатировать свою собственную смерть. Нужно, как это ни прискорбно, умереть, чтобы оказаться «по ту сторону боли», но невозможно умереть и заметить это (не остается того, кто заметит). С этой точки зрения, противоположная логика — и достовернее,

¹⁶ См. О. Фенихель (2015).

и милостивее: наше «я» уходит раньше, чем прекращается боль; боль остается, еще есть то, что ее производит (уже не *кто*, а *что* — тело), но нет того, кто ее испытывает (ассоциированное с болью «я»).

И, наконец, самый последний вопрос в данной части исследования — о «философском зомби» — гипотетическом существе, неотличимом от обычного человека за исключением того, что у него отсутствует квалиа, способность ощущать. «Зомби» ведет себя так, как если бы что-то чувствовал, хотя переживания, как таковые, ему совершенно неведомы. Сюжет, эксплуатируемый нещадно в фантастической литературе и вполне уместный в сочинениях этого жанра, в философском плане, на наш взгляд, сущий абсурд. Такая оценка вытекает из концепции психики как формообразующей и целевой причины активности. Это значит, что физические взаимодействия, как было отмечено, порождают психические феномены (свойство «эмерджентности» психики), те, в свою очередь, представляя собой конфигурации ощущений, определяемые границами между ощущениями, опосредуют связь между физическим телом индивида и окружающей средой, являясь формообразующим началом его поведения («формальной» и «целевой причинами», по Аристотелю). Таким образом, предположение, что философский зомби будет действовать как человеческий индивид, не обладая аналогом психики человека, представляет собой нелепость, — противоречие в самой посылке.

Самоподтверждающиеся образы «я». Наше «я», лишенное (на время) статуса действительного субъекта психической жизни и поведения (восприятия, мышления, переживания, воли и т.п.) и представленное всего-лишь в виде «картинки», «фантома», «фрагмента» некоего орнамента, собранного из квалиа, в известных обстоятельствах способно отстоять свой бытийный статус. Все зависит

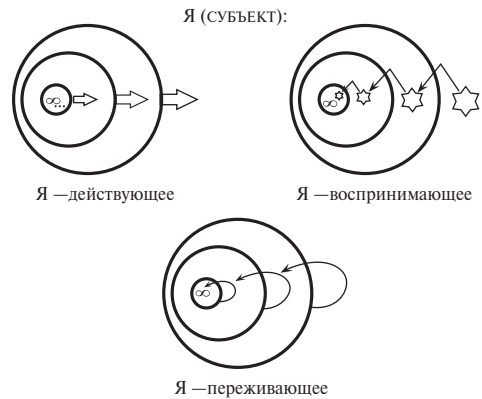

Рис. 4. «Рисунки-ловушки» «я» (кружочки) в виде вереницы гомункулусов, уводящих мысль в дурную бесконечность субъекта действия, субъекта восприятия, субъекта переживания (Петровский, 2010а)

от содержания и формы построения «я». Здесь место принципу «каждому по его вере». Если это — образ свободного, деятельного, всепобеждающего (в том числе и побеждающего иллюзии) «я», то оно не безучастно событиям жизни. Парадокс состоит в том, что «я», при любом способе его построения и внутреннего обустройства, *зависимо*; оно *обусловлено* процессами физического порядка, социокультурными переменными и опытом собственного бытия индивида в среде. Но оно же, как особая психическая структура, опосредует события жизненного ряда. И поэтому *мысль* о свободе, *переживание* себя свободным существом, *образ* свободного действия, *слово* «свободен», сказанное про себя (про *себя!*), — все это не безучастно реально происходящим событиям.

Психология располагает моделями «я», позволяющими описывать содержание и формы самосознания индивида, опосредующие его (индивида) жизненные проявления. Есть среди них модели, в логическом отношении тупиковые, хотя и являющие собой «подарок» для невротического сознания, склонного заикаться в актах саморефлексии (рис. 4).

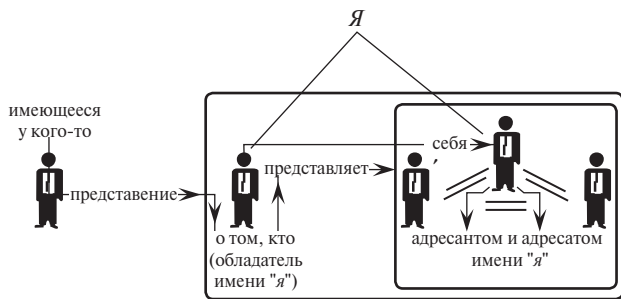

Рис. 5. «Я» как имеющееся у индивида представления о ком-то, обладающем именем «я», а оно, в свою очередь, представлено в виде треугольника Фреге (Петровский, 2012, с. 218)

Преодолению дурной бесконечности в понимании «я» может служить схема, в которой наряду с рисунком, содержится текст, комментирующий рисунок; сам рисунок включает в себя семиотический треугольник Фреге, где индивид выступает одновременно в роли адресанта, адресата и смыслового значения имени (слова) «я» (рис. 5).

Другой путь осмыслить-визуализировать «я»: «куб Неккера» (см. рис. 6). Если считать, что «я» — это воспринимаю-

щий, полагающий, переживающий себя индивидум, то перед нами рисунок, выражающий идею единства созерцания и созерцаемого, целеполагания и целево-площения, переживания и переживаемого. Разные грани куба меняются местами: символ инверсии субъективных и объективных аспектов «я».

Автор исторически первой теории личности (что справедливо подчеркивает Отто Фенихель), Зигмунд Фрейд, был по-видимому, первым портретистом «я», нарисовав свою структурную модель психического аппарата (рис. 7).

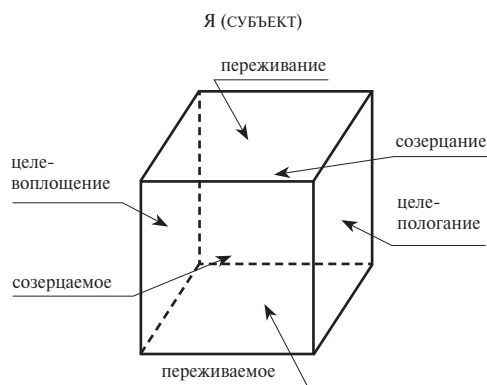

Рис. 6. Идея «я» — «живой знак». Перед нами куб Неккера. Есть смысл приглядеться: стороны куба, выступают вперед, то прячутся за другими, появляются то справа, то слева, показывают себя то сверху, то снизу. Целеполагание и целевоплощение, созерцание и созерцаемое, переживание и переживаемое, символизируемые гранями кубика, пульсируют, подменяют друг друга, выражая идею взаимоперехода «ментального» и «физического» («субъективного» и «объективно-го») (Петровский, 2013)

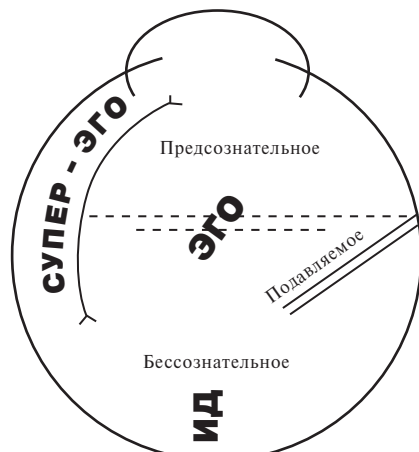

Рис. 7. Модель Фрейда

Галерея автопортретов «я» и портретов других людей, включенных в «я», представлена в работах В. А. Лефевра (1996) (рис. 8). Приведем фрагмент из главы «Психографический знак

в математической структуре» его книги «Рефлексия» (Лефевр, 2003). В данной части работы Лефевр предлагает математическую форму и визуальную модель внутреннего диалога одного из персонажей гоголевского «Ревизора» (с. 347–349):

Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед... Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше: возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полотах да ешь пироги...» (Действие второе, явление I). Этот монолог Осипа раскладывается в следующий многочлен:

Эй, Осип, ступай, посмотри комнату лучшую, да обед спроси самый лучший	Хлестаков думает про Осипа с позиции Осипа
Я не могу есть дурного обеда	Хлестаков думает про Хлестакова с позиции Осипа
Нет, видишь ты, нужно в каждом городе показать себя	Осип думает про Хлестакова
Право, на деревне лучше... возьмешь себе бабу да и лежи... на полотах	Осип думает про Осипа

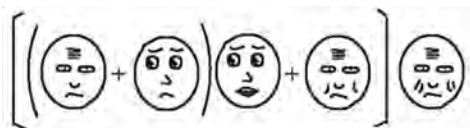

Рис. 8. Рефлексивные структуры в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (Лефевр, 2003)

По примеру Лефевра, сотни тысяч рефлексизирующих себя «человечков», правда, не столь эмоциональных, были нарисованы представителями школы Г. П. Щедровицкого за годы существования «Комиссии по психологии мышления и логике» в Москве, начиная с 1958 года.

Психология мышления в их работах обрела логику, а та, свою очередь, — *жизнеспособность* в организации мышления.

Значимые с точки зрения самоорганизации жизни человека схемы самосознания представлены в работах, основанных на проективной методике Н. Л. Нагибиной «Тело и душа» (Нагибина, Миронычева, 2005, с. 350). Эмпирически было найдено 12 наиболее типичных образов-символов тела и души (три из которых мы приведем ниже, рис. 9). Авторы не ограничиваются визуальной феноменологией и соответствующими комментариями, но удачно соотносят их с существующими в культуре типами осмысления «я» как телесно-душевной (психофизической) целостности.

Рис. 9. Типичные образы-символы тела и души (Нагибина, Миронычева, 2002)

Так, тип А (рис. «Ребенок в утробе матери») интерпретируется в связи с мировоззрением Дж. Локка (1960), которую авторы реконструируют так: «Благодаря чувствам, которые идут от тела, душа все более и более обогащается идеями, все более и более пробуждается, мыслит тем усиленнее, чем больше у нее материала для мышления». Тип С (рис. «Человек с огнем в груди») интерпретируется авторами как адекватный мировоззрению Анри Бергсона: «Тело — косная материя Вселенной. Душа (души), проходя через тело человечества, содает восходящий поток (сознание), который преодолевает материю». Тип D (рис. «Земной шар и мозг») соответствует мировоззрению Гегеля: «Тело — реальность, душа — понятие. Понятие и реальность должны соответствовать друг другу. Душа без тела

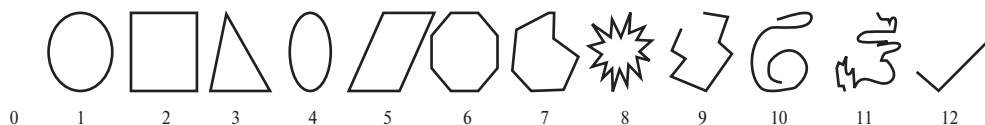

Рис. 10. Геометрические фигуры, символизирующие тело человека

не была чем-то живым, также и наоборот. Я свободен в своем теле, имею власть над ним. Дух, одушевляя тело, делает его послушным органом».

На основе оригинальной методики «Тест геометрических фигур» (рис. 10) был предложен эффективный способ диагностики «внутренней границы тела», определяемой А. Ш. Тхостовым (как «субъективное ощущение человеком того, где он заканчивается» (Бескова, Тхостов, 2005, с. 238). Испытуемым давалась такая инструкция: «Вы видите перед собой изображение различных геометрических фигур.

Представьте, что эти фигуры символически изображают ваше тело. Выберите фигуру, больше всего похожую на ваше тело, про которую можно сказать, что вы внутри нее находитесь, как находитесь внутри вашего тела. Затем выберите из оставшихся 12 изображений фигуру наиболее похожую на ваше тело. Все фигуры надо расположить по убыванию сходства с вашим телом... Внутри какой фигуры

вам хотелось бы находиться, в какой фигуре, изображающей ваше тело, вам было бы максимально комфортно? Вы можете выбрать одну из этих фигур или нарисовать свою» (Бестов, Тхостова, 2005, с. 244). В результате исследования удалось выявить различия между здоровыми и больными людьми (соматоформные и гастроэнтерологические расстройства). Здесь перед нами пример того, как смутные телесные переживания («чувствования», по словам И. М. Сеченова) облачаются в знаковую форму, создавая, как мы бы сказали, феноменологические очертания «я».

Графические модели «я» были предложены нами в развитие идеи персонализации (концепция *личности* как бытия в другом и для другого) и мультисубъектной теории личности (Петровский, 1981; Петровский 2013 и др.) (рис. 11а и 11б).

Отражаясь в разных людях разными гранями себя, индивид («пространство “я”») генерирует многообразие своих собственных «я», представленных

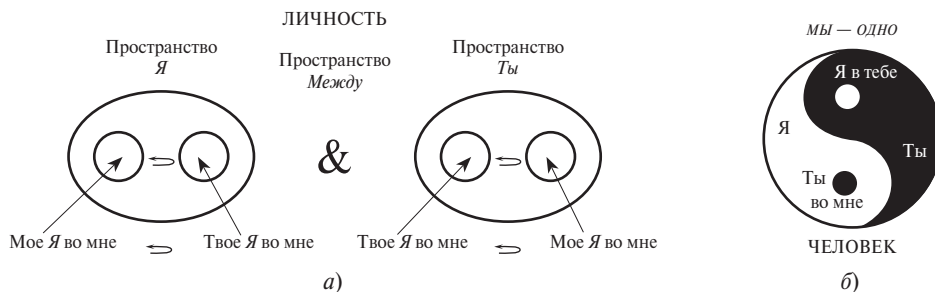

Рис. 11. а) Модель трех пространств существования личности. Изогнутая стрелочка означает принадлежность, опору, деятельное присутствие кого-либо в ком-либо. Эта модель в разных вариантах, с большей или меньшей степенью детализированности, разным дизайне описана в наших книгах (Петровский, 2008; Петровский, 2013).

б) Модель Всеобщего «я» («человек»). Идея равенства взаимоприсутствия: «Я в тебе = Ты во мне» (Петровский, 2013, с. 452)

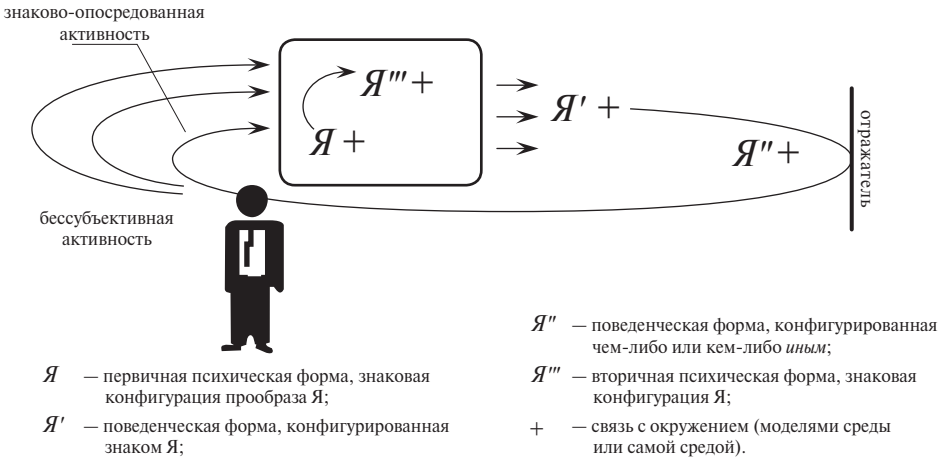

Рис. 12. Динамика «я» как причины себя

в нем самом и других людях. Он также отражает в себе «я» других индивидуумов («пространство “ты”»), — они в нем запечатлеваются и продлевают себя. *Представление* о том, что «я продолжаю себя в другом» — это не только фрагмент самосознания («часть» ментальности индивида) и не только прерогатива *теории*, это также и действенный фактор саморегуляции человека, позиция человека в мире, выраженная строчками А. С. Пушкина: «Нет, весь я не умру...» (см.: А. В. Петровский, В. А. Петровский, 1982; В. А. Петровский, 1981). На основе метода отраженной субъектности удалось показать, что актуализация представлений о себе (мое «я» во мне) и о другом (твое «я» во мне) в сознании испытуемых ведет к изменению их поведения (риск, креативность и др.) (Петровский, 2010б).

В зависимости от того, как устроена знаковая конфигурация становящегося «я», эти модели способны предопределять характер последующих действий и, как следствие этих действий, в порядке обратной связи, поддерживать или модифицировать конфигурации «я»¹⁷. Знак

«я» приобретает динамику, как бы оживает, превращается в работающую структуру (рис. 12).

«Я» — как особое знаковое построение, пребывающее в динамике: бессубъектная активность индивида → посредничество со стороны прообраза «я» → поведение → «ответы мира» → активность индивида → посредничество со стороны обновленного прообраза «я» → поведение →... (Петровский, 2010а).

«Я» как знаковая конфигурация (прообраз «я») — это не только посредник в ряду «активность—знак—мир», но и следствие самого себя как возвращающейся к себе причины; отразившись в объекте, превратившись тем самым в новый поток импульсов, активность наводит новый порядок в знаковом психическом поле; рождаются новые знаки и, следовательно, новые посредники, конфигурирующие активность индивида. В этих процессах «я» выступает в качестве полной самопричинности (*causa sui*) одновременно в *четырёх* аристотелевских смыслах слова «причина»: материальной

¹⁷ Психопатология моделей «я», их возможная связь с личностными расстройствами и зави-

симость от личностных адаптаций — шизоидной, параноидной, обсессивно-компульсивной и др. — тема, требующая специального рассмотрения.

Рис. 13. Дж. Д. Хиллберри «Кошмар Эшера». В. А. Петровский: Предлагаю название «Держите себя в руках!»

причины — то, из чего, формальной — то, по форме чего, действующей — то, посредством чего, и целевой — то, ради чего (Петровский, 2010 а; 2014).

Все эти модели первоначально суть прообразы «я» (было бы неправильно называть их образами¹⁸). На старте своего возникновения они не являются *отражениями* чего-то реально сущего в жизнедеятельности индивида. Но по мере того как им «доводится», будучи особыми структурами квалиа, опосредовать поведение индивида, играя роль прообразов его будущих проявлений, они превращаются в реалии жизни, обретая действительность. Во всех этих случаях мы имеем дело с «парадоксом Эдипа»: проблемой

¹⁸ Поразительная черта большинства публикаций, посвященных «я»: мы не находим в них, собственно, «я», но только — *образы «я», концепции «я»,* в некоторых работах «я» предстает как нарратив, рассказанная о себе история (в последнем случае возникает отмечаемый авторами риск потери «я» как самоотчужденности (Порус, 2014)). О каких-либо прообразах «я» речь, как правило, совсем не идет; упускается тот факт, что «я», опосредуя контакты человека с миром, «строит себя», «порождает себя из себя», растет себя из своих прообразов; исключение, пожалуй, составляют феноменологические разработки Т. М. Рябушкиной (2014), использующей термин М. Хайдеггера «набросок я» и раскрывающей важные ресурсы понятия, индуцируемого этим термином.

самосбывающихся и саморазрушающихся прогнозов. В этом смысле «рисунок я» небезучастен, он вовлечен в процесс самотворчества, выступая как деятельное, строящее себя «я». Визуальную метафору самопостроения дает нам рис. 13.

Привносимые отчасти культурой, отчасти спонтанно рождающиеся прообразы «я» во всех их сходствах и различиях, представляют собой инструмент и побудительное начало построения деятельных отношений с миром, активной неадаптивности человека как субъекта деятельности и общения. В них выступает избыточность психики в регуляции поведения, превосходство возможного над сиюминутным, примат «могу» над «хочу» (Петровский, 1975; 2010б). В терминах П. К. Анохина можно было бы сказать, что здесь перед нами «опережающее отражение будущего» (так Анохин понимал психику вообще), но в его концепции это, скорее, воспоминание о будущем, многократно прожитом в прошлом. В данном же случае речь идет о ресурсах «*преадаптации* человека к неопределенному будущему» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017), об участии человека (Зинченко, 2010) в порождении многообразных миров¹⁹.

Нам остается вернуться к символу γ , обозначающему гипотетическую связь психического и физического — что описывается в таких словах, как «предметная деятельность», «установка», «восприятие», «мышление», «воля» и др. (Петровский, 2004). Значок « γ », занимающий центральное место в построении $\phi \ \gamma \ \psi$, символизирует, собственно,

¹⁹ Идея образования как порождения многообразия, многомерности и многомирности прообразов и образов «я» не просто идеологема, хотя *отстаивать* ее в известные времена непросто, но, как убедительно показывает А. Г. Асмолов (Асмолов, 2015), эта идея есть фундаментальная культурно-природная предпосылка развития человека и человечества.

психофизику бытия индивидуума как универсума двух сопричастных друг другу — **взаимоопосредование** физического и психического, со-бытийность того и другого. Всем сказанным определяется ассиметричный характер этой связи: не психика «обслуживает» тело, а тело, в конечном счете, — психику.

Итак, мы приходим к общему выводу: *физические элементы, объединяясь, служат источником порождения, условием функционирования и ресурсом самоосуществления психики как целостности, включающей в себя ощущения, интенции, мысли, стремления, аффекты, смыслы, «я» — все многообразие нередуцируемых к своим физическим истокам квалиа.*

Литература

- Асмолов А. Г. (2015). Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. (2017). Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. №4. С. 1–24.
- Бауэр Б. (1979). Психическое развитие младенца. М.: Прогресс.
- Бергсон А. (1913–1914). Собрание сочинений: Т. 1–5. СПб.: Издатель И. И. Семенов.
- Бергсон А. (1992). Собрание сочинений. Т. 1. М.: Московский клуб.
- Беркли Дж. (1978). Сочинения. М.: Мысль, 1978.
- Бескова Д. А., Тхостов А. Ш. (2005). Телесность как пространственная структура // Психология телесности. Между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М.: АСТ. С. 236–252.
- Васильев В. В. (2009). Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция.
- Волков Д. Б. (2008). Теория сознания Д. Деннета. Дис... к. филос. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Деннет Д. (1998). Онтологическая проблема сознания (антология) // Аналитическая философия: становление и развитие / отв. ред. А. Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция.
- Зинченко В. П. (2010). Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур.
- Лефевр В. А. (1996). Космический субъект. М.: Ин-квартио.
- Лефевр В. А. (2000). Конфликтующие структуры. М.: ИП РАН.
- Лефевр В. А. (2003). Рефлексия. М.: Когито-Центр.
- Локк Дж. (1960). Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Соцэкгиз.
- Мах Э. (1908). Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Изд. С. Скирмунта.
- Менский М. Б. (2005). Человек и квантовый мир. Фрязино: Век 2.
- Нагель Т. (2003). Каково быть летучей мышью? Самара: Бахрах-М.
- Нагибина Н. Л., Миронычева А. В. (2002). Психологические типы. Системный подход. Тело и душа. Ч. 2. М.: МГСА.
- Нагибина Н. Л., Миронычева А. В. (2005). Типологические особенности представлений человека о теле и душе // Психология телесности. Между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М.: АСТ. С. 344–355.
- Павлов В. П. (б.г.). Реальная физика. Глоссарий по физике URL: <http://bourabai.kz/physics/2985.html>
- Петренко В. Ф. (2010). Вернем психологии сознание // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. № 3. С. 121–141.
- Петровский А. В., Петровский В. А. (1982). Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопросы философии. № 3. С. 44–53.
- Петровский В. А. (1975). К психологии активности личности // Вопросы психологии. № 3. С. 26–38.
- Петровский В. А. (1981). К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. № 2. С. 40–46.
- Петровский В. А. (2008). Логика «Я». М.: Изд. центр ТГПУ им. Л. Н. Толстого.
- Петровский В. А. (2004). Психология: «непредметность предмета» // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН.
- Петровский В. А. (2010а). Существует ли Я — субъект познания, воли, переживаний //

Методология и история психологии. Вып. 1. С. 136–148.

Петровский В. А. (2010б). Человек над ситуацией. М.: Смысл.

Петровский В. А. (2012). Я в мысли и я наяву: как возможно существование Я? // Проблема «Я»: философские традиции и современность / под ред. В. Н. Поруса. М.: Альфа-М, 2012. С. 195–222.

Петровский В. А. (2013). «Я» в персонологической перспективе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Петровский В. А. (2014). Я: конфигурации артефакта // Культурно-историческая психология. № 1. С. 63–78.

Петровский В. А., Ярошевский М. Г. (2005). Психика // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в 6 т. Том: Общая психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского. М.: ПЕР СЭ. С. 24–27.

Порус В. Н. (2014). «Тожество Я» в философско-методологическом и психологическом измерениях // Субъект и культура / отв. ред. В. Н. Порус. СПб.: Алетейя. С. 214–229.

Пушкин В. Н. (1980). О материальной основе отражения действительности // Вопросы психогигиены, психофизиологии, социологии труда в угольной промышленности и психо-

энергетики / Ю. Е. Подшивалов и др. М.: Би. С. 326–340.

Рубинштейн С. Л. (1946). Основы общей психологии. М.: Учпедгиз.

Рябушкина Т. М. (2014). Самореференция и самописание как основания самоидентичности: поиск альтернативы субстанции // Субъект и культура / отв. ред. В. Н. Порус. СПб.: Алетейя. С. 230–254.

Фенихель О. (2015). Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический проект.

Хекхаузен Х. (1986). Мотивация и деятельность. В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1986.

Чалмерс Д. (2013). Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории сознания. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБЕРКОМ».

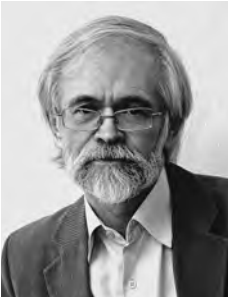
Шнем Г. Г. (2010). Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М.: РОССПЭН.

Davidson D. (2006). The Essential Davidson. Oxford: Oxford University Press.

Schrödinger E. (2001). What is life? // The physical aspects of the living cell. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Velichkovsky B. M., Krotkova O. A., Sharayev M. G., Ushakov V. L. (2017). In search of the “I”: neuropsychology of lateralized thinking meets dynamic causal modeling // Psychology in Russia: State of the Art. Vol. 10, Issue 3.

КУЛЬТУРА МЫСЛИ И ЗНАНИЕ-ВЛАСТЬ

В. А. Шкуратов

*Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: narradigma94@yandex.ru*

Статья разделена на теоретическую часть, разъясняющую понятийный аппарат авторской концепции исторической психологии, и этюд по истории познания на материале европейской культуры. Предложены понятия антропокультуры, сапиентного диапазона эволюции, сапиентного априори. Культура мысли определяется как одна из антропокультур. Намечена демистификация категории опосредствования для превращения ее в рабочее понятие историко-гуманитарного исследования. В русле новой исторической психологии концепция антропокультуры дополнена социополитическим измерением. Отталкиваясь от постструктуралистской связки «власть-знание» и привлекая науковедческую модель парадигмы, автор предлагает понятия когитократии и когидигмы. Дан перечень когитократических пар: ритуал-община, философия-империя, религия-церковь, современное государство-наука, постсовременное управление — масс-медиа. В очерке европейской мыслительной культуры рассмотрены когитократии Античности и Нового времени. Происхождение науки и психологический праксис Нового времени (пси-комплекс) трактуются в аспекте исторических отношений власти и знания.

Ключевые слова: историческая психология, антропокультура, сапиентный диапазон эволюции, сапиентное априори, опосредствование, культура мысли, знание-власть, М. Фуко, когитократия, парадигма, ритуал-община, философия-империя, религия-церковь, современное государство-наука, пси-комплекс, q-комплекс.

DOI: 10.7868/S1819265318010065

Для цитаты: Шкуратов В. А. (2018). Культура мысли и знание-власть // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 84–107.

Эту статью можно читать и как этюд по истории познания в сопровождении словаря метапсихологической теории и как словарь метапсихологической теории, сопровождаемый этюдом по истории познания. Этюд писался для главы еще не опубликованной книги, словарь для теории накапливался около 30 лет. Такая композиция статьи вызовет определенные трудности для чтения, но отделить одно от другого для автора не представлялось возможным. Структура текста

к тому же реализует представление о новой исторической психологии как состоящей из двух частей: метапсихологии и антропоисторикой (Шкуратов, 2009)¹.

¹ Под метапсихологией понимается теория психологического праксиса, включающего и науку о психике, под антропоисторикой — изложение индивидуальных случаев психогенеза, преимущественно в повествовательной форме. Связка с концептуальным дискурсом должна повышать научный статус историописания, обычно третируемого «доказательным знанием» за описательную «нестрогость».

Две части статьи различаются содержательно и стилистически, поэтому я выделил их в самостоятельные разделы с латинской нумерацией.

Статья претендует на определенную методологическую новизну. Она написана в русле авторских теоретизирований относительно социокультурных оснований человеческой психики. Эти теоретизирования в разные времена сводились к предложению таких идей и моделей, как социокультурные системы порождения психики (Шкуратов, 1990), социология и культурология психики (Шкуратов, 1991), антропоморфная матрица культуры (Шкуратов, 1997), антропокультурная формация (Шкуратов, 2015б). При видимой словесной избыточности они не были упражнениями в терминологии, а пытались обрисовать системы артефактов, фундирующие психику со стороны социума и культуры, по аналогии с тем, как нейрокогнитивные науки делают это со стороны мозга.

Самой удобной площадкой для такой работы мне представлялась историческая психология. Указанная область знания на пересечении исторических и психологических наук с 1990-х гг. за рубежом и в последнее десятилетие в России неуклонно теряла популярность. На Западе проекты А. Берра, Л. Февра, М. Блока, Р. Мандру, И. Мейерсона, Ж.-П. Вернана уступили место другим законодателям гуманитарной моды, в России бум переводных изданий конца 1980-х — начала 2000-х гг. был адаптивно-ознакомительным, связанным с переходом отечественного общественно-гуманитарного знания на немарксистские рельсы, причем для большей части нашего академического сообщества вынужденным.

Более общая причина заката психолого-исторических исследований минувшего века демонстрирует, на мой взгляд, малую перспективность выборочного использования понятий так называемой

научной психологии для изучения прошлого в аспекте его человеческого бытования. Каким бы заманчивым ни представлялось применение ее концептуальных инструментов для интерпретации исторических источников, в конце концов выяснялось, что нацелены они на изучение нашего современника и действуют в комплексе с эмпирическими методиками². Сталкиваясь с указанным обстоятельством, проекты психолого-исторического исследования выдыхались, отступая в более адекватные исторической работе области исторической антропологии, исторической социологии, исторической культурологии, истории ментальностей, психоистории.

Моя редакция исторической психологии с конца 1990-х гг. нацелена на то, что можно назвать антропокультурным поворотом. В гуманитаристике последних десятилетий повороты объявляются постоянно. Языковый поворот, герменевтический, диалогический, риторический, дискурсивный — все они так или иначе удерживают словесную привязку гуманитарного занятия. Даже визуальный turn сводится к нахождению визуальной семантики. Это понятно на фоне громадного прессинга количественного, приборного, тестового сциентизма, стандартизированных услуг коммерческого сервиса. Но особых инноваций в указан-

² Эмпирическая психология дает нам ментальный инструментарий современного человека для изучения этого человека в системе его представлений. Когда она пускается в этнографические изыскания других культур, то применяет этот инструментарий к человеку, находящемуся в своей, зачастую не современной системе. И коль этот человек подвергается экспериментальным или тестовым процедурам, являющимся суррогатом *problem-solving* 'а современности, то он их пытается трактовать по-своему. Он может также сообразить, что именно от него хотят, особенно, если ему создать мотивацию (например, вознаграждать за правильно выполненное задание). При неоднократном применении стандартных тестов обнаруживалось улучшение результатов, испытываемые «натаскивались».

ных защитных действиях усмотреть трудно. В своих «поворотах» интерпретативная стратегия подтверждается как право плотного смыслового чтения, усиленное некоторыми методическими нововведениями текстологии. Однако нововведения, строго говоря, невелики и уступают по значению идеологическому моменту противостояния книжной учености приборно вооруженному знанию. К тому же они носят характер кампаний промоутерских групп, которым надо освежить свое значение новым лозунгом.

Мой проект более систематического варианта исторической психологии складывается вокруг понятий антропокультуры и сапиентного диапазона эволюции. В первом термине конкретизировалась идея социокультурных систем порождения психики, выдвинутая ранее. «Антропокультурный поворот», оставаясь вполне гуманитарным, имеет целью перевести рассуждения о человеке в истории на несколько более твердое, чем позволяют интерпретативные повороты (по крайней мере, менее зыбкое), основание. Такое основание должна дать культура в ее качестве связи между человеком и артефактом (антропокультура). Основываясь на том, что такие связи уже конституированы наподобие эволюционных рядов, я выделяю их для историко-эмпирической разработки под названием культуры тела, культуры слова, культуры мысли, культуры образа, эгокультуры.

Сапиентным диапазоном эволюции я называю срок существования современного (сапиентного) человечества, который совпадает со временем действия упомянутых систем психической генерации Человека разумного. Сомадигма, наррадигма, когидигма и другие подобные модели превращения сапиентных задатков человека в сдвоенные психокультурные ряды тело-предметности, рече-словесности, мысле-концептуальности и так далее имеют более частный характер. Они ис-

пользуются для описания процессов социокультурной легитимации сапиентного потенциала человека в антропокультурах.

Знакомство с трудами продолжателей М. Фуко усилило психополитический момент моих построений. В частности, разработка фукеанской идеи пси-комплекса Н. Роузом побудила искать аналогичные связки власти и знания до Нового времени. Так появились фи-комплекс, эс-комплекс, кью-комплекс и другие схемы сосуществования знания и власти на разных антропокультурных площадках. Некоторые из перечисленных концептуальных новообразований будут фигурировать в предлагаемой вниманию читателя статье. Ее вторая половина представляет собой журнальный вариант главы подготовленного к изданию тома «Исторической психологии». Первый том вышел в 2015 г. (Шкуратов, 2015а), рукопись второго залежалась, и автор пользуется любезным предложением журнала «Методология и история психологии», чтобы дать возможность увидеть свет части своего труда. К сожалению, последовательно вводимые в книгу термины я должен представлять как данности, сопровождая лишь краткими пояснениями или отсылками к моим публикациям. Удобствами чтения пришлось пожертвовать ради обоснования потестарной составляющей знания.

Соединение антропокультурной и социополитической составляющих метапсихологии представляет для автора необходимую, но сложную задачу. Эти составляющие соответствуют двум линиям чтения, на пересечении которых формировался его проект. Первая оформилась на рубеже 1960-х и 70-х гг. из трудов зарубежной исторической психологии, вторая несколько позже, из произведений Л. Леви-Строса и М. Фуко. Студент-историк затем переквалифицировался в психолога, но, познакомившись с работами И. Мейерсона, Ж.-П. Вернана, Л. Февра, он стал историческим психологом.

Однако вторая линия его чтения отрицала первую и, таким образом, требовала синтеза тезиса и антитезиса.

Труды К. Леви-Строса о первобытном мышлении и М. Фуко по истории безумия, наказания и сексуальности воспринимаются сейчас как важный раздел психологического изучения прошлого. Однако просто причислить их к исторической психологии едва ли возможно. Ее предмет должен расширяться более органично, и в этой статье я буду трактовать сюжеты постструктурализма с прицелом на новое, социополитическое измерение психолого-исторических изысканий.

Возможно, что генеалогия власти а-ля Фуко представляет для нашей психологии и более широкий интерес. В советскую эпоху отечественная наука о психике имела свою долю в государственно-идеологическом задании по воспитанию нового человека. Переключившись в 1990-е гг. со строительства коммунизма на строительство капитализма, она так и не приобрела вкус к аналитике знание-потестарных отношений, которая в советские времена заменялась пропагандистскими разоблачениями буржуазной науки, а в перестроечные годы антитоталитарной публицистикой. На Западе же изучение мыслительной прослойкой своих контактов с властью в более концептуальном ключе никогда не прекращалось и вылилось в доктрину постструктурализма, дающую исследователю человека пример социополитической рефлексии на собственном и актуальном материале.

I. ТЕОРИЯ ДЛЯ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕКА

Культура мысли в антропокультуре

Культурой мысли я предварительное назову участие человека в разумном порядке мира и в утверждении им себя как создателя и опоры такого мира, т.е.

в качестве мыслящего существа. Речь идет о таком соционатуральном порядке, который не подавляет умственные прерогативы человека, а развивает и укрепляет их в пределах сапиентного способа их протекания. Можно допустить, что в будущем мышление достигнет недостижимых сейчас вершин и перейдет в другое качество, но его порядок будет тогда по отношению к нашему разуму, скорее, сверхразумным, выходящим за пределы наших умственных возможностей, постсапиентным.

В более специальном значении культура мысли — это одна из антропокультур. Термин «антропокультура» обозначает пространство взаимоотношений живого человека и его творений. Философские доктрины склонны то сливать создателя и потребителя цивилизации с миром культурных артефактов и социальных норм, составляющим тело цивилизации, то противопоставлять отдельного человека его социокультурной среде. Современная психология, взявшая на себя со второй половины XIX в. роль ведущей науки о живой единице культуры и общества, отождествляет эту единицу со своим испытуемым — объектом лабораторных изысканий, тестовых замеров, психотерапевтических процедур. Чтобы избежать теоретических затруднений, вызванных гипостазированием отдельных доктринальных положений, мировоззренческих догм, методических приемов, приему за живую единицу цивилизации человеческую целокупность, венаходимую (если воспользоваться термином М. М. Бахтина) по отношению к нормативно-артефактной массе своей искусственной среды и находящуюся с этой массой в состоянии непрерывного уподобления-разуподобления. Именно постоянная реификация целокупности в структуры-артефакты и возвращение ее назад, к себе, и создают атрибут жизненности, лишенной специально биологического значения. При этом живая человеческая

целокупность выступает носителем сапиентного потенциала человечества.

Сапиентный потенциал не сводится к перечню эмпирических свойств индивида, а скорее, является нормативным ориентиром гуманитарного поиска³. Идеология в этом случае предлагается общечеловеческая, она маркируется принципом сапиентного априори. Иначе говоря, безусловным признанием общности психологического склада всех представителей рода *Хомо сапиенс* на Земле. В такой трактовке априорность не обязательно выводить из трансцендентных оснований. Мы принимаем ее как обязательство видеть во всяком существе человеческого рода некий общий антропокультурный потенциал. Без указанного предварительного условия невозможно поддерживать единство планетарного сообщества ни теоретически, ни практически, и его применение выступает в качестве нормативной связи при работе с протяженными трансисторическими сериями.

Априорность в том, что мы утверждаем общность психического склада без предварительного выяснения его составляющих. Психологические построения о людях без Я, личности, без мышления, воли, идентичности отвергаются и принимаются как проявления психологического империализма. Однако универсализм нашей общечеловеческой базы сле-

дует совместить с конкретным анализом бесконечного разнообразия ментальных форм, созданных историей. На очереди — конструктивизм цивилизации, творящей из некоторого числа общечеловеческих универсалий антропокультурной природы. Причем, обратимость универсального и конкретного состоит в том, что любой человек может воссоздать общие (универсально-родовые) структуры психики для общения в кругу сапиентной современности. Так делают туземцы, сталкивающиеся с «цивилизованными европейцами», если только не застревают на своем ритуальном этикете, «цивилизованные европейцы», если только не закливаются на идеологии индивидуализма и прогресса, на паттернах тестовых и других оценок. Разрыв сглаживается, если одна из сторон согласна побыть в зоне ближайшего развития, а другая не упорствует в своих канонических формулировках. Сапиентное априори дедуцирует конфигурации контакта, в которых коммуниканты предстают как партнеры и человеческие целостности, способные гибко подстраиваться друг к другу, черпая из совместного фонда сапиентных средств.

Следует учесть, что в человеческую историю гоминиды вступают ментально оснащенными. Определение «человеческая» у меня будет эпитетом «сапиентная». Речь идет об эпохе *Homo sapiens*. Хотя кроме вида *Homo sapiens* на Земле жили и другие представители человечества, сейчас все люди на нашей планете — представители этого вида. Добавлю к пространственному измерению популяционной общности и темпоральное — общее время, историю. Соединив то и другое, получим предельный хронотоп человечества — планетоисторию, Хроногею. Если местообитание является общим, то к нему уместно приписать и общую биографию обитателей. Фраза «Земля — наш общий дом» уже вполне привычна в плане постоянных напоминаний об экологических

³ Я разделяю мнение Р. Харре о психологии как нормативной науке применительно к исторической психологии. Конечно, легитимация человеческого опыта и социальных представлений есть нормативный процесс. Однако не берусь утверждать вслед за британским эпистемологом, что статистика для психологии бесполезна (Nagré, 2004). В качестве социального праксиса современная психология изображает человеческие массы организованными наподобие природных или технических систем. Если она и не исследует причинно-следственные связи *de facto*, то представляет нормы каузальноподобно. Тем более психофизиология — она не имитирует естественно-научный подход, а использует его по праву.

угрозах, истощении ресурсов, картинок стихийных бедствий и хорошо проиллюстрирована снимками и логотипами голубого шара на черном фоне, но вот общую историю человечества поминают реже. Человечество пока живет отдельными биографиями — этническими, государственными, культурными. Его время еще не обобщено. Наука, литература, футурология проторяют путь своими схемами. К ним я отнесу и психологическую историю сапиентности, т.е. разворачивания сапиентного потенциала в разнообразии человеческих культур. Если в этой истории найдется глава о мышлении, то она будет о том, как интеллектуальные навыки гоминид становятся материалом для когнитивных порядков цивилизации, сначала разобщенно, в поддержании человеческого существования локальных и региональных групп-популяций, а затем обслуживая совокупное человечество и человека как такового, независимо от его социальной, этнической, государственной принадлежности, о том, как отщепленная от общего фонда психических процессов поисковая активность специализируется на решении разнообразных задач индивида и его общезития, а затем привлекается к терминальному вопросу сапиентного человечества: быть или не быть ему таковым. Ментальная архитектура цивилизации, как можно предположить, комбинируется из антропокультурных блоков, подверженных собственной исторической трансформации. Принцип сапиентного априори обладает этической двоякостью. Признавая родовое единство человеческого психотипа для всех эпох и культур всемирной истории, мы принимаем явления варварства и даже дикости (по терминологии науки Нового времени) за атрибуты этого типа, но мы не должны мириться с ними в нынешнем состоянии человечества, если указанные явления означают возмущение против антропокультурной иерархии современного порядка.

Нынешнему миру тон задает культура мысли в научной фазе вместе с эфирной телесностью информационных процессов. Такой иерархический порядок и служит реальной рамкой практического разума в планетарном расширении.

Концептуальной опорой антропокультурного проекта взята категория опосредствования (в психологической литературе закрепилось написание «опосредование»). *Vermittlung* Гегеля и Маркса становится атрибутом культурно-исторических построений у Л. С. Выготского. Последний лелеял замысел «психологического “Капитала”», но поздняя советская психология перевела философскую идею в гипотезу для экспериментального изучения детского развития. Обратное вживить идею в большую историю, откуда она была выведена, не получилось. В советской науке о психике опосредование трактовалось в трех вариантах: семиотическом (собственно Л. С. Выготский), предметно-действенном (А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин) и концептуальном (Э. В. Ильенков, В. В. Давыдов). Такая дифференциация философского концепта вполне нормальна, но отсутствие параллельного обобщения его различных применений приводило к сравнению различных трактовок в терминах «верно-ошибочно».

Исходно понятие опосредствования прозрачно указывает на замещение одного элемента другим в контуре инструментальной активности. При этом мы должны ввести интенциональную (целеполагающую) составляющую, чтобы отличить опосредствование от технологии или, скажем, пищеварения. Однако, чтобы превратить полезный термин в рабочее понятие гуманитарных исследований, желательнее, как выражались его философские пользователи, понятие демистифицировать.

Во-первых, избавить от телеологизма финалистского свойства. Нарращивание

артефактной массы цивилизации является несомненным фактом, и на этом построена динамика составляющих антропоморфную матрицу культуры рядов опосредствования. Однако полное замещение натуральной органики человека искусственными изделиями можно предполагать лишь за пределами сапиентного диапазона эволюции. Напротив, классика нашей категории обещает конечное возвращение первоначала к своей сущности. Последняя у Гегеля логическая — пустое понятие доходит до Абсолюта, наполнившись содержанием, у Маркса социально-эсхатологическая — общество достигает коммунизма, у Выготского психологическая — личность овладевает своим поведением, интериоризуя отношения внешнего плана. Этому финализму резонно противопоставить не столь оптимистический, но более реальный взгляд на вещи. В принятой мной терминологии он формулируется просто: целью антропокультуры является сама антропокультура, т.е. сохранение рода *Homo sapiens* вместе со средой его обитания. Человек — природно-искусственное существо, живущее в равновесии двух своих частей: биологической и культурной (искусственной), что означает взаимопосредствование природного искусственным, а искусственного природным. Такой подход позволяет пресечь вопрос, которые неизбежно возникают, когда вводятся модели более частного охвата: а что дальше? Дальше и раньше антропокультуры для Человека разумного и его творений ничего нет. Дальше только трансцензус планетарности, экстазис человечности, постчеловеческие и постсапиентные формы жизни, выход за пределы хронотопа планетоистории. Вещи очень интересные, но, скорее, для утопии и фантастики, а для науки пределы сапиентного существования связаны с выяснением его действующих механизмов.

Во-вторых, совсем не исторична субстанциализация конкретных менталь-

ных субстратов опосредствования. Логика у Гегеля, материальное производство у Маркса, знаковая орудийность у Выготского, а на очереди следующий претендент на роль лидера глобальных превращений — медийно-информационные процессы. Не лучше ли переставить пирамиду с острия (умственные занятия, физический труд, язык и т.д.) на основании? Основанием же будут служить **все** признаки сапиентности — те, которые уже в фокусе цивилизации, и те, которые еще в тени, а то и вовсе не выявлены. Пока политики знания выискивают привилегированные атрибуты человека, культура мысли выстраивает консенсус психологических диспозиций, а наука с широким историческим диапазоном показывает порядок антропокультурных режимов опосредствования без апологетики и обличений.

В-третьих, режим опосредствования не может быть сведен к одной формуле или к синонимическому использованию набора слов. В разных по субстрату антропокультурах действуют собственные способы человекоартефактного уподобления-разуподобления. Пара «опредмечивание-распредмечивание» по семантике подходит для обозначения отношений между действующим телом и телоартефактом в культуре тела; психосоматическая внаходимость процесса — это агент, а его артефактный партнер — предмет. Предметы бывают телесными (широко используемые в досовременных стадиях телокультуры телесные фрагменты и целые неживые тела — трупы) и неорганическими (собственно предметы).

Для культуры слова я не мог подобрать ничего лучшего, как «осюжетивание-рассюжетивание» и «автор-персонаж-читатель» для письменной стадии словесной культуры. В дописьменной (устной) стадии этой культуры автор заменяется на исполнителя (рассказчика), а читатель на слушателя. Терминология

для культуры мысли вполне привычна: объективация-субъективация; субъект-объект. Она подготовлена философской лексикой, где указанные словосочетания применялись к мыслительному процессу. В дальнейшем диапазон их использования расширился, но мне представлялось удобным вернуться к каноническим значениям этих терминов, поскольку они отразили современное понимание мысли, т.е. освобождение от онтологических, теистических трактовок Ума в пользу секулярных, индивидуалистических, критических. Новоевропейский вариант пары «субъект-объект» зафиксировал сдвиг от сверхчеловеческого позиционирования мысли к человеческому.

Когитократия: понятие, типы, антропокультурная атрибуция

Когитократия — использование мыслительной деятельности как обычная практика власти, или управление, основанное на знании. Это не обязательно разум у власти, скорее, связка знания и власти, когда когнитивный компонент политики вполне автономизирован и выражен. Применение научно-технических достижений без соответственной мыслительной культуры — тоже нередкие примеры когитократии. Под мыслительной культурой в данном случае надо понимать не компетентность в специальных знаниях, а меру человекообразности и человечности умственных занятий. Сравнительно со смежной лексикой (логократия, теократия, идеократия, психократия) мой неологизм акцентирует когнитивный компонент в субъекте социополитической динамики.

Под знанием я буду подразумевать не просто информацию и мыслительные процессы индивида, а некую организацию по разработке сведений о мире, обладающую социально-институциональным

правом в этом плане. Именно как социальная сила знание вступает в союз с другой силой — властью.

Формула *pouvoir-savoir* (власть-знание) принадлежит М. Фуко. Она сыграла свою роль в разоблачении социально-политической ангажированности так называемого объективного знания. То, что раньше трактовалось как открытие законов природы и общества, оказывается одновременно и созданием объектов государственно-административного контроля. После работ Фуко рассматривать умственный, исследовательский поиск как социально стерильный больше не представляется возможным, их эффект имел характер широкого методологического сдвига. Речь идет о взаимопроникновении двух начал — познания и социальной организации, о том, что без опоры во власти когнитивный потенциал человека не может специализироваться и превратиться в институт, а власть без знаниевой составляющей есть лишь грубое принуждение, подобное инстинкту.

В построениях постструктурализма связка власть-знание — что-то вроде двухголового демиурга, который создает индивида и держит его под контролем посредством дискурсивных практик и концептуальных конструктов вроде души, психики, личности, Я. Реалия тела выступает как материал для указанной операции. «Душа есть следствие и инструмент политической анатомии; душа — тюрьма тела» (Foucault, 1975, p. 34). Такой посыл идет от философии воли и представления А. Шопенгауэра. Фуко как преемник Ницше в XX в. переставляет акцент с воли к власти на волю к знанию, подразумевая, что этой волей является власть. Конечно, в тандеме *pouvoir-savoir* предполагается социальный зазор, без которого знание оказалось бы всего лишь техническим подрядчиком власти.

Очевидно, что постструктуралистская доктрина совместима с идеей антро-

покультурного опосредствования. В сапиентном наборе, имеющемся у всех представителей рода *Homo sapiens*, мы найдем и применение произвольно-волевой функции человека для доминирования над другими людьми (власть) и применение его когнитивных функций для суммирования сведений о мире и себе (знание). Если следовать *ad fontes*, власть является опосредствованием прямого физического насилия тела над телом, а познание — опосредствованием натуральных ориентировочных реакций живого существа. Разрыв между примордиальным элементарным действием и сложнейшей архитектурой современных дисциплинарных практик кажется непреодолимым, но он вытягивается в континуум долгой истории, из которой мы вырезаем наши когнитократические типы.

Логоцентрированность европейской власти и кратоцентрированность европейского логоса обосновывались французским мыслителем с прицелом на актуальное социально-политические действия. Постструктурализм обеспечивал себя полемической позицией в дискуссии с западным государством 1960-70-х гг., и притом, может быть, без прямого намерения автора «Наказания и надзора», универсализировал признаки конкретной властно-знаниевой ситуации. С моей точки зрения, то, что описывают М. Фуко и его последователи под названием власти-знания называется «национальное государство — наука», т.е. современная популяция-территория вместе с обихаживающей ее теоретико-эмпирической разновидностью рациональности. В России, пребывающей на рубеже западного welfare, местные интонации этого парижского универсализма слышны вполне отчетливо. Ведь периферия центра миросистемы (И. Валлерстайн) пребывает в конфигурациях, сглаженных в самом центре.

Данная статья продолжает историческую развертку постструктуралистского

двучлена, начатую ранее (Шкуратов, 2014; 2016). Формула Фуко употребляется как родовой термин для нескольких когнитократических видов:

1. Ритуал — община;
2. Философия — империя;
3. Религия — церковь;
4. Наука — национальное государство;
5. Масс-медиа — глобальное общество.

Я также поменял местами термины двучлена, поскольку отношение будет толковаться, прежде всего, в ракурсе знания.

В отношении первого двучлена из предложенного выше перечня когнитократических пар я ограничусь кратким резюме моих публикаций (Шкуратов, 2009; 2011; 2016), чтобы перейти к продолжению ряда, оставшегося пока без изложения. К сожалению, я не успею дойти до финала, тандема масс-медиа и глобального общества. Наброски антропокультурной истории видеодивизации имеются в моей книге «Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира» (Шкуратов, 2006).

Рассматривая положение когнитивного партнера власти на конкретных площадках опосредствования, я должен начать с вопросов о статусе мышления в разных антропокультурах (тела, слова, мысли, образа). Антропокультуры работают в своих режимах опосредствования, со своим сапиентным ресурсом, венаходимой целокупностью (преломляемой в фильтрах эгокультуры соответственно как телоперсона, словоперсона, мыслеперсона, видеоперсона) и своими артефактами. Не является ли культура мысли монополистом на использование умственных процессов в качестве аспекта власти? И в чем состоит статус мыслительных процессов в культуре мысли сравнительно с другими антропокультурами? Первый ответ состоит в том, что не является; власть снабжена когнитивным

компонентом на всем протяжении сапиентного диапазона, более того, в зоокультурах наблюдается использование интеллекта властью вожака над стадом (Шкуратов, 2015в). Второй ответ окажется более пространным. Операции уморассуждения вне культуры мысли непарадигмальны, т.е. не легитимизированы в качестве доминирующей нормативной инстанции опыта.

Поскольку в этих соображениях появилось упоминание о парадигме, необходимо разъяснить, в каком значении я употребляю популярный термин. Повторю, что речь идет о социополитической легитимации человеческого существования, т.е. о подведении под норму новых явлений опыта. Поток инноваций непрерывен, это сама жизнь человека. Массовый материал стихийной инноватики должен проходить селекцию на предмет его правильного, социально одобренного использования человеческими общностями. Указанный нормативный фильтр я буду называть парадигмой, а его работу — легитимацией. Понимать подобным образом парадигму позволяет самая известная ее теория, изложенная Т. Куном в «Структуре научных революций» (Кун, 1977), а также ее превращения за полвека после выхода знаменитой книги. В первоначальном варианте (без дополнений 1969 г.) произведение Куна — обширное эссе против популярной концепции кумулятивного (непрерывного) развития науки. В таком качестве книга стала одной из главных вех послевоенного постпозитивизма. Как известно, в конечном итоге, Кун предлагает два толкования своей науковедческой категории — широкое и узкое. В широком значении парадигма — многозначный и расплывчатый термин, примененный к истории естествознания Нового времени. В ответ на критику и требования разъяснений автор уточнил, что парадигма — это междисциплинарная матрица, имеющая треху-

ровневую структуру. Так появилось узкое значение термина. В книге «Новая историческая психология» (Шкуратов, 2009) парадигма в узком значении переименована в когидигму, а широкое значение куновской модели еще более расширено.

Не считаю свои терминологические упражнения произвольными. Они, скорее, констатируют сложившееся употребление слова «парадигма». Оно вышло далеко за пределы науковедческого лексикона. Сейчас парадигмой именуется нормативные явления в самых разных сферах человеческой жизни, а не только в науке и, собственно, в естествознании, как у Куна. В таком качестве термин оказывается удачным обозначением «общего знаменателя» в социальной деонтике. Распределяя нормативные конфигурации опыта в исторической последовательности, нет надобности избавляться от разных «слишком современных» или «слишком архаичных» пластов ментальности. Сомнения позднего Леви-Брюля в фундаментальном психическом отличии его сограждан от пралогических примитивов (Levi-Bruhl, 1949) или американских антропологов в том, так ли далеки нынешние городские жители США от палеолитических охотников (Cosmides, Tooby, 1997), теряют остроту с принятием сапиентного априори. Но это не избавляет от труда распределять антропокультурный тезаурус по парадигмам и легитимирующим порядкам. В Средние века была наука, и весьма сложная. Сегодня не менее половины образованного населения Запада обращается к гадалкам, экстрасенсам, так или иначе практикует магию. Однако наука в Средние века не была ведущей нормативностью опыта, а магия не является таковой для индустриальной и постиндустриальной цивилизаций.

Парадигма в указанном толковании приобретает характер системы, один из блоков которой является системообразующим, т.е. нормативным для других блоков.

Логично, что он будет давать название парадигме. Современная парадигма, как бы ни были пестры в ней применения нормы, организует их иначе сравнительно с досовременностью. Нынешнее нормотворчество субординировано наукой. Когда некое явление социальной жизни замечают и «вводят в рамки», то предпочтением пользуются теоретико-эмпирические обоснования. Специалисты в самых разных областях корректируют и обозначают стихийную тенденцию, дают ее анализ. При этом они действуют как ученые, т.е. разделяют общее мировоззрение и специальную теорию, ставят проблему, формулируют гипотезы и обосновывают их на эмпирическом материале. Для современного государства, гарантирующего легальные социальные установления, важно, что их разумность и целесообразность подтверждена наукой. Сказанное нельзя автоматически применить к любой исторической эпохе. Очевидно, что в досовременных обществах норму обосновывают обряд, миф, религия. Парадигму, в которой Библия — главный источник знания, естественно назвать религиозной.

Мыслительная нормативность Нового времени будет называться когидигмой. Этим я отделяю трехуровневую междисциплинарную матрицу науки от парадигмы в широком смысле, и не только терминологически. Куновские построения не подходят для гуманитарного знания, уходящего корнями в историописание, риторiku и литературу. Поэтому я предложил и обосновал модель наррадигмы как повествовательного эталона познания, разворачивающегося в культуре слова из нарративных задатков человека (Шкуратов, 1994; 1997). Нормативные ряды антропокультур имеют собственные субстраты: наррадигма — сюжетное рассказывание, соматидигма — действие тела с другими телами и предметами, видеодигма и аудиодигма — запечатление образов.

Когидигма — это нормативный ряд в культуре мысли, пересекающийся в своих заключительных фазах с телесной культурой приборов и других устройств. Фазы когидигмы — эвристическая, магическая, философская, научная, астрорегуляции (информрегуляции) — размечают движение мыслекультуры в сапиентном диапазоне эволюции от непосредственных (эвристических) состояний знания к его пределу, за которым находится полностью объективное, т.е. асубъектное и ачеловеческое представление мира как Иного (Шкуратов 1997; 2009). Разумеется, указанный рубеж является всего лишь экстраполяцией экспоненциального роста артефактной массы техноцивилизации на фоне заснувшей биоэволюции Хомо сапиенса, однако, как можно понимать, его реальность зависит от политики мыслекультуры, т.е. способности выдержать науку в качестве человеческого занятия.

II. ОТ ТЕОРИИ К ИСТОРИИ

О парадигме Античности

Первобытный базис цивилизации представляется наиболее очевидным случаем телокультуры. Знаниевый полюс когитократического отношения на субстрате соматики в домашинной цивилизации назван мной фи-комплексом, от русского «физический» и английского physical (Шкуратов, 2009; 2011; 2016) Фи-комплекс производит телесную личность с помощью ритуала. Ритуал есть знание в действии, т.е. адекватный телесной культуре способ социализации людей, передача им коллективного опыта социума. Досовременное человечество живет общинами, и, значит, все prerogatives власти находятся у этого непосредственного, естественно возникшего человеческого общежития. Логично предположить, что знаниево-властный тандем у него имеет вид общины-знания.

Разумеется, знание существует и вне ритуала. Однако именно в ритуале знание приобретает нормативный характер. Наиболее важные сакральные действия производятся всей общиной, которая в таком случае выступает как власть, легитимирующая для своих членов представления о мире.

Я даю только предварительное обозначение связки, и в него придется внести уточнения. Ведь общины бывают разные — семейные, родовые, территориальные, гражданские, религиозные и другие. Но при всем разнообразии типов общины ее социальность всегда контактна, она состоит в совместной жизни. Ее члены общаются между собой непосредственно и разделяют общий быт. С появлением государства община теряет свой социальный монополизм и встраивается в более абстрактный, опосредованный порядок.

Однако и в классической древности связка «ритуал-община» отнюдь не на периферии социальной нормативности. Она — ее центр. Ранняя наука находится в зоне контроля древней общины и пытается соучаствовать в ритуальной жизни коллектива. Пытаясь отделить древнюю науку от ее собственного контекста, мы встраиваем ее в нашу, научную парадигму. Это делает ее понятной для нас, но трудно совместимой с другими представлениями той эпохи.

Какое определение подойдет парадигме Античности? Начну от противоположного. Она — не научная. Считать, что древняя когитократия — а ее во времена Платона и Аристотеля представляли взрослые полноправные мужчины гражданской общины (полиса) — руководствовалась максимой «Все сущее должно предстать перед судом разума, чтобы доказать право на существование», тем более процедурами теоретико-эмпирической верификации — означает модернизацию древности, т.е. перенос в нее современной научной ментальности. Логос есть кончик

нужной нам нити, которую мы выдергиваем из древнего клубка. Мы завязываем на этой нити узелки наших умственных вех, и один из первых — греческая философия. Но это не значит, что для правоспособных древнегреческих мужчин философия имела такое же значение, как для европейца Нового времени. Можно даже сомневаться, было ли знакомо большинству соотечественников Аристотеля такое слово. Более того, имело ли для самого Аристотеля такое центральное значение, как для более поздней европейской культуры. Из дошедших до нас аристотелевых текстов это не вытекает. Там понятие философии совсем не монополично и чересполосно употребляется с другими словами: мудрость, знание, технэ. Возможно, нам бы помог аристотелев труд «О философии». Но, во-первых, и он-то был так обозначен после Аристотеля, а во-вторых, как водится с большинством решающих аргументов модернизирующего антиковедения, он потерян.

Популярное сочинение Диогена Лаэртского (Диоген Лаэртский, 1986) знает философию как своеобразное занятие и философов как группу населения. Но написано оно уже в императорском Риме, на закате Античности. Сам Аристотель, очевидно, не сводил свои размышления в доктрину под именем философии или каким-то другим. Это сделали после него стоики. Большинство же современников Аристотеля (как и Сократа, Платона, Теофраста) едва ли помещали философию в центр своего мировоззрения и поверяли ею свои представления о жизни. Философия обитала в тиасах — сообществах, посвященных музам. Это были частные культовые объединения, и полисная парадигма следила за тем, чтобы из этих кружков не выходили обряды и установления, соперничающие с полисными обрядами и установлениями. Именно надзор за обрядом инициировал процессы против философов. Это не были гонения

на инакомыслящих. Протагора, Анаксагора, Сократа, Деметрия Фалерского обвиняли в том, что они продвигали свои культы на место народных, полисных.

Сам Аристотель тоже попал под эту статью. Грекам он был известен как наставник македонского царя и кунак его наместника в Греции. После кончины Александра коллаборационисту припомнили, что давным-давно он воздавал погибшему другу Гермия якобы божественные почести. О чем идет речь? Отнюдь не о философии. И даже не о религии, т.е. инаковереии. Речь идет об обряде. В кружках любомудрия подозревают рассадники неправильных культовых отправлений. Они якобы вводят в общинно-гражданскую мифологию новых героев, не одобренных большинством, отправляя в их честь ритуалы. Этот конфликт несущественен для нас, но парадигмален для той эпохи. Парадигма Античности — мифоритуальная. Легитимации подлежит не порядок мысли или веры, а порядок введения в мифологию гражданской общины ее культовых героев и служб в их честь. Гонения на христиан в императорском Риме будут также не за веру как таковую, а за то, что они препятствуют культу императора и вводят культ своего героя неправильно, в ущерб другим. Новое время увидит в гонениях на философов преследование свободы мысли, а Средние века будут оценивать Платона и Аристотеля с точки зрения веры. В первом случае материал применяется к научной парадигме, во втором — к религиозной. В V—IV вв. до н.э. критерии социальной приемлемости знания другие, потому что общество примеряет его для своей, полисной мирокартины.

Полис и демократия

То, что греческий логос порождение полиса, общепризнано. Рациональное мышление истолковывается как инстру-

мент согласования единичных желаний и воля в общем интересе (Вернан, 1988). Отсюда выводят рефлексивную опору субъектности — политическое Я полноправного гражданина. Политика и словесность — главные вкладчики в рефлексивный дискурс Античности.

Следует заметить, что демократическая ментальность древних Афин и либерально-демократическая идеология современного Запада взаимосвязаны не только «оттуда сюда», но и «отсюда туда». Автор двухтомного труда по истории политической мысли взвешивает причины неизбежного обращения к греческому началу в европейской мысли. Поток «от них к нам» объясняется привычно, как преемственность языка и политической традиции. А вот обратное направление обозначается неклассическим словосочетанием «конструирование идентичности»: «...мы начинаем с греков из-за пути, по которому европейская (фактически евро-американская) идентичность конструировалась веками. Именно конструирование идентичности определяло для нас первостепенное значение: 1) языка политики и 2) истории философии» (Coleman, 2000, p. 3). За сменой терминологии с историцистской на конструкционистскую можно усматривать и более глобальное явление рубежа XX—XXI вв.: разжижение европоцентризма. Замещение модернистской субъектности постмодернистской касается их древнегреческого контрагента. Тот также становится менее модернистским. Консолидированное гражданское Я афинской демократии расплывается, оно оказывается более трайбалистским и архаичным.

От натурфилософского начала до Аристотелевой классики античной мысли поместились зарождение, расцвет полисной Греции и потеря ее независимости. Это не просто фон, но временами косная, а временами агрессивная среда древней науки.

Натурфилософия сопутствует первым векам полиса, она рационализирует мифологию, тем самым адаптируя ее к условиям гражданской общины. То же самое натурфилософия делает и с магией. Первобытный демонизм перерабатывается. Психе из демона превращается в организующее начало тела. Однако за победной рационализацией мысли мы не должны проследить ее участия в сакральных практиках эпохи. Полис архаической и классической эпох, хотя и город, но небольшой, аграрный или полуаграрный, скорее, поселок с деревенской округой. Этот зародыш гражданского общества живет в еще первобытных объятиях натуральных ритмов, которые не делают исключений ни для тираний, ни для демократий. Старшие олимпийские боги греков — олицетворения природных стихий и сфер. Главные государственные культы блистательных Афин — земледельческие, и это соответствует преобладанию среди свободных граждан крестьянства. Участие ранней науки в ритуальном обустройстве архаического полиса засвидетельствовано присутствием первого ионийского ученого Фалеса среди семи греческих мудрецов, а также своеобразным статусом его италийского протагониста Пифагора.

Симбиоз преимущественно аграрного сообщества с активной культурой мысли не мог быть бесконфликтным. Он колебался между взаимовыгодным сосуществованием и весьма напряженным антагонизмом. Философия дала полису приемы и обоснования гражданского устройства, шлифовала логику политической аргументации и этику публичной дискуссии, просвещала массу, ковала элиту. Но является ли рациональность и четкость формулировок для древнейшего гражданского самоуправления абсолютными благами? Уже в начале классической эпохи мы обнаруживаем столкновение полиса с философским рационализмом (процессы Анаксагора и Протагора).

В апогее демократии конфликт не смягчается, скорее, усиливается.

Греческий полис выдвигает согласование правил общежития посредством писаных законов, обычного (неписаного) права, моральных максим, культовых обрядов против единовластия тиранов. Боги являются морально-аксиологическим обоснованием сложного и ситуативного консенсуса, который работает в непосредственном согласовании воли прямой демократии. Техническая, экспертная компетенция в построении нормы не является для полиса идеалом. Философия же, двигаясь в русле мыслекультуры, в определенный момент начинает претендовать на роль логической экспертизы в обосновании человеческих установлений. Своими объяснениями философия разлагает сакральность неписаных божественных гарантий человеку, предлагая взамен необходимую с точки зрения логики и писаную с точки зрения фиксации норму. Полис к такой легитимации относится настороженно, потому что она идет вразрез с непосредственным народоправием. Закон — да, но с одобрения граждан и санкционирующих их согласную волю богов. Непосредственная демократия является видоизмененной контактной общностью. Ученость же может быть консолидирована только в записи. Полис заинтересован в приемах непосредственной коммуникации, в риторике как языке дискуссии, а не в дедуктивном построении общественных институтов или в культурной методологии логоса. Положение философии в полисе двусмысленно.

К счастью, античная мысль в ее высших достижениях совсем не в такой степени завязана на архивы, библиотеки, инструменты, системно-логические построения и другие способы отдаления от текущей жизни, как это представляется с дистанции почти в 2,5 тысяч лет. Поэтому власти и знанию удается

восстанавливать симбиоз. Однако исторические векторы прямой демократии и не прямой (опосредованной) мыслекультуры смотрят в разные стороны. Рефлексия над положением мыслителя в указанной среде правомерно искать, прежде всего, в учениях об уме. Их задача имеет признаки апории. Ведь она должна включать консолидированного мыслительного субъекта, слитность Я и мысли в то, что по отношению к субъекту контрарно: в сети непосредственной коммуникации, в отношениях политеизма, которые соединения Я и мысли будут непрерывно разъединять. Пользуясь уместным для данного случая жаргоном, можно сказать, что когито в ущерб субстанциализации все время атрибутивизируется. Можно вспомнить, на какие сложности в аристотелевой этике наталкивается выбор между «сам ли я ум» и «сам ли ум во мне». Но дело заключается не только в теоретических решениях, а в тех социальных тактиках и когитократических вариантах, которыми располагают мыслители. И здесь между Платоном и Аристотелем выявляются существенные различия.

Платон умер за десять лет до битвы при Херонее, означавшей конец греческой независимости. Конец, разумеется, условный, потому что и после этого полисное устройство Эллады сохранилось. Но появился новый политический фактор — империя, не просто надстройка над калейдоскопом миниатюрных городов-государств, но и следующий партнер знания в когитократической паре «знание-власть». Платон до больших перемен не дожил. Он не испытал иной социальной реальности, кроме полиса, он и сам пытался эту реальность созидать. Аристотель испытал. Платон не смог отказаться от властных поползновений своей мысли, Аристотель же смог. Он готовил для ученых занятий иную, чем Платон, нишу, она оказалась весьма перспективной. Если в современном понимании Платон

стыкует философию и полис, то Аристотель находится в движении от философии к науке и от полиса к империи.

По своим предпочтениям Аристотель — полисный человек, классический грек, который не мыслит жизнь вне гражданской общины. Однако его карьера и его собственное научное предприятие обеспечены не полисом, а монархией. Аристотель получает образование и проводит молодые годы в Платоновой академии и, значит, впитывает предпочтения полисной политики и знание ее превратностей. В конце жизни полис пытается Аристотеля погубить, как он погубил Сократа. Но у Аристотеля уже другой исторический опыт и другой жизненный путь. Он — сын придворного врача, воспитатель наследника престола. Под крылом македонской монархии он создает свое научное предприятие, имеющее некоторые атрибуты императорской академии наук (указ Александра Македонского доставлять в Ликей диковины для коллекций).

Политические взгляды Аристотеля рисуются современными авторами достаточно однозначно. «Он, конечно, не был другом демократии, но принимал ее как неизбежное зло и был готов идти на компромисс с врагом» (Поппер, 1992, с. 8). К. Поппер вообще не жалуется Аристотеля, считая его чуть ли не посредственностью и во всем зависимым от учителя, Платона. В глазах Поппера Аристотель так же недалек и как политик: «Примером присущей Аристотелю недостаточной проицательности, на этот раз исторической (ведь он был и историком), служит тот факт, что он был вынужден признать видимое укрепление демократического строя именно тогда, когда его уже сменяла македонская имперская монархия, это историческое событие как бы ускользнуло от его внимания. Аристотель, который так же, как и его отец, был придворным македонского двора, видимо, недооценил Филиппа

и Александра и их планы. Возможно, он полагал, что знает их слишком хорошо. «Аристотель садился обедать с монархией, не замечая этого», — справедливо прокомментировал этот факт Т. Гомперц» (там же).

Более благосклонен к Аристотелю Дж. Ллойд, но и он отмечает почти в унисон К. Попперу: «Аристотель не проявляет осознания фундаментальных изменений, которые завоевания Александранесли греческому миру, и он бы, несомненно, рассматривал любое политическое развитие, которое ведет к упадку значения города-государства, как изменение к худшему» (Lloyd, 1968, p. 7). О чем эти суждения? Об отсутствии у человека IV в. до н.э. исторического знания, которое есть у человека XX в. Конечно, Аристотель не простой человек IV в. до н.э., ему бы следовало возвышаться над временем и местом, над миниатюрной площадкой полиса и полисных отношений, когда уж открывалась захватывающая панорама империй. Однако даже если он и не прозревал исторического значения эллинизма, его линия по отношению к сильным мира того все-таки дала ему 12 спокойных лет, в которые он и выпестовал свой Ликей — прообраз научного института Нового времени. Что касается панорамы империй, то она открывалась и раньше.

Маленькая Греция всегда существовала на рубеже больших восточных держав. Аристотелев однокашник, побратим и свойственник Гермий был управителем крошечного греческого города-государства на малоазийском, персидском берегу Эгейского моря. Его игры с персидской монархией кончились неудачно: он был распят сатрапом Малой Азии. А внучатого племянника Аристотеля, Каллифена, царственный воспитанник Стагирита велел бросить в клетку со львом. Не новоевропейская историософия, а судьба полисной Греции сопутствовала созданию европейской протонауки. Последняя

двигалась от соучастия в становлении полисной системы (первые философы) к активным попыткам ее формировать (Платон) и, наконец, к лавированию между гражданской общиной и старо-новым полюсом власти — империей.

Позиция Аристотеля — это союз знания с мощным государством. В апогее аристотелевой деятельности полис таким не был, таким была возникающая македонская империя. В аристотелевом, отчасти исполненном проекте наука — это независимая (автономная) исследовательская институция с нейтрально-политическими задачами, отделенными от непосредственного участия в политике, идеологии, религии. Тем самым она берет дистанцию от опасного партнера. Вместо платоновского гнезда политиков и мозгового центра реформ — научно-исследовательский институт. Обвинение, от которого Аристотель напоследок бежит из Афин, впрочем, традиционное: вторжение в полисную ритуалистику, воздание покойному другу Гермия божественных почестей. И последователя Аристотеля, Деметрия Фалерского, это не обошло, и ему граждане вчинили бесчестие, покушение на гражданский полисный культ. Деметрий Фалерский личность для философии незначительная, а как политик знания весьма важен. Он продвинет его еще дальше к империи и заложит основы александрийской науки.

Философия так и не попала под непосредственный полисный контроль, хотя дело близилось к этому. В III в. до н.э. «Софокл, сын Амфиклида, внес закон, чтобы никто из философов под страхом смерти не возглавлял школу, кроме как по решению совета и народа» (Диоген Лаэртский, 1986, с. 199). Философы не захотели под контроль государства и удалились в изгнание. К счастью для философии, закон продержался только год и был отменен. Указанный случай показателен. Очевидно, что полису государственная

(«общинная»!!!) философия не нужна. Хотя и в очень специфической форме гражданской общины полис все-таки тяготеет к двучлену «община-ритуал». Полис не стал запрещать философию, поскольку извлекал преимущества из симбиоза с ней. С ее существованием в форме квазикультового объединения (тиаса) он примирился. До конца Античности философия будет действовать при полисе в качестве такового. Однако опрометчиво считать, что тиас — это просто социальное прикрытие, под которым прячутся научные институты и школы. Такое модернизирующее объяснение, как всегда, упрощает. Проникнуть в древне-парадигматические мироощущения античных исследователей помогает аристотелево учение о наслаждении созерцанием. По психологическому рисунку то, о чем пишет Стагирит, вполне мистериально и соответствует статусу места, в котором осуществляется. Завещание Феофраста указывает, что и по обстановке Ликей — это своеобразное святилище. Сравнительно с платоновской Академией аристотелев Ликей — более обустроенная ниша. Он предназначен для тихих наслаждений созерцания и не будоражит полис реформаторскими проектами. Интеллектуальные экстазы генерируются практикой исследовательского свойства. Оплачивают социальный покой в аристотелевском проекте полезными знаниями, и, кстати, будут получать за них содержание. Правда, не от полиса. Чем дальше, тем больше философия будет переходить под протекцию императорской власти, избавляясь от превратностей свободного политического существования и принимая взамен обязанности перед бюрократической державой. Когитократическая пара «философия — империя» приобретает вполне институциональные очертания в зрело-поздней Античности, при Антонинах и их преемниках.

В послеклассический период философия и полис пришли к сосуществова-

нию. Полис отныне оставил философию в покое. Философия больше не предлагает себя полису в качестве ритуальной деонтики и религии. Примерно в это же время она начинает перемещаться на новую площадку, под крыло Птолемеев, тем самым отделяясь от философии и становясь наукой. Но это весьма специфический для Античности и всей досовременности случай, поскольку он требует когитократической пары «наука-территориальное (национальное) государство». В ограниченной степени он имел место в птолемеевом Египте, который единственный из эллинистических государств походил на территориальное государство. Массового воспроизводства этого опыта придется дожидаться до Нового времени.

От религии-церкви к науке-государству

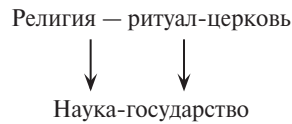
Средневековая парадигма — религиозная. Очевидно, что религия дает знания о характере и предмете культа. Однако основа религии — не знание, а вера. Ее поддержание загружает потестарный аппарат религии, церковь большим ритуально-организационным хозяйством. Но религия религии рознь. Католическая и православная конфессии христианства имеют большое ритуально-культовое обеспечение. В протестантской же церкви ритуала почти нет. Протестантизм начал с обличений католицизма в идолопоклонстве и магии. Действительно, ритуальных моментов в дореформационном христианстве много больше, чем в реформационном. Реформаты предельно упрощают обряд, перенося центр тяжести на познание Бога через чтение Книги. В некоторых маргинальных конфессиях познание вообще на первом месте, а обряд редуцирован. В связи с этим и централизация церкви понижается, т.е. церковь опять распадается на самоуправляющиеся общины. Но следует иметь в виду, что

эти общины существуют во все более секуляризирующемся обществе. Они могут ориентироваться на науку, превращаясь, как антропософия, некоторые течения Нью Эйдж в кружки любителей особого знания. Или традиционализироваться, регрессируя к замкнутым общинам повышенного ритуализма, сектам, герметически закрытым, инкапсулированным в светском обществе, совершенно игнорирующим его познавательную жадность.

Следует помнить, что в так называемых естественных религиях интерес верующего к предмету поклонения обычно мал. В древнеримской религии надо правильно выбрать обряд. А знать про божество даже и не обязательно («кто ты, бог или богиня» — даже и не уточняет древний римлянин пол мелких божков пантеона). Иудаизм настойчиво борется с ритуализмом и в конце концов превращается (не без содействия превратностей истории) из храмовой церкви в церковь Книги, в синагогу. Я не берусь составлять классификацию верований. Моя цель показать некоторую логику когитократических конфигураций, для которой история дает материал.

Древнее христианство, как известно, начинается с общины-ритуала. Ритуал сохраняется, он впитывает элементы античных и восточных культов. Книга первоначально — элемент обряда. Христианство усваивает греческую философскую ученость, из которой создаются догматика, вероучение и христианская наука в двух вариантах: мистическом (преимущественно с платонической знаниевой подосновой) и схоластическом с основой в аристотелизме. Средневековый католицизм — сложная централизованная система, которая курируется престолом св. Петра. Папство ведет борьбу за предельную централизацию знания и власти под эгидой Рима со средневековыми монархиями и временами добивается больших успехов. Католицизм сильно риту-

ализирован, но и момент знания в нем очень весом. Нашу конфигурацию придется усложнить, когитократическая пара переходит в многочлен:

Для раннего и зрелого средневековья верхняя страта пятичлена — ведущая. В религии как основании веры в Спасителя и его приход ритуальные формулы, молитвы, мистические интуиции преобладают над дискурсивным, развернутым доказательством существования Бога и его природы. Ритуальный способ усвоения религии для массы является главным. Необходимый минимум знаний о вере она получает через обряд, потому и церковный контроль за религиозным знанием осуществляется церковью в виде кодифицированного надзора за богослужбной жизнью церковных общин. Научное же сопровождение религии возникает преимущественно в прояснении молитвенно-литургического общения с Богом, церковных таинств, в установлении догмата и в борьбе против других конфессий, ересей, иноверцев. Главная церковная задача теологии — опять же в объяснении обрядов. Реформация производит коррекцию церковно-знаниевого отношения с ритуальной на безритуальную (малоритуальную) конфигурацию, в которой церковь из держательницы ритуала должна стать исключительно держательницей Книги, но, в конечном итоге, утрачивает свою позицию и уступает ее государству. Иначе говоря, свершается секуляризация, в которой происходит смена базисных когитократических пар с «религия-церковь» на «наука-государство». Под государством я имею в виду национально-территориальное образование.

Предвижу возражения по тандему «наука-национальное (территориальное) государство», ведь насаждающих науку империй не меньше, чем национальных государств. Напомню, однако, что знаковый момент в когитократической паре я оцениваю институционально, в аспекте его организационной структурированности и взаимодействия с властью в общественно-политической жизни. Повторю утверждение, что именно в сформировавшихся современных государствах наука становится социальным партнером власти и ведущим фактором массового воспитания. В эпохи же упадка мифоритуалократий и теократий, особенно при неконсолидированности национальной государственности, власть, бывает, ищет идейную опору в философии. Самый недавний исторический пример такого альянса — коммунистическая империя СССР, сменившая дореволюционное государственное православие на официальный марксизм-ленинизм. Есть и более старые случаи: философ на троне Марк Аврелий, император Галлиен, обещающий Плотину построить город Платонополис. Стоицизм, неоплатонизм не стали официальными идеологиями Римской империи. Державный город был гражданской общиной, расширившейся на пол-оюкумены, его власть за пределами метрополии, помимо административно-военного насилия, поддерживалась государственными ритуалами. Поклонники греческой философии на римском престоле, очевидно, чувствовали желательность единого учения, надстраивающегося над многочисленными локальными культурами, и не без основания усматривали объединяющее начало в эллинской образованности. Но наклонности просвещенных цезарей не могли, конечно, ни переломить обрядовую инерцию, ни воспрепятствовать приходу христианской теократии. Однако они стали историческим прецедентом.

Антропокультурная хронология Нового времени

М. Фуко отмечал триумфальное шествие машинообразной модели поведения в Новое время. Армия, школа, больница, тюрьма, фабрика есть единоподобные институты дисциплинирования тела. Везде тело опутывается регламентами команд, инструкций, распоряжений. Если использовать мою терминологию, то французский постструктуралист описывал переход от органической телокультуры к машинной, а конкретнее — к машинной фазе соматидгмы, когда нормативами телесного поведения становятся точность, быстрота, координированность, эффективность человеческих действий, т.е. то, что уподобляет их механизму. Фуко пишет историю тела. Он игнорирует то, что объект контроля меняется, перемещается от тела и телоперсоны к мыслеперсоне и субъекту. В «Надзирать и наказывать» (Фуко) символическая культура показана как совокупность управляющих телом команд, инструкций и сценариев. Однако можно заметить, что эта «надстройка» сама становится «базисом». Антропократическая система создается этажами: отрегулированное тело (телоперсона) → отрегулированная персонажность (словоперсона) → отрегулированная субъектность (мыслеперсона). Нельзя сказать, что все удается отрегулировать до конца — иначе живой индивидуальный человек погибнет. Но можно утверждать, что уровень надзора за телесными действиями усилен, социально нормализован, машинизирован.

М. Фуко представлял себе движение дисциплинарной власти с конца XVIII — начала XIX вв. и до нашего времени единым процессом овладения телом с двумя биополитическими режимами: анатомической властью (муштровка индивидуального тела) и популяционной властью (управление демографическими

процессами). В моей антропоморфной матрице культуры, помимо культуры тела, предусмотрены другие человеко-артефактные ряды со своими режимами легитимации, когитократическими парами, культурными человекоформами и способами их генерации (комплексами).

Если следовать указанному варианту исторической психологии, то придется описывать, по крайней мере, три взаимодействующих антропокультурных порядка: культуру тела, культуру слова и культуру мысли. Разумеется, это упрощенная версия ментальной трансформации Нового времени, и ее можно расширять за счет других психокультурных рядов. Пока же ограничусь показом только базисных систем антропокультурной генерации, причем схематично и в очень условной хронологии. Их соприкосновение даст сложный контрапункт экономических, социальных, политических, культурных процессов.

В указанный период телесная культура трансформируется из органической в машинную. Телоперсона привязывается к механизму посредством дисциплинарных артикуляций, описанных М. Фуко, и сама отчасти превращается в машину. Однако, меняя ракурс генеалогии власти, придется видеть не унитарный процесс дисциплинирования тела, а расширение иных антропокультурных порядков, находящихся в отношении к телокультуре, но имеющих собственную динамику.

В преындустриальной Европе аграрный строй поддерживает культуру органического тела. «Сверху» действует просвещенческая политика: масса «поднимается» до «образованного состояния» посредством казенных мероприятий и распространения литературы. Для элиты («образованных») литературно-бюрократическая социализация уже является привычной. Следующая эпоха отмечена повышением технизированных, количественными приемами «овладения челове-

ком», расцветом позитивной науки; в более специальных терминах можно сказать, что рядом с эс-комплексом⁴ поднимается пси-комплекс. Это предвещает замещение литературно-письменной генерации человекоформы научно-специальной. К этому времени, т.е. ко второй половине XIX в., в главных западных странах совершился промышленный переворот, общество более или менее гомогенизировано в своем просвещенческом основании.

Пси-комплекс, q-комплекс

Напомню, что в предлагаемой мной версии исторической психологии наука есть фаза когидигмы, пункт в нормативном ряду мыслекультуры. В таком качестве наука выступает системообразующим институтом современной парадигмы, т.е. представляет знание в паре «знание-власть». Предметом статьи является не всякое знание, а то, которое о человеке и которое участвует в генерации социальной человекоформы своего времени. По Н. Роузу, ядром такового в Новое время становится группа дисциплин психологического профиля, именуемая пси-комплексом (Rose, 1985). Когитократическая цель знаниевого охвата человека изложена фукеанским и другими критическими подходами гуманитаристики вполне внятно. Однако перехват психологией привилегированного места в тандеме знание-власть от других комплексов и само существование таких комплексов последователи Фуко не изучали. Также не подверглась рассмотрению неоднородность пси-комплекса. Группа дисциплин, обладателей корня от греческого «психе» в названии — психология, психиатрия, психотерапия, психоанализ — скорее,

⁴ От лат. *scriptura* — запись, писание. S-комплекс поддерживается двумя институтами просвещения — бюрократией и литературой — на площадке письменной культуры (Шкуратов, 2012).

лексическая, чем научно-систематическая. Из перечисленных Н. Роузом «техник правды», эксперимент и тестирование имеют количественный характер, а консультирование — качественное. Для критиков неolibеральной свёрхпсихологизации западного общества эти нюансы не имеют принципиального значения. Но с «переходной» периферии капиталистического центра дело выглядит иначе. Ведь эта периферия (куда входит нынешняя Россия) только приступает к массовой генерации психологизированного субъекта или имитирует таковую. Она еще находится в инерции предыдущих социально-образовательных порядков. Для тех, кто прошел двойное воспитание отечественным литературоцентризмом и отечественной бюрократией, неоднородность спектра психологических воздействий вполне заметна. Лабораторные измерения психики и ее фармакологическая обработка — в духе индустриального века. Психотерапии, особенно диалогические, нарративные, связаны с литературной традицией Нового времени.

Присутствие в психологии количественных и качественных подходов можно было бы числить по разряду конкретной методологии, если бы их соотношение не было подвержено историческим колебаниям и не вызывало напряженных дискуссий. Последние тревожат современную психологию с ее появления и дают основание структурному анализу пси-комплекса. Если современная психология представляет своего рода научную кульминацию мыслекультуры Нового и Новейшего времени, сфокусированную на человеке, то это значит, что на человеке переносится часть проблематизирующих приемов формализованно-аппаратного исследования. В 1912 г. Дж. Бретт определил психологию как свод проблем человека и помощь ему в их разрешении (Brett, 1962). Эта нехитрая, на первый взгляд, дефиниция улавливает суть науки

о психике лучше некоторых сложных ее определений. Современность полагается как *problem-solving* эпоха (эпоха решения проблем). Психология нужна, чтобы руководить человеком в лабиринте его жизненных задач.

«Проблемы и вопросы» могут трактоваться достаточно теоретично в смысле обобщения вечных тем человеческого существования. Но слой научных проблематизаций опускается в сферу повседневной жизни, где он дает легитимность частным, бытовым, атеоретическим заботам людей в качестве своего рода исследовательского поиска, вводя обыденность в научную парадигму современности. Конечно, временами нелегко найти общий знаменатель между эмпирическим аппаратом исследования и теми способами, которыми развязываются многочисленные узлы человеческой жизни. Психология дает установку на проблематизацию человеческого существования и внедряет исследовательскоподобные, интеллектуальные схемы действия в нем. Решение проблем есть основное занятие человека — в этом убеждении научная психология пребывает, даже когда и отклоняется в проблематику потребностей, эмоций, сознания, личности и т.д. Легко предположить, что, наделив свой объект подобным атрибутом, психологическая наука, в соответствии с квантифицирующей направленностью своего аппарата, начнет «взвешивать» интеллекты испытуемых. Еще немного — и *problem-solving* превратится в своего рода специальность человечества, а показатели интеллектуальных замеров в квалификации его представителей. Так и произошло. Однако для этого понадобились встречные движения от познания к социальному запросу и от социального запроса к познанию.

Итак, к началу XX в. литературно-бюрократический способ социализации охватывает все население Запада. Над ним надстраивается новый порядок. Он опи-

рается на указанную базу всеобщей грамотности и бюрократического учета, но по характеру, целям разнится от властно-интеллигентского просветительства. Он квалификационный — всеохватывающий и одновременно специальный. Человекоформы генерируются уже по другим социальным основаниям и другими социокультурными способами. Если просвещенческая политика прописывает человека преимущественно в реестрах общей образованности и принадлежности к национально-государственной территории-популяции, то теперь, при зрелом индустриализме, производится распределение гомогенизированной массы по профессионально-квалификационным стратам.

Разумеется, и раньше цеха, гильдии, университеты, разные корпоративно-сословные сообщества удостоверяли квалификацию своих членов. Однако следует отметить новые моменты в нормативизации деятельности.

Во-первых, изменяется масштаб. Создается общее пространство квалифицирующих операций. Оно расширяется и по вертикали (на все слои общества), и по горизонтали (выходит за пределы территорий и государственных границ). В прединдустриальной Европе универсальные шкалы соизмеримости человеческих групп были наперечет. Люди объединялись по вере и подданству, позже прибавилась просвещенность. Оценки других человеческих качеств были партикулярны, осуществлялись по сословиям и корпорациям. Пространство квалифицирующих решений пребывало анизотропным, поделенным на несоизмеримые сегменты. Никому не приходило в голову «приводить к общему знаменателю» профессиональные достоинства крестьянина, ремесленника, рыцаря и монаха. Мастерство ремесленника проверялось цехом. Изготовленный подмастерьем шедевр был выпускной работой и свидетельство-

вал о том, что испытуемый достоин войти в число мастеров. Однако он не был квалификационной работой в современном понимании. Он свидетельствовал о приобщении к тайне мастерства, которая не излагалась в рабочих инструкциях и технологических картах. Значительная часть навыков получалась непосредственно, в работе, без пространных разъяснений. Совершенство выпускного изделия говорило о приобщенности к секретам корпорации, которые запрещалось разглашать. У мастера мог быть и собственный секрет, ценимый, но никак не подпадающий под количественные рейтинги компетенций. Трактат испанца Х. Уарте, предложившего в XVI в. государству систему профессионального отбора на основе гиппократовой типологии темпераментов (Уарте, 1960), был внесен инквизицией в индекс запрещенных книг как не соответствующий божественным установлениям человеческой природы. В XIX—XX вв. все люди уже представляются соизмеримыми по психофизиологическим, психологическим, социологическим, профессиографическим и другим свойствам, по крайней мере, в кругу современных, т.е. вестернизированных, цивилизаций.

Во-вторых, появляются и быстро умножаются количественные шкалы человеческих свойств. Долгое время единственным универсальным цифровым эквивалентом достижений и достоинств были деньги. По нему, отвлекаясь от сословных партикуляризов, можно соизмерить всех людей в обществе. Крайне неравномерное распределение всеобщего эквивалента разных благ заставляло бороться за его перераспределение или придумывать планы его отмены. По образцу ценообразования создаются и так называемые моральные бухгалтерии. Другой количественной шкалой стала школьная отметка. Она распространяется по мере охвата населения всеобщим образованием. Ее первоначально несложная

шкала становится все более изощренной. К концу XX в. под количественную оценку попадают уже не только дети школьного возраста, учащаяся молодежь, но другие возрасты и практически все сферы человеческой деятельности и жизни. Думать над своими жизненными делами людям, разумеется, приходилось и прежде. Как в этом отношении пси-комплекс конца XIX—XX вв. меняет нормативные ориентации познания? Прежде всего, он резко усиливает квантифицирующий момент в оценках и самооценках индивида. Человек охватывается аппаратом калькуляций, который раньше применялся к физическим предметам и материальным ценностям. Бухгалтерская запись превращается в бытовой документ и всеобщий счетный навык. Подсчитывание и самоучитывание субъекта становится массовым.

В-третьих. Общий подход к человеку становится квалифицирующим. Раньше он таким не был. Достижения индивида в занимаемой им позиции отступали перед характеристиками самой позиции; проверка успешности имела место в ключевых точках перехода от одного статусного положения к другому и носила характер инициации. Однако проверки навыков становятся все более частыми. Они обещают стать пожизненным испытанием. Сейчас наблюдается настоящий бум компетенций.

В начале XXI в. позиция человека в обществе складывается как досье квалификационных оценок. Они в непрерывном обновлении и переносятся с профессиональной деятельности на общение, способности, интересы, характер, состояние здоровья, внешность и т.д. Даже успешность в личной жизни воспринимается как своего рода квалификация, которую можно установить посредством методик тестово-консультационной индустрии. Столь плотный арсенал оценивания, назовем его хотя бы q-комплекс (qualification-complex, квалификационный

комплекс) опять вызывает в памяти микрофизику власти по Фуко, т.е. излучающую, пронизывающую социального индивида насквозь, растворяющую субъекта и замещающую его умственные процессы потестарность. Однако этот виток приведет нас уже к следующей когитократической паре, к виртуальным персоноидам на их эфирной основе.

Литература

- Вернан Ж.-П.* (1988). Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс.
- Диоген Лаэртский.* (1986). О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль.
- Кун Т.* (1977). Структура научных революций. М.: Наука.
- Поннер К.* (1992). Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. М.: Феникс.
- Уарте Х.* (1960). Исследование способностей к наукам. М.: Наука.
- Шкуратов В. А.* (1990). Психика. Культура. История. Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.
- Шкуратов В. А.* (1991). Историческая психология на перекрестках человекознания // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М.: Наука. С. 103–114.
- Шкуратов В. А.* (1994). Историческая психология. Ростов н/Д.: Изд-во Город Н.
- Шкуратов В. А.* (1997). Историческая психология. Изд. 2-е, расшир. М.: Смысл.
- Шкуратов В. А.* (2006). Искусство экзистенциальной смерти. Сотворение видеомира. Ростов н/Д.: Наррадиigma.
- Шкуратов В. А.* (2009). Новая историческая психология. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.
- Шкуратов В. А.* (2011). Психология в истории культуры и познания. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.
- Шкуратов В. А.* (2012). Самый первый роман психопатологии // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. № 1 (20). С. 131–150.
- Шкуратов В. А.* (2014). Русская когитократия // Интеллектуальный Ростов: книга

дискуссий / отв. ред. В. П. Макаренко. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ. С. 334–339.

Шкуратов В. А. (2015а). Историческая психология. Изд. 3-е, расшир. Кн. первая: Введение в историческую психологию. М.: Кредо.

Шкуратов В. А. (2015б). Междисциплинарность в социокультурном контексте (проекты исторического синтеза и новой истории во Франции) // Стены и мосты – III. История возникновения и развития идеи междисциплинарности: мат-лы Междунар. науч. конф. Москва, РГГУ, 25–26 апреля 2014 г. / Г. Г. Ершова (отв. ред.) и др. М.: Академический проект; Гаудеамус. С. 85–102.

Шкуратов В. А. (2015в). Человеческий и ачеловеческий облики власти // Политическая концептология. № 4. С. 26–28.

Шкуратов В. А. (2016). Когитократия: новое измерение исторической психологии // Стены и мосты – IV: Междисциплинарные исследования в истории: мат-лы Междунар. науч. конф. Москва, РГГУ, 22 мая 2015 г. /

Г. Г. Ершова и др. М.: Академический проект. С. 70–86.

Brett G. S. (1962). *Brett's History of Psychology*. L.: Routledge.

Coleman J. (2000). *A History of Political Thought from Ancient Greece to Early Christianity*. L.: Blackwell.

Cosmides L., Tooby J. (1997). *Evolutionary Psychology: A Primer*. URL: <https://www.cer.ucsb.edu/primer.html>

Foucault M. (1975). *Surveiller et punir. Naissance de la prison*. Paris: Gallimard.

Harré R. (2004). Discursive Psychology and Boundaries of Sense // *Organization Studies*. № 25(8). P. 1436–1449.

Levi-Bruhl L. (1949). *Les carnets*. Paris: PUF.

Lloyd G. G. (1968). *Aristotle The Growth and Structure of His Thought*. Cambridge: Camb. Univ. Press.

Rose N. (1985). *The Psychological Complex: Psychology, Politics and Society in England 1869–1939*. L.: Routledge.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЯ В XXI СТОЛЕТИИ: ПРОБЛЕМА ПРЕДМЕТА НАУКИ

В. А. Мазилев

*Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, Россия,
e-mail: v.mazilov@yspu.org*

Статья посвящена обсуждению вопроса о перспективах психологии как науки. Оспаривается мнение, согласно которому психология не представляет собой единой науки, а являет собой набор практически не сообщающихся между собой дисциплин. В статье отстаивается мнение, что психология является фундаментальной научной дисциплиной, у нее прекрасное будущее. Она находится в начале своего становления фундаментальной наукой. В статье подвергается сомнению традиционный вывод, согласно которому психология стала самостоятельной наукой во второй половине XIX столетия. Высказывается тезис, что психология еще не стала самостоятельной наукой. Эта цель еще не достигнута. В статье анализируются условия и первые шаги на этом пути. Анализируется проблема предмета психологии. Первый шаг, который необходимо сделать, состоит в пересмотре трактовки предмета науки. В работе предлагается трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека, анализируются преимущества такого подхода. Утверждается, что трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека позволяет решить многие проблемы, накопившиеся в общей психологии.

Ключевые слова: психология, будущее, развитие психологии, единство, фундаментальная наука, предмет, внутренний мир.

DOI: 10.7868/S1819265318010077

Работа выполнена в соответствии с государственным заданием
№ 25.8407.2017/8.9

Для цитаты: Мазилев В. А. (2018). Психология в XXI столетии: проблема предмета науки // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 108—123.

Прошла половина тысячелетия с той поры в начале шестнадцатого века, когда Марко Марулич (1450–1524) придумал термин «психология». Это было одно из самых удачных изобретений в истории этой замечательной науки: термин

прижился, хотя случались попытки отказаться от его использования. Представляется, это уже навсегда: как бы ни менялись в будущем взгляды на предмет психологии, название это сохранится, так как прекрасно отражает суть этой науки.

Поэтому никакие кризисы психологии не страшны: вся история этой науки это не только утраты, но и поиски и обретения подлинного предмета, который бы охватил все аспекты этого самого сложного и труднодостижимого феномена из всех «пространств мира».

В современной психологии накоплено огромное количество разнообразного материала: теории и концепции разного уровня, гипотезы и обобщения, материалы многочисленных исследований. Реальное богатство материалов, которым располагает психология, зачастую не осознается представителями научного сообщества, в первую очередь, потому, что колоссальный массив данных воспринимается как недостаточно упорядоченный, несогласованный, организованный. Представляется, что в психологии до сих пор выполнено мало обобщающих работ, в которых было бы показано сходство значительного числа проведенных исследований, выделено и обозначено общее, объединяющее разные подходы. Короче говоря, в современной психологии недостаточно представлен необходимый методологический анализ накопленных знаний, что выступает существенным препятствием на пути интеграции в психологии.

Конечно, это не остается незамеченным, в психологическом сообществе можно наблюдать различные настроения относительно перспектив развития психологической науки. Если осуществить даже поверхностную ревизию методологического инструментария психологической науки, то реально с весьма недавних советских времен уцелело не слишком много. Принципы (детерминизма, единства сознания и деятельности, развития психики в деятельности), похоже, значительно устарели. Как писал В. П. Зинченко, в отечественной психологии были сформулированы методологические принципы, которые сохраняются в виде недостаточно отрефлектированных схематиз-

мов профессионального сознания. «Беда в том, что они излагаются именно в форме постулатов, а не проблем, что сковывает свободу мысли и исследования» (Зинченко, 2003, с. 98–99). Трактовка психики как отражения тоже утратила свое былое значение: в настоящее время термин «отражение» применим разве что к сенсорным процессам, поскольку уже перцептивный уровень содержит мощную составляющую, которая логичнее объясняется с позиций конструктивизма. Даже методологический статус психологии как науки (это может показаться невозможным) в действительности не определен. (Не считать же серьезным решение ВАК Минобрнауки отнести психологию к социо-гуманитарному знанию, не учитывая многовековые традиции, свидетельствующие о том, что вопрос имеет более сложное решение, чем представилось авторам такого вердикта.) К сожалению, пока этот упадок в сфере методологии не восполнен в полной мере новыми современными методологическими исследованиями и разработками.

Заметим, что чрезвычайно интересно было бы осуществить экспликацию реальных методологических представлений исследователей из нынешнего поколения психологов. Можно полагать, это существенно обогатило бы методологию психологии. Констатируем, однако, что сегодня методологически положение психологии выглядит не лучшим образом, хотя известно, что классики психологии (Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, Ж. Пиаже и др.) неоднократно предсказывали переход психологии в скором будущем в статус ведущих наук.

Итак, настоящее психологии не впечатляет. Не случайно не стихают разговоры про схизис, кризис, другие проявления неблагополучия в этой науке. Пока — по выражению известного английского нейрофизиолога Криса Фрита — психология находится «внизу». Дадим ему слово:

«Как у всякого другого племени, у ученых есть своя иерархия. Место психологов в этой иерархии — в самом низу» (Фрит, 2016, с. 17). Оставим эту оценку на совести видного представителя нейронауки, обратимся к анализу симптомов неблагополучия.

Важно подчеркнуть, что в условиях наступившей методологической свободы и вседозволенности понятно: каждый волен выражать свое мнение, каким бы оно ни было. Для темы нашего обсуждения стоит напомнить, что мы живем в особую пору. Как когда-то (однако, уже шестнадцать лет прошло) пронцательнo заметил В. М. Аллахвердов, «пришла методологическая пора — психология, отворяй ворота» (Аллахвердов, 2002). В пространстве психологии устойчиво складывается традиция концептуализации: многие не довольствуются констатацией того, что положение кризисное — они идут дальше, обосновывая, почему именно так должно быть. В этом отношении мы видим существенное изменение ориентации исследователей: если в двадцатые годы прошлого столетия, когда констатация кризиса была едва ли ни «общим местом», вслед за постановкой диагноза неизменно следовала более или менее развернутая программа выхода из кризиса, то сейчас в моде объяснения — авторы обосновывают сложившееся положение вещей, выражая этим, очевидно, удовлетворение текущим статусом психологической науки. Не хочется считать их очень дальновидными: в нынешних условиях нестабильности, о которых уже было сказано, они пытаются аргументировать «справедливость» сложившегося положения, ориентируясь на статус психологии «в нижней части иерархии», и обосновывают тезис о том, что психология это не самостоятельная наука, а лишь совокупность отдельных подходов, набор разных технологий и пр. В частности, можно услышать, что название «психология» не выражает современного

состояния этой научной области; что полноценной науки о психике в XXI столетии так и не появилось; что пройденный психологией исторический путь во многом случаен и гордиться там нечем; что прошлое психологической науки недостойно, чтобы на него ссылаться и к нему апеллировать; что психологии как единой дисциплины не существует; что в психологии имеется лишь множество различных исследовательских подходов, фактически не связанных между собой и т.п.

Никоим образом не покушаясь на свободу высказывания мнений, хочется предостеречь: механизм самоосуществляющихся прогнозов — по Р. Мертоу (Merton, 1949) — еще никто не отменял: в конечном счете происходит то, во что люди верят и что они ожидают. Важно подчеркнуть, что в условиях наступившей методологической свободы и вседозволенности понятно: каждый волен выражать свое мнение, каким бы оно ни было.

В то же время, в сложившихся условиях очень важно иметь позитивный сценарий развития психологии. Обратим внимание на то, что, когда обсуждается проблема кризиса в психологии, обычно повышенную активность проявляют представители академической науки. Это вполне естественно, так как кризис, прежде всего, ассоциируется с отсутствием единства в науке, множественностью теоретических подходов и т.п. При этом характерно, что представителям практико-ориентированной психологии метафора кризиса явно не кажется актуальной и близкой: практическая психология никогда не представляла собой единого движения — напротив, существовало множество различных направлений, подходов, техник, приводящих к определенным результатам. Для практико-ориентированной психологии не предполагается единства (даже в самых смелых мечтах), поэтому идеи кризиса в ее пространстве быть не может.

Воспользуемся случаем и повторим, что, по нашему мнению, будущее психологии светло и прекрасно, это соответствует высказываниям многих замечательных представителей этой науки. Психология, несомненно, фундаментальная наука. И наука будущего тоже. И она таковой станет, когда будут выполнены некоторые условия.

Зададимся, однако, таким вопросом. Если психология действительно является самостоятельной и уважаемой наукой, почему высказываются сомнения относительно ее текущего статуса и ближайших перспектив? Или — в действительности — она таковой не является?

Вообще, прежде чем рассуждать о будущем, полезно поговорить о настоящем. Понять настоящее — значит заглянуть в прошлое. Предпримем краткий экскурс. Начнем с учебников.

Психология обрела статус самостоятельной науки во второй половине XIX столетия. Основателем психологии как самостоятельной науки является Вильгельм Вундт. Декабрь 1879 года считается годом оформления психологии как науки, поскольку именно тогда в двух комнатах в Лейпцигском университете были размещены психологические приборы, что позволило заявить, что открыта первая в мире лаборатория для экспериментального исследования психических явлений. Именно с этого года идет отсчет подлинной истории психологической науки, имеющей, как мы помним, согласно Герману Эббингаузу, «длинное прошлое» при краткой истории. Начинается триумфальное шествие психологической науки, самостоятельной и независимой. Обо всем этом можно прочитать в учебниках. Однако представляется, что не все так просто.

Обратим внимание, что сам Вундт хорошо понимал, что пускается в весьма рискованное предприятие. Начать с того, что сама физиологическая психология еще недостаточно обоснована.

В предисловии к первому изданию «Оснований физиологической психологии» Вундт в марте 1874 года писал: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременной. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще недостаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки, хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для восполнения существующих в ней пробелов. Чем несовершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды, ее дополняющие и исправляющие. Кроме того, именно в этой области решение многих проблем существенно зависит от связи их с фактами, которые на первый взгляд часто кажутся не имеющими сюда никакого отношения, так что только ближайшее рассмотрение этих проблем может показать верный путь к их разрешению» (Вундт, 1880, с. III).

Мы видим, что Вундт предпринимает попытку «ускорить» процесс. Тем более, он хорошо понимает, что физиологическая психология это далеко не вся психология. Если говорить честно, это лишь маленький раздел психологии: ощущения и произвольные движения. Все остальное — все высшие психические функции — оставались по-прежнему вне экспериментального исследования и вне физиологического обоснования. Выделение психологии как отдельной науки оказалось в значительной степени условным, поскольку требовались уточнения и оговорки. Но научное сообщество приняло этот вывод — научная, самостоятельная и независимая — решив, что начало положено, а дальнейшие исследования будут неуклонно расширять сферу научной психологии.

Вряд ли рождение науки сопоставимо с рождением человека — день рождения в первом случае, скорее всего, просто условность. Замечательный историк психологии М. С. Роговин, в частности, отмечал: «Мы полагаем, что неправильным было бы пытаться наметить какую-то определенную дату, начиная с которой могли бы рассматривать психологию как самостоятельную науку. Процесс формирования научной дисциплины длительный, сложный, диалектически противоречивый; поэтому следует стремиться определить лишь исторический отрезок времени, на который приходится сочетание условий, в максимальной степени способствовавших ее становлению» (Роговин, 1969, с. 96).

Другой классик — С. Л. Рубинштейн — в 1940 году отмечал: «Переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинные источники и движущие силы которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы» (Рубинштейн, 1940, с. 70). Нельзя не согласиться и с другим высказыванием С. Л. Рубинштейна из процитированной работы: «История психологии и формирования ее как самостоятельной науки не получила еще в мировой психологической литературе адекватного освещения» (Рубинштейн, 1940, с. 68). Хотя с тех пор прошло много времени, опубликовано огромное число работ, ситуация принципиально не изменилась.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на глубокую и, как представляется, не оцененную мысль С. Л. Рубинштейна. Может быть, она осталась незамеченной потому, что, будучи опубликованной в далеком 1940 году, пришлось на ту пору, когда было не до методологии — вскоре началась война. А когда работа

была переиздана, в 1973 году, все посчитали, что все уже закончено, «система психологии» оформилась, да и с подлинно научной методологией все в порядке: философия диалектического и исторического материализма представлялась тогда учением, которое и всесильно, и верно.

В те же семидесятые годы в книге «Деятельность. Сознание. Личность» (1975) признанный лидер советской психологии А. Н. Леонтьев писал о кризисе мировой психологической науки: «Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественно-научную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии» (Леонтьев, 1975, с. 3). Понятно, что речь идет о мировой психологии — отечественная имеет свою судьбу: «По совершенно другому пути шло развитие советской психологической науки. Методологическому плюрализму советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека» (Леонтьев, 1975, с. 4). Как писал А. Н. Леонтьев, «мы все понимали, что марксистская психология — это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться» (Леонтьев, 1975, с. 5).

Но мы отвлеклись, вернемся к анонсированному высказыванию С. Л. Рубинштейна. Рубинштейн подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»;

«Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI—XVII веку или переломному периоду от XVII к XVIII веку, который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая — ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья — к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» (Рубинштейн, 1973, с. 77). Как нам представляется, ключевым моментом в данном высказывании — глубоко и верно — является следующее: «когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией».

Итак, сформулируем наш вывод. Психология еще не стала самостоятельной наукой в полном смысле, система психологии пока еще не сложилась. Вывод Рубинштейна, который он сделал в 1940 году, справедлив и сегодня. Подлинно научная методология появится только тогда, когда будет определен предмет психологии, и это понимание предмета будет соответствовать современным требованиям. Утверждаем, интерпретируя мысль классика отечественной психологии, что третья «вершинная точка» еще не достигнута. Следовательно, реакции о научной и самостоятельной психологии были несколько преждевременными. Как нам уже приходилось писать, феномен нетерпения в психологии наблюдается довольно часто. При высокой мотивации хочется достичь всего и сразу. Впрочем, шутки в сторону.

Таким образом, задачи — если, конечно, психология желает продолжать двигаться по избранному пути — перед психологической наукой, согласно С. Л. Рубинштейну, встают следующие:

1. Оформить систему психологии;
2. Разработать совершенные методики исследования;
3. Создать научную методологию.

Представляется, что психологии полезно знать, какие задачи стоят перед этой научной дисциплиной. Можно смело заключить, что в данных направлениях многое делается: во всяком случае, за прошедшие десятилетия пройден весьма значительный путь. В рамках этого текста, разумеется, нет возможности предпринять обзор достигнутого за прошедшие десятилетия. С нашей точки зрения, именно эти задачи пытался решить в первую очередь в своей эпохальной работе «Основы общей психологии» (1940) сам С. Л. Рубинштейн. Не случайно эта книга за три четверти века не утратила своего значения и популярности. По мнению многих преподавателей, это до сих пор лучший отечественный учебник по психологии...

Тем не менее в полном объеме задачи, поставленные С. Л. Рубинштейном в 1940 году, до сих пор не решены. И они не могут быть решены, пока не будет достигнуто обязательное предварительное условие.

Это условие состоит в том, что в научной психологии — как она себя позиционировала — предмет психологии был задан слишком узко. Иными словами, в психологии представлена неадекватная трактовка предмета. Задачей настоящей статьи является демонстрация того, что реализация основного условия — пересмотра понятия предмет — позволит психологии существенно продвинуться в решении фундаментальных проблем.

Поскольку в рамках данного текста нет возможности предпринять историко-психологический анализ изменений взглядов на предмет, назовем лишь главные выводы. С нашей точки зрения, с момента декларативного выделения психологии (обоснование физиологической

психологии было предпринято, как мы помним, Вундтом в 1874 году, когда была опубликована полностью книга «Основания физиологической психологии») психология находится в кризисе. Вундтовская инициатива была поддержана научным сообществом и психология оформилась институционально. Внешняя сторона кризиса состоит в том, что отсутствует общее для всех «ядро научного знания», психология расколота на отдельные направления. Глубинный, внутренний смысл кризиса заключается в том, что цена, которую пришлось заплатить за самостоятельность, это неоправданные ограничения. В частности, это ограниченное, зауженное понимание предмета. Практически все не разрешенные до сих пор методологические проблемы коренятся в неадекватно понимаемом предмете психологии.

Можно смело утверждать, что кризис на глубинном уровне не преодолен до сих пор. Не стоит относиться к слову «кризис» негативно. Есть смысл рассматривать методологический кризис как реакцию психологического сообщества, выражающую неудовлетворенность его членов тем, как психология решает свои проблемы (см. подробно (Мазилев, 1998; 2004; 2017а)).

Из сказанного выше не должно создаться впечатление, что в современной отечественной психологии не происходят важные позитивные процессы. Данная статья никоим образом не представляет собой обзора по методологической проблематике. Необходимо отметить, что в направлении исследований по предмету психологии в последнее время проводится значительная работа. Важные результаты, имеющие непосредственное отношение к проблеме предмета психологии, получены в работах В. М. Аллахвердова (2006), А. Г. Асмолова (2002; 2012), Ф. Е. Василюка (2003), М. С. Гусельцевой (2009), В. П. Зинченко (Зинченко, 2003; 2006; Василюк, Зинченко, Мещеряков

и др., 2012), И. Н. Карицкого (Карицкий, 2006), Д. А. Леонтьева (Леонтьев, 2006; 2008), В. Ф. Петренко (Петренко, 2007; 2010), А. А. Пископпеля (2006), Н. И. Чуприковой (2006), В. А. Янчука (2006) и др. Значимые результаты получены в области методологии психологической науки и отражены в материалах, опубликованных в сборниках научных трудов (Взаимоотношения исследовательской и практической психологии, 2015; Парадигмы в психологии, 2012; Прогресс в психологии, 2011; Субъектный подход в психологии, 2009; Теория и методология психологии, 2007; Человек, субъект, личность в современной психологии, 2013 и др.).

Вся история психологии представляет собой поиски предмета психологии. Теоретический анализ предмета предполагает в первую очередь выявление функций, которые должен выполнять предмет психологической науки, а также его основные характеристики. Представляется, что речь может идти о следующих функциях (Мазилев, 2006):

1. Конституирование науки. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других;
2. Обеспечение работы «машины предмета». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и за счет внутрипредметных соотношений и исследовательских процедур производить рост предметного знания;
3. Обеспечение функции предметного «операционного стола» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах;

4. Дидактическая функция, связанная с построением содержания учебных предметов.

Назовем основные характеристики предмета:

1. Предмет должен существовать реально, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), т.е. он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус);
2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе сущностное, позволяющее выявлять собственные законы существования и развития, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического;
3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя развертывание психологических содержаний к чуждой психологии логике естественного или герменевтического знания.

В настоящее время совершенно очевидно, что необходимо обратить пристальное внимание на проблему предмета психологической науки. Как представляется, от правильного решения именно этого важного методологического вопроса зависят и ближайшие перспективы психологии, и ее общие стратегические устремления, и, в частности, те задачи, которые были обозначены С. Л. Рубинштейном в 1940 году. Обратим внимание на то, что «система психологии» представляет собой концептуализацию развернутой архитектоники совокупного предмета. Выработка нового понимания

предмета это актуальнейшая и труднейшая проблема из всех, что стоят перед психологией.

Как известно из психологии творчества, основная трудность в нахождении нового решения сложной проблемы состоит не столько в том, что нужно догадаться и сформулировать правильную гипотезу, сколько в том, чтобы преодолеть заблуждения, препятствующие выстраиванию верного пути. Именно осознание этих препятствий является наиболее сложным моментом в этом процессе.

Пересмотру предмета психологии, по нашему мнению, мешают некоторые устоявшиеся стереотипы, шаблоны мышления. Некоторые, как мы увидим, имеют весьма давние корни. Назовем эти заблуждения мифами и перечислим основные.

Миф первый. «Для повседневной исследовательской деятельности предмет не важен». Определение предмета — важнейшая задача психологии. Обратим внимание, что изменение трактовки предмета психологии это не просто словотворчество. Многие психологи и сегодня искренне полагают, что трактовка предмета психологии не имеет существенного влияния на жизнь науки: те или иные конкретные исследования проводятся, исходя из понимания *предмета* данного *конкретного исследования*. Предмет исследования и предмет науки не совпадают. Поэтому изменение понимания предмета науки, полагают они, не оказывает реального влияния на предмет конкретного исследования. С нашей точки зрения, это важный шаг, имеющий большие последствия, существенно перестраивающий представление об общей психологии.

Миф второй. «Предмет простой». Предмет традиционно понимается как простой. Удивительно, но традиция такого понимания существует со времен Фомы Аквинского (1225–1274). В этом моменте формулируемый нами подход означает категорический разрыв с той

традицией, которая утверждает, что душа (психика) есть *простая* вещь, познающая себя и другие вещи. Удивительно, но психологические школы и направления, включая современные, следовали этому древнему, но весьма спорному учению. Отсюда, кстати, следует, что неявно предполагается, что метод изучения тоже должен быть *простым*. Нам это также представляется недоразумением и анахронизмом: очевидно, что мир сложен, поэтому и методы его исследования используются разные — в зависимости от того, какая часть мира исследуется. Поэтому, говоря о методах, стоит подчеркнуть, что чаще всего речь идет о комплексе методов, их сочетании. Иными словами, используются методы как из арсенала естественно-научной психологии, так и из обихода герменевтических методов.

Миф третий. «Изучать клеточку легче». Известное и красивое положение: кто разгадал бы клеточку психологии, тот нашел бы ключ ко всей психологии. В качестве предмета берут не предмет в целом (совокупный предмет), а единицу. Но большой вопрос — насколько единица может заменить совокупный предмет, предмет в целом, в выполнении функций, которые должен выполнять предмет науки.

Миф четвертый. Проблема «психика и мозг». Современная психология является наследницей Р. Декарта «по прямой». Оторвав душу от организма, противопоставив их, Декарт сделал неизбежной мысль об их соотношении. В соединении с идеей причинно-следственного объяснения мы получаем классический тупик, приводящий к эпифеноменализму психического. Для этого вспомним характеристику причинного объяснения. Это простое объяснение. Дело в том, что традиционная трактовка предмета делает практически неизбежной редукцию психического к непсихическому в той или иной форме. Почему так происходит? Ответ прост. Трактовка предмета как вну-

тренне простое предполагает использование именно причинно-следственного объяснения. Специфика причинного объяснения показана в работах философа Е. П. Никитина (1970). Об этом подробнее будет сказано ниже.

Миф пятый. «Психика должна рассматриваться как свойство материи». Психику привыкли считать — это исторический вклад В. И. Ленина — свойством высокоорганизованной материи, отражением окружающего мира. Возможна ли фундаментальная наука о свойствах материи? Всего скорее, исследовать можно то, что существует реально, то есть имеет онтологический статус. Поэтому в психологии должна исследоваться психическая реальность.

Представляется очевидным, для осуществления вышеуказанных функций требуется не формальное определение предмета как идеи, а совокупное содержание — то, что мы называем совокупным предметом (Мазиллов, 2015). По нашему мнению, предметом научной психологии целесообразно считать внутренний мир человека. Может показаться, что в такой трактовке предмета ничего принципиально нового нет, и она уже встречалась в истории психологической науки. Здесь не место для исторического экскурса о трактовках предмета психологии в историческом аспекте. Оставим разработку этого сюжета для отдельной работы. Здесь же подчеркнем, что приоритет в разработке проблемы внутреннего мира как психологического образования в новейшей российской истории психологии принадлежит В. Д. Шадрикову (Шадриков, 2006). Он же предложил рассматривать внутренний мир как конкретное наполнение концепта «предмет психологии» (Шадриков, 2004). Рассматривать внутренний мир человека в качестве предмета психологии предлагалось также в учебнике «Общая психология» (Мазиллов, 2002). Отметим, что в этом издании идея не бы-

ла реализована сколь-нибудь полно, поскольку содержание курса общей психологии излагалось в традиционном ключе.

Согласно В. Д. Шадрикову, внутренний мир человека представляет собой потребностно-эмоционально-информационную субстанцию, которую можно рассматривать как душу человека в ее научном понимании (Шадриков, 2006). В. Д. Шадриков комментирует стратегию исследования внутреннего мира. При рассмотрении внутреннего мира как целостной субстанции необходимо постоянно иметь в виду его компоненты, в качестве которых выступают: мотивация, эмоции и чувства, воля, содержание психики, определяемое бытием человека. В целях более глубокого понимания сущности внутренней жизни изучаются компоненты внутреннего мира как части целого. Показывается их место в структуре внутреннего мира, раскрывается динамика развития. Особое внимание уделяется взаимным связям и взаимопроникновению компонентов, благодаря чему и формируется целостный внутренний мир. На основе изучения мотиваций, эмоций и чувств, воли раскрывается процесс формирования личностных качеств, которые проявляются как устойчивые формы поведения. Показываются механизмы включения личностных качеств в динамику внутренней жизни человека (Шадриков, 2006).

Был подготовлен и издан учебник для психологов и студентов гуманитарных направлений и специальностей (Шадриков, Мазилон, 2015). При подготовке данного учебника было использовано новое понимание предмета психологии как внутреннего мира человека. Особенно стоит подчеркнуть, что данный вариант презентации понимания предмета представляется достаточно конструктивным. В учебнике предмет «внутренний мир человека» не только декларирован, но и максимально эксплицирован: из дидактических сооб-

ражений максимально полно представлена внутренняя архитектура предмета. Отметим, что это, как ни удивительно, новый для психологии способ определения предмета. Поясним этот тезис, который может показаться сомнительным. Обычно при определении предмета используют (история психологии изобилует примерами такой технологии) следующий ход: объявляя тот или иной предмет, в дальнейшем рассмотрении заменяют его на «единицу», данный предмет представляющую. Делается это обыкновенно из тех соображений, что единицу изучить легче. Легкость оказывается иллюзорной. В итоге из психологии фактически исчезает совокупный предмет.

Единицу изучать проще, но эта простота оказывается очень коварной: вместе с совокупным предметом, подлежащим изучению в полном объеме, из психологии уходит возможность глубже понять психическое. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет — психе как целое — который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Э. Шпрангера становится реальным — объяснить психическое через психическое. Можно сказать, что в настоящем подходе реализован научный идеал, выраженный В. Дильтейем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей. Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, авторы пытались не разрушать «одушевляющие связи». Поскольку в этих текстах достаточно развернуто продемонстрировано, как внутренний мир может пониматься и трактоваться в соответствии с нашей версией, можно ограничиться лишь несколькими характеристиками. Действительно, в тексте упомянутого учебника содержится развернутое содержание трактов-

ки предмета психологии и терминологического аппарата, позволяющего выполнить наиболее значимые расчленения внутри последнего.

Хочется сделать еще пару замечаний методологического плана, связанных с вопросом о предмете психологии. Вопросы, связанные с изменением трактовки предмета психологии, обычно воспринимаются как «революционно-перестроечные». Обратим внимание на то, что в нашем случае ничего подобного не происходит: никаких манифестов, никаких ниспровержений не предусмотрено. Более того, трактовка совокупного предмета как внутреннего мира человека подчеркивает его целостность, но утверждает наличие во внутреннем мире различных гетерогенных структур. Таким образом, утверждается принципиальный тезис, что внутренний мир человека — сложное образование. В этом моменте формулируемый подход означает категорический разрыв с той традицией, которая, по крайней мере, со Средних веков утверждает, что душа (психика) есть *простая* вещь, познающая себя и другие вещи. Психологические школы и направления следовали этому весьма спорному учению. Отсюда логически также следует, что исследовательский метод психологии тоже должен быть *простым*. Это также недоразумение: мир сложен и для его исследования используется множество различных методов, чаще всего комплексы методов, как из арсенала естественно-научной, так и гуманистической психологии.

В учебнике рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что он отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир,

с одной стороны, един с внешним миром, с другой — независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. С позиции внутреннего мира хорошо объясняются многие проблемы, которые решает психология.

Хотелось бы обратить внимание на несколько моментов. **Первое.** Предлагается пересмотр предмета психологии. В соответствии с вышеизложенным в качестве предмета психологии понимается *внутренний мир человека*. Обратим внимание, что изменение трактовки предмета психологии это не просто словотворчество, объявление предметом другой реальности. Уже упоминалось, что некоторые психологи полагают, что трактовка предмета психологии не имеет существенного влияния: те или иные конкретные исследования проводятся, исходя из понимания *предмета* данного *конкретного исследования*. Предмет исследования и предмет науки не совпадают. Поэтому изменение понимания предмета науки, полагают они, не оказывает влияния на предмет конкретного исследования. Кстати, можно увидеть большое количество учебников по психологии, где о предмете определенно говорится только в первой главе, а содержание всех остальных с трактовкой предмета практически никак не связано. Выбор адекватного предмета имеет решающее значение как для успешности конкретного исследования, так и для самоопределения науки в целом (Мазилев, 2017б).

Второе. Обычно в ответ на предложения изменения трактовки предмета следует стандартная реакция в виде предложения определить это понятие. Определение В. Д. Шадрикова было приведено выше. По нашему мнению, давать определение внутреннему (или

внешнему) миру — занятие малоперспективное. Вспомним классика психологии В. П. Зинченко, который писал: «У меня хватает чувства юмора, чтобы не определять душу. Более того, едва ли возможно ее определение. Это не столько понятие, сколько некоторый культурный концепт» (см.: Зинченко, Подорога, 2005, с. 35). Последуем примеру классика. В конце концов, у нас есть архитектура внутреннего мира и представление о том, как ее исследовать.

Третье. Мир, как мы уже отмечали, сложен. И вряд ли един, как, впрочем, и внешний мир. Поэтому стоит быть готовым к тому, что в рамках внутреннего мира представлены разные механизмы. Едва ли мы поймем ощущения без использования понятия отражение. Но это никоим образом не означает, что вся остальная психическая жизнь тоже отражение. Вспомним, что уже Аристотель отмечал, что «мыслить — это во власти самого мыслящего, когда бы оно ни захотело помыслить; ощущение же не во власти ощущающего, ибо необходимо, чтобы было налицо ощущаемое» (Аристотель, 1976, с. 407). Надо полагать, что и механизмы этих процессов различны. Вряд ли стоит распространять принцип отражения на все. Отражение, несомненно, имеет место в области чувственного познания, создавая чувственную ткань, но мы знаем, что уже на уровне восприятий сталкиваемся с заметным «обратным влиянием», когда внутренний мир фактически организует перцепцию. И самое последнее. Внутренний мир сложен, поэтому естественно, что для его исследования требуются разные методы. В общем виде, несомненно, что необходимо сочетание различных методов.

Четвертое. Как представляется, новое понимание предмета психологии позволяет преодолеть неразрешимые трудности в объяснении психического. Этот тезис нуждается в пояснении. Дело в том, что традиционная трактовка предмета

делает практически неизбежной редукцию психического к непсихическому в той или иной форме. Почему так происходит? Ответ прост. Трактовка предмета как внутренне простого предполагает использование именно причинно-следственного объяснения. Специфика причинного объяснения прекрасно показана в работах замечательного отечественного философа Е. П. Никитина. Существенно, что сведение, редукция предполагает причинно-следственные отношения. Представляется полезным вспомнить гносеологическую характеристику причинного объяснения. Е. П. Никитин характеризует специфику причинного объяснения следующим образом: «Причинное объяснение является относительно простым видом объяснения. Оно раскрывает сущность как нечто “пассивное”, “страдательное”, произведенное другим объектом. А такое исследование объекта всегда оказывается более простым, нежели анализ его собственного активного функционирования. Причинное объяснение часто исследует объект не имманентно, а “со стороны”, посредством указания другого, внешнего объекта. Это происходит в тех случаях, когда объясняемый объект произведен так называемой внешней причиной. Исследование же объекта “извне”, через его внешние соотношения с другими объектами, как показывает история науки, является более простым, нежели имманентное познание внутренних связей и структуры. Все эти факторы обуславливают относительно большую простоту причинного и вообще генетического объяснения...» (Никитин, 1970, с. 88–89). Таким образом, «активное функционирование объекта» не раскрывается и «имманентное познание внутренних связей и структуры» не осуществляется (что, заметим, является важнейшей задачей, в частности, психологической науки). Отсюда становится понятным, что источник активности психики «обнаруживается»

в физиологии, социологии, логике и т.д. — в зависимости от склонности использовать тот или иной тип редукции. По нашему глубокому убеждению, продуктивен тот подход, который видит источник активности психики в ней самой.

Пятое. Заметим, во избежание возможных недоразумений. Разумеется, подход, обоснованный в настоящей статье не является единственно возможным. Есть и другие варианты. С нашей точки зрения, во многом теоретическим требованиям понимания предмета психологии соответствует подход, разрабатывавшийся в трудах Карла Юнга (Мазилев, 2006; 2008). Как представляется, подход, реализованный в настоящей статье и воплощенный в упоминавшемся выше учебнике по общей психологии (Шадриков, Мазилев, 2015), в большей степени соответствует традициям отечественной психологической науки и бережно относится к существующим в отечественной психологии традициям.

Впрочем, все эти вопросы требуют специального и неспешного обсуждения.

Однако к сказанному хочется добавить несколько дополнительных суждений, касающихся перспектив данного подхода.

1. В значительной степени преодолевается двойной функционализм, при котором психические процессы рассматриваются как изолированные друг от друга, в свою очередь процессы рассматриваются обособленно от качеств личности: в нашем подходе отдельные функции и личностные качества находят свое место и гармонично соотносятся в рамках внутреннего мира человека.

2. Известный отечественный психолог П. Я. Гальперин, как мы помним, видел истоки методологического кризиса психологии в том, что она не смогла преодолеть дуализм: «Подлинным источником “открытого кризиса психологии” был и остается онтологический дуализм —

признание материи и психики двумя мирами, абсолютно отличными друг от друга. Характерно, что ни одно из воинствующих направлений периода кризиса не подвергало сомнению этот дуализм. Для этих направлений материальный процесс и ощущение, материальное тело и субъект оставались абсолютно — *toto genere* — разными, несовместимыми, и никакая эволюция не может объяснить переход от одного к другому, хотя и демонстрирует его как факт. И в самом деле, если мыслить их как абсолютно противоположные виды бытия, то этот переход действительно понять нельзя» (История психологии..., 1992, с. 3). П. Я. Гальперин полагал, что «с точки зрения диалектического материализма все обстоит иначе» (там же). Диалектическому материализму, как сейчас понятно, тоже не удалось решить главные методологические вопросы психологии. В настоящем подходе внутренний мир рассматривается как автономная система, объяснения происходят внутри этой системы. При желании может быть описана функциональная система, обеспечивающая функционирование целостного внутреннего мира человека (Шадриков, 2006). Функциональная система понимается в смысле П. К. Анохина. Описываемый подход, при котором психические явления в рамках целого обретают надежную нейробиологическую основу, как представляется, позитивен, поскольку в этом случае, по крайней мере, удастся избежать редукционизма и физиологизма.

3. Реализация широкой трактовки предмета позволяет сформулировать подход, способствующий улучшению взаимопонимания между академической и практической психологиями (Мазилев, 2015). Это представляется важной и пока что не решенной задачей современной психологии.

4. Представляется, что нуждается в комментарии сам выбор ключевого термина — внутренний мир. Известно,

что в научном исследовании бывает важным то, с какими понятиями будет соотноситься исследуемое. В данном случае полезно вспомнить о древней традиции: нельзя исключить, что аналогии будут полезны и сегодня. Хочется вспомнить о той традиции, которая была заложена еще Демокритом. Речь идет о сходстве микрокосма и макрокосма, о том, что в них действуют общие законы. Здесь не место развивать эту аналогию, но не исключено, что современной психологии стоит прислушаться к идеям, высказанным еще в античности, тем более, что для возрождения этих идей могут найтись основания (Мазиллов, 2017б).

5. Как уже упоминалось, внутренний мир человека представляет собой психическую реальность, имеющую внутреннюю архитектуру. Это естественный объект, представляющий собой систему. Исследование такого объекта представляет собой классический вариант системного подхода, точнее содержательного системного подхода. Известно, что различные совокупные предметы имеют различный потенциал и перспективы в плане психологического исследования. Совокупный предмет определяет собой рамки и границы психологии. Следует специально подчеркнуть, что это важнейший для психологии вопрос. Дело в том, что предметное пространство психологии должно представлять собой целостность, позволяющую организовать конструктивную исследовательскую работу, и далеко не каждое широкое психологическое понятие может претендовать на то, чтобы представить собой совокупный предмет.

Примером крайне неудачного определения совокупного предмета психологии, как известно из истории психологии, может явиться «сознание». При этом причины неудач на этом исследовательском пути часто остаются без необходимого методологического анализа. Проблема в том, что сознание человека явно

не представляет собой целостность, способную к «самодвижению» (выражаясь языком философов). Попробуем пояснить этот совсем не простой вопрос.

Сознание представляет собой вырванный из ткани души «кусочек душевного аппарата». И поскольку граница между сознанием и бессознательным крайне нечетка, это провоцирует исследователей на бесконечное выяснение, где эта граница, и как они — сознание и бессознательное — должны соотноситься. «Кровотокающий» след делает неизбежным обращение именно в эту сторону. С фрейдовских времен хорошо известно, что наличие предсознательного делает эту границу принципиально рыхлой, а противопоставление сознательного и бессознательного приводит в тупик. Сознание, как можно полагать, не та целостность, на которой можно конструктивно строить науку. Отметим, что ситуация усугубляется, когда совокупный предмет психологии оказывается оторванным от его физиологической основы (как неизбежно происходит в случае с сознанием). Стойкое желание соотносить сознание и мозг упирается в известные варианты решения психофизиологической проблемы, что абсолютно не продвигает нас на пути постижения законов психики, которые исследователя интересуют в первую очередь.

Не лучше оказывается вариант, когда предметом психофизиологической науки объявляется психика. Ассоциации, которые существуют у психологов, подсказывают, что психика должна трактоваться процессуально — как процесс, протекающий здесь и сейчас. Процессуальное понимание психики не позволяет понять, как функционируют устойчивые психологические характеристики человека — свойства, которые характеризуют личность и индивидуальность человека... В рамки одной статьи невозможно поместить аргументацию к дискуссии по столь фундаментальным вопросам.

Из истории психологии также хорошо известно, что обстоятельства выделения психологии в самостоятельную науку были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета: с одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой, разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного») (см. об этом подробно: Мазилев, 1998; 2006; 2017а). Возможно, само выделение психологии в самостоятельную науку было преждевременным. Представляется поразительным, что многие из этих ограничений сохраняются и в современной психологии. Видимо, необходим специальный методологический анализ, но это, безусловно, задача отдельной работы. Полагая в качестве предмета внутренний мир человека, мы получаем возможность избежать попадания в тупики, о которых было сказано выше.

6. Одной из важнейших для предмета психологии является выполнение функции «операционального стола» (М. Фуко), позволяющего производить операции с содержанием, соотносить различные версии психологических концептов и понятий. Представляется, что реализуемый проект позволяет проводить последовательную линию на описание общей психологии как целостной и непротиворечивой науки, что не мешает демонстрировать множественность подходов и психологических теорий. Обратим внимание, что в этом случае у изучающего — будь то студент или практик — пробуждается уважение к общей психологии, поскольку она действительно предстает перед ним как целостная наука, хотя и характеризующаяся множественностью подходов и нерешенных вопросов.

Литература

- Аллахвердов В. М.* (2002). Пришла методологическая пора — психология, отворяй ворота! // Вопросы психологии. № 4. С. 154–157.
- Аллахвердов В. М.* (2006). Вечно зеленеющий предмет психологии на фоне сухой теории // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 100–104.
- Аристотель* (1976). Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль.
- Асмолов А.Г.* (2002). По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл.
- Асмолов А.Г.* (2012). Оптика просвещения: социокультурные перспективы М.: Просвещение.
- Василюк Ф. Е.* (2003). Методологический анализ в психологии. М.: Смысл.
- Василюк Ф. Е., Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г., Петровский В. А., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г.* (2012). Методология психологии: проблемы и перспективы / под общ. ред. Т. Г. Щедриной. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Взаимоотношения исследовательской и практической психологии (2015) / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: ИП РАН.
- Вундт В.* (1880). Основания физиологической психологии. М.: Типогр. М. Н. Лаврова и Ко.
- Гусельцева М. С.* (2009). Проблема изучения психики как междисциплинарного феномена: культурно-аналитический подход // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 166–179.
- Зинченко В. П.* (2003). Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии / под ред. В. В. Новикова и др. Ярославль: МАПН. С. 98–134.
- Зинченко В.П.* (2006). Сознание как предмет и дело психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 207–231.
- Зинченко В. П., Подорога В. А.* (2005). О человеческой душе и плоти // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 34–43.
- История психологии: период открытого кризиса (1992) / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: МГУ.
- Карицкий И. Н.* (2006). Экспликация предмета психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 105–118.

- Леонтьев А. Н. (1975). Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат.
- Леонтьев Д. А. (2006). Личность как преодоление индивидуальности: контуры неклассической психологии личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Смысл. С. 134–147.
- Леонтьев Д. А. (2008). Теория личности А. Ф. Лазурского: от наклонностей к отношениям // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 7–20.
- Мазилев В. А. (1998). Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН.
- Мазилев В. А. (2002). Предмет и задачи психологии // Общая психология: Учебник / под ред. А. В. Карпова. М.: Гардарики. С. 5–23.
- Мазилев В. А. (2004). Научная психология: проблема предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии / под ред. В. В. Новикова и др. Ярославль: МАПН. С. 207–225.
- Мазилев В. А. (2006). О предмете психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 55–72.
- Мазилев В. А. (2008). Интеграция психологического знания. Ярославль: МАПН.
- Мазилев В. А. (2015). Психология академическая и практическая: актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. № 3. С. 87–96.
- Мазилев В. А. (2017а). Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ.
- Мазилев В. А. (2017б). Психология: возвращение к Демокриту / Ярославский педагогический вестник. № 1. С. 178–188.
- Никитин Е. П. (1970). Объяснение — функция науки. М.: Наука.
- Парадигмы в психологии: науковедческий анализ (2012) / отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: ИП РАН.
- Петренко В. Ф. (2007). Космический странник — сознание: опыт индивидуально-бейн-шторминга // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 5–24.
- Петренко В. Ф. (2010). Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф.
- Пископнель А. А. (2006). Гуманистический принцип личности и предмет психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 232–250.
- Прогресс психологии: критерии и признаки (2011) / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: ИП РАН.
- Роговин М. С. (1969). Введение в психологию. М.: Высшая школа.
- Рубинштейн С. Л. (1940). Основы общей психологии. Москва: Учпедгиз.
- Рубинштейн С. Л. (1973). Философские корни экспериментальной психологии // С. Л. Рубинштейн «Проблемы общей психологии». М.: Педагогика. С. 68–90.
- Субъектный подход в психологии (2009) / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: ИП РАН.
- Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива (2007) / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: ИП РАН.
- Фритт К. (2016). Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: Cognus; АСТ.
- Человек, субъект, личность в современной психологии (2013). Мат-лы Международной конф., посвященной 80-летию А. В. Брушлинского. Т. 1 / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: ИП РАН.
- Чуприкова Н. И. (2006). Теория отражения, психическая реальность и психологическая наука // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 174–192.
- Шадриков В. Д. (2004). О предмете психологии (Мир внутренней жизни человека) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. № 1. С. 5–19.
- Шадриков В. Д. (2006). Мир внутренней жизни человека. М.: Логос.
- Шадриков В. Д., Мазилев В. А. (2015). Общая психология: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт.
- Янчук В. А. (2006). Постмодернистский, социокультурный интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 193–206.
- Merton R. K. (1949). Social theory and social structure. NY.: Free Press.

КУЛЬТУРНО-ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАПЕРСПЕКТИВА ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И КОНСТРУКТИВИСТСКОГО МНОГООБРАЗИЯ

В. А. Янчук

*Академия последипломного
образования,
Минск, Беларусь,
e-mail: yanchuk1954@gmail.com*

Рассматривается проблема нахождения теоретико-эмпирических оснований интеграции психологического знания в контексте культурно-диалогической интердетерминистской метатеории. Обосновывается идея четырехмерности континуумов психологической феноменологии, системообразующим универсальным основанием которых является культура в аспекте конструирования психологической реальности. Разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание представляется в форме трех четырехмерных континуумов. В соответствии с введенным принципом культурно-диалогического интердетерминизма обосновывается интердетерминистский характер взаимодействия составляющих их структурных элементов. Приводятся теоретические и эмпирические обоснования инновационности подхода.

Ключевые слова: гетерогенная система, диалогическая интердетерминация, интеграция, культурно-научная традиция, культурный конструктивизм, метатеория, методология, принцип диалогического интердетерминизма, культурно-диалогический интердетерминистский подход, четырехмерные континуумы психологической феноменологии.

DOI: 10.7868/S1819265318010089

Для цитаты: Янчук В. А. (2018). Культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологии в условиях неопределенности и конструктивистского многообразия // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 124–154.

Оценивая современное состояние психологической науки в рамках специально организованного на страницах журнала «Perspectives on Psychological Science» симпозиума с участием ведущих представителей академической психологической науки, один из авторитетнейших психологов современности Роберт Стернберг использует метафору альпиниста, совершающего восхождение на горную вершину в условиях полнейшей темноты

(Sternberg, 2017, p. 649). А. Г. Асмолов, используя метафоры развития психологии в «ствол» (А. Н. Леонтьев) и в «куст» (Б. Ф. Ломов), говорит о кризисе психологий и возрастании риска потери профессиональной идентичности, «когда психологи в буквальном смысле потеряют свое “Я”, утратят свое понимание как представителя психологической науки и утратят навигацию, куда им двигаться в сегодняшней реальности и в сегодняшнем

мире» (Асмолов, 2012). Осознавая всю серьезность проблемы он предложил амбициозный проект «Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия» (Асмолов, 2017). Авторский вклад в этот проект представляет предлагаемая вниманию заинтересованных читателей культурно-диалогическая метаперспектива интеграции психологического знания.

Введение в проблему нахождения методологических оснований интеграции психологического знания. Анализируя проблематику теоретико-эмпирических оснований интеграции психологического знания, нельзя не подчеркнуть ее обусловленность состоянием психологической науки в целом, сформировавшемся к началу третьего тысячелетия. В утихающих в последние годы обсуждениях проблемы воспроизводимости результатов психологических исследований, ограниченности возможностей наличного психологического знания дать внятные объяснения межкультурному многообразию и не утихающим в нем конфликтам и т.п. обнаруживаются выраженные противоречия между универсалистскими психологическими представлениями и многообразием проявлений психологической феноменологии, принципиально не желающим вписываться в устанавливаемые стандарты. Говоря о психологическом знании в целом, можно вполне отчетливо артикулировать его нахождение в статусе вечного странника, так и не нашедшего свою путеводную звезду.

Ретроспективный взгляд на историю психологии находит многочисленные свидетельства постоянного переосмысления как предмета психологии, так и ее предназначения. Косвенным свидетельством чего является артикуляция уже третьей по счету (после бихевиористской и когнитивной) революции — на этот раз культурно-диалогической, а также перманентными кризисами, перерастающими

ми, по меткому определению А. В. Юревича в «схизисы» (Юревич, 1999). В своем анализе кризисов в психологии в выступлении на V съезде РПО А. Г. Асмолов говорит о кризисе не психологии, а разных психологий и, прежде всего, кризисах научных школ, задающих образцы культуры, стили мышления. «При кризисе научных школ, будь то школа психоанализа, школа культурно-исторической психологии, школа когнитивной психологии, мы сталкиваемся с тем, что, если не рефлексируем кризисы этих школ, мы начинаем уходить в практицизм и мелкотемье, и возникает эффект Вавилонской башни» (Асмолов, 2012, с. 9).

Появляется все больше оснований для крушения нереалистических надежд на нахождение исчерпывающего универсального основания, позволяющего психологии освободиться от комплекса ненаучности в ее строгом академическом понимании. Своеобразный «удар в спину» был нанесен публикацией в авторитетнейшем журнале *Science* в августе 2015 г. результатов масштабного изучения воспроизводимости 100 экспериментальных и корреляционных исследований, опубликованных в трех известных психологических журналах. Экспертная оценка, проведенная группой из 270 исследователей, показала, что лишь 39% из них могут трактоваться как относительно однозначные, да и то с существенными оговорками. В качестве подслащивающей пилюли делается косвенный вывод об удовлетворенности проверяющими процессом, но отнюдь не результатами (Bohannon, 2015, p. 910).

Для понимания всей значимости такого экспертного заключения для современной эмпирико-экспериментальной психологии, доминирующей в большинстве зарубежных да и отечественных научных психологических журналов, следует пояснить, что в их основе лежит классическая позитивистская методология,

постулирующая принципы операционализации и верификации как фундаментальные основания объективности научного знания. В первом случае речь идет об измеряемости и количественной выражаемости результатов исследования как основании объективности (однозначности) научного знания. А во втором — его воспроизводимости (повторяемости) в пространственно-временном континууме. И если актуализация одного из них в исследовании подвергается сомнению (в обсуждаемом контексте — принцип верификации или воспроизводимости результатов исследований), то и результаты оцениваются как необъективные, т.е. не научные.

Столь болезненное обвинение не могло не вызвать реакции со стороны психологического сообщества. Одной из первых это сделала главный редактор журнала «*Perspectives on Psychological Science*», издаваемого Ассоциацией психологической науки, Barbara Spellman, охарактеризовавшая сложившуюся ситуацию не иначе как Революция 2.0 (Spellman, 2015, p. 886). Определяя специфику этой революции, она отмечает, что это не научная революция, требующая радикальных перемен фундаментальных оснований, которых в истории науки было немало, а революция, подобная политической. В качестве ее предпосылок перечисляются: многочисленные неудачи в попытках повторения результатов исследований (низкая верифицируемость); многочисленные вопросы в отношении исследовательской практики (повторение общеизвестного, предоставление не всех переменных и т.п.); стандартная статистика (возрастающая неудовлетворенность в проверке значимости нулевой гипотезы); проблемы с открытостью исследовательских данных (невозможность получения данных для последующей перепроверки и мета-анализа); мошенничество (случай с Diederik Stapel, у которого обнаружены подтасов-

ки данных во всех его 50 научных публикациях) и др. (Spellman, 2015, p. 887).

Следует отметить, что подобные обвинения предъявлены не только к психологам, но и к представителям других областей знания. Критические высказывания в отношении используемых методов исследования высказаны в отношении нейронаук, биомедицинских и политических наук и социальных наук в целом. В частности, в 2013 году директорат американского Национального научного фонда по социальным, поведенческим и экономическим наукам образовал подкомитет по Воспроизводимости (Replicability) в науке. В качестве решения данной проблемы предлагается создание открытой науки и строгих правил: воспроизводимости исследований; открытых данных; гарантии необходимого объема и репрезентативности выборки; использования X, Y и W статистики; предварительная регистрация; определение типа воспроизводимости. Завершая свой патетический «крик души», B. Spellman в качестве наиболее важного выделяет понимание того, как «работает мышление и как применять имеющееся у нас знание к реальному миру: вполне вероятно, что некоторые тонкие и трудно воспроизводимые феномены могут помочь нам понять первое; повторение исследований и поиск модераторов и посредников эффектов могут помочь нам разобраться со вторым. Мы должны ценить как данные, так и теоретические обобщения. Мы должны ценить как подтверждения, так и сами исследования. Мы должны понять, что мы изучили ряд наиболее доступных продуктов и что мы можем исследовать новые уровни сложности посредством новых методов сбора данных (включая визуализацию мозговой активности посредством разнообразных приборов) и анализа» (Spellman, 2015, p. 894). Последнее является особенно важным, т.к. любое увлечение совершенствованием методов и технологий

может увести от главного — реально-го, социального, «живого», чувствующе-го и переживающего социального мира, населенного реальными людьми, живущими в мире реальных психологических проблем и ждущих от психологии отнюдь не корреляций и факторов, а конкретных объяснений и рекомендаций, закономерности которого отнюдь не просто вписать в препарирующую схему науки, изучающей мир «не живой», а тем более не социальный, чувственный.

Даная проблема нашла свое выражение в целой серии акцентированных публикаций, в которых авторы предлагают различного рода решения (Earp, Trafimow, 2015; Patil, Peng, Leek, 2016; Sripada, Kessler, Jonides, 2016). Этот перечень можно продолжать и продолжать, констатируя в них главное — уход от обсуждения основополагающей проблемы — качественно-го отличия психологической феноменологии от естественно-научной, очевидной хотя бы уже в ее недоступности непосредственному измерению даже с учетом все усложняющихся технических возможностей исследования, в том числе и активности головного мозга. Измеряется не сама психика, а ее опосредованные проявления. И реакция на стимул опосредована внутренней активностью субъекта, что, собственно, и привело к кризису бихевиоризма, последовательно пытавшегося установить законы поведения в обход «черного ящика» человеческого сознания, не подлежащего измерению как гаранту объективности или универсальности законов поведения. Это же характерно и для когнитивной психологии, с определенными новациями пытающуюся продолжить естественно-научную традицию в психологических исследованиях в поиске уже ментальных репрезентаций (Shotter, 2001).

В обсуждаемом контексте следует напомнить о недавно отмечавшемся 120-летнем юбилее Л. С. Выготского, совершившего культурно-исторический

переворот в психологии, нашедший свое выражение в «открытии черного ящика» психической активности посредством научного доказательства знаковой опосредованности психической активности. Л. С. Выготский убедительно показал, что человек, во-первых, реагирует не на стимул как таковой, а на знак стимула, и, во-вторых, он реагирует даже не на объективный знак, а на его значение, которое, в свою очередь, определяется меняющимся во времени историко-культурным контекстом (Янчук, 2016b; Cole, 2010).

Поиск дополнительных оснований реанимации тупиковой в принципе для психологического знания аристотелевской атомистической логики, направленной на нахождение конечных и исчерпывающих знаний, безуспешен по своей сути, так как знание становится конечным и не вписываемым в бесконечность развития. Это наглядно представлено в критике модернизма представителями постмодернистской философской мысли, с детализированными подробностями которой в контексте психологического знания можно познакомиться в акцентированной авторской публикации (Янчук, 2003). Во избежание возможного обвинения в авторской тенденциозности приведу цитату авторитетного исследователя, продуктивно работающего в обсуждаемой проблемной области и хорошо знающего как западную, так и советскую психологию, А. Тоомела: «За последние 60 лет в психологических исследованиях были получены тысячи, если не миллионы, статистически установленных связей различных переменных друг с другом. В то же время многие фундаментальные вопросы даже не ставились из-за ограниченного методологического мышления. Мы продолжаем находить “объективные” показатели, не зная сколько различных психологических механизмов может лежать в основании одних и тех же показателей. Мы не знаем, как психологические

аспекты экспериментальных условий могут влиять на изучаемые результаты. Изучение фрагментов мало что дает для понимания человеческой личности как целого» (Toomela, 2007, p. 18).

Нереалистический оптимизм в отношении того, что когда-то и кем-то из миллионов эмпирически установленных фрагментов описания психологической реальности само собой сформируется целостное понимание природы психологической феноменологии, приводит к противоположному результату — утопанию психологии в частности, и чем дальше, тем больше. Ставший популярным в последнее время мета-анализ проблемы не решает, т.к. исходно направлен на анализ знания в рамках опять-таки фрагментов, пусть и полученных разными исследователями. Вполне обоснованно возникает ряд вопросов в отношении того, кто будет интегрировать эти фрагменты и на каких метаоснованиях? Ответов на эти вопросы не дается. Вполне очевидно, что обсуждаемый кризис неизбежен, но предлагаемые выходы из него за счет совершенствования техники и технологии, открытости процедуры и баз данных, надежда на возможности мета-анализа проблемы не решат в принципе. И уйти от принципиальных ответов на принципиальные вопросы о качественной специфике психологического знания и его предмета в обозримой перспективе не удастся.

Концептуальная непоследовательность существующего психологического знания в области методолого-теоретических оснований очевидна. Сошлюсь на авторитетное мнение G. R. Henriques, который так характеризует современное состояние психологии: (1) отсутствуют согласованные определения; (2) отсутствует согласованное определение предмета; (3) присутствует ускоряющееся взаимоперекрывание и избыточность понятий; (4) имеется много парадигм, основывающихся на фундаментально отличаю-

щихся эпистемологических основаниях и (5) продолжается все большая специализация, наносящая ущерб обобщениям, приводя к еще большей фрагментаризации (Henriques, 2008, p. 736).

Создается впечатление, что психология как наука боится комплексной реальности человеческой жизни и старается избежать риска выглядеть не-наукой. По мнению одного из авторитетнейших представителей культуральной психологии Я. Вальсинера, «Психология борется с собственной идентичностью. Она пытается строго жить по стандартам науки — взятым из других наук — и сопротивляется эфемерной природе собственной феноменологии. Наше реальное психологическое существование наполнено чувствами, мыслями и действиями такими, как мы есть — здесь и сейчас. Эти феномены скоротечны — быстро возникают и исчезают — многоуровневы (включая метауровневую рефлексивность) и коллективны (индивиды — будучи людьми или представителями биологического вида — вотканы в широкие социальные сети). Более того, психологические феномены, имеющие место здесь-и-сейчас (действия, чувства, мысли), направляются их историей (посредством памяти) и антиципациями будущего (постановка целей и действия в направлении будущих целей)» (Valsiner, 2009, p. 2).

С целью более фундаментального определения перспектив развития психологического знания мною был предпринят анализ эволюции мировоззрения общества на протяжении истории человечества. Значимость мировоззрения для «определения в условиях неопределенности» аргументируется также Д. А. Леонтьевым и А. Н. Моспан, утверждающими, что «потребность людей в определенности картины мира очень сильна и, по-видимому, сильнее, чем потребность в адекватном контакте с реальностью» (Леонтьев, Моспан, 2017, с. 18).

Анализ эволюции мировоззрения, включающий аспекты изменений в области науки, техники и культуры, в контексте мировоззренческих изменений в психологическом знании, был осуществлен при посредстве специально разработанного теоретического конструкта «культурно-научная традиция», определяемого как многозначный и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс философских, эпистемологических, научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений... характеристика определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире. Применение данного конструкта позволило проследить динамику мировоззренческих оснований различных традиций (культурный синкретизм, теоцентризм, антропоцентризм, модернизм, постмодернизм), дополнив их традицией

диалогизма, нашедшей свое высшее воплощение в диалоге как условия, механизме и движителе культуры и науки в условиях многообразия (Янчук, 2005, с. 34–35). Общее представление об эволюции культурно-научных традиций изображено на рис. 1.

На примере изменений, происходивших на протяжении истории человечества, показано поступательное движение от фрагментарного, фетишизируемого мировоззрения, обусловленного крайним дефицитом знаний о природе и сущности наблюдаемого, приводящего к одушевлению и обожествлению объектов окружающего мира (гилозоизм) к более системному, человекоцентрированному знанию, первоначально ориентированному на нахождение универсальных (объективных) законов мироустройства, а затем, столкнувшись с проблемой потенциальной исчерпаемости инновационного и эвристического ресурсов любого знания, основанного на неизменном универсальном основании, приходящего

Рис. 1. Эволюция культурно-научных традиций

к идее необходимости и продуктивности его многообразия, многоголосости в его постижении, мультипарадигмальности и поливариантности.

Из приведенной схемы вполне очевидно, что основные дебаты в отношении направления развития психологического познания носят эпистемологический характер и сводятся к конкуренции двух направлений: аристотелевского атомизма, ориентированного на нахождение первоатомов психического в виде универсальных закономерностей функционирования поведения, или психики и галилеевского холизма, признающего бесконечность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов психического функционирования. Первый безуспешен в нахождении первоатомов, из которых можно построить целостное здание понимания психического, второй — в невозможности объятия необъятного бесконечности психологической феноменологии.

В глубинно философском понимании сегодня вполне обоснованно можно говорить об очевидном противостоянии детерминизма и индетерминизма как его антитезы. При этом следует подчеркнуть очевидное преимущество первого над вторым в позитивистски ориентированных эмпирических исследованиях. Простой анализ публикаций, представленных в психологических журналах, показывает очевидное доминирование эмпирических исследований самых разнообразных аспектов психологической феноменологии в целом и психологии развития, в частности. Относительное отрезвление произошло лишь недавно в связи с уже обсуждавшейся выше так называемой проблемой воспроизводимости результатов психологических исследований (replication problem) (Schmidt, Oh, 2016). По существу, проблема обеспечения воспроизводимости результатов психологических исследований не решаема в прин-

ципе в силу специфики предмета, которую сами психологи стараются всячески обходить. S. Lilienfeld перечисляет целый ряд возможных негативных последствий этого кризиса для психологической науки: «(a) искушение в участии в сомнительных исследовательских практиках, (b) односторонне программируемые исследования, (c) интеллектуальная гиперспециализация, (d) препятствование воспроизведению (репликации) результатов, (e) избегание творчества и интеллектуального риска, (f) исследователи обещают больше, чем могут реально дать, и (g) сокращение времени для глубокого осмысления» (Lilienfeld, 2017, p. 662–663).

В качестве альтернативы детерминизму выступает индетерминизм, акцентирующий внимание на свободе воли и свободе выбора как не детерминированных предшествующими причинами, что не все события имеют причинные основания. Фундаментальный анализ роли индетерминизма в психологическом и поведенческом развитии представлен в работе «Динамика и индетерминизм в науках о развитии и поведении» (Fogel, Lyra, Valsiner, 1997). В данной работе индетерминистский подход представляется в историческом, философском и теоретическом аспектах в контексте концепции динамических систем, ставшей в последующем предметом такого же фундаментального анализа в ракурсе методологии динамических процессов в социальных науках и науках о развитии (Valsiner, Molenaar, Lyra, Chaudhary, 2009).

По всей видимости, решение традиционно находится по середине. В обсуждаемом контексте крайне уместна аргументация одного из ведущих специалистов в проблемной области P. van Geert, акцентирующего внимание на следующем: «детерминистский универсум мертв, т.к. у него крайне редуцируемая степень свободы: все предопределено и невозможно создание какой-либо новой

информации, т.к. она уже содержится в своем исходном состоянии (вне зависимости от того, что бы это ни было). Индетерминистский универсум безжизненен, т.к. он содержит бесконечное число степеней свободы. Никакая информация не может быть сотворена, т.к. каждая имеет одинаковую вероятность. Тем не менее, когда эти два принципа встречаются, информация и упорядоченность создаются в форме высоко редуцируемой степени свободы, в которой различия между событиями становятся значимыми и информативными. Новое понятие упорядоченности выводится из самоорганизации. Для появления комплексного упорядочивания нужны и детерминизм, и индетерминизм» (van Geert, 1997, p. 21)!

Позиционирование в гетерогенно-многочисленно-мультипарадигмальном пространстве психологического знания. Авторская попытка решения комплексной задачи интеграции психологического знания, накопленного в существующем многообразии парадигмальных координат, направлений традиций и подходов, представлена в рамках социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания (Янчук, 2014; 2015а; 2016б; 2017б и др.).

Обращение к формату метатеории обусловлено требованиями, предъявляемыми к ее построению. Чем должен заниматься метатеоретик? По J. H. Turner, он должен: «(1) оценивать четкость и адекватность понятий, предположений и моделей; (2) находить сходства, пересечения и различия в теориях; (3) соотносить существующие эмпирические данные (включая исторические) для оценки обоснованности теорий; (4) отличать наиболее существенное в теории от менее существенного; (5) синтезировать теории или определять позицию по отношению к ним; (6) переопределять теорию в соответствии с эмпирическими и концептуальными основаниями; (7) формализовать теорию, делая ее максимально

строгой; (8) находить наиболее подходящий язык описания существа теории; (9) уметь дедуцировать теорию к нахождению возможности эмпирической проверки» (Turner, 1990, p. 40).

Каковы критерии оценки метатеории? По M. G. Edwards, к ним относятся следующие. *Концептуальная интеграция.* Метатеория должна представлять интеграцию методологического и эпистемологического плюрализма в исследовательской области. *Онтологический охват.* Метатеория должна обладать способностью предоставлять интегративные возможности, которые могут эксплицировать и определять место различных онтологических элементов различных эпистемологий и методологий. *Онтологическая глубина.* Метатеория должна демонстрировать, как различные онтологические модели коррелируют с онтологической комплексностью, и интегрировать их в логически последовательный подход. *Эмпирическая валидность.* Метатеория должна обладать способностью предоставлять исчерпывающие и последовательные объяснения феноменов, связанных с исследовательской областью. *Внутреннее соответствие.* Все положения и концепты, представленные в метатеории, должны находиться в полном соответствии друг с другом (Edwards, 2010).

В постмодернистской традиции при оценке метатеории используется подход обоснованности на очевидности, предполагающий «проверку предположений в соответствии с их способностью объяснять данные конкретной области» (Edwards, 2010, с. 67). Особым статусом обладает интегральное метатеоретизирование, характеризующееся своей масштабностью, открытостью многообразию научных теорий и социокультурного знания во всех частях мира и использованием других подходов как метатеоретических ресурсов (Wallis, 2010, с. 74). Иссле-

дование становится интегративным, если оно: i) осознанно и эксплицитно восприимчиво к контекстам, проявляющимся в различных дисциплинах, ii) адаптирует методы и принципы системности; iii) использует в качестве концептуального ресурса другие интегративные подходы; iv) характеризуется целями включенности и эмансипации (там же, р. 185).

Именно этот тип интегрального метатеоретизирования наиболее полно соответствует авторскому замыслу интеграции психологического знания, представленного в рамках многообразия областей и систем парадигмальных координат, основывающихся на качественно отличных онтолого-эпистемологических основаниях. В его рамках воплощается авторский замысел, заключающийся 1) в нахождении решения проблемных вопросов, связанных с тем, что поведение обусловлено не только психической активностью, но и биологической природой, благодаря которой она и материализуется; 2) в выяснении специфики и механизмов взаимодействия символически репрезентированной культуры с биологической субстанцией, посредником которого выступает психическая активность; 3) в осознании той роли, которую играют неосознаваемые психические процессы или бессознательное; 4) в понимании того, что человек не только отражает внешнюю действительность, но и переживает ее, будучи вотканым в-бытие-в-мире, и что переживание экзистенциального одиночества или отверженности социальным окружением сказывается на культурной интеграции и социальной адаптации; 5) в понимании, что личность не существует в своем психическом, а «выходит» за его пределы в реальный социальный и природный мир и что эти «выходы» приводят к осознанию своей неприспособленности или неадекватности; 6) в понимании, что изменившиеся обстоятельства (социальные и природные) могут существенно

трансформировать и внутренние психические процессы, да и саму биологию человека; 7) в понимании, что адаптация к изменившемуся внешнему окружению не должна происходить стихийно, а управляться осознанием в том числе и психологических закономерностей; 8) в выяснении того, почему психологическое знание далеко не всегда успевает за изменениями, происходящими в жизни общества, а эмпирически установленные факты далеко не всегда соотносятся с реалиями человеческого бытия. Эти вопросы можно продолжать и продолжать до бесконечности. Некоторые ответы на них будут представлены с позиций предлагаемой метатеории.

Наиболее сложной задачей является нахождение оснований упорядочивания бесконечности знания в области психологической феноменологии, связанной с бытием человека в условиях социального окружения. Во-первых, это бытие многогранно. Во-вторых, оно актуализируется в сложном взаимодействии биологического, психического и социального. И чисто психологическую составляющую вне контекста биологического субстрата можно вычленять лишь в абстракции. В-четвертых, сама социальная природа многогранна в контексте ее представленности в контексте мультикультуральности, вносящей аспект наличия выраженных культурных различий, игнорировать которые невозможно ни в области психологии, ни в областях социологии и биологии. Причем, в связи с резким возрастанием миграционных процессов их наличие становится все более очевидным, а процессы культурной интеграции никак не хотят вписываться в классические представления и поддаваться простым решениям, основанным на универсальных основаниях. В-пятых, необходимо ответить на вопрос, на чем конкретно или предметно основываться при попытке инвентаризации бесконечности и многообразия психологического знания.

Понимание психологического многообразия в бесконечности его проявлений требует упорядочивания накопленного знания с учетом различных систем парадигмальных координат, традиций и подходов, позволяющих в диалоге друг с другом находить дополнительные основания для взаимообогащения, в свою очередь, способствующего углублению понимания ее качественной специфичности (Янчук, 2012). Для решения этой сложнейшей задачи предложено три четырехмерных пространства, выделенных на основании критериев разнокачественности природ, сфер психического и областей его изучения. Однако данные пространства существуют не как автономные, самодостаточные сущности, а как взаимодополняющие и взаиморасширяющие возможности и глубину постижения природы представляемых феноменов. Так как вместе взятые они описывают именно психологическую специфику человека в его био-психо-социальной сущности в сферах осознаваемого-бессознательного-экзистенциального, изучаемых в аспектах личности, окружения и активности, крайне важным является нахождение общего основания, интенционально присутствующего в каждом из представленных компонентов обсуждаемой триады и обуславливающего их своеобразие в итико-имическом ракурсах.

Общая характеристика существующего многообразия психологического знания может быть представлена в виде ряда трехмерных континуумов. По критерию разнокачественности природ: биологическое—психическое—социальное; по критерию сфер реальности: осознаваемое—бессознательное—экзистенциальное; по критерию областей изучения: личность—окружение—активность и др., визуально представленных на рис. 2. Отличительной особенностью измерений этих пространств является автономия, проявляющаяся в крайней ограниченности вопросов их взаимодействия друг с другом.

Представленные континуумы позволяют включить в плоскость анализа достижения, получившего в последнее время широкое признание, в том числе и в биомедицинских науках, био-психо-социального подхода, психоаналитического и экзистенциально-феноменологического подхода, чей вклад в развитие психологического знания очевиден, наконец, традиционные области исследования, артикулированные еще Куртом Левиным в его знаменитой формуле $B = f(P, E)$.

Парадигмальное многообразие представлено еще более широким спектром подходов: бихевиористским и его современным развитием в виде когнитивно-наученческой модификации; интер-

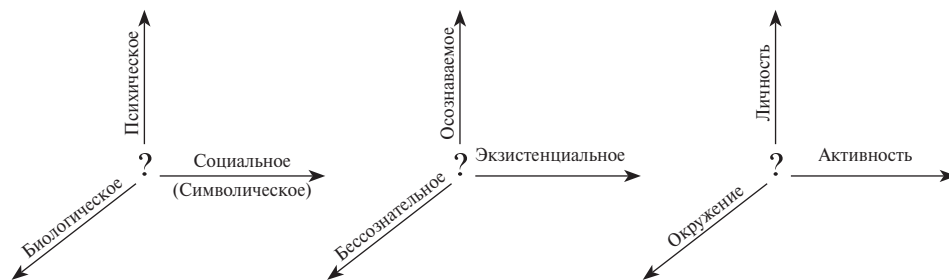

Рис. 2. Трехмерные континуумы репрезентации разнокачественных природ (биологическое—психическое—социальное), сфер отражаемой реальности (осознаваемое—бессознательное—экзистенциальное) и областей исследований (личность—окружение—активность) психологической феноменологии (Янчук, 2015b)

акционистским; психоаналитическим; когнитивистским; экзистенциально-феноменологическим; деятельностным и др. Следует отметить, что большинство представленных в них идеологических дискурсов было посвящено, по мнению Я. Вальсинера, «социальному позиционированию себя как выразителю наиболее общего знания, противостоящего другим -измам (ментализму, бихевиоризму, когнитивизму, интеракционизму, трансакционизму, социо-культурализму, а иногда и гуманизму) и обладающему правом социально нормативных предписаний в отношении методов, посредством которых “производятся” научные факты. Эти -измы боролись друг с другом за доминирование — попеременно лидируя от “эры бихевиоризма” до “когнитивной революции” и последующих эр» (Valsiner, 2009, с. 4). Время оказалось лучшим лекарем от нереалистического оптимизма их представителей в отношении самой возможности нахождения универсальных исчерпывающих решений в одиночку. Бихевиористы, наиболее последовательные и ортодоксальные строители объективной психологии, не смогли преодолеть противодействия активности всячески игнорируемого ими «черного ящика», постепенно эволюционировав в когнитивно-наученческо-поведенческий подход со значительно меньшим апломбом.

Отенок мистицизма бессознательного не помог занять лидирующие позиции и психоанализу, не удалось этого достичь и всем другим -измам, столкнувшимся с качественной специфичностью человеческой психики, не только реагирующей на внешние стимулы, при определенных обстоятельствах движимой бессознательными импульсами, решающей когнитивные задачи и т.п. Отнюдь не случайно В. Ф. Петренко, оценивая перспективы развития психологической школы Выготского—Леонтьева—Лурии в контексте психосемантики бессознательного,

отмечает в качестве перспективной линии развития психологии «*движение в сторону личностного и коллективного бессознательного*» (Петренко, 2016, с. 65).

Подобная гетерогенность никак не вписывалась в рамки одномерной логики. Методологические основания парадигмального многообразия в виде альтернативных онтолого-эпистемологических дихотомий (объективное—субъективное; детерминизм—индетерминизм; наследственность—изменчивость; познаваемость—непознаваемость; атомизм—хололизм; рационализм—иррационализм; статичность—динамичность; итическое—имическое; номотетическое—идиографическое и др.), как и обоснование невозможности их сведения к единому основанию были представлены в специальном исследовании (Янчук, 2000).

Нечто подобное имело место и в отношении областей исследования, в качестве которых со времен Левина конституировались личность, окружение и поведение (активность). Акцентирование на каждой из них в отдельности заводило психологическое знание во все тот же методологический тупик. Акцентирование на окружении при неучитывании личности и ее активности заводило в тупик. На примере деятельностного подхода то же самое происходило и с приоритетизацией активности и личностной детерминации. На смену Левиновской ненаправленной детерминации, артикулированной в универсальной формуле $B = f(P, E)$, приходит частично двунаправленная детерминация А. Бандуры, выраженная в формуле $B = f(P \rightleftarrows E)$, подчеркивающая взаимозависимый и взаимообуславливающий характер взаимоотношения личности, окружения и активности.

Бесперспективность развития психологии в условиях дезинтегрированной совокупности частных представлений об общем предмете изучения актуализировало стремление к нахождению

потенциально возможных оснований интеграции. Сложность решения этой задачи обусловлена необходимостью преодоления господствующей в классической науке логики или/или, исходно направленной на доказательство преимуществ пропагандируемого решения проблемы за счет концентрации на слабостях альтернатив и собственных преимуществ над ними. Примеров этому предостаточно (Brinkmann, 2011; Hart, 2014; Mazur, Watzlawick, 2016; Proietto, Lombardo, 2015; Valsiner, 2007; Weinstein N., Przybylski, Ryan, 2013).

Более продуктивную альтернативу предлагают интегративные плюралисты, исходящие из констатации многогранной комплексности психической жизни, призывающие, в отличие от редуccionистов, к ограничению жестких эпистемологических, методологических и онтологических требований. Они обосновывают необходимость в использовании различных подходов, основанных на различных теоретических основаниях по отношению к этой комплексности и многомерности (Watanabe, 2010). Как отмечает Р. Неау, «на эпистемологическом уровне, имеющиеся различия определены различиями между (что было по-разному описано как) перспективами первого и третьего лица, между объяснительным и опытно переживаемым (experiential) подходами, естественно-научной и гуманитарной ориентациями. На методологическом уровне они концентрируются на различиях между количественно / экспериментальным и качественно / описательным подходами, и на онтологическом уровне — различиями “природного” и “человеческого” рода и различиями “метафизики вещей” и “метафизики людей”» (Nealy, 2012, p. 273). Плюралисты придерживаются точки зрения, что привлечение различных измерений нашей жизни, различных перспектив является необходимым условием изучения и понимания нашего комплексного,

многогранного психологического функционирования, психического и переживаемого, нейрофизиологического и поведенческого. Более того, утверждается, что преимущества одного подхода могут компенсировать ограничения других, что различные подходы являются взаимодополняющими (Smythe, McKenzie, 2010). Этот подход является наиболее продуктивным и способствующим интеграции усилий в области постижения чрезвычайно сложной и многообразной психологической феноменологии, что и является основной целью разрабатываемого мною на протяжении ряда последних лет социокультурно-интердетерминистского диалогического подхода (Янчук, 2014; 2015а; 2016а; 2016с; 2017а), трансформированного в последующем в культурно-диалогическую метаперспективу интеграции психологического знания (Янчук, 2017б).

Методолого-теоретические основания метатеории интеграции психологического знания. Однако существование в условиях отсутствия однозначных универсальных истин, выступающих в качестве фундамента достижения согласия, порождает проблему нахождения общего, взаиморазделяемого, без которого невозможно совместное сосуществование и сотворчество. В качестве такового выступает диалог, предполагающий принятие инаковости и инакомыслия как исходных оснований и совместное созидание знания с учетом существующих сходств и различий, строительство дома, одинаково комфортного для всех живущих в нем. Диалог предполагает плюрализм и толерантность в качестве исходных предпосылок совместного созидания знания с учетом всех возможных его видений и интерпретаций, взаимодополняющих друг друга и взаимообогащающих участников процесса со-конструирования.

G. Henriques, оценивая современное состояние мировоззрения, определяющего человеческую активность и дискурс,

позиционирует его как «фрагментарный плюрализм», характеризующий фило-софское мировоззрение как фундаментально противоречивое и несовместимое и в качестве конструктивной альтернативы предлагает интеграционный плюрализм, в котором различия, определяемые различиями в потребностях, целях и других идиографических факторах, преодолеваются связанностью людей друг с другом и стремлением к формированию общности, достигаемой посредством формирования совместно создаваемого и разделяемого понимания (Henriques, 2008, с. 750). Таким образом, именно в диалоге альтернатив, в том числе и на парадигмальном уровне, появляется уникальная возможность преодоления неизбежной для любого знания, построенного на универсальном, неизменном догматическом основании, ситуации тупика, характеризующейся исчерпываемостью ее эвристического потенциала, яркой иллюстрацией чего являются научные революции.

Для того чтобы диалог состоялся, необходим его предмет. Сложность формулирования такового в отношении психологического знания обусловлена наличием множества альтернатив, представляющих различные подходы, традиции, парадигмальные координаты и эпистемологии, имеющие крайне ограниченную общность. За исключением абстрактного конструкта «психика», оцениваемого как основание схождения, но и одновременно выступающего в качестве предмета дискуссий безальтернативного характера, области взаимосогласия крайне ограничены.

Первым приходящим на ум решением является формулирование определения, в котором есть место всем традициям и подходам с учетом описанных ранее континуумов психологической феноменологии, представляющих разнокачественность природ, сфер психического

и областей изучения. Именно эти основания определяют предмет психологии так: «бытие-в-мире самости как био-психо-социальную социокультурно-интердетерминированную диалогическую сущность во взаимодействии с социальным и природным окружением в осознаваемо-неосознаваемо-экзистенциальном измерении» (Янчук, 2006, с. 204). Категория «бытие-в-мире» акцентирует внимание на экзистенциальном аспекте бытия человека, подчеркивающего «вотканность» человека в свою жизнь, переживание ее. Категория «самость» концентрируется на аспекте взаимосвязи внутреннего и внешнего, проявляющегося во взаимосвязи человека с его внешним окружением, историей и т.п. Трехмерный био-психо-социальный континуум фокусируется на сложности взаимодействия трех разнокачественных природ — биологической, психической и социальной (символической). Социокультурный интердетерминизм подчеркивает аспект взаимодействия личности, активности и ее ситуативного контекста, проявляющейся в том, что любое изменение в одном из них приводит к изменению в двух других. Наконец, психологическая феноменология исторически анализируется в измерениях осознаваемого, бессознательного и экзистенциального, составляющего еще один континуум постижения психологической феноменологии.

Определение в предмете с необходимостью предполагает учет качественной специфичности анализируемой феноменологии, которая мне видится в следующем:

- отсутствие непосредственного доступа к психической реальности, невозможность ее изоморфного и аутентичного измерения и верификации;
- доминирование второсигнальной или символической системы, позволяющее оторваться от «здесь» и

- «сейчас», переносясь в пространстве и времени;
- разнокачественность природ — биологическая, психическая, социальная (символическая);
  - семиотическая субъективность и интерсубъективность;
  - экзистенциальная переживаемость, вотканность бытия-в-мире;
  - существенное влияние зафиксированного и трансформированного в прошлом опыта бессознательного;
  - культурно-историческая обусловленность;
  - активное участие в процессе создания обстоятельств собственной жизни.

Именно эта качественная специфичность и задает ограничители в области онтолого-эпистемологических оснований, методологии и методов исследования, принятых в естествознании. И можно бесконечно совершенствовать техническое и технологическое обеспечение исследований, обеспечивать абсолютную прозрачность процедуры и эмпирических данных и т.п., но объективное препарирование живых сущностей, переживающих свое бытие-в-мире, находящихся в бесконечном процессе выработки семиотических значений и смыслов, формирующих и переосмысливающих ценности и нормы, радикально меняющих свое отношение к объектам и событиям под влиянием объективных и субъективных факторов и многое-многое другое, — не может быть достигнуто в принципе. Умертвив живую плоть, можно получить великолепный анатомический срез. Он будет всем хорош, только бездушен. Поэтому психологическому исследованию требуются качественно отличные инструменты и технологии, основанные на адекватных методологических основаниях, свободных от комплекса научной неполноценности в случае отличия от естественно-науч-

ных. И если психологическое знание не будет убегать от реальной жизни, продуцируя знание, способствующее ее гармонизации, то и авторитет у него будет значительно выше, нежели в случае, если оно будет вгонять себя в принятые рамки и шаблоны. И если у физики объектом верификации теорий выступает неживая природа, то у психологии живая социальная жизнь.

Определение в предмете как исходном основании требует проработки условий осуществления диалога. Первым условием является создание альтернативы классической безальтернативной логике или/или. В такой логике альтернативные подходы начинают рассматриваться не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие (Библер, 1991). Целью же развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного межпарадигмального и междисциплинарного диалога, направленного на взаимообогащение и взаимодействие в области углубления понимания психологической феноменологии. Практическая реализация такого рода логики требует разработки принципиально нового методологического подхода, позволяющего создать основания для подлинного диалога, по своей сути исходно предполагающего взаимное принятие и выработку совместных решений консенсуального типа. Авторская попытка решения этой задачи представлена в рамках интегративно-эклетического подхода к анализу психологической феноменологии в условиях существующего многообразия традиций (Янчук, 2000).

Суть подхода заключается в многоплоскостном, полилинейном, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного «инсайтирования», предполагающего включение в плоскость рассмотрения различных аспектов множественности, диалогичности, диатропичности изучаемого феномена.

Способность встать на позицию оппонента, включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляют возможность остраненного¹ анализа, превращающегося в еще один «вечный двигатель» прогресса знания. Речь идет не об интеграции, неизбежно порождающей тенденцию к монополизации истины со всеми вытекающими последствиями, а именно о свободном оперировании разноплоскостным, разновекторным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием.

Развитие интегративно-эклетиического подхода нашло свое выражение в социокультурно-интердетерминистском диалогическом дополнении, предлагающем ряд условий углубления понимания психологической феноменологии:

- плюралистичность и толерантность по своей сути, реализующиеся в исходном осознанном принятии факта возможности и полезности существования альтернативных объяснений природы анализируемых феноменов;

¹ Ред.: «Остранение — термин эстетики и философии искусства 20 в., фиксирующий комплекс художественных приемов..., при котором выразительность изображаемого разрушает привычные стандарты восприятия. Введенное В. Шкловским и разработанное представителями русской формальной школы ОПОЯЗ... в 20-х гг. при исследовании внутренней формы и структуры слова понятие остранения являло радикальную смену точки наблюдения и способа видения во всем пространстве выраженности художественного факта. Согласно Шкловскому, прием остранения переструктурирует поле восприятия: «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание видения его, а не узнавания». Поскольку же цель остранения заключается в «выводе вещи из автоматизма восприятия», то сама процедура фактически изменяет вектор интенциональности воспринимающего сознания» (Кругликов В. А. Остранение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. / В. С. Степин и др. М.: Мысль, 2010. С. 171).

- согласованность исходных онтолого-эпистемологических оснований, определяющих отношение к наиболее фундаментальным вопросам, связанным с познаваемостью изучаемой и объясняемой реальности, сопровождаемой констатацией совпадения и рассогласования позиций;
- социокультурная интердетерминированность, выражающаяся в признании взаимовлияния и взаимообусловленности всех факторов, присутствующих в процессе функционирования изучаемого феномена;
- диалогичность, проявляющаяся в способности созидания совместного знания с учетом индивидуальных и культуральных различий, основанная на логике взаимообогащения и взаиморазвития (Янчук, 2012, с. 14).

Определив методолого-теоретические основания диалога, можно переходить к вопросу существа предлагаемой метатеории. Первостепенным вопросом является определение содержательных рамок теории или пространств психологической феноменологии, на которую она может быть экстраполирована. Ориентированность на построение пространств интеграционного свойства предполагает определение в общем основании, пронизывающем все остальные и обуславливающим их своеобразие.

Возобновление интереса к культурной обусловленности психологической феноменологии послужило основанием для выдвижения идеи о четырехмерности континуума, где культура выступает в качестве четвертого универсального всепроникающего измерения. Это резонирует с современным контекстом Культурной революции в психологии (Valsiner, 2014a; 2014b). Причем эмпирические подтверждения влияния культуры (наличие выраженных кросс-культурных различий) накоплены в различных областях

научного знания (антропология, биология, медицина, нейронауки и др. (Ellis, Stam, 2015; Gelfand, Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi, 2011–2014; Keith, 2011; Toomela, 2007)).

Культурно-диалогическая интердетерминация как механизм интеграции функционирования и понимания психологической феноменологии. Как отмечалось выше, в процессе упорядочивания психологической феноменологии, представленной в различных системах парадигмальных координат, традиций и подходов, было предложено три пространства на основании критериев разнокачественности природ, сфер психического и областей его изучения. Однако данные пространства не существуют как автономные, самодостаточные сущности, а как взаимодополняющие и взаиморасширяющие возможности и глубину постижение природы представляемых феноменов. Так как вместе взятые они описывают именно психологическую специфику человека в его био-психо-социальной сущности в сферах осознаваемого-бессознательного-экзистенциального, изучаемых в аспектах личности, окружения и активности, крайне важным является нахождение общего основания, интенционально присутствующего в каждом из представленных компонентов обсуждаемой триады и обусловливающего их своеобразие в итико-имическом ракурсах.

В качестве такого всепроникающего конструкта мною артикулируется культура, трактуемая вслед за R. Priest, как научаемая конфигурация понятий, образов, обобщений, представлений, ценностей, норм и других символических элементов, широко разделяемых членами данного общества или социальной группы, которая функционирует как ориентационная и нормативная структура поведения и как коммуникативная матрица, посредством которой поведение интерпретируется, интегрируется, координируется

и санкционируется. Культура не является статичным образованием, а представляет собой живой, саморазвивающийся механизм, качественно прирастающий на каждом последующем витке смены поколений, получающих в концентрированном и критически (или некритически) переосмысленном виде опыт предшествующих.

В своих размышлениях о влиянии культуры на психологическую феноменологию Д. А. Леонтьев подчеркивает его двойкий характер, заключающийся: (1) в культивировании общецивилизационных механизмов жизни в обществе, ограничении влияния природных императивов и формировании базовых механизмов саморегуляции и (2) в усвоении характерных для данной специфической культуры знаково-символических структур и ценностно-смысловых регуляторов (эти два аспекта можно обозначить, соответственно, как номокультурный и идиокультурный) (Леонтьев, 2013, с. 29). Ряд отечественных исследователей идет еще дальше, говоря о парадигмах конструирования разнообразия миров (Асмолов, 2008) и парадигме конструктивизма в гуманитарном знании в целом (Петренко, 2010). По существу, речь идет о культурном конструктивизме как эпистемологии не только психологического, но и всего гуманитарного знания (Янчук, 2000, с. 26). Обсуждая роль культуры в процессе познания, L. M. Simão говорит о семиотическом культурном конструктивизме, основывающемся на понятии «*Bildung*» Н.-Г. Гадamera и идеях E. Voesch о культуре как *поле действий* и культуре как *семиотическом опосредовании психологических процессов* J. Valsiner (Simão, 2005, p. 549).

Культура, как это подчеркивает один из ведущих представителей культурной психологии Я. Вальсинер, «если она рассматривается как процесс семиотической медиации человеческой жизни, является инструментом, обеспечивающим гибкость человеческой психики при ее

столкновении с многообразием обстоятельств... конструирования принципиально нового, раздвижения границ понимания и бытия» (Valsiner, 2014a, p. 258). Следовательно, культура может рассматриваться как медиатор и в контексте обозначенных пространств, а также их компонентов.

Таким образом, разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание может быть отображено в рамках следующих четырехмерных континуумов, каждый из компонентов которых находится в состоянии опосредованной культурой интердетерминации: биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное; осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно-обусловленное; личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно-обусловленное. Визуализация этих пространств представлена на рис. 3.

Введенные четырехмерные пространства интеграции психологической феноменологии отражают сложившуюся в последние годы тенденцию окультуривания различных областей исследований и выраженного стремления к междисциплинарной интеграции и кооперации. Комплексное взаимодействие биологического, психического и социального ста-

ло активно изучаться и в медицине (Goli, Yanchuk, 2012; Goli, Yanchuk, Torkaman, 2015; Kitayama, Salvador, 2017). Один из признанных специалистов в области культурной нейронауки Шинобу Китаяма, получившей бурное развитие в последнее время, говорит о специфических биологических механизмах, вовлеченных в процесс культурного научения, о необходимости прояснения взаимообусловленности биологического и социального на индивидуальном и групповом уровнях, культурном символическом ландшафте (Kitayama, Salvador, 2017, p. 850).

Даже в такой консервативной области, как медицина, все большую популярность приобретает био-психо-социальная модель (Lane, 2014). Роль культуры в этом процессе была убедительно показана в выполненном под моим руководством диссертационном исследовании З. Голи «Сравнение представлений, копинг-стратегий и способов регулирования боли у иранских и белорусских пациентов, испытывающих хроническую боль» (Голи, 2014). Результаты этого исследования показали, что преодоление такого болезненного феномена как хроническая боль в существенной степени зависит от характера обращения с пациентом со стороны медицинского персонала, наличия у него психологической мотивации на излечение.

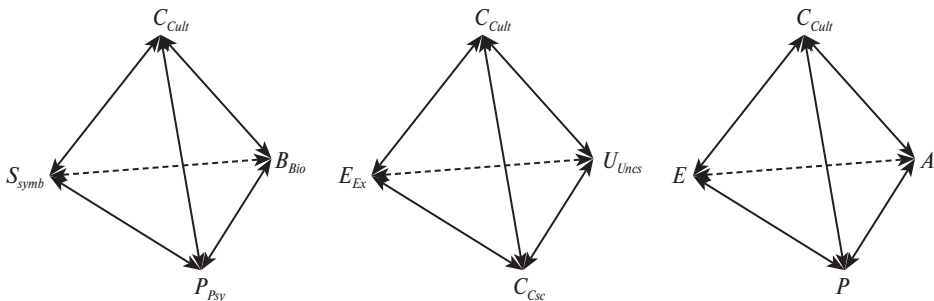

Рис. 3. Четырехмерные континуумы репрезентации разнокачественных природ (биологическое—психическое—социальное), сфер отражаемой реальности (осознаваемое—бессознательное—экзистенциальное) и областей исследований (личность—окружение—активность) психологической феноменологии

Такого рода исследования стимулировали и междисциплинарную интеграцию, ярким примером которой явилась состоявшаяся в 2014 году в Суджу (Китай) совместная конференция физиков, медиков и психологов, продемонстрировавшая продуктивность совместного обсуждения феномена человека и как био-психо-социальной сущности и как физического объекта (Yanchuk, 2014). Именно диалог представителей, казалось бы, качественно отличающихся областей знания позволил сформировать общее понимание специфики гетерогенности природы человека, своеобразия монодисциплинарных и мультидисциплинарных ракурсов рассмотрения феноменологии поведения и, главное, направления и потенциальные возможности в расширении горизонтов и углубления понимания проблематики.

Традиционная концентрация на осознаваемых процессах познавательной активности благодаря гению Фрейда была дополнена измерением бессознательного, а в последующем — экзистенциального. В своем взаимодействии с внутренним и внешним миром человек предстает не только как перерабатывающая информацию познавательная система, но и находящаяся под существенным влиянием бессознательного, проявляющегося в формировании отношения к происходящему, прошлому и будущему, направляющему интерпретацию и актуализирующего интернализированные автоматизированные поведенческие алгоритмы и т.п. Человек не только принимает решения и реагирует на происходящее, но и переживает его, будучи вотканным в жизнь, в бытие-в-мире. Блестящая плеяда экзистенциалистов (С. Кьеркегор, Л. Бисвангер, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр,) акцентировала внимание на вотканности человека в мир, на его переживания происходящего, связанность с миром, выраженную в бытии-в-мире. В отличие

от Фрейда, блестяще препарировавшего болезнь, Кьеркегор пережил ее и описал изнутри. Такого рода вотканность и переживаемость бытия-в-мире не схватывается классическими инструментами, остается за их рамками. Но она незримо, чувственно присутствует в поведении человека, определяя отношение к нему и интерпретацию, переживание и со-переживание, следовательно, не учитывать ее — значит уходить от реальности жизни, упрощать ее. М. Boss подчеркивает в этой связи, что только подключение эпистемологий, обладающих способностью истинного постижения нашего «человеческого бытия-в-мире», предоставляет возможность понимания комплексности природы поведения человека (Boss, 1983).

Принцип культурно-диалогического интердетерминизма. Особое значение для развития психологического знания представляет вопрос взаимоотношения выделенных компонентов четырехмерных пространств. Традиционная фрагментация психологического знания на все более и более мелкие единицы в поиске своеобразных первоатомов психического приводит к утопанию его в огромном количестве аспектов и деталей, все дальше и дальше уводящих от понимания целостного, системного функционирования. Более того, качества системности психического, выражающегося в том, что в процессе взаимодействия этих отдельных фрагментов образуются новые качества, не сводимые к простой сумме составляющих систему элементов, тот самый гештальт, экспериментально установленный Вертгеймером на примере фи-феномена (*phi-phenomenon*) (Wertheimer, 1912). Компоненты системы находятся в постоянном взаимодействии, образуя все новые и новые качества и качественно изменяясь на каждом последующем этапе взаимодействия. Тем самым реализуется психодинамика, и речь надо вести не о статике, а именно

динамике психических процессов и явлений (Valsiner, Molenaar, Lyra, Chaudhary, 2009; Witherington, 2007).

Описание специфики взаимодействия, приводящего к качественному изменению системы, не сводимому к простой сумме составляющих ее элементов, посредством классического принципа детерминизма является крайним упрощением реальности. Это послужило исходной посылкой обоснования принципа культурно-диалогической интердетерминации, содержательная характеристика которого будет представлена ниже.

По существу, речь идет об авторском развитии широко известной трехкомпонентной формулы К. Левина, описывающей поведение как функцию от личности и внешнего окружения $B = f(P, E)$. Переосмысление данной формулы в контексте реципрокной (взаимной) детерминации сделано выдающимся психологом современности А. Бандурой (Bandura, 1978). Характеризуя подход Левина как ненаправленный, он предложил частично двунаправленную трансформацию его формулы в виде $B = f(P \rightleftharpoons E)$. А. Бандура разработал принцип реципрокного детерминизма, в соответствии с которым любое изменение одного из элементов обозначенной триады с неизбежностью приводит к изменениям в двух других и наоборот. Как подчеркивает автор, «во взаимодействии, которое анализируется как процесс взаимной детерминации, поведение, внутренние личностные факторы и влияния окружения оперируют как взаимосвязанные детерминанты друг друга» (там же, р. 346). По его мнению, «теория социального научения рассматривает реципрокный детерминизм как основополагающий принцип анализа психосоциальной феноменологии на различных уровнях сложности, варьирующийся от интраличностного развития к межличностному поведению и к взаимодействующему функционированию

в организационных и социетальных системах» (там же, р. 356).

Тем не менее рассмотрение многокомпонентного (двухкомпонентного у А. Бандуры) взаимодействия в контексте принципа детерминизма является крайне ограниченным. В этом контексте можно сослаться на анализ возможности применения метафоры физического детерминизма по отношению к психологической феноменологии, проведенный Р. van Geert, выделившим следующие ограничения: 1) принципиальная невозможность достижения исчерпывающей точности измерения физических условий; 2) детерминизм (а скорее, невозможность детерминизма) является двусторонним феноменом, не позволяющим не только предсказывать будущее, но и использовать прошлое в весьма ограниченной степени (события теряют информацию о своем прошлом и, соответственно, вся информация о прошлом теряется в процессе энтропии); 3) в случае снижения проблем до микроуровня детерминизм в аспектах предсказательности и познаваемости демонстрирует существенное отклонение от точности физических предсказаний; 4) микроскопическая индетерминация приводит к макроскопической упорядоченности, простоте и предсказуемости в основном благодаря закону больших чисел (van Geert, 1997, р. 17).

В качестве интегративного решения мною предложен **принцип диалогического интердетерминизма**. В качестве основополагающих понятий подхода выступают понятия **интердетерминации** и **диалогической интердетерминации**. При этом под **интердетерминацией** понимается процесс взаимообусловливания и взаимозменений элементов гетерогенных динамических систем, интегрирующий взаимодействие как детерминационного, так и индетерминационного свойства, воплощаясь в обретении нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его

частей. Специфику *диалогической интердетерминации* составляет взаимодействие, основанное на безусловном принятии другойности (otherness) элементов гетерогенных (многоголосых, multivoices) динамических систем, направленное на нахождение взаимоприемлемых структурно-содержательных оснований и форм (часто компромиссного характера), способствующих формированию совместно созданных, согласованных и внутренне принятых состояний гомеостаза (интерсубъективности, интерэкзистенциальности, био-психо-социального баланса и т.п.), обеспечивающих оптимальное сосуществование в условиях конкретного социального и природного окружения в рамках локального (зона ближайшего развития) пространства и времени и более отдаленной жизненной перспективы (зона отдаленного развития).

Приставка *«интер»* показывает способ, посредством которого мы можем преодолеть корневую метафору психологического понимания как на общедоступном, так и научном уровнях, сохранив их в исходном состоянии. Метафора такого рода представляет различие внутреннего и внешнего, связанного с осмыслением пространства. Значение находится ни «внутри», ни «вовне»: оно находится «между» (Mininni, 2010, p. 24–25). Созидание и управление состояниями функциональных процессов жизнеобеспечения предполагает нахождение наиболее приемлемых форм организации взаимодействия на уровне разнокачественных природ и сфер психического, личностных, средовых и активностных составляющих. Именно в такого рода взаимодействии происходит (или не происходит) достижение своеобразного взаимоустраивающего компромисса (баланса, гомеостаза), обеспечивающего либо оптимальное, либо минимально достаточное состояние со-существования, обеспечивающее интеграцию и координацию поведения.

Суть предлагаемого метаподхода заключается в обосновании диалогической интердетерминированности функционального состояния динамических гетерогенных психологических систем в определенных точках пространственно-временного континуума (этапах, периодах и т.п.), достигаемого посредством нахождения баланса взаимодействия сопряженных внутренних и внешних систем, определяющих выживание самой системы в условиях конкретного социального и природного окружения. Подчеркивается взаимовлияющий и взаимообуславливающий характер взаимодействия составляющих систему гетерогенных элементов (multivoicesness), находящихся в процессе постоянного изменения. Любое изменение одного из них неизбежно приводит и к изменению во всех взаимосвязанных элементах системы и наоборот. Причем, произошедшие изменения приводят к изменению качества самой динамической гетерогенной системы, обретающей новообразования в виде расширения, переосмысления и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными и взаимообуславливающими друг друга. Акцентируется внимание на том, что каждый из элементов не существует в качестве самодостаточного, а только во взаимоотношении с другими. По существу, речь идет об обретении системой нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих целое частей (по аналогии с Вергеймеровским гештальтом) (Wertheimer, 1912), сохранение которого поддерживается до момента обретения внутренними и внешними элементами сопряженных систем состояния критической массы накопленных противоречий, обуславливающего необходимость перехода в новое качество, способствующее их разрешению. Причем процесс трансформации качества системы носит не линейный, а ступенчатый характер. Достигнутое

состояние сохраняется до момента истощения внутренних и внешних функциональных ресурсов жизнеобеспечения в конкретных условиях социального и природного окружения. Диалогический характер такого рода трансформационного взаимодействия проявляется в совместном созидании возможностей со-существования и со-развития всеми сопряженными элементами динамической гетерогенной системы.

В процессе диалогической интердетерминации поведение, внутренние личностные факторы и влияние окружения представляют собой взаимозависимые интердетерминанты друг друга, обусловленные интердетерминационным взаимодействием разнокачественных биологической, психической и социальной (символической) природ и сфер осознаваемого-бессознательно-экзистенциального, обусловленных контекстом культуры. При этом внимание акцентируется на культурной обусловленности поведения, выступающей в качестве его универсальной интердетерминанты, определяющей своеобразие психологической феноменологии в аспектах био-психо-социально и осознаваемого-бессознательно-экзистенциального в измерениях личность-окружение-активность.

Созвучная идея артикулирована в подходе «исторической экологии», развиваемого С. L. Stumley и соавторами, подчеркивающими зависимый от обстоятельств и обладающий потенциально широким спектром возможностей характер человеческого приспособления к ограничениям окружающей среды (Stumley, 1994). Ими утверждается, что не только человек адаптируется и регулирует свое поведение по отношению к внешней среде, но одновременно он прилагает усилия к изменению этой среды в целях достижения состояния устраивающего равновесия. Сегодня накоплен достаточно обширный эмпирический материал

по такого рода интердетерминации на биологическом знании. В многочисленных исследованиях показана приспособительная трансформация структур мозга к условиям взаимодействия с внешним окружением (Gergen, 2010), генетических изменениях (de Jong, 2000), связанных с изменением природного окружения (например, потеплением и загрязнением внешней среды) и многое другое.

В развитие представленных подходов мною предложен *принцип диалогического интердетерминизма*, дополняющий принцип реципрокности интердетерминантой культурной обусловленности, носящей универсальный характер, включив ее также в континуумы биологическое—психическое—социальное и осознаваемое—бессознательно—экзистенциальное. Этим преодолевается косвенно присутствующее в представленных формализациях Левина и Бандуры сведение анализа психологической феноменологии только к пространству областей изучения. Отличительные особенности анализируемых подходов наглядно представлены на рис. 4.

В предлагаемом подходе пространство личность—окружение—активность, скорее, отражает внешнее описание, не претендующее на более глубинные пласты понимания специфики психологической феноменологии. Включение пространства биологическое—психическое—символическое (социальное)—культурно обусловленное расширяет горизонты видения проблемного поля психологической феноменологии. Природа человека в большей своей части социальна в смысле приоритетности ее символического качества, второсигнальной регуляции поведения. И неучет последней приводит к биологизаторству, сводящему многообразие проявлений психического как детерминированного различными комбинациями генов. Налицо все тот же редукционизм, периодически проявляющийся

в сенсационных «открытиях» генов криминальности, супружеской неверности и т.п. Подобные редукции представляют собой не только вульгарное упрощение, рассчитанное на несведущую аудиторию, но и представляют социальную опасность за судьбу тех лиц, у которых эта комбинация идентифицирована. Я не говорю уже о проблеме этического аспекта подобного рода «открытий». Пример того же био-психо-социального подхода, становящегося все более популярным, даже в такой консервативной области знания как медицина, говорит о значительно более сложном взаимодействии этих детерминант. Не акцентируя внимания на рассмотрении проблемы первичности той или иной интердетерминанты, я выделяю именно аспект взаимной обусловленности и взаимодетерминации. Тем более, в случае уже обсуждавшейся культурной обусловленности и биологического, и психического, и социального.

Отношение диалогической интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего его характера. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит к изменению во всех взаимосвязанных элементах. Причем, происшедшие изменения приводят к изменению качества самой гетерогенной системы, получающей но-

вообразования в виде расширения, переосмысления и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными и взаимообусловливающими друг друга, и последнее акцентирует внимание на том, что каждый из элементов существует не в качестве самодостаточного, а только во взаимоотношении с другими.

В то же время само понятие взаимодействия является крайне ограничивающим по отношению к со-существованию или диалогу разнокачественных (гетерогенных) сущностей, не обретающих новое интегрированное качество, а сохраняющих свою исходную уникальность, но образующих новое качество, находящееся вовне, над образующими его. Наиболее аутентичным для описания данного состояния является понятие диалога в его Бахтиновском понимании (Bakhtin, 1986). Когда люди находятся в диалоге, они взаимодействуют посредством взаимно активной динамики прояснения дискурсов подобно формированию значений и договариваются в сфере потребностей, интересов и желаний, которые будут достигнуты в случае достижения взаимного согласия, одновременно, сохраняя собственную уникальность и относительную автономность. Диалогический характер интердетерминистского взаимодействия

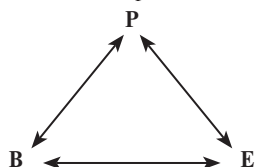
Ненаправленное (K. Levin, 1936)

$$B = f(P, E)$$

Частично направленное (A. Bandura, 1978)

$$B = f(P \rightleftarrows E)$$

Взаимонаправленное

4D-направленное (B. A. Янчук, 2014)

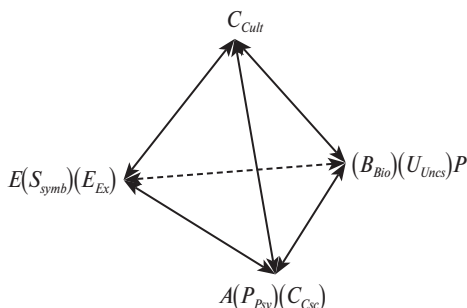

Рис. 4. Сравнение ненаправленного (Левин), частично двунаправленного (Бандура) и полинаправленного (Янчук) взаимодействия детерминант (интердетерминант) поведения

проявляется, во-первых, в безусловном принятии Другого, обусловленном невозможностью несовместного существования в принципе, во-вторых, в обретении нового качества взаимодействующими сторонами, не присутствующего ни в одном из них по отдельности. Эта специфика диалога как формы взаимодействия обусловлена еще и качественной специфичностью самого человека как объекта и субъекта познания. М. М. Бахтин подчеркивает в этой связи, что «субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим» (Бахтин, 1986, с. 383). В целом диалогизм М. М. Бахтина содержательно может быть охарактеризован следующими особенностями, систематизированными J. Salgado и J. W. Clegg:

- 1) первичность отношений над объектами (отношенеческость);
- 2) отношения представляют собой динамический и развивающийся процесс (динамизм);
- 3) человеческие отношения опосредованы знаками (семиотическая опосредованность);
- 4) отношения предполагают открытость, т.е. отношения между Я и Другими (открытость);
- 5) человеческие отношения являются диалогическими или отношениями договаривания (диалогичность);
- 6) диалогические отношения включают и зависят от социокультурного (контекстуальность) (Salgado, Clegg, 2011, p. 428).

Авторы особо подчеркивают, что «диалогизм понимает человеческое бытие как бытие-в-отношениях-с-другими, он концептуализирует продолжающийся опыт как динамическое договаривание, составляющее эти отношения... согласо-

вание значений включает обширное множество голосов, воплощенных в конкретных языках, социальных нормах, индивидуальных социальных историях и других формах разделяемых значений... Диалогизм утверждает, что отношенческий и социокультурный контекст являются неотделимыми (принципы отношенеческости и контекстуальности), но не идентичными (принцип открытости)» (там же, p. 428–429).

Перечисленные особенности диалогизма создают основания для интеграции охваченных в предлагаемой метатеории разнокачественных природ, сфер и областей психологической феноменологии, представленных в виде трех культурно обусловленных четырехмерных пространств биологическое–психическое–символическое, осознаваемое–бессознательное–экзистенциальное и личность–окружение–активность. Каждый из компонентов выделенных пространств находится в отношении диалогической интердетерминации, образуя в совокупности единое динамическое гетерогенное системное целое или качество, не сводимое к простой сумме его составляющих. Таким образом, диалог пространств приобретает вид пирамиды, каждый элемент которой равнозначен (см. изображение на рис. 5).

Изложенное позволило качественно расширить рамки принципа реципрокного детерминизма за счет акцентирования внимания, во-первых, на интердетерминационном характере взаимодействия личностных, ситуативных и активностных детерминант поведения, и, во-вторых, учета их культурной обусловленности. Здесь речь идет не о состоянии однонаправленной или частично двунаправленной детерминации, а качественно отличном характере взаимодействия диалогического свойства, предполагающего исходную равнозначность, взаимобусловленность и взаимовлияние, при-

водящего к формированию нового качественного состояния, не представленного в отдельно взятых детерминантах.

Косвенное подтверждение продуктивности предлагаемого подхода представлено в исследовании интердетерминационного по своему характеру взаимодействия личности и окружения в процессе целенаправленного психологического влияния на достижения в учебной деятельности афроамериканских учащихся посредством организации поддерживающей среды (Powers, Cook, Purdie-Vaughns, Garcia, Apfel, Cohen, 2016). В условиях контролируемого эксперимента была убедительно продемонстрирована возможность целенаправленного конструирования позитивных коллективных последствий изменения психологических процессов индивидов. Целенаправленное вмешательство триггерировало не только изменения в индивидах, но и посредством этого изменения в атмосфере группы, при котором взаимодействующие силы приходили в состояние квази-устойчивого равновесия, способствующее позитивным достижениям всех учащихся вне зависимости от осуществляемого по отношению к ним вме-

шательства (там же, р. 158). Сходные результаты были получены и в отношении предшествующей учебной Я-концепции и достижениям, оказывающим положительное влияние и на самооценку и на достижения, основывающиеся на эффекте модели взаимовлияния и результаты метаанализа (Marsh, Graven, 2006).

Публикации последних лет показывают возрастание интереса к средовой (ситуация, окружение) интердетерминанте поведения. В исследованиях J. F. Rauthmann и коллег (Rauthmann, Sherman, Funder, 2015; Funder, 2016) установлены три основополагающих принципа психологического изучения средовой (ситуационной) детерминации поведения: переработки, реальности и циркулярности. *Принцип переработки* конкретизируется в том, что процесс переработки информации о ситуации является крайне важным для определения в ней и влияет на находящихся в ней индивидов. Это означает, что ситуация влияет на мышление, чувства, желания и действия в процессе психологической переработки информации о ней. *Принцип реальности* проясняет то, как различные реальности — природная (сигналы), согласованная реальность (нормативная социальная реальность) и идиосинкразическая реальность (уникальная личностная реальность) — содержатся в ситуации и согласовывают объективную и субъективные перспективы. *Принцип циркулярности* акцентирует внимание на том, что личностные восприятия и характеристики самой ситуации соединяются в случае определения и измерения ситуации в определениях (i) умственных состояний или поведения (оценка состояния); (ii) оценки или выводов о последствиях умственного состояния или поведения (оценка последствий); и/или (iii) только собственных восприятий (оценка приближения) (Rauthmann, Sherman, Funder, 2015, р. 372).

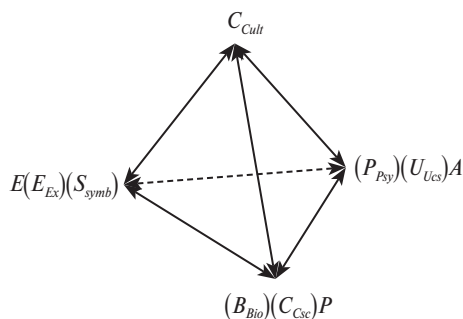

Рис. 5. Состояние диалогической интердетерминации, где C_{Cult} — культурное развитие; B_{Bio} — биологическое; P_{Psy} — психическое; S_{Symb} — символическое; C_{Csc} — осознаваемое; U_{Ucs} — бессознательное; E_{Ex} — экзистенциальное; A — активность; P — личность; E — окружение

Влияние среды на процесс обучения и профессиональной деформации педагогов послужили основанием для введения конструкта «эко-культурная диалогическая среда», в рамках которого приводятся характеристики, способствующие продуктивности совместной деятельности и профилактирующие деформационные процессы (Янчук, 2013а; 2013б). В последующем средово-личностно-активная интердетерминация стала предметом специального исследования профессиональной деформации учителей, выполненном под моим научным руководством Е. И. Сапего (Янчук, Сапего, 2017). В исследовании показано, что состояние среды и рутинный, повторяющийся характер профессиональной активности учителей приводит к профессиональному деформированию и всем связанным с ним издержкам. Решение же проблемы заключается в изменении этой среды, вооружении учителей копинг-стратегиями «освобождения» от деформирующего влияния, в том числе, посредством остранения от профессии за пределами образовательного учреждения, формирования культуры антидеформирования.

Наглядная демонстрация специфики диалогической интердетерминации была продемонстрирована на примере феномена био-психо-социальной адаптации алкоголиков (Янчук, 2015б). Она представляет собой социокультурно-интердетерминистский диалогический процесс согласования природных, биологических и психологических состояний, социокультурных диспозиций, направленный на достижение баланса (физиологического, психологического, экзистенциального) во взаимодействии с непосредственным и опосредованным социальным и природным окружением. Причем, ситуация рассматривается в контексте комплексного интердетерминационного взаимодействия био-психо-социального или природного, психического и социального

диалогического свойства. В исследовании показано, что преодоление алкогольной зависимости предполагает не только освобождение от алкогольной биохимической зависимости, но и формирование экокультурной диалогической поддерживающей среды (групп самопомощи, семейного окружения, поддерживающего формирование нового качества независимого от алкоголя человека и т.п.), способствующих социальной реабилитации, а также глубинную психологическую работу с экзистенциальными проблемами, связанными с осознанием собственной уязвимости и социальной отверженности и формирования способности к самодетерминации алкогольно-независимого поведения. Формирование такого рода самодетерминирующего поведения напрямую связано с разрешением бессознательных конфликтов посредством психоаналитических процедур. Таким образом продемонстрированы возможности вовлечения пространства осознаваемо-бессознательно-экзистенциального к решению психологических проблем алкогольно-зависимых пациентов.

Роль культурной обусловленности разнокачественных природ и областей изучения психологических феноменов была наглядно показана в кросс-культурном сравнении иранских и белорусских пациентов, испытывающих хроническую боль, выполненном иранским психологом З. Голи (Голи, 2014). В исследовании показана ключевая роль психосоциальных факторов в результатах переживания боли, определяющих специфику поведенческого реагирования пациента на восприятие физиологических нарушений. Показано, что роль психологических и социальных факторов увеличивается по сравнению с биологическими факторами по мере становления боли более хронической (Goli, Yanchuk, 2012, p. 46). Воплощением на практике этой идеи является появление нового

направления в медицине — биопсихосоциальной медицины (Junne, Zipfel, 2015). Приобретая особую популярность в Японии, славящейся своим уровнем продолжительности жизни, оно нашло свое воплощение в специализированном журнале «БиоПсихоСоциальная медицина» («BioPsychoSocial Medicine»).

Роль экзистенциальной интердетерминанты в ее взаимообусловленности с осознаваемым и бессознательным стала предметом специального исследования рецидивов культурной интеграции мигрантов. На большой выборке мигрантов из Украины показана их экзистенциальная неудовлетворенность ситуацией оторванности от родины и непринятости местным населением. Ситуация временности пребывания на чужой территории усугубляет эти проблемы и в случае отсутствия поддерживающих интеграционных сред может приводить к самым негативным последствиям. Показана и роль поддерживающих сред в процессе культурной интеграции мигрантов, а также формирования межкультурной компетентности как условия ее эффективности (Янчук, 2013а; 2013б; 2014).

Не ставя себе целью дальнейшую аргументацию перспективности предлагаемого метатеоретического подхода, отмечу, что в его рамках особое внимание уделяется результатам взаимодействия разнокачественных природ, сфер психического и областей его проявления. В контексте интегративных новообразований особый интерес представляют конструкты, обозначающие результаты такого рода диалогического интердетерминационного взаимодействия, к которым относятся интерсубъективность, интертекстуальность и интерэкзистенциальность. Все эти конструкты имеют двойную природу — определяют результат взаимодействия, условия его успешности и основания и перспективы последующего развития.

Заключение. Резюмируя изложенное, еще раз акцентирую внимание на необходимость расширения горизонтов видения проблематики нахождения дополнительных ресурсов постижения психологической феноменологии диалога, во-первых, за счет придания им характера многомерности, мультипарадигмальности и мультидисциплинарности, предполагающей привлечение ресурсов знаний, накопленных в сопряженных системах парадигмальных координат психологического знания и смежных областей знания. Во-вторых, осознания культурно-диалогико-интердетерминационного характера взаимодействия гетерогенных интердетерминант. В-третьих, культуризации психологического знания посредством привлечения концептуального аппарата современной культурной психологии. В-четвертых, выхода за рамки персонцентризма за счет включения в плоскость анализа интердетерминирующего влияния эго-протяженности, включающей социальное и природное окружение, помещенное в конкретный историко-социокультурный контекст и т.п.

Характеризуя представленную метафизику в целом, можно констатировать следующее:

1. Исходной посылкой выступает констатация комплексной био-психо-социальной культурно обусловленной гетерогенной динамической природы психологической феноменологии. В частности, осознание того, что многие психические расстройства и психологические проблемы человека связаны с биологическими нарушениями, проявляющимися в нарушениях психической активности и, наоборот, многие дисфункции биологического уровня имеют психологическую подоплеку (очевидным примером чего являются многочисленные психосоматические расстройства). Как те, так и другие часто провоцируются социальной дисгармонией (и, в свою очередь,

детерминируют ее), актуализирующейся в межличностных противоречиях и связанных с ними межличностных и внутриличностных конфликтах, обуславливающих дискомфортность в социальном взаимодействии и, как следствие, неудовлетворенность самими собой. Наконец, имеются выраженные культурные различия в каждой из образующих, требующих учета, особенно, в межкультурном взаимодействии.

2. Биологическое—психическое—социальное, как и осознаваемое—бессознательное—экзистенциальное, и личность—среда—активность, находятся в состоянии диалогической интердетерминации, проявляющемся в их взаимообусловленности и взаимовлиянии, выражающемся в обретении нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его частей. Качественное изменение одного элемента неизбежно приводит к изменениям в других сопряженных элементах обозначенной гетерогенной системы и наоборот. Обретение нового качества гетерогенной системы предполагает предварительную подготовку каждого из элементов к будущему качественно новому состоянию, включающему формирование био-психо-социальной и культурной готовности, осознание своеобразия нового состояния и потенциальных изменений, связанных с его обретением, профилактику и коррекцию потенциальных бессознательных противоречий и несоответствий зафиксированного в опыте старого новому, способствование экзистенциальному принятию измененного Я в его бытии-в-мире и признания себя в качестве самоинтердетерминирующего агента.

3. Оптимальное состояние гетерогенной динамической системы обеспечивается посредством диалога разнокачественных природ, сфер психического и областей его проявления, обеспечивающего сбалансированность целостного функционирования, посредством нахож-

дения и взаимовыработки взаимоприемлемых компромиссов и оптимумов совместного со-бытия. Как только этот баланс нарушается, начинают проявляться различные дисгармонии и дисфункции, стимулирующие поиск ресурсов их преодоления. Специфика диалогической формы взаимодействия в гетерогенной системе проявляется в безусловном принятии другойности (otherness) со-участников процесса совместного функционирования, ориентации на нахождение взаимоустраивающих решений, формировании своеобразного био-психо-символического, осознаваемо-бессознательно-экзистенциального гомеостаза, создающих общее основание для скоординированного и синхронизированного взаимопонимания и взаиморазвития в условиях конкретного социального и природного окружения и осуществляемой активности.

Литература

Асмолов А. Г. (2008). Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. №5. С.3–11.

Асмолов А. Г. (2012). Кризисы психологии в сетевом столетии (выступление на V съезде РПО) // Российский психологический журнал. Т. 9 (1). С. 7–11.

Асмолов А. Г. (2017). Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // От истоков к современности: 130 лет Московскому психологическому обществу: мат-лы юбилейной конф.: Т. 6 / отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр. С. 79–95.

Бахтин М. М. (1986). К методологии гуманитарных наук // М. М. Бахтин «Эстетика словесного творчества». М.: Искусство.

Библер В. С. (1991). От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат.

Голи З. (2014). Сравнение представлений, копинг-стратегий и способов регулирования боли у иранских и белорусских пациентов, ис-

пытывающих хроническую боль. Автореф. дис. Минск: БГУ.

Леонтьев Д. А. (2013). О некоторых аспектах проблемы «культура и личность» / Культурно-историческая психология. № 1. С. 22–31.

Леонтьев Д. А., Моспан А. Н. (2017). Картина мира, мировоззрение и определение неопределенного // Мир психологии. № 2. С. 12–19.

Петренко В. Ф. (2010). Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 5–12.

Петренко В. Ф. (2016). Перспективы развития психологической школы Выготского—Леонтьева—Лурии в контексте проблематики психосемантики бессознательного // Мир психологии. № 4. С. 54–67.

Юревич А. В. (1999). Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. № 2. С. 14–23.

Янчук В. А. (2000). Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эkleктический подход. Минск: Бестпринт.

Янчук В. А. (2003). Психология постмодерна // Время как фактор изменений личности: сб. науч. трудов / под ред. А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова. Минск: ЕГУ. С. 175–201.

Янчук В. А. (2005). Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР.

Янчук В. А. (2006). Постмодернистский, социокультурно-интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 193–200.

Янчук В. А. (2012). Межпарадигмальный диалог как ресурс углубления понимания психологической феноменологии: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Психологический журнал. № 2. С. 4–17.

Янчук В. А. (2013а). Эко-культурная образовательная среда: формирование и развитие. Ч. 1: Образование, наука и инновации // Адукацыя і выхаванне, 1, 60–67.

Янчук В. А. (2013б). Эко-культурная образовательная среда: формирование и развитие. Ч. 2: От культурной к межкультурной компетентности // Адукацыя і выхаванне, 7, 69–76.

Янчук В. А. (2014). Социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива углубления понимания межкультурного взаимопонимания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. № 3 (11). С. 241–253.

Янчук В. А. (2015а). К построению социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сб. материалов юбилейной конф.: В 5 т. Т. 1. М.: Когито-центр. С. 136–138.

Янчук В. А. (2015б). Четырехмерный континуум понимания феноменологии биопсихосоциальной адаптации: социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива // Материалы IV Междунар. конф. «Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе. Социализация субъекта на разных этапах социализации». Минск: Изд. центр БГУ. С. 530–536.

Янчук В. А. (2016а). Диалогическая интердетерминация в системе четырехмерных пространств анализа кросс-культурной феноменологии // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: мат-лы V Междунар. науч. конф., 27–28 мая 2016 г. В 2 т. Т. 1. Смоленск: Изд-во СГУ. С. 56–63.

Янчук В. А. (2016б). Л. С. Выготский и культурный переворот в психологии // Психологический Vademecum: Витебщина Л. С. Выготского: сб. науч. статей. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова. С. 21–33.

Янчук В. А. (2016с). Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеории интеграции психологического знания в контексте проблемы социального прогресса // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. В 8 ч. Ч. 1 / под ред. В. С. Белгородского и др. М.: МГУДТ. С. 317–324.

Янчук В. А. (2017а). Культурно-диалогическая интердетерминистская перспектива позиционирования в проблематике развития личности // Актуальные проблемы психологии развития личности: сб. науч. статей / А. В. Ракицкая, О. Г. Митрофанова (ред.). Гродно: ГрГУ. С. 7–13.

- Янчук В. А. (2017b). Социокультурно-интердетерминистская диалогическая метатеория интеграции психологического знания // От истоков к современности: 130 лет Московскому психологическому обществу: мат-лы юбилейной конф.: Т. 6 / отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр. С. 297–331.
- Янчук В. А., Санего Е. И. (2017). Диалогическая интердетерминация в психологической феноменологии: пример профессиональной деформации педагогов // Интеграция образования. № 3. С. 459–476.
- Bakhtin M. (1986). *Speech genres and other late essays*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Bandura A. (1978). The Self-System in Reciprocal Determinism // *American Psychologist*, 33 (4), 345–358.
- Bohannon J. (2015). Many psychological papers fail replication test // *Science*, 349(6251), 910–911.
- Boss M. (1983). *The existential foundations of medicine and psychology*. NY.: Jason Aronson.
- Brinkmann S. (2011). Towards an Expansive Hybrid Psychology: Integrating Theories of the Mediated Mind // *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45, 1–20.
- Cole M. (2010). Vygotsky and Context: Toward a Resolution of Theoretical Disputes // M. G. Cole «The Sociocultural Turn in Psychology: The Contextual Emergence of Mind and Self». NY.: Columbia University Press. P. 253–280.
- Crumley C. (Ed.). (1994). *Historical ecology: cultural knowledge and changing landscapes*. Santa Fe, N.M.: School of American Research Press.
- de Jong H. (2000). Genetic Determinism. How not to Interpret Behavioral Genetics // *Theory & Psychology*, 10 (5), 615–637.
- Earp B. D., Trafimow D. (2015). Replication, falsification, and the crisis of confidence in social psychology // *Frontiers in psychology*, 6.
- Edwards M. (2010). *Organizational transformation for sustainability: An integral metatheory*. NY.: Routledge.
- Ellis B. D., Stam H. J. (2015). Crisis? What crisis? Cross-cultural psychology's appropriation of cultural psychology // *Culture & Psychology*, 21 (3), 293–317.
- Fogel A., Lyra C.D.P., Valsiner J. (Eds.) (1997). *Dynamics and Indeterminism in Developmental and Social Processes*. NY.: Psychology Press.
- Funder D. (2016). Taking Situations Seriously: The Situation Construal Model and the Riverside Situational Q-Sort // *Current Directions in Psychological Science*, 25 (3), 203–208.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi. (2011). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 1. NY.: Oxford University Press.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi. (2012). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 2. NY.: Oxford University Press.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi. (2013). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 3. NY.: Oxford University Press.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi. (2014). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 4. NY.: Oxford University Press.
- Gergen K. (2010). The Acculturated Brain // *Theory & Psychology*, 20 (6), 795–816.
- Goli Z., Yanchuk V. A. (2012). Effect of Racial and Ethnical Differences in Pain Perception: Explaining the Effective Mechanisms on It // *Психологический журнал*. № 3–4. С. 41–49.
- Goli Z., Yanchuk V., Torkaman Z. (2015). Cross-Cultural Adaptation and Validation of the Russian Version of the Pain Beliefs and Perceptions Inventory (R-PBPI) in Patients with Chronic Pain // *Current Psychology*, 34 (4), 772–780.
- Hart J. (2014). Toward an Integrative Theory of Psychological Defense // *Perspectives on Psychological Science*, 9 (1), 19–39.
- Healy P. (2012). Toward an integrative, pluralistic psychology: On the hermeneutico-dialogical conditions of the possibility for overcoming fragmentation // *New Ideas in Psychology*, 30, 271–280.
- Henriques G. (2008). The Problem of Psychology and the Integration of Human Knowledge: Contrasting Wilson's Consilience with the Tree of Knowledge System // *Theory & Psychology*, 18 (6), 731–755.
- Junne F., Zipfel S. (2015). Research prospects in BioPsychoSocial medicine: new year reflections on the "Cross-Border Dialogue" paradigm // *BioPsychoSocial Medicine*, 9 (10), 1–4.
- Keith K. (Ed.). (2011). *Cross-Cultural Psychology: Contemporary Themes and Perspectives*. Wiley-Blackwell.
- Kitayama S., Salvador C. E. (2017) *Culture Embrained: Going Beyond the Nature-Nurture Dichotomy // Perspectives on Psychological Science*. Vol. 12 (5), 841–854.

- Lane R. D. (2014). Is it possible to bridge the Biopsychosocial and Biomedical models? // *Bio-PsychoSocial Medicine*, Vol. 8 (3), 1–3.
- Lilienfeld S. (2017). Psychology's Replication Crisis and the Grant Culture: Righting the Ship // *Perspectives on Psychological Science*, 12(4), 660–664.
- Marsh H. W., Graven R. G. (2006). Reciprocal Effects of Self-Concept and Performance From a Multidimensional Perspective // *Perspective on Psychological Science*, 1 (2), 133–263.
- Mazur L. B., Watzlawick M. (2016). Debates about the Scientific Status of Psychology: Looking at the Bright Side // *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 50 (4), 555–567.
- Mininni G. (2010). The Method of Dialogue: Transaction Through Interaction // *IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science*, 44 (1), 23–29.
- Patil P., Peng R. D., Leek J. T. (2016). What Should Researchers Expect When They Replicate Studies? A Statistical View of Replicability in Psychological Science // *Perspectives on Psychological Science*, 11(4), 539–544.
- Powers J. T., Cook J. E., Purdie-Vaughns V., Garcia J., Apfel N., Cohen J. L. (2016). Changing Environments by Changing Individuals: The Emergent Effects of Psychological Intervention // *Psychological Science*, 27 (2), 150–160.
- Proietto M., Lombardo G. P. (2015). The “crisis” of psychology between fragmentation and integration: The Italian case // *Theory & Psychology*, 25(3), 313–327.
- Rauthmann J. F., Sherman R. A., Funder D. C. (2015). Principles of Situation Research: Towards a Better Understanding of Psychological Situation // *European Journal of Personality*, 29, 363–381.
- Salgado J., Clegg J. W. (2011). Dialogism and the psyche: Bakhtin and contemporary psychology // *Culture & Psychology*, 17 (4), 421–440.
- Schmidt F.L., Oh I.-S. (2016). The Crisis of Confidence in Research Findings in Psychology: Is Lack of Replication the Real Problem? Or Is It Something Else? // *Archives of Scientific Psychology*, 4, 32–37.
- Shotter J. (2001). Toward a third revolution in psychology: from inner mental representations to dialogically structured social practices // Jerome Bruner: Language, Culture, Self / D. Bakhurst & S. G. Shanker (Eds.). P. 167–183.
- Simão L. M. (2005). Bildung, Culture and Self // *Theory & Psychology*, 15(4), 549–574.
- Smythe W. E., McKenzie S. A. (2010). A vision of dialogical pluralism in psychology // *New Ideas in Psychology*, 28 (2), 227–234.
- Spellman B. (2015). A Short (Personal) Future History of Revolution 2.0 // *Perspectives on Psychological Science*, 10 (6), 886–899.
- Sripada C., Kessler D., Jonides J. (2016). Sifting Signal From Noise With Replication Science // *Perspectives on Psychological Science*, 11(4), 576–578.
- Sternberg R. (2017). Mountain Climbing in the Dark: Introduction to the Special Symposium on the Future Direction of Psychological Science // *Perspectives on Psychological Science*, 12 (4), 649–651.
- Toomela A. (2007). Culture of science: Strange history of the methodological thinking in psychology // *IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science*, 41(1), 6–20.
- Turner J. (1990). The misuse and use of meta-theory // *Sociological Forum*, Vol. 5 (1). P. 37–53.
- Valsiner J. (2007). Becoming Integrative in Science: Re-building Contemporary Psychology through Interdisciplinary and International Collaboration // *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 41, 1–5.
- Valsiner J. (2009). Integrating Psychology within the Globalizing World: A Requiem to the Post-Modernist Experiment with Wissenschaft // *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 43, 1–21.
- Valsiner J. (2014a). *An Invitation to Cultural Psychology*. NY: SAGE Publications.
- Valsiner J. (2014b). Needed for cultural psychology: Methodology in a new key // *Culture & Psychology*, 20 (1), 3–30.
- Valsiner J, Molenaar C. M., Lyra M., Chaudhary N. (Eds.) (2009). *Dynamic Process Methodology in the Social and Developmental Sciences*. NY.: Springer-Verlag.
- van Geert P. (1997). Que Sera, Sera: Determinism and Nonlinear Dunemic Model Building in Development // A. Fogel, C. D. P. Lyra, J. Valsiner (Eds.) *Dynamics and Indeterminism in Developmental and Social Processes*. NY.: Psychology Press. P. 13–38.
- Wallis S. E. (2010). Toward a Science of Metatheory // *Integral Review. A Transdisciplinary*

and Transcultural Journal For New Thought, Research, and Praxis. Vol. 6 № 3. P. 73–115

Watanabe T. (2010). Metascientific foundations for pluralism in psychology // *New Ideas in Psychology*, 28 (2), 253–262.

Weinstein N., Przybylski A. K., Ryan R. M. (2013). The Integrative Process: New Research and Future Directions // *Current Directions in Psychological Science*, 22 (1), 69–74.

Wertheimer M. (1912). Experimentelle Studien über das Sehen von Bewegung // *Zeitschrift für Psychologie*, 61 (1), 161–265.

Witherington D. (2007). The Dynamic Systems Approach as Metatheory for Developmental Psychology // *Human Development*, 50, 127–153.

Yanchuk V. (2014). Sociocultural-Interdeterminist Dialogical Perspective of Intercultural Mutual Understanding Comprehension Deepening // *Open Journal of Social Sciences*. Vol. 2, 178–191.

Yanchuk V. (2016). Sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration // *International Journal of Psychology*, 51, p. 438.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИУМА

МЕТОДОЛОГИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А. В. Юревич

*Институт психологии РАН,
Москва, Россия,
e-mail: av.yurevich@mail.ru*

Автор излагает и обосновывает методологию количественной оценки психологического состояния современного российского общества. Для оценки этого состояния был применен разработанный автором композитный индекс, основанный на интеграции шести первичных показателей. Применение Индекса позволило количественно оценить динамику психологического состояния российского общества с 1991 по 2016 гг. Автор анализирует эту динамику, соотнося с социально-экономическими и политическими событиями. Анализируется также динамика первичных показателей, входящих в состав Композитного индекса. Приводятся данные других исследований — социологических и психологических, характеризующих психологическое состояние современного российского общества и его динамику. Делается вывод о существовании социо-психо-соматических влияний, состоящих в том, что социальные процессы получают отражение в психологическом состоянии граждан, которое, в свою очередь, имеет важные соматические последствия.

Ключевые слова: макропсихология, современное российское общество, психологическое состояние, количественная оценка, композитный индекс, динамика, социо-психо-соматические влияния.

DOI: 10.7868/S1819265318010090

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 17-78-30035

Для цитаты: Юревич А. В. (2018). Методология количественной оценки психологического состояния современного российского общества // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 155–173.

Количественная макропсихология

В первые годы постсоветских реформ для нашего общественного сознания

был характерен «экономический детерминизм» — восприятие и объяснение происходящего в социуме как детерминированного преимущественно эконо-

Рис. 1. Структура композитного индекса психологического состояния общества

мическими причинами. Практически все основные цели, которые ставились перед нашим обществом в начале реформ — построение рыночной экономики, рост ВВП, укрепление рубля, снижение инфляции и т.п. — носили чисто экономический характер, а такие проблемы, как острейшая социальная несправедливость, криминализация, коррупция, деградация морали, социальная и физическая незащищенность граждан и другие, хотя и не были обделены вниманием властных структур и СМИ, все же рассматривались в качестве второстепенных. Разумеется, было бы абсурдным отрицать чрезвычайную важность перечисленных экономических целей, но их достижение само по себе не обеспечивает главной задачи любых реформ — *повышения благополучия граждан*, а, например, вопрос о том, можно ли считать благополучной страну, где ВВП растет, а численность населения ежегодно сокращается, принадлежит к числу риторических.

Несмотря на очевидные недостатки «экономического детерминизма», который А. Токвиль подвергает в своих работах (Тоqueville, 1955 и др.) разрушительной критике, К. Поланьи называет

«экономическим заблуждением» (Polanyi, 1957), а М. Рац — «отрыжкой марксизма», подчеркивая производность «упертости в экономику» от марксистского разделения общества на экономический базис и, в общем-то, второстепенную социальную надстройку (Рац, 1997), подобный стиль мышления и объяснения происходящего в обществе не преодолен до сих пор, причем нашим экономистам-либералам, формально отвергнувшим марксизм, он свойственен не меньше, чем его правоверным адептам, свидетелем чему может служить, например, книга Е. Т. Гайдара «Гибель империи. Уроки для современной России» (Гайдар, 2006).¹

Вместе с тем в современной социогуманитарной науке сложилась очевидная необходимость более разностороннего, многомерного видения общества и многопланового рассмотрения факторов, влияющих на происходящее в социуме и перспективы его развития. Одним

¹ Впрочем, в подобных случаях можно допустить и «защитный» характер узко-экономических объяснений, позволяющих объяснить действия реформаторов «объективной» экономической необходимостью, которая снимает с них личную ответственность за эти действия.

из таких факторов является *психологическое состояние общества*,² по своей значимости вполне сопоставимое с его политическими и экономическими характеристиками. Для оценки этого состояния нами был разработан *композитный индекс макropsychологического состояния общества*, объединяющий два вторичных индекса — индекс психологической устойчивости общества и индекс его социально-психологического благополучия, каждый из которых в свою очередь интегрирует три первичных индекса (рис. 1).³

В качестве первичных индексов рассматривались показатели, во-первых, релевантные макropsychологическому состоянию общества и выражающие его, во-вторых, оцениваемые количественными показателями, которые имеются в статистических справочниках. В этом плане расчет данного индекса продолжает традицию, сложившуюся хотя и не в психологической науке, но имеющую к ней непосредственное отношение (Гундаров, 2001 и др.). В частности, как отмечает В. В. Сулакшин, «в научной литературе

известны попытки косвенного описания психологического состояния общества через количественные замеры девиантного поведения: убийств, самоубийств, проявления поведенческих агрессий, для которых существуют статистические данные» (Сулакшин, 2006, с. 76–77). А первой попыткой такого рода исследования, очевидно, следует считать одну из наиболее резонансных работ Э. Дюркгейма «Самоубийство: социологический этюд» (Дюркгейм, 1998).

На первый взгляд, подобный подход — оценка психологического состояния общества по его *социальным* проявлениям, фиксируемым на уровне статистики, — существенно отличается от традиции вычисления количественных показателей, сложившейся в самой психологической науке. Однако эти различия не следует переоценивать. В тех случаях, когда психолог судит, например, о психологических качествах человека по результатам их тестирования, он тоже оценивает скрытые психологические сущности по их поведенческим или вербальным проявлениям. И в этом плане оценка психологического состояния общества на основе статистических данных не имеет принципиальных отличий от повседневной исследовательской практики психологов — за одним исключением, состоящим в том, что в первом случае «скрытой психологической сущностью» выступает психологическое состояние не отдельно человека, а общества в целом.

Аналогичный подход становится очень характерным для современной социогуманитарной науки, параллельно распространяясь в различных дисциплинах — в социологии, демографии и т.д. Социологи вычисляют индексы социальных настроений, социального оптимизма, удовлетворенности жизнью, социального самочувствия населения и другие (Балацкий, 2005; Бойко, 1985), имеющие ярко выраженную психологическую

² Изучение этого состояния относится к области *макropsychологии* — относительно новой области психологической науки (См.: Юревич, 2014). Если традиционными объектами психологического исследования являлись отдельные психические процессы (память, внимание, мышление и др.), личность, малые и большие группы, то макropsychология изучает психологические процессы, релевантные обществу в целом, чем, в частности, отличается от социальной психологии, «заканчивающейся» на уровне больших социальных групп. А *относительная* новизна этой области психологического исследования связана в числе прочего и с тем, что труды основателей социальной психологии и психологической науки в целом — «Психология народов и масс» Г. Лебона (Лебон, 1896), «Проблемы психологии народов» В. Вундта (Вундт, 1912) и др. — были посвящены именно макropsychологическим сюжетам.

³ Перечисленные на рисунке первичные индексы можно сгруппировать и другими способами. Например, объединив во вторичные индексы 1) психические расстройства и смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств; 2) социальное сиротство и устойчивость семьи; 3) убийства и самоубийства.

составляющую.⁴ Демографы подсчитывают такие индексы, как коэффициент витальности страны (Сулакшин, 2006)⁵, тоже имеющие психологический оттенок. Широкое распространение получили и исследования такого феномена, как качество жизни, а также близких ему феноменов — субъективного благополучия, счастья, и др., в изучении которых активное участие принимают и психологи (Biderman, 1974; Keltner, Locke, Audrian, 1993). В разных социогуманитарных дисциплинах тенденции имеют общий знаменатель — *стремление количественно оценить социальные и психологические характеристики общества*, которые традиционно носили качественный характер, а также акцентировать для власти и общественного сознания их значимость в наиболее убедительной форме — в виде количественно зафиксированных тенденций.⁶

⁴ Подчеркнем, что и первичные компоненты этих индексов тоже во многом психологизированы. Например, индекс удовлетворенностью жизнью, предлагаемый Е. В. Балацким, включает такие первичные показатели, как творческая самореализация, эффективные неформальные социальные контакты (дружба, общение, взаимопонимание, секс и т.п.) (Балацкий, 2005).

⁵ Следует отметить, что вообще в данной, написанной профессиональным демографом, работе, которая посвящена причинам ухудшения демографической ситуации в современной России, социально-психологическим факторам придается первостепенной значение. Правда, автор обращается с психологическими понятиями нетрадиционным для психологии образом. В частности, констатируя, что «психология человека — очень неопределенный предмет» (Сулакшин, 2006, с. 73), в качестве ключевого фактора, определяющего демографическое поведение, он обозначает «социально-психологические мотивации личности и населения», относя к последним «психологию разума, бессознательного, воли, веры и сверхсознательного» (Балацкий, 2005, с. 48–49).

⁶ С. С. Сулакшин, например, по поводу вводимого им коэффициента витальности страны пишет: «введение данного параметра объясняется также стремлением операционализировать в управленческом и правовом смысле признание человеческой жизни высшим мерилем государственно-управленческой успешности» (Сулакшин, 2006, с. 27).

Относительно первичных показателей, положенных в основу расчета композитного индекса макропсихологического состояния общества, тоже следует сделать ряд замечаний.

Во-первых, каждый из них имеет не только психологический смысл и в рамках сложившихся традиций их использования, как правило, употребляется не в психологическом значении. Однако, наряду с этими значениями, каждый из них обладает и психологическим смыслом. Первичные показатели, на основе которых рассчитывается первый вторичный индекс, в большей степени релевантны *уровню личности* и характеризуют ее психологическую устойчивость, а первичные показатели, лежащие в основе второго вторичного индекса, релевантны *уровню межличностных отношений*, характеризуя степень их благополучности, устойчивость «первичных ячеек» общества, свойственное ему отношение к детям и к человеческой жизни вообще, сложившуюся в нем морально-психологическую атмосферу и т.п. При этом каждый из первичных показателей представляет собой «агрегированное явление, в котором уже произведено первичное «схлопывание», сжатие социальной информации» (Балацкий, 2005, с. 43).

Во-вторых, композитный индекс макропсихологического состояния общества интегрирует далеко не все показатели, имеющие макропсихологический смысл. Вообще довольно трудно найти существенный для общества и потому фиксируемый в статистических справочниках показатель, который был бы полностью лишен психологического значения. Вместе с тем построение композитных индексов предполагает естественные ограничения: нельзя «объять необъятное», охватив все более или менее релевантные показатели, и к тому же они обладают разной степенью психологической релевантности. Как подчеркивает Е. В. Балацкий,

«число факторов не должно быть слишком большим (не больше 15), поскольку в противном случае индекс станет непрозрачным, а интерпретация количественных результатов превратится в трудоемкую процедуру» (Балацкий, 2005, с. 43). Поэтому в композитный индекс были включены лишь статистические показатели, обладающие наибольшей психологической релевантностью.

В-третьих, не все показатели оказались приемлемыми в условиях сложившейся в нашей стране системы их расчетов. Например, характеристикой общества, явно релевантной его психологическому состоянию, является уровень алкоголизма. Однако в нашей официальной статистике в качестве соответствующего показателя рассматривается количество лиц, обратившихся к наркологам. И, поскольку такая традиция, в отличие от традиции обильного потребления спиртного, не характерна для России (мало кто из наших сильно пьющих сограждан обращается к наркологам, имея для этого все основания), то по данному параметру мы выйдем как практически непьющая нация, что явно противоречит и здравому смыслу, и статистике потребления спиртного на душу населения.

В-четвертых, наиболее высокой психологической релевантностью обладают «мягкие» индексы — индексы социального самочувствия, социальных настроений и др., вычисляемые российскими социологическими службами. Однако они подсчитываются на основе выборочных опросов населения, не соотносимы с общестатистическими показателями и «привязаны» к определенным выборкам. Поэтому, не отвергая возможности вычисления и использования подобных индексов в дальнейшем, на данном этапе было целесообразно ограничиться лишь «жесткими» индексами, вычисляемыми на основе общероссийских статистических показателей. Следует отметить и то,

что «слишком «податливые» индикаторы часто улавливают случайные социальные изменения, своего рода «белый шум», что лишь дезориентирует аналитика» (Балацкий, 2005, с. 46). Так что и в данном плане «жесткие» индексы имеют определенные преимущества.

Первичные индексы рассчитывались на базе удельных показателей, т.е. соотношенных с численностью населения. Все значения показателей переводились в баллы от 1 до 10 (чем выше балл, тем выше значение соответствующего индикатора психологического состояния общества). Нормализация — перевод показателей в баллы — осуществлялась на основе сопоставления показателей по России с аналогичными показателями более развитых стран (согласно классификации ООН), разрабатываемыми соответствующими международными организациями. Первичный индекс — нормализованная оценка показателя в баллах от 1 до 10 — рассчитывался по формуле:

$$Y = 9 * \frac{V_{max} - V_y}{V_{max} - V_{min}} + 1$$

где V_y — значение конкретного показателя для России за определенный год,
 V_{max} — максимальное значение показателя среди стран данной группы в течение рассматриваемого периода (1990–2016 гг.),
 V_{min} — минимальное значение соответствующего показателя в указанном международном контексте.

Вторичные индексы и композитный индекс рассчитывались как среднеарифметическое индексов более низкого порядка.

Обнаружилась высокая корреляция первичных индексов между собой, т.е. высокая согласованность различных показателей макропсихологического состояния общества (табл. 1).

Высокая корреляция между первичными показателями свидетельствует об их

Таблица 1.

Коэффициенты корреляции (пирсона) первичных показателей

Показатель	Коэффициент заболеваемости психическими расстройствами и т.п.	Коэффициент смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств	Коэффициент смертности от самоубийств	Коэффициент разводимости	Удельное число детей и подростков без попечительства родителей	Коэффициент смертности от убийств
Коэффициент заболеваемости психическими расстройствами и т.п.		0,581	0,646	0,41	0,97	0,664
Коэффициент смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств	0,581		0,756	0,492	0,684	0,865
Коэффициент смертности от самоубийств	0,646	0,756		0,284	0,716	0,905
Коэффициент разводимости	0,41	0,492	0,284		0,434	0,57
Удельное число детей и подростков без попечительства родителей	0,97	0,684	0,716	0,434		0,725
Коэффициент смертности от убийств	0,664	0,865	0,905	0,57	0,725	

взаимовлиянии. Одновременно она означает правомерность их объединения и рассмотрения в качестве выражения единого целого — макропсихологического состояния общества. Факторный анализ подтверждает этот вывод (рис. 2).

Первый фактор объясняет почти 72% дисперсии и удовлетворяет критерию Кайзера — преодолевает порог собственного значения в 1,0. Таким образом, макропсихологические индикаторы образуют структуру с выраженным генеральным фактором. Двухфакторное решение хотя и не достигает уровня статистической значимости, заслуживает внимания и поддается однозначной содержательной интерпретации. По первому фактору оказываются нагруженными все параме-

тры, за исключением одного — числа разводов, которое проявляет себя как единственный параметр, имеющий высокую нагрузку по второму фактору.

Был проведен также дополнительный анализ динамики индекса психологического состояния общества. Исходное предположение состояло в том, что, возможно, некоторые параметры, вошедшие в индекс, быстрее реагируют на изменение этого состояния, чем другие. Для проверки этого предположения была подсчитана регрессионная зависимость динамических характеристик составляющих индекса — ежегодного прироста или снижения их величины, а также прогнозируемого значения индекса (на следующий год). Наиболее сильным предиктором

изменения индекса оказался такой параметр, как возрастание или уменьшение количества убийств ($R^2 = 0,501$, $p < 0,004$). Таким образом, изменение криминальной обстановки в обществе наиболее чутко реагирует на наметившиеся изменения в его психологическом состоянии.

В целом проведенный статистико-математический анализ позволяет сделать вывод, что все макропсихологические характеристики общества, объединенные композитным индексом, выражают взаимосвязанные стороны его психологического состояния, различающиеся, однако, по динамике их проявления. Некоторые из них быстрее откликаются на его изменение, другие же обладают большей латенцией.

Динамика психологического состояния современного российского общества

По сложившейся в психологической науке традиции обсуждение психологических сюжетов принято начинать с констатации актуальности темы. Не хочется нарушать эту традицию, тем более что в отечественном психологическом сообществе с некоторых пор следование традициям приветствуется больше, чем введение инноваций. Однако фраза о том, что психо-

логическое состояние современного российского общества является либо остается актуальной проблемой, была бы тривиальной либо вообще бессмысленной. Психологическое состояние *любого* общества является актуальной проблемой, поскольку психологические проблемы имеются в любом, даже в самом благополучном в психологическом плане, обществе, особенно в современном «психологическом обществе» (Сироткина, Смит, 2008) (наверное, более удачным был бы термин «психологизированном»), а любая социальная, экономическая и т.д. проблема имеет ярко выраженный психологический контекст. Современное российское общество, естественно, не только не является исключением, но при этом, как и любое переходное общество, имеет дополнительные психологические проблемы и к тому же обладает своей психологической спецификой, связанной с такими общеизвестными факторами, как специфика российского менталитета (Косов, 2007 и др.) и т.п.

В этих условиях закономерно, что разнообразные исследования современного российского общества, осуществляемые в социологии, экономике и других социогуманитарных науках, неизбежно обращаются и к психологическим сюжетам, свидетельством чему могут служить,

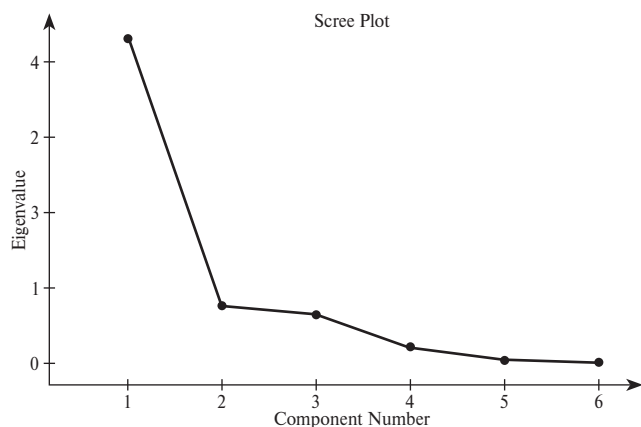

Рис. 2. Собственные значения факторов в факторном анализе компонентов композитного индекса макропсихологического состояния общества

например, социологические работы, цитируемые в этой статье. Разумеется, и психологи в контексте изучения самых различных проблем — ценностных ориентаций, российского менталитета, доверия и др. — уделяют внимание психологическому состоянию нашего общества, при этом, как правило, давая ему довольно негативные характеристики.

Динамика психологического состояния современного российского общества на основе использования композитного индекса, методология расчета которого изложена выше, показана на рис. 3.

Интерпретация динамики психологического состояния нашего общества с 1990 по 2004 г. была дана нами ранее (Юревич, 2014 и др.). Как видно на рис. 3, оно постоянно ухудшалось с 1991 по 1994 гг., затем ежегодно улучшалось до 1998 г., впоследствии вновь ухудшалось до 2002 г., после чего обнаружило тенденцию к улучшению.

Подобную динамику несложно объяснить, исходя из общих тенденций в развитии нашего общества и их преломления в психологическом состоянии населения. Радикальные социально-политические

реформы, переход к рыночной экономике, «шоковая терапия» и т.п. вызвали дезадаптированность основной части населения к новому общественному устройству, приводя к ежегодному ухудшению его психологического состояния. К 1994 г. произошла психологическая адаптация большей части наших сограждан к реформам, что выразилось в тенденции к улучшению его психологического состояния, выявляемой и в других исследованиях. Но в 1998 г. грянул дефолт, повлекший за собой ухудшение материального положения значительной части населения, а также нарастание недоверия к власти, массовое ощущение социальной нестабильности и др., и породивший новую волну ухудшения психологического состояния российского общества. Это ухудшение продолжалось до 2002 г., когда ситуация в стране более или менее стабилизировалась и сформировались новые механизмы адаптации, после чего оно вновь стало улучшаться. Таким образом, психологическое состояние российского общества, измеряемое с помощью композитного индекса, чутко реагировало на происходящие в стране изменения, вместе с тем

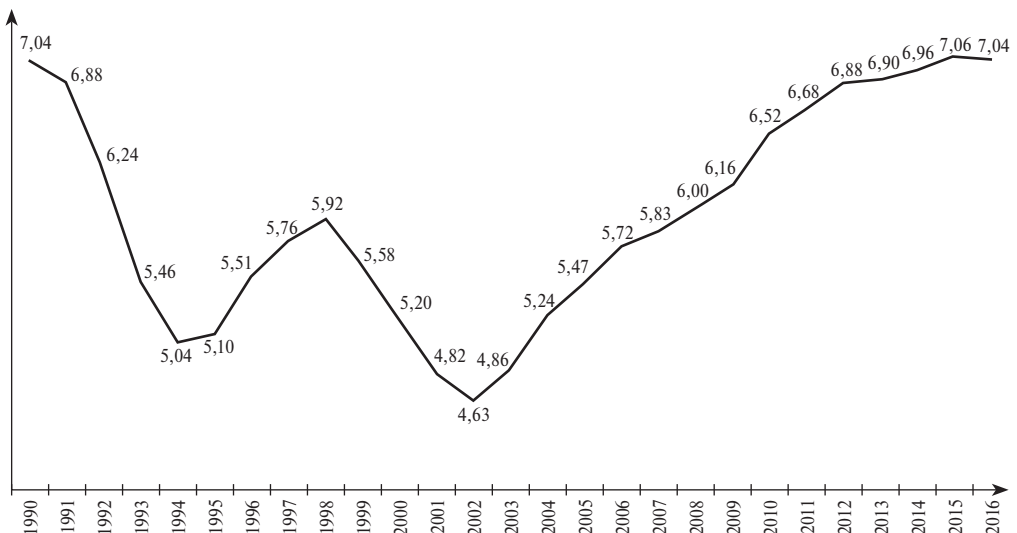

Рис. 3. Композитный индекс психологического состояния современного российского общества

обнаруживая некоторое отставание от экономических и социально-политических событий, требующих времени для адаптации к ним и их психологического «переваривания» населением.

В дальнейшем психологическое состояние нашего общества продолжало улучшаться вплоть до 2015 г. и лишь в 2016 г. обнаружило тенденцию к некоторому, хотя и малозначительному, ухудшению. Этот период захватил «тучные годы», когда цены на нефть были высоки, экономическое состояние населения в целом улучшалось и в нашей стране не происходило сколь-либо дестабилизирующих ее жизнь событий, за исключением разве что «маршей несогласных» и таких событий, как происшедшие на Болотной площади, мало влиявших на жизнь и психологическое состояние основной части населения. Вместе с тем он захватил экономические кризисы 2008 г. и последних лет, а также воссоединение с Крымом, войну на Донбассе, экономические санкции, обострение противостояния с Западом и др., т.е. в своей поздней части был отнюдь не «спокойным».

На фоне всего этого — и значимых социальных событий, как в более поздний период, так и их отсутствия, как в более ранний, психологическое состояние нашего общества продолжало улучшаться. Здесь можно допустить три возможности. Либо эти события, даже потенциально обещающие иметь негативное влияние на психологическое состояние наших сограждан, такие как санкции и экономические кризисы, в действительности этого влияния не имели, и оно продолжало улучшаться в силу каких-либо своих имманентных закономерностей. Либо позитивное влияние одних событий, например, воссоединения с Крымом, перевешивало негативное влияние других — санкций, противостояния с Западом и др. Либо происходила *аккумуляция* психологического влияния негативных социаль-

ных событий последних лет, которая будет иметь *латентный* психологический эффект в дальнейшем. В принципе, эти возможности не противоречат друг другу, а некоторое ухудшение психологического состояния нашего общества в 2016 г. подтверждает третью возможность. Вместе с тем и такие социальные явления, как противостояния с Западом, могут иметь позитивный психологический эффект за счет массового чувства гордости за нашу страну, удовлетворения от того, что она проводит самостоятельную внешнюю политику и т.п., что подтверждается ростом патриотизма в нашем обществе, фиксируемым эмпирическими исследованиями (Журавлев, Юревич, 2016 и др.). А существование имманентных закономерностей изменения психологического состояния общества подтверждается его улучшением с 1994 по 1998 г. и в «спокойный» период после 2002 г., когда происходила психологическая адаптация населения соответственно к экономическим реформам начала 1990-х и экономическому кризису 1998 г. Из последнего можно заключить, что после негативных социально-экономических событий при условии их отсутствия в последующий период психологическое состояние населения улучшается, наверное, главным образом, за счет адаптационных механизмов. В то же время его некоторое ухудшение в 2016 г. порождает тревожные ожидания, проверка оправданности которых требует дальнейшего мониторинга.

Поскольку примененный для выявления динамики психологического состояния нашего общества индекс *ком-позитный*, имеет смысл проследить, как изменялись в течение рассмотренного периода первичные индексы (рис. 4–9) (напомним, что чем лучше ситуация по рассмотренному показателю, тем выше значение соответствующего индекса).

Индекс самоубийств обнаружил в общем ту же динамику, что и композитный

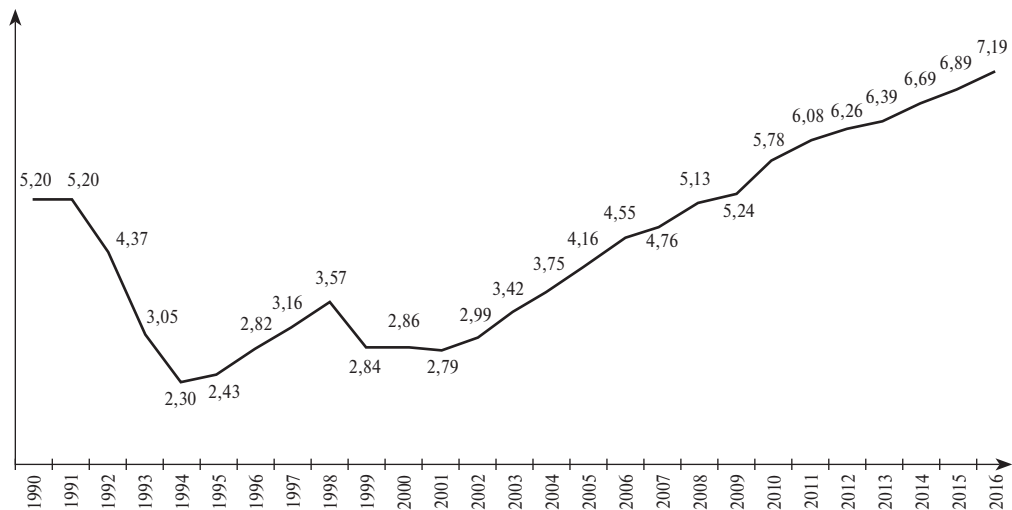

Рис. 4. Индекс самоубийств

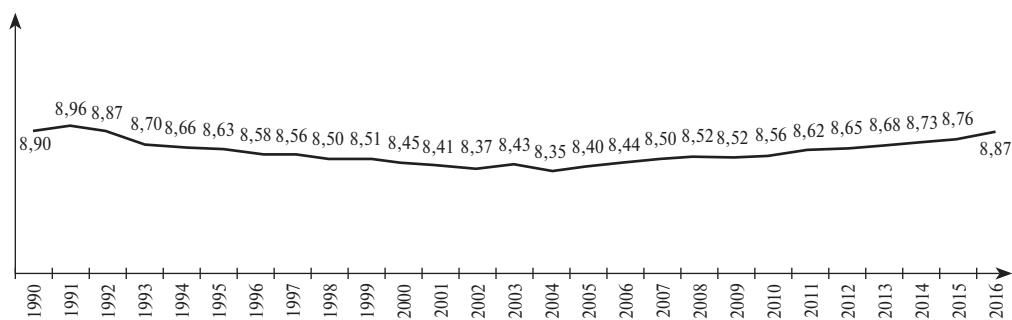

Рис. 5. Индекс заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения

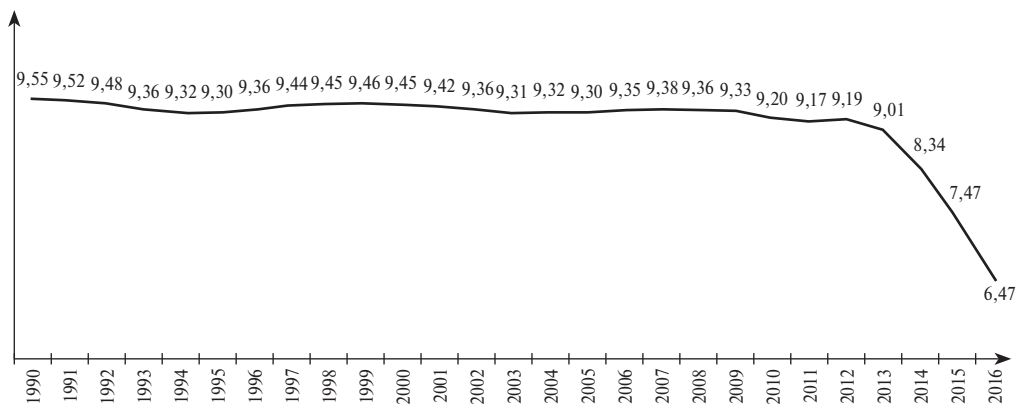

Рис. 6. Индекс смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств

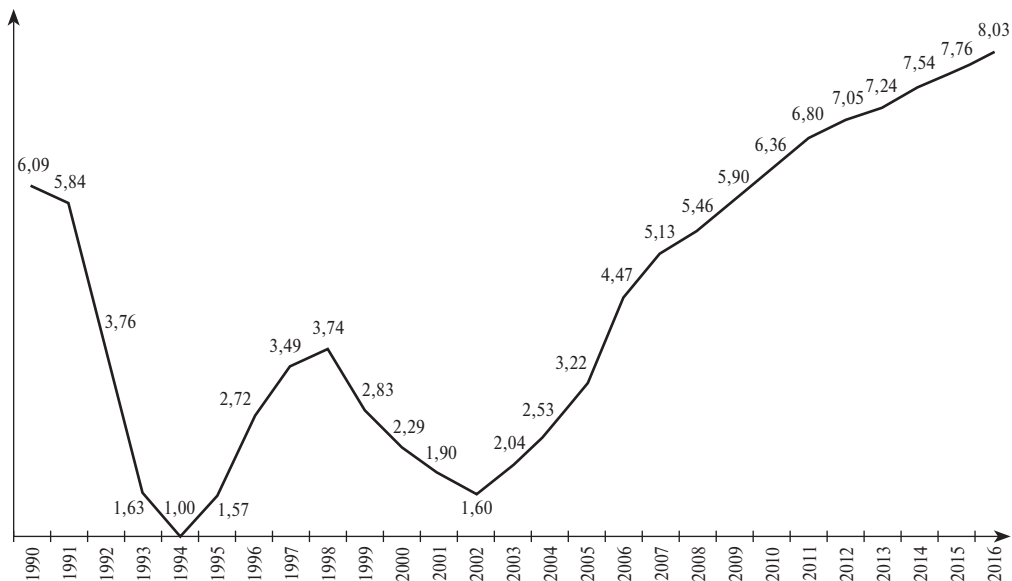

Рис. 7. Индекс смертности от убийств

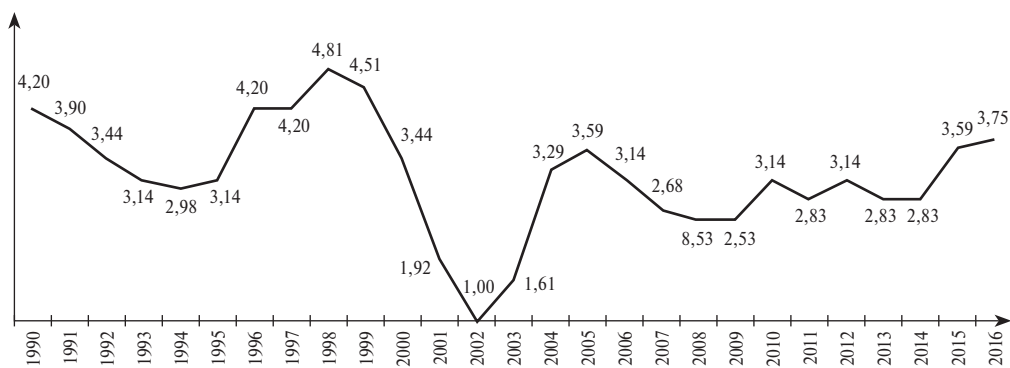

Рис. 8. Индекс разводимости

Рис. 9. Индекс социального сиротства

индекс, за тем исключением, что он не только не снизился, но, наоборот, возрос в 2016 г. Индекс заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения вообще практически не изменялся. Индекс смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств почти не изменялся до 2013 г., а затем резко пошел вниз. Индекс смертности от убийств тоже изменялся синхронно с композитным индексом, но, как и индекс самоубийств, не снизился в 2016 г. Индекс разводимости изменялся так же, как композитный показатель, до 2005 г., а затем обнаружил сложную динамику, то снижаясь, то возрастая. Индекс социального сиротства нелинейно снижался до 2005 г., затем возрастал, а в 2016 г., как и композитный индекс, несколько снизился.

Естественно, каждый из первичных показателей имеет самостоятельный и не только психологический смысл, и динамика каждого из них, например, количества самоубийств или социальных сирот, результирует самые различные факторы. Не ставя в данном контексте очень сложную (и имеющую самостоятельное значение) задачу анализа этой динамики, оценим ее лишь в наиболее глобальном контексте — общих изменений в нашей стране.

Заболеваемость психическими расстройствами и расстройствами поведения оказалась практически независимой от этих изменений, что, вообще говоря, довольно странно и плохо поддается объяснению. Смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств тоже не реагировала на наиболее существенные события в жизни нашего общества до 2013 г., что тоже малопонятно, а затем стала резко возрастать. Последнее можно объяснить тем, что она либо очень быстро реагировала на события последних лет (но тогда странно, что она практически не реагировала на более ранние существенные события, такие, как, например,

дефолт и экономические кризисы), либо она *аккумулирует* в себе более, и при том намного, ранние события. Социальное сиротство, во многом зависимое от социально-психологической атмосферы в семьях и т.п., по всей видимости, является наиболее «запаздывающим» показателем, реагирующим на социальные изменения с большим временным лагом. Кроме того, его масштаб, вероятно, существенно сократился под влиянием Программы поддержки материнства и других государственных программ. Количество разводов чутко реагировало на социальные изменения в стране до 2005 г., а затем изменялось скачкообразно, по всей видимости, попав под влияние каких-то других факторов. В данной связи отметим, что, в отличие от других первичных показателей психологического состояния общества, этот показатель не носит однозначно *негативного* характера (см.: Юревич, 2014), и, хотя распад семьи принято считать негативным событием, он может приводить к формированию новой и более счастливой семьи, может быть следствием улучшения экономического состояния общества (например, разбогатевший муж заводит себе более молодую и более красивую жену, или, напротив, жена — мужа), тесно связан с такими факторами, как любовь и ее угасание и т.п. Что же касается убийств и самоубийств, то они обнаружили в целом ту же динамику и зависимость от социальных событий, что и композитный индекс, с тем различием, что они не снизились в 2016 г. Последнее, очевидно, говорит о том, что происходящее в нашем обществе в последние годы пока не склоняет наших сограждан ни к убийствам, ни к самоубийствам, а порождает другие формы психологического и социального реагирования.

Наибольшую тревогу из рассмотренных первичных показателей, естественно, вызывает смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств, резко

возрастающая с 2013 г., на которую органам нашей власти, безусловно, стоит обратить внимание. По всей видимости, за ней стоят какие-то сложные механизмы *соматизации* социальных процессов — социо-психо-соматизации, приводящие к тому, что эти процессы могут иметь не всегда понятные психосоматические последствия.

По поводу же композитного индекса в целом можно констатировать, что он является *результатирующей* показателей, которые, хотя и обнаруживают некоторые элементы общей динамики, в тоже время не всегда вписываются в нее, иногда обнаруживая и собственную динамику. Это обстоятельство, возможно, в какой-то мере ставит под сомнение правомерность единого композитного индекса (отчасти напоминающего «среднюю температуру по больнице»), но все же, скорее, является следствием сложности и многокомпонентности такого понятия, как «психологическое состояние общества».

Другие оценки психологического состояния нашего общества

Имеет очевидный смысл соотнести выявленную картину с другими оценками психологического состояния нашего общества, не претендуя, естественно, на сколь-либо исчерпывающую подборку таких оценок.

По данным социологов, даже в самый тяжелый кризисный период 2009 г. количество пессимистов в нашей стране составляло лишь 14%, большинство же населения — 67% — считало ситуацию тяжелой, но не катастрофической (Горшков, Петухов, 2015). Экономический кризис 2014–2015 гг. привел к менее резким изменениям в умонастроениях граждан, чем это было в 2008–2009 гг. Осенью 2014 г. доля оптимистов в стране хотя и незначительно, но все же превышала долю пессимистов (соответственно

45% и 43%). Начавшийся кризис на уровне страны в целом был воспринят россиянами относительно спокойно и отнюдь не качественно изменил их мироощущение. Это явление социологи объясняют тем, что либо наши сограждане постепенно привыкают к кризисам, либо масштаб воздействия на них кризиса 2014–2015 гг. был меньшим, чем в кризисные периоды 1998–1999 и 2008–2009 гг.

Социально-психологический климат в стране был не так плох, как этого следовало ожидать, исходя из опыта 1998 и 2008 г. Так, оценивая социально-психологическое состояние окружающих их людей, в 2014 г. 42% россиян, а в 2015 г. 36% оценили его как позитивное — эмоциональный подъем, спокойствие, уравновешенность, а как негативное — безразличие, апатия, тревога, раздраженность, озлобленность, агрессия — в 2014 г. 58%, а в 2015 г. — 64%. При этом из негативных социально-психологических состояний преобладала тревога (36%). Таким образом, делают из этого выводы авторы исследования, кризис негативно повлиял на настроения россиян, однако, во-первых, не очень сильно, во-вторых, вызвал при этом вовсе не стремление «идти на баррикады» (что происходит, когда населению, как кажется, терять уже нечего), а более прозаическое чувство тревоги.

Динамика оценок нашими согражданами своего личного социально-психологического состояния выглядит следующим образом: позитивное состояние — эмоциональный подъем, спокойствие, уравновешенность — у себя констатировали в 1998 г. 11%, в 1999 г. — 14%, в 2000 г. — 20%, в 2001 г. — 33%, в 2002 г. — 34%, в 2009 г. — 53%, в 2013 г. — 63%, в 2014 г. — 54%, в 2015 г. — 49%, а негативное социально-психологическое состояние — безразличие, апатия, подавленность, тревога, страх, раздраженность, озлобленность, агрессия — в 1998 г. 89%, в 1999 г. — 86%, в 2000 г. — 80%,

в 2001 г. — 67%, в 2002 г. — 66%, в 2009 г. — 47%, в 2013 г. — 37%, в 2014 г. — 46%, в 2015 г. — 51% (Горшков, Петухов, 2015). Таким образом, налицо позитивная динамика личного социально-психологического состояния наших сограждан с 1998 по 2014 г, лишь в 2015 г. сменившаяся на негативную, при том весьма умеренную. 2015 г. продемонстрировал некоторое продолжение негативной динамики: позитивное личное социально-психологическое состояние отметили 47%, а негативное — 53%. При этом существенную динамику обнаружила только одна негативная позиция: чувства безразличия, апатии и подавленности стали проявляться в 2 раза чаще. Хуже обстояло дело с оценкой россиянами социально-психологического состояния своего окружения, которое в 2016 г. позитивно оценила только треть опрошенных, причем более половины респондентов констатировали в этом окружении такие чувства, как тревогу, раздраженность, озлобленность и агрессию. Полученные данные социологи резюмируют выводом о том, что весной 2016 г. социальное самочувствие россиян было довольно мрачным (Горшков, Петухов, 2016).

При этом обнаружилась тенденция к более позитивной оценке личного социально-психологического состояния по сравнению с оценкой социально-психологического состояния окружающих и ситуации в стране в целом, что воспроизводит выявляемый во многих социально-психологических исследованиях феномен, не имеющий простого объяснения.

Явный психологический смысл имеет и оценка нашими согражданами социальной напряженности в нашем обществе. Сочли, что эта напряженность существенно или немного снижается 21% в 2008 г., 4% в 2009 г. и 21% в 2015 г., что она существенно или немного возрастает 57% в 2008 г., 78% в 2009 г. и 64% в 2015 г., что она остается без изменений 32,1% в 2008 г.,

13,1% в 2009 г. и 15% в 2015 г. Как видим, здесь динамика непростая и не однонаправленная (Горшков, Петухов, 2015).

В 2013 г. наиболее оптимистические чувства как в восприятии ситуации в стране в целом, так и в личном социально-психологическом состоянии наблюдались у жителей мегаполисов, что, как отмечают авторы исследования, типично для стран догоняющего развития, где крупные города и, в первую очередь, столицы, являются средоточием экономической жизни (добавим, что в России различия в уровне жизни города и деревни существенно большие, чем в большинстве европейских стран). Но при этом крупные города первыми принимают на себя последствия экономических кризисов и к тому же горожане вообще более критичны. Поэтому именно у них произошло резкое снижение вычисляемого социологами *индекса спокойствия* как на уровне оценки ситуации в стране — на 14 баллов, так и на личном уровне — на 20 баллов. То есть наши горожане и более оптимистичны (что естественно, поскольку они живут в целом лучше), но в то же время и более возбудимы, чем сельские жители (что тоже естественно с учетом большей нервозности городской жизни).

Представляет естественный психологический интерес и вопрос о *динамике психологических качеств россиян*. Как показывают опросы, сами россияне считают, что человеческие качества их соотечественников изменились за постсоветский период не в лучшую сторону. Отвечая на вопрос «Как, на ваш взгляд, изменились люди и отношения между ними за последние 10–15 лет?», они констатировали резкое снижение таких качеств, как доброжелательность, душевность, искренность, бескорыстие, честность, ослабление которых отметили 59–61% опрошенных. При этом большая часть респондентов отметила рост агрессивности и цинизма. В то же время сравнение результатов

опросов, проведенных в 2012 и 2015 гг., продемонстрировало, что в этот период наметилась тенденция к усилению позитивных и ослаблению негативных качеств, т.е. в последнее время наблюдается утешительная динамика.

Относительно деловых качеств россиян, таких как активность, целеустремленность, инициативность, обнаружился разброс оценок: 33% считают, что за последние 10–15 лет они усилились, и почти столько же — 32% — что они ослабли, и это противоречит расхожему представлению о том, что деловые качества россиян однозначно нарастают: очевидно, у кого-то они нарастают, у кого-то, особенно у тех, кто не вписался в наш специфический вариант рыночной экономики, — снижаются.

А вот в отношении таких качеств, как образованность, способность к сотрудничеству, трудолюбие, большинство респондентов констатирует либо отрицательную динамику, либо отсутствие изменений. Причем в данном плане и в период 2012–2015 гг. наблюдается негативная динамика.

Похожую динамику демонстрируют качества, которые авторы исследования относят к категории социальных, но которые при этом имеют и ярко выраженную психологическую составляющую. Большинство опрошенных констатируют снижение за последние 10–15 лет уважения к старшим и к женщинам, верности своим товарищам, доверия друг к другу, ответственности за то, что происходит вокруг, патриотизма, хотя и в этом плане сравнение 2012 и 2015 гг. демонстрирует позитивную тенденцию (Горшков, Петухов, 2015).

Эти данные в сочетании с приведенными выше данными о динамике психологического состояния россиян демонстрируют, что психологическая адаптация наших сограждан к новым условиям жизни в нашей стране происходит, но ценой,

в том числе, изменения психологического облика наших сограждан, в котором такие его традиционные атрибуты, как доброжелательность, душевность, искренность, бескорыстие, честность, постепенно стираются, вытесняемые такими качествами, как агрессивность и цинизм. Как пишет А. Н. Шаров, «Наблюдаемый период в развитии современного российского общества можно охарактеризовать как время достаточно высокой адаптивности населения к сложившейся в обществе ситуации, но также и как время напряженных ожиданий и опасений, обусловленных как сравнительно низким уровнем жизни основной массы населения страны, так и ощущением “ненадежности” человеческого существования в этих условиях» (Шаров, 2014, с. 121).

Данные социологов демонстрируют, что после небольшого улучшения оценок ситуации в стране в конце 2015 г. весна 2016 г. принесла очередной всплеск массовых тревожных умонастроений. Количество россиян, оценивающих ситуацию в России как напряженную, достигло 65%, а доля тех, кто воспринимает ее как спокойную и нормальную, снизилась до 18%. В то же время количество так называемых «катастрофистов» осталось практически неизменным и составило 8%. Позитивное же личное социально-психологическое состояние — эмоциональный подъем, спокойствие и уравновешенность — отметили 50% (Горшков, Петухов, 2016).

Выявился и характерный для кризисных периодов социально-психологический феномен: люди воспринимают прошлое намного лучше, чем настоящее и будущее (Горшков, Петухов, 2016). Данные опросов, проводимых психологами, в общем соответствуют социологическим данным. Так, опрос петербуржцев, проведенный в 2012 г., продемонстрировал, что две трети опрошенных либо полностью удовлетворены, либо скорее удовлетворены, чем не удовлетворены своей жизнью,

а доля полностью неудовлетворенных ею составила лишь 6,8% (Шаров, 2014). При этом 83,6% опрошенных либо уверены, что с ними и их близкими и в будущем все будет хорошо, и испытывают лишь некоторую, но весьма незначительную тревогу за будущее, а ожидание крупных неприятностей, страх перед будущим испытывают 15,9% петербуржцев, что, впрочем, тоже немало (Шаров, 2014).

В целом же психологи обычно дают довольно негативные характеристики социально-психологической атмосферы в нашем обществе, правда, как правило, имея в виду не тенденции последних лет, а ситуацию, наблюдающуюся с начала постперестроечного периода. Они пишут о том, что «психопатологические явления общественного и индивидуального сознания значительно усилились в постперестроечный период в связи с массивным давлением ценностей и норм, не совместимых с ее (России. — А. Ю.) традиционными архетипами» (Зобов, Матвеев, Сугакова, 2014, с. 237), «отмечается повышение напряженности в семейных отношениях, ухудшение взаимоотношений между поколениями, разрыв семейных связей, дефицит эмоциональной близости в семье, нарастание взаимного равнодушия, рост конфликтности и криминогенности семейной среды» (Самсонова, 2014, с. 164), «социальная среда сегодня агрессивна, особенно в отношении молодого поколения. Огромное число факторов социального риска обрушивается на молодежь с самого начала ее сознательной жизни» (там же, с. 153) и т.п.

Психологи также считают, что наиболее тревожной тенденцией, особенно отчетливо проявляющейся среди российской молодежи, является снижение коллективизма, традиционно считавшегося одной из главных характеристик российского менталитета, и, соответственно, повышение уровня индивидуализма, причем его наиболее асоциального варианта,

характеризующегося ущемлением интересов других людей (Боенко, 2005).

Н. А. Журавлева на основе осуществленных ею эмпирических исследований также приходит к выводу о том, что у нашей молодежи происходит переориентация с общественных проблем на личные, коллективизм постепенно сменяется индивидуализмом, наблюдается преобладание материальных ценностей над духовными, возрастание значимости для личности денег сопровождается снижением в иерархии ценностных приоритетов ориентаций на творчество, познание, общение с друзьями и честность. А в иерархии ценностных приоритетов старших школьников снижается вес альтруистических ценностей — любви и чуткости (Журавлева, 2014). Эти данные получены на молодежных группах, но трудно не согласиться с тем, что «именно в молодежной среде формируется новый тип личности, который будет доминировать в будущем» (там же, с. 185).

Можно, конечно, предположить — вслед за нашими так называемыми «либералами», что наше общество просто становится *другим*, не таким, каким оно было традиционно, новые ценности и новые ценностные иерархии постепенно принимаются массовым сознанием, что не должно приводить к ухудшению психологического состояния нашего общества. Но, во-первых, одни его члены, особенно молодежь, органически принимают новые ценности, другие — нет, и у последних их внедрение, как и их принятие определенной частью общества, порождает негативные эмоции и ухудшает их психологическое состояние. Во-вторых, внедрение ценностей, противоречащих основным характеристикам российского менталитета, вызывает болезненные для общества процессы, негативно сказывающиеся на его психологическом состоянии, которое, в свою очередь, оказывает влияние на соматические процессы.

Например, как пишет протоиерей Вадим Леонов, «попытки как-либо вытеснить или подавить стыд с помощью развлечений, самооправдания, лжи и т.д. приводят к глубоким духовным травмам, влекущим различные психические и физиологические последствия (неврозы, фобии, бессонницу, головные и сердечные боли и т.д.)» (Леонов, 2013, с. 156).

А психотерапевты отмечают, что в последнее время в общественном сознании намечается возврат синдрома девяностых годов прошлого века: пациенты часто обращаются с жалобами на тревожно-подавленное внутреннее состояние, значительное снижение работоспособности, утрату вкуса к жизни, рассеянность и т.п. (Зобов, Матвеева, Сугакова, 2014). Психотерапевты подчеркивают также такую характеристику современного общественного сознания россиян, как психическая диссоциация, т.е. разъединенность нормального целостного функционирования психики, ее неуравновешенность и перегруженность фрустрационными состояниями, а также социальное отчуждение, потеря личностной идентичности, аутизм и одиночество (там же).

Вместе с тем отмечаются и позитивные тенденции в динамике психологического состояния нашего общества, в частности, снижение количества молодых россиян, которые испытывают беспокойство или страх перед будущим (Козлов, Утишева, 2005).

* * *

Полученные с помощью макропсихологического композитного индекса данные о динамике психологического состояния нашего общества соответствуют данным социологов, демонстрирующим его улучшение на протяжении длительного периода и некоторое ухудшение в последнее время, и расходятся с мнением психологов, дающих ему в основном негативные характеристики.

Строго говоря, и во втором случае нет противоречия. Во-первых, подсчитанный нами индекс характеризует *динамику* психологического состояния российского общества, в то время как психологи в своих оценках дают ему в основном статичную характеристику, часто вытекающую из результатов исследований, проведенных в прежние годы, и подчас имеющую «запаздывающий» характер. Во-вторых, психологи чаще характеризуют психологические качества наших сограждан и *нравственную* атмосферу в обществе, конечно, связанную с его психологическим состоянием, но непростой связью, особенно с теми характеристиками общества, которые учитываются композитным индексом. Что же касается данных социологов, то они, будучи основаны на результатах опросов, фиксируют несколько более раннее наступление тенденции к ухудшению — в 2015 г., нежели композитный индекс, основанный на показателях, имеющих более латентный характер.

В то же время, абстрагируясь от различий в конкретных оценках, следует в заключение подчеркнуть, что мы живем в достаточно *напряженном*, в том числе и психологическом плане, обществе, что вообще характерно для переходных социумов (вопрос о том, от чего и к чему мы переходим, естественно, невозможно затрагивать в данном контексте). Экономический кризис, противостояние с Западом, причем впервые в нашей истории с *консолидированным* Западом (в прежние годы мы противостояли одним западным странам, имея в союзниках другие), санкции, отсутствие внятной национальной идеи, огромное имущественное расслоение в современной России и другие подобные факторы создают в нашем обществе очень напряженную ситуацию, которая неизбежно проецируется и на психологический уровень. Как показывают данные социологов, эта напряженность порождает у наших сограждан

не рост протестных и революционных настроений, а возрастание тревожности, апатии, неуверенности в завтрашнем дне и другие негативные психологические состояния. Эти состояния, в свою очередь, неизбежно *соматизируются*, вызывая психические расстройства, нервно-психические заболевания, психосоматические болезни и т.п. При этом подобные явления носят запаздывающий характер по отношению к социальным процессам, являясь продуктами *психологической аккумуляции* реакции населения на них. В свою очередь, эти продукты обещают иметь социальный эффект, который может серьезно угрожать стабильности нашего общества.

Все это, разумеется, не должно породить тотальный пессимизм, который тоже и в социальном, и в психологическом плане разрушителен для общества, тем более что и отмеченные позитивные психологические тенденции достаточно существенны. Но адекватное понимание глубинных, не лежащих на поверхности, сложных социо-психо-соматических процессов, неизбежной соматизации социальных явлений тоже необходимо для достижения одной из основных *социальных* (есть, естественно, и когнитивные) целей всей отечественной социогуманитарной науки — улучшения состояния нашего общества.

Литература

- Балацкий Е. В.* (2005). Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественно-го мнения. № 4. С. 42–52.
- Бойко Н. И.* (2005). Экономические реформы, ценности и российская полиментальность // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / под ред. В. Е. Семенова СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 48–68.
- Бойко В. В.* (1985). Рождаемость. Социально-психологические аспекты. М.: Мысль.
- Вундт В.* (1912). Проблемы психологии народов. М.: Космос.
- Гайдар Е. Т.* (2006). Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Горшков М. К., Петухов В. В.* (ред.) (2015). Российское общество и вызовы времени. Кн. вторая. М.: Весь мир.
- Горшков М. К., Петухов В. В.* (ред.) (2016). Российское общество и вызовы времени. Кн. четвертая. М.: Весь мир.
- Гундаров И. А.* (2001). Демографическая катастрофа в России: причины, механизмы, пути преодоления. М.: УРСС.
- Дюркгейм Э.* (1998). Самоубийство: социологический этюд. СПб.: Союз.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В.* (2016). Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. № 4. С. 88–98.
- Журавлева Н. А.* (2014). Актуальные тенденции в ценностных ориентациях молодежи в современном российском обществе // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / под ред. А. Л. Журавлева, М. И. Володиной, Т. В. Галкиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 171–191.
- Зобов Р. А., Матвеев А. М., Сузакова Л. И.* (2014). Проблема здоровья человека в современном обществе // Российское общество: проблемы социального согласия и развития / под ред. В. Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 233–240.
- Козлов А. А., Утишева Е. В.* (2005). Проблематика социального здоровья и здорового образа жизни молодежи (на материале социологического исследования) // Социальные и ментальные тенденции современного российского общества / под ред. В. Е. Семенова СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 124–143.
- Косов А. В.* (2007). Ментальность как мировоззренческая система и компонента мифосознания // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 75–90.
- Лебон Г.* (1896). Психология народов и масс. СПб.: Ф. Павленков.
- Леонов В., протоирей* (2013). Основы православной антропологии: Учебное пособие. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной церкви.

Рац М. В. (1997). Идея открытого общества в современной России. М.: Магистр.

Самсонова Т. И. (2014). Компетентность молодого поколения и будущее российского общества // Российское общество: проблемы социального согласия и развития / под ред. В. Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 150–166.

Сироткина И. Е., Смит Р. (2008). «Психологическое общество» и социально-политические перемены в России // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 73–90.

Сулакшин С. С. (2006). Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М.: Научный эксперт.

Шаров А. Н. (2014). Петербуржцы 2012: проблемы и перспективы // Российское общество: проблемы социального согласия и раз-

вития / под ред. В. Е. Семенова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 121–132.

Юревич А. В. (2014). Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».

Biderman A. D. (1974). Social Indicator: Whence and Whither // Social Indicators and Marketing / R. L. Clewett, J. C. Olson (eds.). Chicago: American Marketing Association. P. 27–44.

Keltner D., Locke K. D., Audrian P. C. (1993). The Influence of Attributions on the Relevance of Negative Feelings to Personal Satisfaction // Personality and Social Psychology Bulletin. Vol. 19. P. 21–29.

Polanyi K. (1957). The Great Transformation. Boston: Beacon Press.

Toqueville A. (1955). The Old Regime and the French Revolution. NY.: Anchor.

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ О БУДУЩЕМ ПСИХОЛОГИИ

А. Г. Асмолов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Федеральный институт развития образования, Москва, Россия, e-mail: agas@mail.ru

Т. А. Нестик

Институт психологии РАН, Москва, Россия, e-mail: nestik@gmail.com

Интервью с доктором психологических наук, профессором Александром Григорьевичем Асмоловым состоялось в рамках продолжающегося проекта — встреч с авторитетными российскими учеными, посвященных обсуждению актуальных проблем и направлений исследований психологической науки¹. Вопросы задавал доктор психологических наук, профессор РАН Тимофей Александрович Нестик.

DOI: 10.7868/S1819265318010107

Для цитаты: Асмолов А. Г. (2018). Интервью о будущем психологии (интервью брал Т. А. Нестик) // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 174–185.

Т. А. Нестик. *Хотелось бы начать с вопроса о том, что Вас сейчас особенно занимает, интересует в связи с теми исследованиями, которые Вы ведете или иницируете в сообществах, командах, которые Вас окружают. Есть ли какие-то темы, которые находятся сейчас в фокусе Вашего внимания?*

А. Г. Асмолов. Все последние дни — это дни повышенной рефлексии моих

действий за последние четверть века, направленных на изменение социального статуса психологии как уникального междисциплинарного направления науки в нашем обществе и вообще в нашей реальности. Это не просто декоративная фраза. Я всегда вспоминаю высказывание Алексея Николаевича Леонтьева о том, что психология должна быть не только действительной, но и действенной наукой о человеке. В последнее время, буквально за эту неделю², вышло несколько статей, где в ответ на расширение

¹ С другими интервью можно познакомиться на портале Института психологии РАН, URL: <http://www.ipras.ru/cntnt/rus/media/on-layn-bibliote/intervu-o-budush.html> (ред.).

² Интервью с А. Г. Асмоловым состоялось 10 октября 2016 г. (ред.).

эффективности психологии, ее роли в обществе осуществляется резкая попытка дискредитации и демонизации психологической науки. То же самое в переписке в Интернете, которая началась со статьи, появившейся в литературном журнале. Дело не только в том, что она обо мне, а в том, что психологи рассматриваются там как теневые фигуры в обществе. Возникают ассоциации: дело учителей, дело врачей, но наиболее яркая ассоциация происходящих здесь и теперь событий — с разгромом педологии. Психология в лице целого ряда ученых и, прежде всего, связанных с культурно-исторической психологией Л. Выготского, обвиняется в том, что она разрушила советское общество. Более того, в одной из статей я нашел такую фразу — цитирую: «Создание в 1966 году факультета психологии МГУ, а также объединение вокруг этого факультета целого ряда знаковых фигур: М. Мамардашвили, Г. Щедровицкого, В. Давыдова, В. Зинченко — является одной из предпосылок появления перестройки, а тем самым — гибели советского союза. Если бы этот факультет не был создан, неизвестно, как бы пошло развитие общества». Это не мои слова, я никогда не смог бы приписать психологии ничего подобного, но, таким образом, фигура психолога приобретает не просто политическое, а идеологическое звучание. Психолог принимает на себя роль идеолога, которому в лучших традициях конструкционизма приписывают, сами того не осознавая, что он выступает как архитектор — нет, не перестройки, а изменения ментальности. Говорится о том, что психологи, чтобы изменить ментальность, изменили образование, что они, чтобы поддержать разнообразие в этой сфере, претендуют на мастеров «неодинаковости» и тем самым еще дальше ведут к угнетению людей и к уничтожению советской системы образования, которая была лучшей в мире. Психологи

подрывают самое главное — уважение к авторитетам, прежде всего, к авторитету Сталина. Катализатором таких вещей послужил целый ряд изменений на управленческом уровне и демонизация психологии как великого демиурга общества. Как четко показывает вышедшая в «Московском комсомольце» статья Евгения Ямбурга «Кавказская пленница: о том, как Шурик развалил храм отечественного образования», психология действительно изменила свой статус в обществе. Опирается можно только на то или бороться можно только с тем, что считает опорой или, наоборот, угрозой определенная тоталитарная социальная группа и секты в обществе. Слова о том, что психологи подменили воспитателей и духовников — на самом деле утопия. Как писал Выготский в своей книге «Камень, который презрели строители, стал во главу угла» (эта библейская фраза относится к практической психологии, подчеркиваю, к практической, а не прикладной, которая начинает проходить через все практики жизни), психолог востребован в целом ряде ситуаций. Я не обсуждаю сейчас квалификацию, я обсуждаю то, что сказал мой коллега Ямбург: «Фигура психолога раздута до вселенских масштабов, и все остальные при нем, как лилипуты при Гулливере». Если повернуть стрелку истории в 1985 год, когда вышла моя статья, где говорилось, что психолог похож на «улыбку чеширского кота», получается, что улыбка есть, а кота нет.

Прошло около сорока лет, произошел стремительный сдвиг в самых разных направлениях психологии. Сегодня политическая и идеологическая ситуация высвечивает роль психолога как мастера социального конструирования реальности, опирающегося на те или иные междисциплинарные позиции. И сегодня, хотим мы того или нет, мы опять оказались перед точкой бифуркации. Если те силы, которые хотят нивелировать психологию

в обществе, видя в ней опасность, одержат верх, то мы получим новые постановления о лженауке, новые варианты постановлений о педологических — я делаю акцент на этом слове — извращениях в системе наркомпроса. Мы получим уничтожение в широком смысле, близкое к памятному уничтожению генетики. Почему? И тут я перехожу к новому пониманию психологии, которое все более, с моей точки зрения, становится мейнстримом для ряда аналитиков и исследователей. Каковы черты этого понимания? Я хочу достичь того, чтобы психология стала рассматриваться в системе, которую нам предлагали и Пиаже — квалификация наук, и Кедров с несколько иным акцентом.

Вы хорошо знаете, что сегодня меняется квалификация наук и то, о чем говорят нам поведенческие, социальные науки (обращаю внимание, не общественные), ментальные, когнитивные науки, — какую бы книгу ты сегодня ни взял, везде революция. Это привело к тому, что психология сошла со страниц научных трактатов и практически стала фактором конструирования реальности. Обратите внимание, фильмы «Менталист», «Метод Фрейда» и т.д. так же, как герои многих произведений, например, того же Гессе в свое время, думают по Фрейду и живут по Фрейду.

Хотя психология нашла свое место в этой классификации наук и вошла в реальность наряду со всеми другими, она все равно остается среди них Золушкой. Эта напряженность поля будет продолжаться до тех пор, пока мы не отразим ситуацию. Я выдвигаю это как гипотезу, а не как декларацию: психология относится к наукам, которые выступают в роли психических репрезентаций в развитии жизни, она выступает как одна из наук, относящихся к той системе, которая называется Life Sciences³.

Таким образом, психология не является наукой «только об обществе». Поэтому первое: психология сегодня — это Life Sciences, второе: психология — это, наряду с генетикой, наука об изменениях, наука об изменчивости. Возникает вопрос: о какой изменчивости? Как появляется эта изменчивость? Происходит очень интересное изменение в «политической ситуации» психологии — меняется ее познавательная функция. На смену монодисциплинарности, междисциплинарности, полидисциплинарности все более властно приходит конструкт или дискурс, говорите как угодно, который Пиаже называл трансдисциплинарность. По сути дела, мы начинаем видеть тех научных «родственников», которых раньше видели смутно, хотя их хорошо видели некоторые исследователи в начале XX в. Глобальные идеи Герберта Спенсера о разных уровнях организации жизни опять выносятся на первый план. И мы начинаем видеть работы Якоба Икскуля, а именно его экологическую биосемиотику, без которой не было бы экологической теории восприятия Джеймса Гибсона, не было бы понятия «образ жизни» и «образ мира», никогда не было бы книги «Проблемы развития психики» Леонтьева. Раньше мы не обращали на это внимание, а это уникальная линия работ. И второе: мы столкнулись с большим количеством лакун в понимании своей истории, не видя, например, многих потрясающих гениев мышления.

Пожалуйста, М. Фуко — философ. Ранний цикл его работ, когда он еще был психологом, а также его работы, связанные с технологией построения себя, многие его книги, которые показывают историко-культурную основу социальных институтов тех лет, для нас необыкновенно важны. Иными словами, история психологии опять зажила, опять забурлила. И сбылось предсказание Мандельштама, что научная и литературная школы

³ Науки о жизни (ред.).

развиваются не идеями, а вкусами. Пришел вкус к постструктурализму, пусть с его критикой, но для меня в этой линии главный тренд — это эволюционная эпистемология. В нашей статье, вышедшей в 2016 году в «Вопросах психологии», с наглым, амбициозным названием «Что такое жизнь с точки зрения психологии: историко-эволюционный подход к психофизической проблеме»⁴, где приведен диалог Э. Шредингера, являющегося автором книги «Что такое жизнь с точки зрения физики»⁵, я пишу о том, что эволюционисты, идущие от Поппера, от Шмальгаузена, от Берга, взявшие за основу идею преадаптации, выдернули ковер из-под ног и стали теснить постмодернистов и в когнитивной науке, и в ментальной науке.

Здесь я позиционирую психологию как *Life Sciences*, как науку об изменчивости, здесь наличествует тенденция к изменению / сохранению. Я рассматриваю психологию в контексте эволюции целеустремленных живых систем и проповедую телеологический подход в его разных вариантах: и объективная телеология и субъективная телеология. Все эти вещи для нас невероятно важны и поэтому на первый план, наряду с Фуко, Выготским, Иксюлем, выходят работы по эволюции Пьера Жане, без которых не было бы многих исследований. Кроме того, вновь оказывается провидцем будущего Анри Бергсон. Я вспоминаю диалог Бергсона и Жане, вспоминаю как из работ Бергсона по творческой эволюции сознания вырастали затем самые выдающиеся работы. Недооцененным, с моей точки зрения, является также гениальный вклад

Н. А. Бернштейна и близкого ему по идеям П. К. Анохина — их работы уникальны. Далее, говоря о психологии самоорганизации, саморазвития, автопоэзиса, мы видим работы Н. Винера с обратной связью, предтечей которых были идеи о сенсорных коррекциях Бернштейна, идеи акцептора результата действия Анохина, но все равно мы, психологи, плохо видим связь с работами У. Мак-Каллока и сетевыми организациями, подчеркиваю, не системными, а именно сетевыми организациями реальности. Когда Мак-Каллок на примере нейросетей говорил в 1943 г. об иерархии, это было великое открытие и великое дело.

Поэтому те фигуры, которые были латентны, но при этом были для нашей науки здесь, рядом, во многом помогли созданию когнитивной науки, подчеркиваю, не когнитивной психологии. Когнитивная психология все сделала так, что породила когнитивную науку. Психология опять дала дыхание культурной антропологии на другом этапе ее развития, опять — через А. Шюца и других — в известном смысле смешалась с феноменологической психологией. И в этой ситуации очень интересно, что мы опять оказались под гипнозом старых вопросов. Кому и как разрабатывать не просто психологию, а методологию психологии? Вопрос И. М. Сеченова сегодня в познавательной ситуации развития науки сталкивается, если использовать термины Э. Г. Юдина, со следующей вещью — риском брейнизации психологии. Символом научного эталона развития, а иногда символ передает куда больше, чем что-либо другое (например, такой «иероглиф» познания, как модель атома), сегодня является модель мозга. С этим связаны не только преимущества, но и риски. Возникает ситуация, когда мозг начинает развиваться в разуме, а разум начинает развиваться в мозге. Последнее куда более опасно. Любая метафора нас подстегивает

⁴ Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Что такое жизнь с точки зрения психологии: историко-эволюционный подход к психофизической проблеме // Вопросы психологии. 2016. № 2. С. 3–23 (ред.).

⁵ Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: РИМИС, 2009 (ред.).

и ограничивает. Она нас ограничивает, она же и задает установки, коридор возможностей, она сама конструирует реальность. Когда Л. Выготский цитировал Ф. Брентано и говорил, что у нас нет одной психологии, а есть множество психологий, это расценивалось как весьма огорчительное высказывание. Сегодня я говорю, что у нас множество трансдисциплинарных направлений науки: когнитивная наука, ментальная наука, психология как наука об изменчивости жизни — и за ними будущее. Психология берет на себя функцию социального конструирования реальности — нагло, хамски, но берет. Поэтому мы можем спокойно сесть за один стол с Т. Парсонсом, мирно обсуждать вопросы с Ю. Хабермасом и при этом понимать друг друга.

Сегодня от психологии у меня складывается ощущение не разброда, а уникального, я бы сказал, рывка. Когда произойдут те изменения, которые так или иначе выведут нас на совершенно другие перспективы? Думаю, что мы уже на пороге супертрансформации и видения жизни как уникального эволюционного потока сознания по направлению персонализации жизни. Сбылись предсказания Т. де Шардена, В. И. Вернадского и других. И слова «психозойская эра» перестали быть только удачной метафорой.

Т. А. Нестик. *А какую роль в этом могут сыграть те технологии, которыми так сейчас увлечено общество? Я имею в виду всевозможные инструменты — интерфейсы между мозгом и компьютером, различные технологии, которые превращают всю среду нашего существования в умные системы типа Интернета вещей или блокчейна. И какие в связи с этим возникают исследовательские проблемы для психологов? Можно ли говорить о том, что вхождение в эту «психозойскую эру» одновременно повышает роль психологов как таких «каменщиков рефлексивности», в том числе их*

роль в технологических изменениях, в преодолении техно-гуманитарного дисбаланса?

А. Г. Асмолов: Идея техно-гуманитарного дисбаланса в тех или иных проекциях очень интересно обыгрывалась Акопом Назаретяном, опять же в эволюционной стилистике. Мы сейчас живем не в период восприятия изменений, подготовки к ним, а в период изменения самих изменений. Поэтому, пораженные работами Р. Курцвейла о сингулярности, называя наш мир миром сингулярности, мы забываем, что сама сингулярность имеет точку бифуркации, в которой может произойти интересное раздвоение. Поэтому так важен вопрос о наших коммуникациях с IT-реальностью, где бы мы им ни занимались и в каких бы странных парадоксах он ни возникал — останутся ли бумажные книги или будут электронные учебники, нужна ли будет профессия водителя или его заменит робот? Какие робот будет принимать нравственные решения, давить кого-либо на дороге или нет, и т.д.?

Все эти споры, ведущие к новой постиндустриальной, постмодернистской этике, — Спиноза здесь «отдыхает», — были бы очень интересны и важны, если расценивать технологии как своего рода психотехники или смыслотехники. И как только вы увидите, что это дизайн, как только вы, как Норман, покажете, как этот дизайн меняет привычные миры, тогда вы скажете: «Мир вокруг нас — это поле предметных значений». Любые технологии должны быть вписаны в предметное значение. И происходит следующее: мы «делаем» технологии, я с коллегами пишу об этом в статье «Что такое жизнь с точки зрения психологии...», но при этом технологии «делают» нас. И тут встает своеобразный, даже смешной вопрос: «Кто кого переделывает?» Книга переделала нас, дав нам новую программу поведения, когда появился Гутенберг и огромное количество людей, монахов, переписывающих

книги, потеряли работу. Или Интернет — когда классическая журналистика заменяется блогерской.

Если в нашей культуре более жестко вставал вопрос, как мы интериоризуем технологии, то в культуре Фуко — вопрос, как мы сопротивляемся интериоризации технологий? Как технологии делаются властными над нами, когда мы их интериоризуем, или же как — опять категория Выготского «кто кем овладевает» — мы овладеваем этими технологиями? Вот отсюда развитие личности как самоовладение, самообладание — тогда еще не было слов «автопоэзис», «самоорганизация» и т.п. Поэтому я настойчиво возвращаюсь к попыткам, как говорил в свое время Дж. Брунер, найти принцип дополнительности между Выготским и Пиаже, найти понимание, как все происходит с технологиями, или по М. Фуко: увидеть, насколько помогли обогатить психологию те, кто предложил уникальное деление, связанное с миром когнитивных сложностей. Здесь недооценены работы философа Е. Н. Князевой, которая постоянно работала с группой С. П. Курдюмова, Г. Е. Шилова и др. Этих работ практически почти нет в программах по психологии, и в этом смысле они обеднены. Они должны стать программами иной когнитивной сложности, чтобы психолог действительно стал сетевиком, системщиком, чтобы он знал, что, наряду с психологическим журналом «Вопросы психологии», выходит журнал «Social Networks» и т.д. Сетевой анализ — это совершенно другие запросы, и неслучайно сейчас идет цикл работ по психологии в MIT, который оказался под гипнозом брейнизации в целом ряде других исследований. Как Вы знаете, я все время говорю, что психология современности вызвала сложности, неопределенность и разнообразие, сменилась система координат.

Извините, хулиганя с декартовой системой координат, мы перешли к ситу-

ации, где на одной стороне играют с работами К. Поппера сложность / простота, на другой — разнообразие / однообразие и, наконец, на третьей — определенность / неопределенность. Тем самым среди всех течений психологии я прогнозировал, продолжаю прогнозировать и предлагаю как проекты, что будут четко выделены линии, связанные с ролью пространства и времени во всех организациях психических процессов, и при разработке разных хромотопических реальностей сильно взаимоперекликающимися, взаимопересекающимися мейнстримами будут психология неопределенности как целое направление познания, психология сложности и психология разнообразия. Одна нас бросит больше к эволюционной психологии в широком смысле или культурно-эволюционной психологии, другая поможет увидеть и в политике, и в образовании, и в промышленности когнитивно сложные, а не когнитивно простые решения, а третья разорвется между двумя полюсами: неопределенность — это зло или это ресурс. Психология языка, задатков и факторов перейдет к языку потенциалов и ресурсов. Психология все более будет использовать язык сетей, все более будет говорить на предложенном К. Левиным языке полей — пусть это биосемiotические поля, пусть это поля по Левину, пусть это поля в стиле Я. Морено, где господствуют широкие психодраматические построения.

Т. А. Нестик. *Если такое объединение наук о человеке, наук о жизни действительно состоится, какую роль в этом будет играть психология? И можно ли считать, что в самой психологии мы способны найти некую большую теорию, добиться какой-то методологической интеграции, которая упростила бы взаимопонимание между ее отдельными отраслями. Вот, скажем, Американская психологическая ассоциация поставила задачу методологической*

интеграции еще в 2012 г. На Ваш взгляд, нужно ли это, возможно ли, и что этому препятствует?

А. Г. Асмолов. Интеграция часто воспринимается как элиминация индивидуальности, и поэтому интеграция всегда наталкивается на риски. Многие психологические коллективы сегодня — коллективы индивидуальностей, где слова «коллектив» и «индивидуальность» очень сложно корреспондируются друг с другом. Смотрите, что происходит, когда психологи становятся властителями умов. Фрейд, властитель умов, создал движение, а не просто научную школу. Когнитивисты, когда даже антропологи в любой книге говорят о когнитивной революции, тоже создали движение, а не когнитивную психологию и не исключительно когнитивную науку. Поэтому в методологии науки, в эпистемологии нам надо по-другому подумать об интеграции — как о цветущей сложности. То есть интеграция как дифференциация, как цветущая сложность прогресса, как восхождение и рост разнообразия позволяет обрести, цитирую М. С. Гусельцеву: «коммуникативную толерантность как уникальную компетентность тех, кто думает о горизонтах развития психологии». Вот без этого, когда мы по-прежнему разбиты либо на секты, либо на отдельные комнаты — можете называть их школами — мы остаемся ригидными и фригидными в области развития. Поэтому очень важно осмыслить, с каким языком науки мы работаем. Осмыслить как философ, осмыслить как эпистемолог, что и пытались делать серьезные психологи XX века. Назвать Э. Толмена бихевиористом смешно, это так же, как назвать А. Ахматову символисткой. Потому что его теория целенаправленного поведения — там такая телеология, что мало не покажется. Неслучайно я привожу его в пример, тут есть понятие «когнитивной карты», которая сегодня воспринимается как особая фор-

ма реальности. Поэтому мы должны, как и наши последователи, четко понимать, как нам общаться с эволюционными биологами, искать для этого язык, а не укорять и не говорить, что нейрокогнитивистика пришла скушать психологию, а потом выплюнуть ее по дороге. И не впадать в грех, когда мы наступаем на грабли тождества между экономикой и нейроэкономикой. Это нонсенс, это отсутствие рефлексивной позиции. Через рефлексию мы должны прийти и оценить сложности и возможности движений, а не школ. И особо подчеркнуть, программ, а не школ.

Как только вы переходите на описание интеллектуальных трендов психологии и ее, как любит говорить Ирина Прохорова, поворотов в тренд и к программам, вы, как это показали и П. Гайденко, и Н. Автономова, и другие, сразу пытаетесь создать в психологии познавательную ситуацию цивилизации, а не альтернативного варварства, которое гасит разнообразие, и одновременно понять, что психология не может быть редуцирована до фискальной науки. Пользуясь термином М. Фуко, который фискалит государство, как лучше контролировать его подданных. Это важно, почему я сейчас и возвращаюсь к началу разговора. Когда мы имеем дело с психологом-конструктором, а не с диагностом-фискалистом, когда он не подменяет налоговую систему, которая занимается фискальными задачами (там это адекватно), а вместо фискального барометра предлагает конструкторские проекты — это совершенно другая реальность. Без тех вещей, что связаны с блестящими работами Ф. Зимбардо, я имею в виду его книгу «Эффект Люцифера»⁶ и другие, без ценностных этических критериев, без этики в виде гениальной «Этики» Б. Спинозы, когда человек — причина

⁶ Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина Nonfiction, 2014 (ред.).

самого себя, без этики многих современных работ, которые, в свою очередь, связаны с работами Э. Морена, без много-томника об экспериментальной психологии тех же П. Фресса и Ж. Пиаже, без работ Н. А. Бернштейна мы с вами никуда не двинемся.

Мне близка, как я не раз повторял, гипотеза Б. Братуся, что человек XXI века психически здоров и личностно болен. Мне близки его слова о том, что психология должна стать наукой, в которой победителей судят, а не наукой, где действуют подкрепление и наказание или в трансформированном виде — успех и неудача. Все намного сложнее. Нужна когнитивно сложная этика как основа многих наших попыток услышать друг друга, а не погибнуть от эффекта вавилонской башни.

Т. А. Нестик. *В том, что происходит сегодня в России, много отголосков нашего исторического прошлого. В каком-то смысле и наша психологическая наука — это продолжение накопленных традиций, которые, с одной стороны, готовят нас к жизни в условиях неопределенности, к диалогу, а с другой стороны, почему-то оставляют закрытыми. Если говорить о российской психологии в мировом контексте, в чем Вы видите ее уникальность? В чем могут состоять те уникальные ресурсы, которые ценны в диалоге с другими традициями и в этом смысле являются, может быть, даже неким конкурентным преимуществом, если об этом вообще можно говорить?*

А. Г. Асмолов. У меня всегда возникает ощущение риска, когда мы исповедуем идеологию особого пути. Особый путь, который я называю путем особистов, путем мастеров духовных скреп, или «орденном скрепоносцев», для психологии как науки о человеке, его развитии, природе и обществе является чреватым. Что выигрышного в нашей психологии? Психология в России всегда была тесно связана

с философской традицией, лингвистикой, культурой, психология в России всегда была не только психоискательством, но и духовноискательством. У нас настолько мощная и когнитивно сложная феноменология, что то, что многие считают особенностью русского менталитета, порой говоря о нем с недюжинной иронией, я считаю выигрышным для психологии. Мы с вами обладаем уникальной склонностью к самокопательству, которая называется рефлексия, а рефлексия — великий постановщик проблем. И эта рефлексия в русской психологии — такой источник культурных практик, который может конкурировать с психотехниками Игнатия де Лойолы — я имею в виду орден иезуитов, и в этом отношении это может быть невероятно интересно осмыслено.

Обратите внимание на то, о чем мы не раз говорили, — если в западной интеллектуальной традиции, при всем различии французской и английской традиций, толерантность, например, американцев ассоциируется с такой характеристикой, как открытость сознания, то в русской традиции она ассоциируется с великодушием. Что перед нами? Широта сознания? Широта души? Таким образом, благодаря такой своеобразной интеллектуальной акробатике, идеал рациональности никогда не был близок русскому. Русские всегда выпрыгивали из него, всегда насиловали сами себя и порой получали мазохистское удовольствие от бурения собственных человеческих, этических правил. Отечественная наука страдывала личностный социализм, а не находила его в плане познания. В отечественной науке не надо спрашивать, в чем смысл жизни, или искать его, он был уже в самой этой жизни. Это уникальное слияние смысла жизни и практики рефлексии. Она, с моей точки зрения, мощный потенциал российской психологии.

И, наконец, мой коллега, ректор РГГУ Е. Ивахненко, как нормальный со-

циальный философ, сделал в 2001 г. доклад, который оказал на меня такое воздействие, что я попросил, чтобы он переехал из города Нальчика в Москву: «Притерпелость в традициях русской церкви». Я обращаю внимание на название — у нас уникальные формы снятой субъектности. У нас такие философы, как Мамардашвили, чью фразу «если мой народ выберет Гамсахурдия, то я буду против своего народа» я буду помнить всегда, сами по себе мыслят мирами. Какое здесь великодушие и широта души при охвате реальности, интеграции! Пусть в западной традиции нашу деятельность называют «speculation», но я люблю эту «speculation» и чувствую в ней силу, уникальный ценностный заряд. Наша психология, даже занимаясь рефлексами, аксиологична, и в этом и ее риски, и ее коридор возможностей.

Т. А. Нестик. *Когда намечается новое направление исследований, часто возникает дискуссия о том, считать ли его перспективным. Сегодня эти дискуссии приобретают государственный, даже политический характер, поскольку в них затрагивается стратегия научно-технического развития, идут идеологические бои о том, на какие вызовы должна ответить наука в стране в ближайшие 20–25 лет. Эта исследовательская повестка нередко определяется в достаточно закрытых фабриках мысли, узким кругом людей. Как в этих условиях российским психологам договариваться о том, что мы сами считаем перспективными направлениями?*

А. Г. Асмолов. У психологов, не только российских, всегда был принимающий разные обличья родовой комплекс неполноценности. Он проявлялся в том, что мы всегда строили нашу науку по образу и подобию других наук. Психофизику, психологию — по образу и подобию физики. Это было в конце XIX — начале XX в. бла-

годаря жесткой операционалистской позиции С. Стивенса, продолжается и сейчас. Далее — психология по образу и подобию нейрокогнитивистики. Это новая линия, но когда речь идет о прогнозировании и программах развития, связанных с футурологией общественно-экономической жизни, возникает еще один подвох. Новый этап психофизики, психология по образу и подобию физики, — это психология по образу и подобию экономики. Когда мы радуемся, как дети, что экономисты используют конструкт или дискурс «человеческий капитал», мы невероятно проигрываем, потому что берем и называем категории, с помощью которых экономисты пытались года с 1961-го дотянуться до психологов. Мы сегодня опускаемся до конструкций, у которых другие задачи, другая когнитивная сложность, и на основе этих конструкций предлагаем прогнозы для развития страны. Пока экономический детерминизм, или «экономический империализм», будет захватывать социологию, психологию, — о чем я резко говорил совсем недавно на встрече с А. Л. Кудриным в Высшей школе экономики, — если созданный центр стратегии будет называться центром человеческого капитала, мы с вами не будем видеть других линий развития. В этом смысле у нас сложная задача. Поймите правильно, я ни в чем не упрекаю Г. Беккера, лауреата Нобелевской премии 1992 г. за распространение сфер микроэкономического анализа на ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия — он и другие решали свои задачи, но почему мы видим их, а не видим Д. Канемана, который говорил о неопределенности. Мы имеем дело с куда более сложной реальностью. Биологи прорвались дальше. Попробуйте найти биолога, который монтирует свои программы с позиции теории капитала! Пусть человеческого, пусть социального, пусть символического по П. Бурдьё, но все-таки капитала. А когда мы еще иногда доходим

до беспредельности и говорим, что развитие человека и его воспитание — это и есть формирование человеческого капитала, мы тем самым уходим в ситуацию, которую называют «simple living», а это упрощение реальности. А как говорил Г. Шедровицкий, «простые решения в сложной реальности — это фашизм». Он говорил резко, но, по-моему, правильно. Поэтому, когда мы занимаемся футурологией в области государственного строительства и исходим из позиции жесткого экономического детерминизма, когда мы испытываем кайф от того, что кто-то произнес «человеческий капитал», — при всем уважении к этому подходу, при всей его важности в эволюции познания в экономике, мы закладываем бомбу замедленного действия. Это моя позиция.

Т. Парсонс, М. Вебер, Э. Гидденс не говорят на языке капитала, они, как и М. М. Бахтин, как А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, в тех или иных проекциях, как С. Л. Рубинштейн, говорят о деятельностном языке конструирования реальности. Я сейчас не вхожу в коммуникативное действие по Ю. Хабермасу или социальное действие по Т. Парсонсу, здесь совершенно другая идеология. Подчеркиваю, идеология конструирования реальности. Она может иметь своим выбросом протестантскую этику выбора, может — то, чего мы не знаем, может покрыть любую сингулярность. Поэтому здесь надо копать, здесь надо искать.

Т. А. Нестик. *Что позволяет Вам самому определять, где и что нужно искать?*

А. Г. Асмолов. Мы только сейчас закончили статью, могу Вам ее передать — вдруг она пригодится для Ваших изысканий. Она выйдет в «Образовательной политике»⁷. В ней говорится о разных видах

модернизации и образовании как одной из психотехник. Как изменить образование, чтобы изменить мир? Образование как потенциальный ресурс. Речь не о трансформации образования, а о трансформации общества, и если оно не уйдет в архаику, если не будет уничтожать разнообразие, оно станет реально могучим моментом эволюции реальности.

И вот здесь я возвращаюсь к тому, о чем уже говорил. Те или иные — я не могу сказать точно, кто их выстроит, — леса конструктивистской эволюционной эпистемологии, работающей с разнообразием, сложностью и неопределенностью, дают мне уверенность, что они помогут нам сконструировать и понять хоть какие-то отрезки, в которых каждый психолог сможет создать «план Селдона». Я, конечно, имею в виду замечательную «психоисторию» из цикла романов А. Азимова «Основание».

Т. А. Нестик. *Если посмотреть сейчас на те изменения, которые происходят в школе, в системе образования, и предпринять некоторое путешествие в возможное будущее, в те вызовы, которые стоят перед образованием в России и в мире на ближайшие 25–30 лет, какой может быть роль практических психологов в школе, и какова задача школьной психологии на эти ближайшие годы?*

А. Г. Асмолов. Психолог выступает в нескольких функциях. Например, он ставит проблемы и четко показывает, как трансформировалась система. Сегодня учитель — это не только и не столько предметник, сколько мотиватор познания, и психолог должен помочь ему не только заявлять об этом, но и стать таковым. Второе — сегодня, когда мы уходим от формального школьного образования

⁷ Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. Образование как потенциальный ресурс модернизации общества // Образовательная политика. 2016. № 2 (72). С. 2–19 (ред.).

к персональному информационному, до-полнительному, психолог должен помочь учителю стать тем, кто помогает ребенку найти навигацию в море информации, когда каждый ребенок, я не устаю это повторять, сам себе Google, сам себе Яндекс, т.е. становится поисковой системой. И в этом смысле задача — конструирование вариативного, развивающего, смыслового образования, помогающего ребенку, человеку обрести самостояние. Еще задача — учитывать все концепции автономии личности и подходы к ней, помогающие человеку построить модель желаемого будущего и через эту модель почувствовать себя востребованным в мире. К этому идет мировое образование, которое уже понимает, что эпоха Яна Амоса Коменского, при всей ее важности, не будет стерта или обнулена, но займет такое же место, какое занимает теория Ньютона и классическая физика в контексте релятивистской физики. То же самое произойдет с образованием. И психолог готовит эти изменения, потому что он уже заглянул вперед, взял на себя роль прогрессора, как говорили Стругацкие.

Т. А. Нестик. *Как можно поддержать и укрепить эту долгосрочную ориентацию российской психологии, готовность психологов заглядывать в будущее?*

А. Г. Асмолов. Очень точные слова. Чтобы увидеть перспективы, нужно то, на что многие психологи смотрят сверху вниз, а именно эпистемологию и методологию науки поставить во главу угла. Это и есть самая практическая психология. Если мы заболеем центрократией и каждый будет превращаться в инструменталиста, то мы так и останемся сервами. В этом нет ничего плохого, сервизм во многом вещь нормальная. Но я говорю про архитектурные роли психологии, и в этом смысле профессиональное психологическое комьюнити переживает тяжелейший кризис.

Есть множество персон, которые находятся на позиции «стою на том и не могу иначе». Так вот психология, которая учит всех критическому мышлению, должна и сама поучиться критическому мышлению, децентрации. Чтобы возникла психологическая команда в образовании надо сделать несколько очень серьезных шагов. Надо четко понять, что сегодня, наряду с политической и экономической властью, возникает экспертная власть, которая не менее важна, чем две упомянутые власти и чем власть коммуникативных СМИ. И мы, психологи, должны осознать свой статус носителей экспертной власти, наряду с другими экспертами в науках о жизни.

Я не говорю, что мы жрецы. Но вместе с тем мы должны понять, что у нас тоталитарная система, которой не нужен психолог, она будет пытаться всячески нас элиминировать — и сейчас как раз период такой жесткой попытки со стороны тоталитарной системы. Посмотрите, что происходит с фондом «Эволюция», что происходит с Д. Зиминим, со всеми, кто несет расширение границ познания и критическое мышление, — все начинают стираться.

Есть замечательные слова Мартина Нимеллера: «Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я же не коммунист. Потом они пришли за социал-демократами, я молчал, я же не социал-демократ. Потом они пришли за профсоюзными деятелями, я молчал, я же не член профсоюза. Потом они пришли за евреями, я молчал, я же не еврей. А потом они пришли за мной, и уже не было никого, кто бы мог протестовать». Уже некому было помочь. Ситуация с психологией пока еще не такая. Поэтому, я не говорю об интеграции, но хотя бы критическая рефлексия! Интеллектуалам необходимо понимание, что будущее за людьми, готовыми к изменениям. И те, кто тянет сегодня к нашествию варваров, к архаике, к социальному конформизму, повлекут

общество на дно. Психологи должны от-рефлексировать свою миссию, и не из-за себя, не из-за своего нарциссизма и эгоцентризма, а из-за того, что, если мы этого не сделаем, мы не сможем утешиться формулой «блаженны нищие духом», потому что они такого натворят, что мы уже не сможем этого ведать.

Т. А. Нестик. *У нас в психологическом сообществе не так много форматов, в которых мы могли бы обсуждать будущее, поскольку конференции обычно перенасыщены докладами, там не остается времени для вопросов и обсуждений. А с другой стороны, не так много и самих по себе конференций, устремленных в будущее. Может быть, необходимы какие-то специальные коммуникативные площадки?*

А. Г. Асмолов. Конечно. Нужны клубы, где бы шло неспешное обсуждение по принципу брейн-сторминга. Они необходимы как никогда — площадки, где, по сути дела, воплощалась бы модель гамбургского счета. Когда такие фабрики мысли появляются в определенных жестких структурах, они дают и теорию игр, и кибернетику, и когнитивную психологию, и стратегию, все направления только выигрывают. Поэтому то, что сегодня такие структуры начинают создаваться, очень интересно. Сбербанк как корпоративный университет и другие когнитивно сложные лидеры понимают, что, если они не создадут тех, кто наработает им варианты развития, они станут, как обезьяны В. Келера, рабами оптического поля. Поэтому подобного рода клубная форма развития очень важна. Может, я не к месту об этом говорю, но Римский клуб

сделал свое дело. Каждый из его членов решил пласт задач для выработки определенных повесток человечества. Иногда их дела потом становились тормозом, как конструкт устойчивого развития, при том, что устойчивого развития не бывает, но они и задавали программу многим государствам. Психологам пора, а вернее, уже вчера было пора заниматься подобным. Тем более, нас заметили, а раз заметили, то мы в фокусе тех, кому это нужно, но, к сожалению, и в фокусе тех, кто предпочел бы варваров. Вот так.

Т. А. Нестик. *Мы говорили о будущем психологии, и, возможно, я не спросил о чем-то важном. Вот если бы Вы проводили такую серию интервью с ведущими российскими психологами о будущем психологии в России и в мире, о чем бы еще Вы спросили этих людей? Что Вам интересно было бы узнать?*

А. Г. Асмолов. Мне было бы интересно проанализировать пути удачи. Почему, например, когда появился «Уолден-2» Б. Скиннера, он стал самым возбуждающим мышление психологом США. Мне было бы важно понять, почему мифология З. Фрейда стала удачей на века. Одним словом, интересна история психологических удач, когда психология превращается в реальность и вырастает до мировоззрения. Бихевиоризм почти что рванул через Скиннера, в виде Карнеги, к мировоззрению, захватив менеджмент, психологический анализ рванул к мировоззрению, захватив художественную литературу. Пожалуй, здесь я сделаю паузу. Очень хочется понять эволюцию психологии как историю мировоззренческих удач.

СОБЫТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

МАСШТАБНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. ЛЕОНТЬЕВА (5.02.1903 – 21.01.1979)

А. Н. Ждан

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: zhdan@list.ru*

Статья посвящена 115-летию со дня рождения классика отечественной психологии XX века Алексея Николаевича Леонтьева (1903–1979). Утверждается, что деятельность и личность А. Н. Леонтьева необходимо рассматривать в контексте эпохи, во многом определявшей стиль его научного языка и объяснявшей трудности понимания текстов его трудов. Воссозданы черты личности и многообразные направления его организационной, научной, педагогической и общественной деятельности. Дан теоретический анализ основных понятий и проблем разработанной им общепсихологической концепции, подчеркнуты ее преемственные связи с культурно-исторической теорией Л. С. Выготского, выявлены ее качественные особенности в отличие от классической психологии, показаны ее связи с работами поколения учеников и последователей, образование крупной научной традиции — культурно-деятельностной психологии. Выражается уверенность в неисчерпаемых ресурсах и возможных перспективах дальнейшего развития психологической теории деятельности в XXI веке.

Ключевые слова: психологическая теория деятельности, постулат непосредственности, деятельность, действие, сознание, личность, поступок, интериоризация, экстериоризация, чувственная ткань, личностный смысл, значение, мотив, цель, внешнее, внутреннее, психика, развитие психики, масштабность личности и деятельности А. Н. Леонтьева, факультет психологии МГУ.

DOI: 10.7868/S1819265318010119

Для цитаты: Ждан А. Н. (2018). Масштабность личности и деятельности А. Н. Леонтьева (5.02.1903 — 21.01.1979) // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 186–206.

Алексей Николаевич Леонтьев — крупный организатор отечественной психологической науки — разработал психологическую теорию деятельности — один из двух вариантов деятельностного под-

хода. Выдающийся педагог. Создал большую научную школу.

В последние десятилетия жизни (1960–70-е гг.) А. Н. Леонтьев был харизматическим формальным и неформальным

лидером отечественной психологической науки. Тот факт, что яркие личности были рядом с ним — А. Р. Лурия, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин и другие талантливые ученые, подлинными классиками психологии, все же не отменяет этого положения. Как хорошо сказал Ф. Е. Василюк, «Мы интуитивно чувствовали его необыкновенный масштаб и профессиональный, и человеческий. Он был человеком из какого-то другого мира. Мира Великих Людей, где обитали еще Лурия, Гальперин, но они воспринимались все же как более близкие к нам, больше похожими на обычных людей, чем Леонтьев. Я имею в виду внутреннее сосредоточение воли, которое в нем чувствовалось. Он был как натянутая струна» (Василюк, 2003, с. 234).

Дело и личность Алексея Николаевича Леонтьева необходимо рассматривать в контексте его исторического времени, эпохи, в которую он жил. Ему приходилось работать и творить в суровых социокультурных условиях. В обществе царил атмосфера непрекращающейся борьбы на разных фронтах: с космополитизмом, против преклонения перед иностранщиной; с субъективным методом интроспекции на Павловской сессии 1950 г. в контексте возникшей здесь полемики по вопросам соотношения психологии и физиологии высшей нервной деятельности в связи с вопросом о самостоятельности психологии как науки; в ходе дискуссий о языкознании (1950) и политэкономии (1952) в сталинские годы и др. Годы творческой деятельности А. Н. Леонтьева пришлось на эпоху крайней политизации и идеологизации всех сфер жизни, в том числе — науки, когда для того, чтобы выжить, нужно было овладеть особыми правилами изложения своих научных взглядов. Как вспоминал П. Я. Гальперин, нужно было уметь писать тексты, «состоящие из предложений, каждое из которых было многозначным.

Чтобы нельзя было вырвать предложение и сказать “Гражданин такой-то сделал такое-то заявление, это означает то-то и то-то, и за это мы этого гражданина вынем из науки и пошлем в лагерь”. Выжили люди, которые научились писать многозначные тексты» (Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е., 2005, с. 289). Как участник своего времени, в этой конкретной ситуации А. Н. Леонтьев выработал особый стиль своего научного языка. За текстом его работ скрывается большой подтекст, который нужно уметь выявить. Необходимость постоянно контролировать себя привела к *осторожности* в выражении своих мыслей. Тексты Леонтьева состоят из предложений, каждое из которых многозначно. О многом он молчал, например, почти не говорил о Г. И. Челпанове, у которого учился, совсем не говорил о Г. Г. Шпете, лекции которого слушал. Этим умолчаниям научила сложность времени, в которое он жил. Все это создает определенные трудности для понимания личности и творчества А. Н. Леонтьева, требует от читателя большой работы.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА (5 февраля 1903, Москва — 21 января 1979, Москва)

Первый период: 1903–1931: в русле культурно-исторической теории Л. С. Выготского

5 февраля 1903 — родился в Москве;
1921–1924 — обучался в Московском университете, закончил факультет общественных наук;

1924–1931 — работа в «Психологическом институте», в Академии Коммунистического Воспитания имени Н.К.Крупской; экспериментальные исследования произвольной памяти и внимания. Завершает этот период монография «Развитие памяти» (ГИЗ, 1931).

Второй период: 1931–1941: период пересмотра прежних концепций и самостоятельная разработка новых теоретических позиций в связи с проблемой психологии деятельности — становление психологии деятельности

1931–1934 — Украинский психоневрологический институт (г. Харьков); формирование харьковской группы (школы) психологов: А. В. Запорожец, Л. И. Божович, В. И. Аснин, П. И. Зинченко, Г. Д. Луков и др.; экспериментальные исследования чувственно-предметной деятельности и ее роли в психическом развитии. Введено различие категориальной пары: психика как образ и психика как процесс;

1934–1937 — возвращение в Москву; работа во Всесоюзном Институте Экспериментальной медицины (ВИЭМ) зав. лаб. генетической психологии. Экспериментальные исследования кожной чувствительности к видимым лучам света;

1936 — присвоена ученая степень кандидата биологических наук (без защиты диссертации);

1937 — работает в Психологическом институте зав. лабораторией «Развитие психики». Исследование проблемы возникновения и эволюции психики в филогенезе;

1941 (май) — защитил докторскую диссертацию на тему «Развитие психики. Очерк теории», в 2 т. (Ленинград);

Конец 1941 — эвакуация Психологического института вместе с МГУ, сначала в Ашхабад, откуда перебазировался в Свердловск (теперь Екатеринбург).

Третий период: 1941–1979. Развитие психологической теории деятельности

1942–1943 — науч. рук. Восстановительного госпиталя (Коуровка, Урал). Исследования по восстановлению движений руки после ранения. Продемонстрирова-

на практическая значимость теории деятельности и плодотворность физиологической теории о построении движений Н. А. Бернштейна. За счет использования техник, разработанных на базе деятельностного подхода и теории Бернштейна, возвращение раненых бойцов в строй сократилось в несколько раз;

1942–1951 — профессор кафедры психологии философского ф-та МГУ;

1951–1966 — зав. кафедрой психологии философского ф-та МГУ. Экспериментальные, теоретические и прикладные исследования в области общей и инженерной психологии;

1943–1960 — зав. лабораторией детской психологии в Психологическом институте АПН РСФСР, исследования онтогенеза психики;

1945–1950 — член-корреспондент АПН РСФСР;

1948 — дискуссия по книге А. Н. Леонтьева «Развитие психики»;

1950 — академик АПН РСФСР;

1959 — опубликованы «Проблемы развития психики», главный труд А. Н. Леонтьева;

1963 — Ленинская премия за книгу «Проблемы развития психики»;

1966–1979 — организатор и первый декан факультета психологии МГУ, зав. кафедрой общей психологии;

середина 1970-х гг. — опыт по обучению на факультете психологии группы слепо-глухо-немых студентов;

1975 — итоговая книга «Деятельность. Сознание. Личность». Ломоносовская премия 1 степени за эту книгу;

21 января 1979 — умер в Москве.

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ

А. Н. ЛЕОНТЬЕВА

В представлениях других людей Алексей Николаевич казался человеком более высокого роста, чем он был на самом деле, что отчасти объяснялось худобой. Как

А. Н. Леонтьев читает лекцию, 24 мая 1969 г.

вспоминал В. Ф. Тендряков, «Алексей Николаевич присел: острые колени выше плеч» (Тендряков, 1983, с. 270). Ф. Е. Василюк называет этот факт классическим феноменом социального восприятия, когда перцептивный образ складывается под влиянием ощущения величия личности. Он вспоминал, как однажды, увидев Алексея Николаевича на лестнице, подошел к нему с какой-то просьбой и, оказавшись с ним лицом к лицу, «с удивлением обнаружил, что он намного ниже меня, хотя я человек среднего роста. Это был какой-то перцептивный шок. Лекции ведь читал совсем другой, очень высокий Леонтьев. Конечно, это восприятие роста усиливалось его худобой, которая воспринималась как истонченность, и необыкновенной элегантностью всего облика Леонтьева. И в манере его движений, и в одежде чувствовалось такое изящество, какой-то парижский акцент. Все это по непонятной перцептивной логике добавляло облику Леонтьева десяток сантиметров, но главный вклад в преувеличенное ощущение роста делался все же интуицией величия этого человека» (Василюк, 2003, с. 234). Все, слушавшие лекции Алексея Николаевича, отмечали его артистизм. Он не был красивым, но его выразительное лицо завораживало. Оно не было неподвижным,

но непрерывно менялось, брови то взлетали, то опускались, менялась мимика. Особенно красивыми были его руки: аристократические длинные подвижные пальцы с ухоженными ногтями, жесты необыкновенно изысканы. Он всегда был великолепно одет: в безукоризненном, строгом, хорошо сшитом костюме: большую часть года — в черном, а в теплое время — в светлом, обязательно в крахмаленной белой рубашке, при галстукке. Так, в любую погоду, в любую жару. Алексей Николаевич пользовался кремлевскими ателье, чем очень гордился.

Личность и деятельность А. Н. ЛЕОНТЬЕВА

А. Н. Леонтьев ученый и педагог

Профессиональное становление А. Н. Леонтьева происходило под влиянием Л. С. Выготского, учеником и соратником которого он был. Своими теоретическими и экспериментальными исследованиями памяти и внимания Алексей Николаевич внес значительный вклад в разработку культурно-исторической психологии. В начале 1930-х гг. в логике развития подхода Выготского он заявил о необходимости включения проблемы

сознания в реальную деятельность. Он полагал, что только путем обращения к реальной жизни человека, к его деятельности возможно снять свойственную традиционной философско-психологической мысли мистификацию сознания и психики. Так была сформулирована задача, которая стала *главной теоретической проблемой творчества А. Н. Леонтьева*. А. Н. Леонтьев создал общепсихологическую теорию деятельности, которая, по его собственному признанию, преемственно связана с культурно-исторической психологией. «У самых истоков нас было трое, потом прибавилась пятерка, потом еще... Сейчас идеи Выготского живут, творчески развиваются сотнями и сотнями психологов» (Леонтьев А. А., 2003, с. 113).

Большое место в биографии А. Н. Леонтьева занимала педагогическая деятельность, вопросы обучения и воспитания. Он рассматривал их как проблемы психологии. Пафос его работ в этой области был направлен против интеллектуализации процесса образования. Обучение должно способствовать развитию не только ума, но и *целостной личности* учащегося. А. Н. Леонтьев утверждал положение о *зависимости успешности обучения от того смысла*, который имеет для ребенка изучаемое им. В своих исследованиях он показал возможность управлять интересами и процессами мотивации ребенка, которые побуждают и направляют его деятельность, придают ей сознательный характер. Основную задачу, стоящую перед высшим образованием, он видел в формировании специалистов высокой культуры и широкого кругозора, хорошо вооруженных современными научными знаниями, способных самостоятельно и творчески совершенствовать их. Эту задачу обучения студентов он считал неотделимой от дела нравственного воспитания личности. Будучи профессором Московского университета, он читал большой курс общей психологии, а также методо-

логии психологии. Как педагог он был неподражаем. Его лекции были трудны, но в то же время уникальны и незабываемы, он читал их пристрастно. Обработанные под редакцией Д. А. Леонтьева и Е. Е. Соколовой стенограммы лекций по общей психологии, прочитанных Алексеем Николаевичем Леонтьевым в 1973–1975 гг., были опубликованы (Леонтьев А. Н., 2000). Лекции Алексея Николаевича представляли собой маленький спектакль. Он выбирал какого-нибудь студента, сидящего на первом столе, подходил к нему, характерным движением выбрасывал руку вперед ладонью вверх, пристально смотрел на него, обращаясь к нему, говорил: «Ну, вы понимаете?». Тому не оставалось ничего другого, как в ответ согласнo кивать головой, хотя понимать Леонтьева было очень нелегко и удавалось не каждому. Он считал, что лекция не должна сообщать факты — студент найдет их и сам. Важно «завести мотор», как удачно выразилась Ю. Б. Гиппенрейтер, т.е. побудить студентов к самостоятельной внутренней работе во время слушания.

А. Н. Леонтьев был *выдающимся организатором науки и администратором*. Эта деятельность воплотилась в следующих направлениях и результатах:

- Создание факультетов психологии в МГУ и ЛГУ в 1966 г. До этого времени психология развивалась как одно из отделений в рамках философских факультетов;
- Введение в перечень ВАК квалификации «Психолог» и степени по психологическим наукам в середине 1960-х гг. До этого защитившие диссертацию психологи назывались кандидатами (или докторами) педагогических наук (в скобках: по психологии). Одним из аргументов для этих изменений была защищенная в начале 1960-х гг. диссертация на соискание ученой степени кандидата

педагогических наук (по психологии), посвященная поведению медоносной пчелы!

- Он много сделал для создания ИП РАН (1972). Начало этой работе по вхождению психологической науки в систему Академии наук СССР положил С. Л. Рубинштейн еще в 1940-е гг. Непосредственный организатор и первый директор этого института Б. Ф. Ломов признавал важную роль Леонтьева в создании ИП РАН.
- Велика роль А. Н. Леонтьева в проведении в Москве на базе МГУ XVIII Международного психологического конгресса в 1966 г. А. Н. Леонтьев был Президентом конгресса, А. Р. Лурия — председателем Программного комитета.
- На протяжении всей своей жизни А. Н. Леонтьев вел большую общественную деятельность. Он был инициатором создания Общества психологов СССР и ряд лет его президентом; вице-президентом общества «СССР — Франция» и др.

Административная работа занимала массу времени. Но она не была для него тяжелой обузой. Как отмечал А. А. Леонтьев, он любил и умел играть в административные игры: «Он играл в эти игры с увлечением и часто выигрывал, в том числе у тех, кто находился на гораздо более высоких этажах социальной иерархии» (Леонтьев А. А., 2003, с. 97).

А. Н. Леонтьев как декан

Эта должность включает огромную административную работу. Как декан, Алексей Николаевич был **мудрым стратегом**: все стратегические вопросы решал только сам, с полной ответственностью и сознанием высокого гражданского отношения к своим решениям. В связи

с этим встает проблема: **А. Н. Леонтьев и власть**. Он был вхож в ее высшие этажи, особенно в научный отдел ЦК КПСС, в ректорат МГУ. У него были личные связи с ректором с Г. И. Петровским, также и с ректором Р. В. Хохловым. С ректором А. А. Логуновым отношения были только формальными, по должности. Алексей Николаевич считал его недостаточно интеллигентным человеком. Все эти отношения с властью занимали очень много времени, но Алексей Николаевич любил это.

Все рабочие вопросы он отдавал своим заместителям и полностью доверял им. Он же продолжал строить факультет. Начинался факультет с трех кафедр (общей и прикладной психологии, психофизиологии и нейропсихологии, педагогики и педагогической психологии) и ряда лабораторий: психофизиологии ощущений; инженерной психологии; генетической психологии; программированного (управляемого) обучения. В структуру факультета был включен также кабинет педагогики. В связи с появлением и успешным развитием новых научных направлений в 1970 г. факультет был реорганизован и включал в свой состав вместо трех шесть кафедр: общей психологии; психологии труда и инженерной психологии; психофизиологии; нейропсихологии и патопсихологии; детской психологии; педагогики и педагогической психологии; в 1972 г. были созданы кафедра социальной психологии и лаборатория экспериментальной и прикладной психологии.

А. Н. Леонтьев поддерживал творческий дух на факультете. Это объективно выражалось в следующих формах.

1. В развитии фундаментальных исследований на факультете психологии. На факультете сложились и развивались крупные научные школы. Это, во-первых, школа психологической теории деятельности — школа охватывала практически весь факультет, поскольку исследовательская деятельность во всех подразделениях

А. Н. Леонтьев на Летней психологической школе в Пицунде, 1967 г.

факультета и в педагогическом процессе базировалась на этой теории. Во-вторых, это нейропсихологическая школа, созданная А. Р. Лурией, и патопсихологическая школа, основанная Б. В. Зейгарник. Другие школы: психофизиологическая школа, руководимая Е. Н. Соколовым; школа П. Я. Гальперина с ее теорией планомерного поэтапного формирования умственных действий и понятий; смысловая теория психологии мышления О. К. Тихомирова, в настоящее время развиваемая его последователями. Продолжает развиваться школа С. Л. Рубинштейна, основу которой составляет созданная им субъектно-деятельностная концепция. Университетскую психологию нередко упрекали в высокомерном академизме, в отрыве от практики. Это несправедливые упреки. На факультете сохранялись и продолжают успешно развиваться прикладные исследования, к настоящему времени ставшие традиционными в таких областях, как клиническая психология, психология труда и инженерная психология, педагогическая психология, социальная психология. Продуктом тенденции образования междисциплинарных областей стали реабилитология, психология безопасности, психология чрезвычайных ситуаций, информационная психология, психологическое консультирование, востребованные в та-

ких значимых областях социальной практики, как медицина, образование, социальная жизнь общества в целом.

2. На факультете многое делалось для развития творчества студентов. Были созданы научное студенческое общество (НСО), зимняя и позже летняя психологическая школа (ЛПШ) для студентов. Первая ЛПШ прошла в 1966 г. с участием ведущих профессоров — А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, Л. С. Цветковой и др.

3. На факультете проходили многочисленные научные дискуссии по принципиальным вопросам психологической науки: о ее предмете и методах, в частности, интереснейшая дискуссия об объективном методе в психологии, главным дискуссионным вопросом которой выступил В. П. Зинченко, опубликовавший (в соавторстве с М. К. Мамардашвили) статью «Проблема объективного метода в психологии» (1977 г.). Научная жизнь буквально пульсировала и, что особенно важно — с участием студентов! В практику вошли методологические семинары с выступлениями на них в том числе ученых других учреждений. В частности, среди выступающих были академики Б. М. Кедров, Б. В. Гнеденко, П. К. Анохин и др. Леонтьев считал, что студенты должны видеть и слышать всех крупных ученых и философов!

Кадровая политика Леонтьева как декана. Ее генеральную линию составляла ставка на своих выпускников. Талантливые выпускники, как правило, оставались на факультете: С. Д. Смирнов, В. В. Столин, А. Д. Логвиненко, В. К. Вилюнас, А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, В. А. Иванников и др. Они образовали следующее после классиков поколение ученых и преподавателей факультета.

А. Н. Леонтьев как заведующий кафедрой

Он стал заведующим кафедрой психологии философского факультета в 1951 г. С созданием факультета Алексей Николаевич занял пост заведующего кафедрой общей психологии, который занимал до конца своей жизни.

Он превратил заседания кафедры в своего рода небольшие научные конференции. Они проходили в кабинете декана. Различного рода организационные вопросы, требовавшие рассмотрения и утверждения принятых на заседании решений, обычно не занимали большого времени. В отличие от этого содержательные проблемы обсуждались обстоятельно. Нередко Алексей Николаевич отвлекался в сторону от основного вопроса, и тогда начинался интересный процесс преобразования заседания кафедры в живую лабораторию научной мысли. Все присутствующие были его участниками, а он руководил происходящим.

Некоторые особенности масштабной личности А. Н. Леонтьева

Во всем его внешнем облике была какая-то изысканная элегантность, подлинная интеллигентность. В манере общения с людьми выступала европейская культура. Хотя он был общительным открытым человеком, сам называл себя компенсированным интровертом. В об-

щении с ним не чувствовалось, что он начальник. Он был неизменно корректен и одинаков со всеми, будь то уборщица или академик, каждого называл только по имени отчеству — даже своих лаборантов: Юлия Борисовна, Ольга Васильевна, Любовь Семеновна и т.п. Но все же в общении с ним не только со стороны студентов, но и сотрудников незримо соблюдалась дистанция.

Он пытался вести себя ровно со всеми, не выделяя так называемых любимчиков, и наоборот, говорил, что работает с теми людьми, которые есть. О том, что это ему удавалось, говорит такой факт. На факультете работала профессор Е. И. Руднева. Она читала курс по педагогике, руководила работами студентов и аспирантов. Известно, что в 1937 г. она опубликовала подлую брошюру под названием «Педологические извращения Выготского» (вот так, без инициалов), в которой, как сказано в аннотации, «в кратких чертах дает критику педологических извращений в писаниях Выготского и показывает связь их с антиленинской “теорией” отмирания школы». Нетрудно догадаться, что это значило в 1930-е годы. Однако А. Н. Леонтьев не уволил Рудневу. Она спокойно продолжала работать на факультете до самой смерти. А ведь А. Н. Леонтьев был соратником и учеником Выготского!

Дверь его кабинета всегда была открыта, каждый мог зайти, но никому не хотелось зайти просто так и задавать ему глупые вопросы.

А. Н. Леонтьеву была свойственна беззаветная преданность делу и психологической науке — работал не ради карьеры. Он был одержим наукой. У него не было хобби, хотя он был и хороший охотник, и хорошо водил машину, любил работать руками, сам мастерил установки для проведения своих экспериментальных исследований, в частности, по световой чувствительности кожи. Но после

А. Н. Леонтьев в Венеции, 1963 г.

того, как однажды проехал на красный свет, потому что настолько был погружен в думы о делах, он перестал сам водить машину, имел шофера — это была единственная роскошь, которую он себе позволял.

У него было немного друзей, но тем, которые были, он готов был отдать все, что имел сам. Его гостеприимный дом был открыт. Здесь любили принимать гостей. Жена Алексея Николаевича, добрая, терпеливая и мудрая Маргарита Петровна, посвятившая ему всю свою жизнь, по-домашнему уютно организовывала дружеские застолья, участниками которых были в том числе и иностранные ученые — Ж. Пиаже и другие известные психологи. В отношении к друзьям проявились лучшие черты его личности. Опять обратимся к фактам. Среди друзей Алексея Николаевича был Д. Б. Эльконин. Судьба Эльконина была трагичной. Во время войны его семья — жена и две дочери — находились в оккупации (они жили на Украине) и были уничтожены фашистами. После окончания службы в армии ему некуда было вернуться. Он жил у А. Н. Леонтьева до тех пор, пока не подыскал себе жилье. Самым лучшим другом Алексея Николаевича был Александр Романович Лурия. Когда по каким-то служебным делам Леонтье-

ва не было в стране, Александр Романович, а не официальные заместители декана, выполнял обязанности декана. Он тяжело переживал кончину Лурии в августе 1977 г. В своем выступлении на похоронах, текст которого сохранился, он говорил так: «Трудно говорить... Уж очень тяжела утрата... Наши с А. Р. жизненные дороги встретились 53 года тому назад. С тех пор шли мы вместе, рядом — более полувека... рядом до самого конца... Безвременно ушел из жизни Л. С. (Выготский, — А. Ж.). Из троих нас осталось двое. Теперь ушел и ты, мой друг. Тяжело это сознавать» (Леонтьев А. А., 2003, с. 113). Мучительно это читать. Безусловно, что смерть друга приблизила его кончину.

Спустя почти 40 лет после кончины Алексея Николаевича его жизнь и деятельность остаются для нас, его потомков, прекрасным уроком и одним из источников работы в современных условиях.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Философские истоки теоретических изысканий А. Н. Леонтьева восходят к учению К. Маркса. Первая глава книги «Деятельность. Сознание. Личность» называется «Марксизм и психологическая

А. Н. Леонтьев за работой,
начало 1970-х гг.

наука» (Леонтьев А. Н., 1975). В трудах Маркса, писал здесь Леонтьев, «дается решение наиболее глубоких и сложных теоретических проблем психологической науки» (там же, с. 20). Согласно Леонтьеву, «в теории марксизма решающее важное значение для психологии имеет учение о человеческой *деятельности*, о ее развитии и ее формах» (там же). На этой основе он создал *монистическую концепцию*: категория деятельности является в ней исходной и важнейшей. «Я думаю, — писал Алексей Николаевич, — что *главное в этой книге состоит в попытке психологически осмыслить категории, наиболее важные для построения непротиворечивой системы психологии как конкретной науки о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов*. Это категория предметной деятельности, категория сознания человека и категория личности» (там же, с. 12). По существу в этом фрагменте дано определение предмета психологии.

Встает вопрос, как именно выступает категория деятельности в психологии:

«Ведь “на лбу деятельности”, — рассуждает Леонтьев, — не написано, предметом какой науки она является... деятельность изучается разными науками; можно изучать физиологию деятельности ... в политической экономии или социологии» (там же, с. 90).

По-разному определяется ее место в психологии: «рассматривается ли она лишь как условие психического отражения и его выражение, или же она рассматривается как процесс, несущий в себе те внутренние движущие противоречия, раздвоения и трансформации, которые порождают психику, являющуюся необходимым моментом собственного движения деятельности... Если первая из этих позиций выводит исследование деятельности в ее основной форме — в форме практики — за пределы психологии, то вторая позиция... предполагает, что деятельность, независимо от ее формы, входит в предмет психологической науки... Психологический анализ деятельности состоит, с точки зрения этой второй позиции, не в выделении из нее ее внутренних психических элементов для дальнейшего обособленного их изучения, а в том, чтобы ввести в психологию такие единицы анализа, которые несут в себе психическое отражение в его неотторжимости от порождающих его и им опосредуемых моментов человеческой деятельности. Эта, защищаемая мной позиция, требует, однако, перестройки всего концептуального аппарата психологии, которая намечена в данной книге» (там же, с. 12).

С введением категории деятельности Леонтьев связывал преодоление *постулата непосредственности*. Это понятие ввел Д. Н. Узнадзе. Этим понятием он обозначил общую для всех направлений психологии предпосылку, согласно которой будто бы «объективная действительность непосредственно и сразу влияет на психику и в этой непосредственной связи определяет ее деятельность»

(Узнадзе, 1966, с. 158). Узнадзе утверждал, что вследствие этой догматической предпосылки возникают ложные проблемы, поскольку ей не соответствует реальная жизнедеятельность животных и человека. Ключом для преодоления этого постулата он назвал *установку*, которая возникает у живого существа в ответ на воздействие извне и опосредует его реакцию. Однако, по Леонтьеву, понятие установки не раскрывает того содержательного процесса, в котором осуществляются реальные связи субъекта с предметным миром: «...реальный путь преодоления этого, по выражению Узнадзе, “рокового” для психологии постулата открывается введением в психологию категории предметной деятельности» (там же, с. 80).

«Деятельность есть молярная, не аддитивная единица жизни телесного материального субъекта. В более узком смысле, т.е. на психологическом уровне, это единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире... Деятельность — это не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращение, свое развитие... Эту категорию нужно взять во всей ее полноте...: со стороны ее структуры и в ее специфической динамике, в ее различных видах и формах», это и есть ответ на вопрос, «как именно выступает категория деятельности в психологии» (там же, с. 82).

Деятельность включена в систему общественных отношений. Они несут в себе мотивы и цели, средства и способы деятельности.

Характеристики деятельности

Основной — конституирующей — характеристикой деятельности является ее *предметность*. Уже в самом зарождении деятельности и психического от-

ражения обнаруживается их предметная природа. При переходе организмов от жизни в гомогенной среде к жизни в дискретной среде, т.е. к жизни в мире предметов с их различными, биотическими и абиотическими свойствами, начинается история приобретения жизненными процессами предметности. Появляются элементарные формы психического отражения, происходит превращение раздражимости в чувствительность, в способность ощущения. Их дальнейшую эволюцию раскрывает история развития предметного содержания деятельности: «предметный мир как бы все более “втягивается” в деятельность» (там же, с. 85).

Предмет выступает двояко: *первично* в своем независимом существовании, как подчиняющий себе деятельность, деятельность направляется предметом, и *вторично* как образ предмета — деятельность начинает направляться и регулироваться образом предмета как продуктом психического отражения его свойств. Проблеме формирования образа посвящены многие экспериментальные исследования Леонтьева. В области ощущений это, например, исследования по формированию звуковысотного слуха. Применительно к восприятию было введено понятие перцептивного действия. Показано, что «осуществляется двойной переход: переход *предмет — процесс деятельности* и переход *деятельность — ее субъективный продукт*» (там же, с. 86). Вместе с тем в деятельности происходят изменения и на полюсе объекта: деятельность переходит в объективный результат, в продукт, в котором она выступает как покоящееся свойство ее продукта, т.е. превращается в идеальное сверхчувственное свойство вещей (К. Маркс: «Промышленность есть раскрытая книга человеческих сущностных сил»).

Предметность обнаруживается в том, что деятельность подчиняется — *уподобляется* — свойствам предметного мира.

В этом проявляется *пластичность* деятельности, т.е. безграничная возможность отражать качества среды.

Вторым свойством деятельности является ее *активность* в противоположность реактивности в двучленной схеме, в соответствии с постулатом непосредственности. Деятельность избирательна. Она направляется *потребностью*. Потребность не лежит в самом субъекте, она также имеет предметную природу. Потребность образуется в результате встречи субъекта, испытывающего нужду в чем-то, с соответствующим этой нужде предметом, который и направляет деятельность.

Виды деятельности

Виды деятельности выделяются по разным основаниям. *По предмету* видов деятельности столько же, сколько существует предметов. Деятельности различаются также *по продукту*: это игра; учебная деятельность, труд, общение. Они достаточно хорошо изучены в нашей науке и продолжают оставаться предметом активного исследования. Не преследуя цель дать их полный обзор, можно назвать некоторые главные направления этих исследований. Следует отметить, что еще Л. С. Выготский указывал на центральное значение игры для понимания психического развития ребенка в дошкольном возрасте. Его ближайший соратник и ученик Д. Б. Эльконин опубликовал ряд исследований по психологии игры, разработал новое понимание игры (Эльконин, 1978). В. В. Давыдов теоретически и экспериментально исследовал учебную деятельность (Давыдов, 1996). Н. Ф. Талызина разработала деятельностьную теорию учения (Талызина, 1975; 1998). Капитальные исследования по психологии труда принадлежат Е. А. Климову (Климов, 1996; Климов, Носкова, Солнцева, 2015). Психология общения была предметом многолетних исследований А. А. Бо-

далева и его научной школы (Карпова, Лабунская, Пашукова, 2017).

По роли в развитии психики важнейшим является понятие *ведущей деятельности*. Это понятие ввел А. Н. Леонтьев (1944) в статье «К теории развития психики ребенка». В этой статье ведущая деятельность выделяется из всех других и характеризуется следующими тремя признаками:

- 1) внутри ведущей деятельности дифференцируются другие, новые формы деятельности (например, в игре появляются элементы обучения);
- 2) в ведущей деятельности формируются или перестраиваются частные психические процессы (в игре — воображение, в учебной деятельности — отвлеченное мышление, в труде — произвольное внимание);
- 3) от ведущей деятельности зависят основные психологические изменения личности.

Существенно заметить, что в последующих работах А. Н. Леонтьев не обращался к этому понятию.

Позже проблема ведущей деятельности стала предметом специального внимания и вызвала оживленную дискуссию среди психологов. В 1971 г. это понятие вновь ввел в научный оборот Д. Б. Эльконин и на его основе предложил новое теоретическое понимание периодизации психического развития в детском возрасте и содержания каждого периода (Эльконин, 1971). Он различал две системы отношений ребенка к действительности: освоение общественно выработанных способов действий с предметами и на этой основе формирование интеллектуально-познавательных сил ребенка, с одной стороны, и освоение мотивационно-потребностной сферы — с другой. Он показал, что эти периоды последовательно сменяют друг друга и тем самым создают периодичность процессов психического

развития. При этом Эльконин опирался также на опыт предшественников — на труды П. П. Блонского, Л. С. Выготского, материалы других исследователей психического развития ребенка, на данные об историческом происхождении отдельных возрастов. А. В. Петровский, С. Н. Карпова, Н. Ф. Талызина и другие ученые, признавая несомненным положение о ведущей роли деятельности в психическом развитии ребенка, выразили сомнения в правомерности выделять в разные периоды развития какую-либо *одну деятельность* в качестве ведущей. А. В. Петровский назвал такой подход *мифологемой возрастной психологии*, обратив при этом внимание на необходимость различения развития *психики* и развития *личности* (Петровский, 1987). Формирование гармонично развитой личности в любом возрасте обеспечивается, по Петровскому, «*комплексом органически взаимосвязанных деятельностей*», каждая из которых является «*личностнообразующей*» (там же, с. 26). На необходимость серьезной методологической и теоретической работы специалистов над содержанием понятия ведущей деятельности указывали С. Л. Рубинштейн, В. П. Зинченко и другие психологи.

Формы деятельности

Традиционно предметом изучения в психологии выступали многообразные психические явления как *события внутренней жизни* человека: чувственные образы предметов, мысли, потребности и побуждения, эмоции и воля, характерологические особенности, способности и другие компоненты внутреннего мира человека. Опираясь на результаты изучения практического интеллекта в филогенезе и онтогенезе, экспериментальные исследования поведения Дж. Уотсона, А. Н. Леонтьев поставил задачу раздвинуть границы психологического исследования,

не допустив при этом крайнего упрощения в трактовке поведения за счет исключения из его структуры психических компонентов, как это произошло в бихевиоризме, избежать ошибок которого впервые удалось *И. М. Сеченову* (1863). В контексте этой задачи А. Н. Леонтьев сформулировал проблему *соотношения внешней и внутренней деятельности*.

Как показали данные эмпирических исследований, генетически исходной является внешняя, предметная чувственно-практическая деятельность. Появление внутренней психической деятельности произошло в процессе исторического и онтогенетического развития психики человека. Фактическое положение вещей таково, что в ряде случаев все звенья деятельности являются внутренними и только их реализация происходит в форме внешних процессов. Такой является по преимуществу познавательная деятельность.

Был сделан вывод о том, что внутренняя деятельность имеет то же строение, что и внешняя. Поэтому между ними возможны взаимопереходы. Были введены понятия об *интериоризации* как процессе, в котором происходит не простое перемещение процесса из его внешней формы, но его формирование и разнообразные преобразования, и *экстериоризации* как противоположном процессе перехода от внутренней деятельности к внешней. Взаимопереходы этих двух процессов «образуют важнейшее движение предметной человеческой деятельности в ее историческом и онтогенетическом развитии» (Леонтьев А. Н., 1975, с. 101). Следовательно, «внутренняя по своей форме деятельность, происходя из внешней практической деятельности, не отделяется от нее и не становится над ней, а сохраняет принципиальную и при том двустороннюю связь с ней» (там же).

Так вместо традиционного противопоставления было провозглашено единство внешнего и внутреннего. Этот вывод

позволял преодолеть постулаты, довлевшие, как дамоклов меч, над нашей наукой и создававшие принципиальные трудности для трактовки предмета и методов психологической науки, для понимания ее места среди других наук.

Структура деятельности

Анализ структуры деятельности включал ее психический компонент. По Леонтьеву, «*понятие деятельности необходимо связано с понятием мотива. Деятельности без мотива не бывает*» (там же, с. 102).

Составляющими отдельных человеческих деятельностей являются *действия*. Действием Леонтьев называл процесс, подчиненный сознательной цели. При определенных условиях действия превращаются в *поступки*. Поступок — это обязательно личностно значимое действие (Леонтьев А. Н., 1983а, с. 381–385). Тщательное изучение процессов целеобразования было предметом исследований ученика и последователя Леонтьева *О. К. Тихомирова*. Осуществление действий требует необходимых условий, в соответствии с которыми складываются *операции*, адекватные условиям достижения целей.

«Итак, — подытоживает Леонтьев свой анализ, — в общем потоке деятельности, который образует человеческую жизнь в ее высших, опосредствованных психическим отражением проявлениях, анализ выделяет, во-первых, отдельные (особенные) деятельности — по критерию побуждающих их мотивов. Далее выделяются действия — процессы, подчиняющиеся сознательным целям. Наконец, это операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели. Эти “единицы” человеческой деятельности и образуют ее макроструктуру» (Леонтьев, 1975, с. 109).

Все эти составляющие деятельности складываются в динамике напряженной внутренней работы, которую постоян-

но осуществляет человек. Поуровневый анализ, начинающийся от высших образований в предметной деятельности человека, постепенно переходил к реализующим их *физиологическим механизмам*. Не допускать обособления деятельности от работы мозга! По существу это традиционная проблема соотношения психического и физиологического. Она имеет большую историю, которая рассматривалась во множестве работ, но принципиально воплотилась в двух теориях — психофизиологического параллелизма и теории тождества психических и физиологических функций. А. Н. Леонтьев дает новую трактовку проблемы. Он ставит ее как вопрос о *месте физиологических функций в структуре предметной деятельности*. В трактовке Леонтьева это вопрос о *физиологическом уровне деятельности*. Подобно тому, как проблему соотношения внешней и внутренней деятельности А. Н. Леонтьев решает не в противопоставлении их друг другу, также он избегает обособления психологии от физиологии. Он органично включает физиологию в свои психологические исследования деятельности. *Физиологические механизмы* включаются в структуру деятельности, выступают ее *уровнем*, следующим после целей. В соответствии с идеями культурно-исторической психологии Выготского, они рассматриваются как складывающиеся прижизненно в соответствии с требованиями деятельности. Адекватными для психологии Леонтьев считал введенные в отечественной физиологии понятия *функционального органа* (А. А. Ухтомский) и *функциональных систем* (П. К. Анохин). В зависимости от стоящих перед организмом задач, в его нервной системе складываются подвижные физиологические органы, которые функционируют как единое динамичное целое, способное перестраиваться, его отдельные компоненты обладают способностью к компенсации.

Таков *макроструктурный анализ деятельности*. Дробление физиологического уровня привело к необходимости *микроструктурного анализа*. Его задача заключается в выявлении функциональных блоков, прямых и обратных связей между ними. Она решалась в работах ученика и последователя Леонтьева *В. П. Зинченко* (Зинченко, 2017).

Факт включенности психической жизни в социальную жизнь, в общество вызвал еще одну, как писал Леонтьев, капитальной важности проблему. «Деятельность, образы, словом, все психическое может быть понято только как инфраструктура в суперструктуре, которая есть общество, общественные отношения, словом, инфраструктура психологического может быть понята только в связи с суперструктурой социального, потому что инфраструктура без этой суперструктуры не существует вообще» (Леонтьев, 1994, с. 258).

В понимании структуры деятельности важно, что ее составляющие неправомерно уподоблять кирпичам, из которых складывается деятельность. Она не складывается из них так же, как и действие не складывается из отдельных операций, оно может включать одну операцию, которая есть вместе с тем и деятельность. Так и деятельность может включать одно единственное действие: она, эта операция, вместе с тем и действие.

В поздних работах Леонтьев рассматривает категорию *поступка*. Поступок — это действие, которое определяется не из наличной ситуации, но связано с борьбой, по крайней мере, двух мотивов, из которых один положительный, другой отрицательный. Проблема поступка вводит в область психологии *личности*: поступок — это действие личности или, как говорил Алексей Николаевич в своей небольшой статье, обращенной к студентам-первокурсникам, «начало личности — поступок» (Леонтьев, 1983а, с. 381). Более подробно это понятие было разработано

в школе Леонтьева его последователями (В. В. Столин, В. В. Петухов, Д. А. Леонтьев и др.). Большое внимание уделял проблеме поступка С. Л. Рубинштейн.

В Леонтьевскую трактовку структуры деятельности органично включено психическое отражение. Поэтому, как было показано выше, единицы анализа деятельности оказываются неотделимыми от единиц анализа психики (мотив, цель) и разных форм ее генеза. «Анализ деятельности и составляет решающий пункт и главный метод научного познания психического отражения, сознания. В изучении форм общественного сознания — это анализ бытия общества, свойственных ему способов производства и системы общественных отношений; в изучении индивидуальной психики — это анализ деятельности индивидов в данных общественных условиях и конкретных обстоятельствах, которые выпадают на долю каждого из них» (Леонтьев, 1975, с. 23).

В дальнейшем все психологические темы рассматриваются специально в отдельных разделах, но всегда в связи с деятельностью: исследования ощущений, восприятия, мышления; онтогенеза с его проблемами; филогенеза — выделены стадии развития психики; антропогенеза (историогенеза) — происхождение сознания, условия его возникновения — возникновение труда и образование человеческого общества, появление *усвоения* как новой формы опыта у человека в отличие от только видового и индивидуального в форме навыков у животных, исторический анализ развития сознания в процессе развития общества (переход к исторической психологии).

Сознание

По Леонтьеву, изучение сознания не может быть отделено от исследования деятельности. Оно есть то, что опосредует и регулирует деятельность. Было выдвинуто

следующее методологическое положение: «Ключ к морфологии сознания лежит в морфологии деятельности» (Леонтьев, 1994, с. 46). Подобно деятельности, сознание также рассматривалось во всей его сложности. Главным было положение о *многомерности сознания*. Сознание представляет собой систему его «образующих». В явлениях сознания обнаруживается, прежде всего, их *чувственная ткань*. Она образует чувственный состав конкретных образов реальности. «Особая функция чувственных образов сознания состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту... именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а *вне* его сознания — как объективное “поле” и объект его деятельности» (Леонтьев, 1975, с. 134). Эта функция образов особенно обнаруживает себя в случаях нарушения или извращения восприятия внешних воздействий, когда у людей наблюдается потеря чувства реальности. В работах Леонтьева описываются многочисленные случаи таких нарушений (у раненых, полностью ослепших и временно потерявших кисти обеих рук; у здоровых людей в условиях инверсии зрительных впечатлений в экспериментальных исследованиях учеников Леонтьева А. Д. Логвиненко и В. В. Столина).

Чувственная ткань имеет индивидуальное существование. В отличие от этого, *значения*, другая «образующая» индивидуального сознания, отражает обобщенный общественный опыт познания действительности. Значения соотносимы с понятиями как предметом логики. Как проблема психологии, они рассматривались в русле ассоцианизма, этого основного направления классической эмпирической психологии, а также в исследованиях развития интеллекта в фундаментальных трудах Ж. Пиаже, в теории П. Я. Гальперина и в других концепциях. В насто-

ящее время в школе Леонтьева выделяются следующие группы значений: операциональные, предметные, словесные, ролевые. В работах Леонтьева значение рассматривается в системе общественных отношений, в общественном сознании, с одной стороны, и в деятельности и сознании индивида, с другой стороны. В этом последнем случае значения выступают как надиндивидуальный слой индивидуального сознания, т.е. в своей жизни в сознании индивидов. В этом существовании они не утрачивают своей абстрагированности, но в то же время их содержание не зависит от субъективных моментов — мотивации, эмоций и др. Когда эти внутренние отношения начинают влиять на значение, рождается еще один слой сознания — *личностный смысл*. Например, «отметка, — как пишет Леонтьев, — может выступить в сознании каждого из учащихся по-разному: скажем, как шаг (или препятствие) на пути к избранной профессии, или как способ утверждения себя, или, может быть, как-нибудь иначе. Вот это-то обстоятельство и ставит психологию перед необходимостью различать сознаваемое объективное значение и его значение для субъекта... я предпочитаю говорить в последнем случае о *личностном смысле*» (Леонтьев, 1975, с. 145). Личностные смыслы не имеют надиндивидуального существования. Они соотносятся с мотивами, с миром ценностей, эмоций, *переживаний*, в них представлен внутренний мир человека. Личностные смыслы придают психике пристрастность, сообщают ей *личностный характер*. За этим понятием скрываются проблемы психологии личности.

В концепции Леонтьева подчеркивается относительность разделения слоев сознания, необходимость их всех. Он пишет: «...сознание человека, как и сама его деятельность, не аддитивно. Это не плоскость, даже не емкость, заполненная образами и процессами. Это и не связи его

“единиц”, а внутреннее движение его об-
 разующих, включенное в общее движение
 деятельности, осуществляющей реальную
 жизнь индивида в обществе. Деятельность
 человека и составляет субстанцию его со-
 знания» (там же, с. 157). Они не абсолютно
 разделены один от другого. Ф. Е. Василюк
 отмечал, что чувственная ткань составля-
 ет сквозной компонент сознания. Схема
 составляющих структуру сознания еди-
 ниц открыта для дальнейшего развития.
 В. П. Зинченко дополнил схему Леонтье-
 ва. Он выделяет *биодинамическую ткань* —
 микродвижения, принимающие активное
 участие в построении чувственной тка-
 ни; объединяет эти две ткани в *бытийный*
слой сознания. Личностный смысл и зна-
 чение он объединяет в *рефлексивный слой*.
 Зинченко также вводит новый — *духовный*
 слой сознания (Зинченко, 2010, с. 249—
 274). Идеи Леонтьева во многом опреде-
 лили экспериментальные и теоретиче-
 ские работы В. Ф. Петренко. Он называл
 себя учеником Леонтьева, считал Алексея
 Николаевича своим Учителем. Петренко
 разработал оригинальный *психосеманти-*
ческий подход к исследованию сознания
 и личности (Петренко, 1997), в котором
 предложил трактовку индивидуальной
 системы значений как составляющей со-
 знание. Ее методологическое осмысление
 позволило построить целостную картину
 многомерного сознания (Петренко, 2010).
 Д. А. Леонтьев провел всесторонний те-
 оретический анализ смысловой сферы
 личности в сознании и деятельности че-
 ловека. Разработка общепсихологических
 представлений о смысловом измерении
 человеческого бытия получила воплоще-
 ние в его фундаментальном труде (Леон-
 тьев Д. А., 1999).

Личность

В дневниковых записях А. Н. Леон-
 тьева за 1974 г. есть такая: «Психология
 личности есть психология драматическая.

Почва и центр этой драмы — борьба лич-
 ности против своего духовного разруше-
 ния. Эта борьба никогда не прекращает-
 ся... Суть в том, что существуют эпохи ее
 заострения» (Леонтьев, 1983б, с. 241).

Изучение личности составляет, как
 писал Леонтьев, специальную, хотя и не
 отдельную проблему: глава V в его кни-
 ге «Деятельность. Сознание. Личность»
 называется «Деятельность и личность».
 Здесь она рассматривается как *внутрен-*
ний момент деятельности, полюс ее субъ-
 екта. В традиционной психологии под
 этим термином описывается разная ре-
 альность, которая к тому же трактует-
 ся с различных позиций — от биологиза-
 торских до ее трактовок как чисто духов-
 ного начала, в соотношении с вопросами
 о факторах формирования личности (на-
 следственность или среда), с проблемами
 общей и дифференциальной психологии.
 Существуют и другие подходы — куль-
 турно-антропологический, теория ролей.
 Все они критически анализируются Ле-
 онтьевым и приводят к неутешительно-
 му выводу об их несостоятельности, по-
 скольку ни один из них «не говорит о том,
 что ее (т.е. личность, — А. Ж.) порождает»
 (Леонтьев, 1975, с. 172).

Личность имеет общественно-исто-
 рическую сущность. Человек вступает
 в жизнь «как *индивид*, наделенный опре-
 деленными природными свойствами и
 способностями, личностью он становится
 лишь в качестве субъекта общественных
 отношений» (там же, с. 173). Личность че-
 ловека как и его сознание, *порождается*
деятельностью. Здесь важно различение
 понятий: *индивид* и *личность*. Они при-
 надлежат к разным уровням функциони-
 рования человека: биологическому и со-
 циальному, соответственно. О личности
 можно говорить только по отношению
 к человеку и притом, начиная с некото-
 рого этапа его развития. «Личность есть
 относительно поздний продукт обществен-
 но-исторического и онтогенетического

развития человека», — отмечал Леонтьев (там же, с. 176). Личность производится общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. Она не предшествует деятельности, но *порождается* ею.

Формирование личности — это особый процесс. Он не сводится к изменению природных свойств таких, как конституция, темперамент, биологические потребности. Они составляют условия, с помощью которых реализуются отношения человека с миром. Эти условия могут быть более или менее благоприятными. Например, указывает Леонтьев, ребенок с врожденным вывихом тазобедренного сустава не обречен на развитие под давлением комплекса неполноценности. Этого комплекса при определенных условиях воспитания у него может и не быть. В исследовании личности нужно исходить из развития деятельности ребенка, в ее различных видах и формах и связях между ними. Важный факт заключается в том, что разные деятельности не составляют простую их сумму. В ходе развития ребенка *деятельности вступают в иерархические отношения* между собой. Эти иерархии, по Леонтьеву, образуют *ядро личности*. Впервые это происходит у дошкольника.

Проводился такой опыт. Нужно было достать предмет, не вставая с места. Сразу после постановки задачи экспериментатор ушел из комнаты, но незаметно для ребенка наблюдал за ним. После безуспешных попыток малыш встал, взял предмет и вернулся на место. Экспериментатор вошел, похвалил его и в награду дал конфету. Ребенок отказывался ее взять, а после настойчивых слов экспериментатора заплакал. Почему он заплакал? Леонтьев дает такое объяснение. У ребенка вошли в столкновение два мотива: один — выполнить задание, второй — получить награду. Этот факт означает появление иерархии мотивов, который указы-

вает на начавшийся процесс образования личности. В более сложных случаях нарушение соподчиненности разных мотивов, за которым должно следовать требуемое соотношение деятельностей, проявляется в угрызениях совести. У дошкольника такое соподчинение происходит неосознанно. В дальнейшем жизнь ребенка расширяется, увеличиваются и усложняются связи с окружающим миром. Возникает необходимость осознания своих действий и их мотивов. Оно происходит в подростковом возрасте. Так в психическом развитии происходит *событие*: рождается личность. Личность рождается дважды: «первый раз — когда у ребенка проявляются в явных формах полимотивированность и соподчиненность его действий (вспомним феномен «горькой конфеты» и подобные ему), второй раз — когда возникает его сознательная личность» (Леонтьев, 1975, с. 211). Формирование личности продолжается на протяжении всей жизни человека, охватывает прошлое и будущее человека, происходит по горизонтали и по вертикали. Это непрерывный процесс, в котором наблюдаются отдельные сдвиги, порой тектонического масштаба.

Анализ развития личности производится в теории деятельности по следующим основаниям. Первое основание составляет такой параметр, как *богатство связей индивида с миром*. В ходе развития их круг может как расширяться, так и сужаться. Ч. Дарвин в своей автобиографии с сожалением отмечал, что с тех пор, как научная работа стала единственной сферой его интересов, он перестал получать удовольствие от живописи, музыки, чтения художественной литературы, которыми прежде наслаждался. Наука захватила всю его личность, и это оскудение огорчало его. Другой параметр личности — это *степень иерархизированности мотивов и деятельностей*. Этот параметр Леонтьев называет важнейшим. Он выражается

в том, что в действиях человека выделяется главный для него мотив, который превращается в жизненную цель. Леонтьев ссылается в качестве примера на трагедию А. С. Пушкина «Скупой рыцарь», в которой представлен богатч, ведущий аскетический образ жизни, подчиненной единственной цели — накоплению денег. Его жизнь обрывается, когда возникает угроза поделиться накопленным богатством с родным сыном. Это бессмысленная цель. Главной целью в жизни должно стать нечто значительное, истинно человеческое, приносящее благо другим людям. Третий параметр личности — это общий тип ее строения, психологический профиль личности, конфигурация ее мотивационных линий, их общая структура. Во всех этих параметрах личность рассматривается как то, что человек в процессе своей жизни делает из себя сам.

Последний теоретический вопрос касается *самосознания*. Как происходит осознание себя как личности, как «я»? Леонтьев отмечает, что в науке накопилось много эмпирических данных о развитии познания себя, своих индивидуальных особенностей. Этот материал, однако, дает лишь поверхностную картину человека как личности. При этом предполагается, что внутри личности находится какая-то особая инстанция или субстанция, некий маленький человек, который осуществляет работу познания себя, выступает центром связей личности с внешним миром. Анализ деятельности и сознания «неизбежно приводит к отказу от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического, “птолемеевского” понимания человека в пользу понимания “коперниковского”, рассматривающего человеческое “я” как включенное в общую систему взаимосвязей людей в обществе» (Леонтьев, 1975, с. 229). Ссылаясь на Маркса, Леонтьев развенчивает складывавшееся веками представление о «я» как таинственном центре личности. Собирая

по крупицам факты о формировании знаний о себе, содержащиеся в работах по психологии онтогенетического развития психики, опираясь на методологию и исследования в русле теории деятельности, Леонтьев приходит к выводу: «Центр этот лежит не в индивидуе, не за поверхностью кожи, а в его бытии» (там же). Его образуют многообразные деятельности субъекта, которые, связываясь в узлы, и образуют этот таинственный центр.

Исследования личности в русле деятельностного подхода начались еще при жизни А. Н. Леонтьева. В 1970-х гг. сложилась неформальная группа по изучению личности, в которую вошли сотрудники всех кафедр факультета психологии. А. Г. Асмолов разработал историко-эволюционный подход в психологии личности. Он выделил универсальные закономерности развития человека в биогенезе, социогенезе и персоногенезе, показал возможность синтеза представлений о человеке, сложившихся в разных науках, и его воплощения в психологической концепции личности, методологический пафос которой проникнут духом эволюции. В настоящее время масштабные исследования психологии личности являются предметом работы возглавляемой Асмоловым кафедры психологии личности. Разрабатываются научно-практические исследования по широкому кругу проблем: волевая регуляция поведения (В. А. Иванников); мотивационный анализ альтруистического поведения личности (Е. Е. Насиновская); культурно-деятельностный подход к мотивации (Е. Ю. Патяева), экзистенциальные проблемы психологии личности (Д. А. Леонтьев); этнопсихологический анализ социализации личности и межэтнических отношений, проблемы цифровой компетенции разных поколений и вопросы инновационной безопасности (Г. В. Солдатова), дифференциальная психология личности (В. Я. Романов) и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Психология деятельности — это не только крупнейшая теория, но и область практико-ориентированных исследований. На ее основе производится восстановительная работа нарушенных высших психических функций и движений человека. Большой размах она получила в годы Великой отечественной войны 1941–45 гг. В практике эвакогоспиталей на Урале в ее русле были разработаны эффективные методы функционально-восстановительной терапии, которые сыграли существенную роль в восстановлении боеспособности и трудоспособности раненых бойцов. Впечатляющим примером практической эффективности теории деятельности является опыт по обучению и воспитанию группы слепоглохих студентов из четырех человек на факультете психологии в 1970-х гг. Философским базисом этого опыта было учение Маркса и философско-психологическая концепция выдающегося философа второй половины XX в. Э. В. Ильенкова.

В заключение необходимо сказать, что А. Н. Леонтьев постоянно говорил о необходимости развития теории деятельности. Его беспокоил тот факт, что теория, которая в целом сложилась уже к концу 1940 г., в дальнейшем практически не развивалась. По инициативе А. Р. Лурия в конце 1969 г. состоялась научная дискуссия о проблемах деятельности. Она проходила в узком кругу. В ней участвовали, помимо А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, В. П. Зинченко. В своих выступлениях они обратили внимание на трудные проблемы, наметили пути их решения. В настоящее время психологическая теория деятельности, разработанная А. Н. Леонтьевым, занимает прочное место в отечественной и мировой науке, а также в философии.

А. Н. Леонтьев прожил длинную и очень насыщенную жизнь. Был ли он

удовлетворен тем, что сделал? На похоронах Лурии он сказал: «Ты ушел с чувством свершения... Увы, я слишком остро чувствую, как горько не иметь права на это чувство» (Леонтьев А. А., 2003, с. 113). Утешение он видел в том, что идеи Выготского, развитию которых была посвящена вся его творческая жизнь, «живут, творчески развиваются сотнями и сотнями наших психологов» (там же). Вот каким требовательным он был по отношению к себе! Жизнь Алексея Николаевича Леонтьева — прекрасный урок нам, его потомкам.

Литература

- Василюк Ф. Е. (2003). «Вы понимаете...» // Журнал практического психолога. №1–2. С. 232–240.
- Давыдов В. В. (1996). Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР.
- Ждан А. Н. (2009). Пути и принципы исследования сознания в истории психологии // Методология и история психологии. 2009. Вып. 1. С. 47–60.
- Зинченко В. П. (2010). Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур.
- Зинченко В. П. (2017). Восприятие и визуальная культура / сост. Н. Д. Гордеева, науч. ред. А. И. Назаров, Т. Г. Щедрина. М.: СПБ: ЦГИ Принт, 2017.
- Карпова Н. Л., Лабунская В. А., Пащукова Т. И. (ред.) (2017). Психология общения: школа академика А. А. Бодалева. М.: Ассоциация школьных библиотек русского мира (РШБА).
- Климов Е. А. (1996). Психология профессионала. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК».
- Климов Е. А., Носкова О. Г., Солнцева Г. Н. (2015). (ред.) Психология труда, инженерная психология и эргономика М.: Юрайт.
- Леонтьев А. А. (2003). Жизненный и творческий путь А. Н. Леонтьева. М.: Смысл.
- Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е. (2005). Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл.
- Леонтьев А. Н. (1975). Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат.

Леонтьев А. Н. (1983а). Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика.

Леонтьев А. Н. (1983б). Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. 2. М.: Педагогика.

Леонтьев А. Н. (1994). Философия психологии: Из научного наследия / под ред. А. А. Леонтьева, Д. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Леонтьев А. Н. (2000). Лекции по общей психологии. М.: Смысл.

Леонтьев Д. А. (1999). Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл.

Петренко В. Ф. (1997). Основы психосемантики. Смоленск: Изд-во СГУ.

Петренко В. Ф. (2010). Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф.

Петровский А. В. (1987). Развитие личности и проблема ведущей деятельности // Вопросы психологии. № 1. С. 15–26.

Сеченов И. М. (1863). Рефлексы головного мозга // Медицинский вестник. №47–48.

Талызина Н. Ф. (1975). Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Талызина Н. Ф. (1998). Педагогическая психология. М.: Академия.

Тендряков В. Ф. (1983). Проселочные беседы // А. Н. Леонтьев и современная психология / под ред. А. В. Запорожца, В. П. Зинченко, О. К. Тихомирова. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Эльконин Д. Б. (1971). К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. № 4. С. 6–20.

Эльконин Д. Б. (1978). Психология игры. М.: Педагогика.

Узнадзе Д. Н. (1966). Психологические исследования. М.: Наука.

**«ВСЕ В МОЕЙ ЖИЗНИ ТАК СКЛАДЫВАЛОСЬ,
ЧТОБЫ Я ОБЯЗАТЕЛЬНО СТАЛ ПСИХОЛОГОМ»:
НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ Г. В. ЗАЛЕВСКОГО**

DOI: 10.7868/S1819265318010120

Для цитаты: Мазилов В. А. (2018). «Все в моей жизни так складывалось, чтобы я обязательно стал психологом»: несколько штрихов к портрету Г. В. Залевского // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 207-217

Генрих Владиславович Залевский — известный отечественный ученый-психолог, организатор науки, педагог, преподаватель, главный редактор авторитетного журнала, председатель двух диссертационных советов, член-корреспондент Российской Академии образования, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Его труды широко известны и пользуются большой и заслуженной популярностью.

Сфера научных интересов Г. В. Залевского и, соответственно, диапазон научного вклада в психологию чрезвычайно широки и многоплановы. Возникает устойчивое впечатление, что такое коли-

чество свершений по силам крупному научному подразделению, например, исследовательскому институту. 1 января 2018 г. Генриху Владиславовичу исполнилось 80 лет. Перечислим лишь некоторые направления многогранной научно-исследовательской деятельности юбиляра.

Г. В. Залевский — известный специалист в области методологии психологической науки. Его перу принадлежит знаменитая работа 1988 года, ставшая классической, написанная в соавторстве с его учителем М. С. Роговиным, посвященная теории психологического и психопатологического исследования (Роговин, Залевский, 1988). По этой книге студенты

М. С. Роговин и Г. В. Залевский, Тартуский университет, февраль 1971 г.

многих психологических факультетов постигали премудрости методологии психологии, фрагменты ее разошлись по психологическим хрестоматиям. Обратим внимание на некоторые важные идеи, содержащиеся в книге.

М. С. Роговин и Г. В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид — знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть «предметное знание». Второй вид — знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике — «знание методологическое». Третий вид знания — «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помогает нам понять общее состояние психологии в каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе (Роговин, Залевский, 1988 с. 8).

Другой чрезвычайно важный методологический сюжет, рассмотренный в упомянутой книге, касается классификации методов психологии. Авторами была предложена классификация методов, альтернативная ананьевской. Авторы рассматривают метод «как выражение

некоторых основных соотношений между субъектом и объектом в процессе познания» (там же, с. 72). Общее число методов, согласно М. С. Роговину и Г. В. Залевскому, может быть сведено к шести основным. Первый — герменевтический метод, который генетически соответствует нерасчлененному состоянию наук. В нем субъект и объект познания не противопоставлены резко, в единстве функционируют мыслительные операции и метод, здесь познавательная деятельность регламентируется правилами языка и логики. Второй — биографический, выделение целостного объекта познания наук о психике. Третий — наблюдение, дифференциация субъекта и объекта познания. Четвертый — самонаблюдение, на основе развитого внешнего наблюдения, уже имевшей место дифференциации, превращение субъекта в объект, их слияние. Пятый — клинический. В клиническом методе субъектно-объектные отношения как таковые отходят на второй план, а на первый план выступает задача перехода от внешне наблюдаемого к внутренним механизмам психического. Шестой — метод эксперимента, при котором имеет место изоляция отдельных переменных, целенаправленное манипулирование ими для наиболее рационального

познания каузальных связей. В методе эксперимента субъект познания не только с максимальной активностью противостоит объекту, но и учитывается роль субъекта в процессе познания, оценивается достоверность выдвигаемых им гипотез (там же, с. 72–73).

В этой же работе (она переиздана в 1-м томе «Избранных трудов в шести томах» (Залевский, 2013, т. 1)) дается авторская трактовка соотношения психопатологического и психологического исследования, предлагается решение фундаментальных методологических вопросов клинической и медицинской психологии.

Методологические изыскания были продолжены Г. В. Залевским в его замечательных работах, посвященных проблемам понимания и объяснения — важнейшим феноменам психологической науки, исследовать которые отваживаются лишь немногие ученые (Залевский, 2008а; 2013, т. 1, с. 215–244, и др.). Внимание к изучению этих вопросов было привлечено работами М. С. Роговина, ученик выступает достойным продолжателем дела своего учителя. «Объяснение имеет структурно-уровневое строение не случайно, но это есть экстраполяция на самый процесс исследования внутренней логической структуры предмета психологии. В результате проведенных исследований мы, следуя таким мыслителям, как Аристотель, Х. Джексон, П. Жане и Н. А. Бернштейн, пришли к заключению о возможности объяснять закономерности многих видов деятельности их структурно-уровневой организацией. Под последней имеется в виду идеализированное соотношение целей и средств деятельности, когда уровень цели выступает как высший, т.е. направляющий и регулирующий, а средства образуют иерархическую структуру, подчиненную этому уровню цели. Совершаемые человеком (в психологическом исследовании — испытуемым) действия осуществляются в рамках этой структуры,

но вместе с тем они образуют и иную — уже динамическую, в нашей терминологии акциональную структуру (от франц. action — действие)» (Залевский, 2013, т. 1, с. 215). Структурно-уровневая методология, как представляется, тот подход, который далеко не исчерпал свой потенциал и имеет большие перспективы именно как методологический подход.

В недавних работах, включенных в первый том избранных трудов, Г. В. Залевский фактически выходит за рамки традиционной методологии и пишет труды по философии психологии — той области знания, которая остро необходима, но еще только складывается в нашей стране. Как можно видеть, Залевский один из пионеров в разработке этой области психологического знания. «От иррического к ноэтическому и обратно — это путешествие в поисках предмета психологии — некоей психологической реальности, сущности этой реальности, а также путешествие в поисках человеком самого себя» (там же, с. 258) — как легко убедиться, здесь Генрих Владиславович уже выступает как трансперсональный психолог.

Другая ипостась научного творчества Генриха Владиславовича — история психологии. Здесь требуются определенные комментарии. История психологии очень коварная научная область, требующая от пишущего досконального знания. Иначе очень легко перейти к оперированию ярлыками, штампами, клише, которые упрощают и искажают историческую картину исследования многомерного психического, делая ее плоской и карикатурной. Впрочем, приведем одну цитату из произведения юбиляра: «Многие молодые стажеры и аспиранты очень стремились попасть к Михаилу Семеновичу в аспиранты, но из того их поколения я ему приглянулся, наверное, еще и потому, что я тоже владел на то время немецким и английским языками, а это было несомненным моим преимуществом в плане

возможности узнать мировую психологию, так сказать, из первых уст, из знакомства с оригиналами психологической классики и современной зарубежной психологической литературы» (Залевский, 2013, т. 6, с. 35). Именно это сочетание знания языков и широчайшей эрудиции автора, стремления «узнать из первых уст, из знакомства с оригиналами психологической классики и современной зарубежной психологической литературы» и научной скрупулезности делает историко-психологические изыскания Г. В. Залевского столь притягательными и значимыми. Отметим, что, как ни удивительно, по истории клинической психологии очень мало работ, и в этой области Г. В. Залевский является пионером-первопроходцем (Залевский, 1999; 2006б и др.).

Только очень эрудированный и подготовленный человек может выступать автором многоязычных психологических словарей. Г. В. Залевский — редкий автор, переводчик и редактор двуязычных немецко-русского, французско-русского и многоязычного русско-англо-немецкого психологических словарей (Залевский, 2004; 2013, т. 5 и др.). Интеграция — несомненная ценность в современной психологии, Г. В. Залевский, с моей точки зрения, является ярким представителем идеи интегративности в современной психологии.

Конечно, центральное звено научного творчества Г. В. Залевского — это различные аспекты клинической психологии. Он признанный лидер, автор широкоизвестных и популярных теорий бихевиорально-когнитивной терапии, фиксированных форм поведения в норме и патологии, теории супервизорства в психотерапии, работ по психогигиене и т.д. Назовем только некоторые труды Г. В. Залевского: «Фиксированные формы поведения» (1976), «Психическая ригидность в норме и патологии» (1993), «К истории, состоянию и про-

блемам современной клинической психологии» (1999), «Основы современной бихевиорально-когнитивной психотерапии и консультирования» (2002), «Введение в клиническую психологию (2006в), «Личность и фиксированные формы поведения» (2007), «Психологическая супервизия: современное состояние и перспективы развития» (2008б) и др. Кажется, нет такой сферы в психологии, где бы мы не нашли следов активной деятельности нашего юбиляра. Добавим еще только, что им разработана знаменитая методика, широко применяющаяся в психологических исследованиях: Томский опросник ригидности Залевского.

Не будем здесь перечислять все научные достижения. Достаточно ознакомиться с оглавлением «Избранных трудов в шести томах» (2013), чтобы понять, что предшествующие годы были очень продуктивными. Заметим, что шесть томов далеко не исчерпывают всех научных трудов Генриха Владиславовича.

Вспомним и о том, что Г. В. Залевский является крупным организатором науки. За годы работы в Иркутске, Тернополе, Томске Г. В. Залевским и при его непосредственном участии было создано немало различных научных структур. Для примера приведем справку по Томскому периоду деятельности Залевского. В декабре 1982 г. по рекомендации академика А. В. Снежневского и по приглашению Томского научного Центра СО АМН СССР Генрих Владиславович переехал в Томск, где организовал и возглавил лабораторию медицинской психологии НИИ психического здоровья СО ТНЦ АМН СССР (с 1991 — РАМН). С февраля 1993 года он директор Института образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО. Одновременно по совместительству заведующий кафедрой общей и прикладной психологии Томского государственного педагогического университета. С 1 сентября 1999 г. — профессор,

с 15 декабря — заведующий кафедрой генетической и клинической психологии факультета психологии Томского государственного университета. В Томском университете был открыт диссертационный совет по психологии под председательством Генриха Владиславовича, он был основателем и является бессменным главным редактором «Сибирского психологического журнала», одного из лучших психологических изданий в нашей стране.

Отметим, что Генрих Владиславович является участником многих Международных научных форумов, в том числе и Международных психологических конгрессов, что позволяет ему объективно судить о тенденциях и перспективах разви-

тия психологии. Будучи участником форумов и конференций, Залевский объехал полмира: мало кто может себе так ясно представить, что являет собой современная мировая психологическая наука, не по чужим описаниям, а по собственным оценкам и выводам.

Нельзя не сказать о том, что для творческой биографии Генриха Владиславовича характерны, как он сам отмечает, «зигзаги жизни». Будучи признанным лидером сибирской школы, Залевский, совершив очередной зигзаг, оказался на Балтике, в Калининграде, где ныне он профессор Балтийского федерального университета. Залевский развернул собственную ему кипучую энергию: теперь

Г. В. Залевский — основатель и бессменный главный редактор «Сибирского психологического журнала»

Г. В. Залевский — председатель организационного комитета международной конференции «Теория и фундаментальные проблемы психологических практик (на примере психологической супервизии)», Томск, 4 июня 2012 г.

Первый Балтийский международный научно-гуманитарный форум «Проблемы психологии безопасности и здоровья — теория и практика», 31.05–04.06.2017 (Калининград, Россия). Слева направо: Александр Викторович Соловьев, к.псих.н., доктор философии Оксфордского университета (Москва); проф. Генрих Владиславович Залевский (Калининград, БФУ им. И. Канта); Александр Дмитриевич Карнышев, профессор, д.псих.н., зав. лабораторией психологии ИркГУ (Иркутск); Петер Шюлер, доктор психологии (Институт когнитивно-поведенческой психотерапии Кассель — Бад-Эмсталь, Германия)

Проф. Г. В. Залевский на открытии VII Сибирского психологического форума «Комплексные исследования человека: Психология», 28–29 ноября 2017 г., Томск

и в Калининграде с неизменным успехом проводятся ежегодные научные конференции. Заметим при этом, что сибирские «нагрузки» остались за Генрихом Владиславовичем — он по-прежнему председатель диссертационного совета в Томске и главный редактор знаменитого журнала.

Генрих Владиславович создал школу, является научным руководителем, давшим старт в большую науку десяткам своих учеников.

Если бы потребовалось определить Генриха Владиславовича одной фразой, я бы выбрал такую: он **настоящий пси-**

холог. Именно: не только преподаватель психологии (которых много), не только психолог-исследователь (которых много меньше), но и собственно психолог (коих совсем немного). Настоящих психологов — единицы. Впрочем, к этому мы еще вернемся...

А пока перелистаем страницы биографии. Воспользуемся тем, что наш герой не только главный редактор одного из лучших в стране психологических журналов, но и писатель. Г. В. Залевский — автор книги мемуаров, в которой описана его непростая жизнь. Но она не просто

описана, но и проанализирована. Мне кажется, ключом к пониманию творчества Залевского является его собственное признание: «Мои психологические труды и жизнь (автобиография) моя, конечно, различаются, это разные жанры, но все же не стоит их разъединять. Я, конечно, не родился в семье профессиональных психологов и, тем более, не родился психологом, но, видимо, все в моей жизни так складывалось, чтобы я обязательно стал психологом» (Залевский, 2013, т. 6, с. 5).

Родился Генрих Залевский 1 января 1938 года в маленьком городке Бар Винницкой области. «Я — ребенок лихих военных и голодных послевоенных лет. А все в моей жизни начиналось тоже своеобразно — в ночь под новый 1938 год, когда вся семья собралась встречать этот самый Новый год, мою маму срочно увозят рожать меня. До сего дня мне не известно, родился я до боя курантов, т.е. в старом году, или после боя курантов — в новом году. Но родители поступили в любом случае мудро, посчитав день (ночь) моего рождения 1 января 1938 года, тем самым я на целый год оказался моложе! Да и вообще — я праздную сразу два праздника вместе — Новый год и день рождения, далеко не всем так везело сразу» (Залевский, 2013, т. 6, с. 5–6).

Откуда такое необычное имя? «Назвали меня Генрихом. В отношении имен своих детей мои родители были довольно оригинальны — всем детям дали довольно редкие имена, заглянув в какую-то книгу-справочник имен: Маина (Мая), Рикард, Викентий, да и меня, последнего, Генрихом нарекли. Что-то польское в наших именах было (а надо сказать, что по матери у меня корни польские, бабушка и дедушка по материнской линии из обедневшей польской шляхты Гжешевских). Но то, что я Генрих, об этом знали только документы, даже близкие об этом не очень помнили. Я был для товарищей по школе, по улице, по работе, по армии

Генкой, Геннадием, а для моих близких — Геной. Я стеснялся своего имени Генрих, и в этом опять же виновата была война, немцы-оккупанты, т.е. фашисты. Меня запросто могли бы мои сверстники, и не только, обзывать Фрицем, фашистом и т.д. Да и мои родители не могли знать, что скоро будет война, и немцы-фашисты, в том числе и “Генрихи” нападут на Советский Союз, оккупируют Украину, будут хозяйничать и в Баре до апреля 1944 года» (там же, с 6).

Детство, действительно, выдалось и лихим, и голодным, и во многом страшным. «Многое вспоминается из того лихого времени, благодаря рассказам и воспоминаниям более старших — сестры и брата, родителей. Например, о том, как мама, чтобы прокормить четырех детей и мужа-инвалида первой группы (отец был контужен еще до войны, будучи военным авиамехаником в Севастополе), работая в немецкой столовой посудомойкой, с угрозой для жизни тайком уносила что-то из еды детям. Как квартировавший в нашей квартире немецкий офицер любил брать брата Викентия в районе ушей за голову, поднимать и спрашивать, а “не видит ли он Москву”. А после этого иногда давал малышу шоколадку. Вот такой шутник. Но долго еще и уже далеко после войны брат жаловался на головные боли. Смутно помнится, опять же при воспоминаниях взрослых, как мимо дома, в котором мы жили где-то в году 1942–1943, по улице, которая вела на городское кладбище (цвинтар), немцы вели колонну евреев на расстрел» (там же, с. 7).

Учился Генрих в украинской школе, так что русский язык, как и немецкий, был для него иностранным. Сам Генрих Владиславович отмечал, что хорошее знание немецкого языка предопределило выбор жизненного пути.

Путь в психологию Генриха Владиславовича оказался совсем не простым — как почти все в его жизни имело

траекторию, напоминающую вышеупомянутые зигзаги. Психологию Залевский начал изучать еще в школе (вместе с логикой) в начале 1950-х, поэтому никак не думал, что когда-то станет психологом. После школьного знакомства с психологией прошло много времени — к психологии он обратился в 1967 году. А в этом длительном временном промежутке «познавал жизнь» в ее разнообразных формах. В Киеве был разнорабочим на авиазаводе, где начали строить знаменитые Антеи. В родном городке Баре на сахарном заводе работал кочегаром-водокатом, в Донецке (Сталино) был шахтером — подземным электрослесарем. Во время службы в армии в Кременчуге и в ГДР (в Группе Советских войск) — радиотелеграфистом, младшим командиром в войсках ПВО, охраняющим воздушный коридор Западная Германия — Западный Берлин. После демобилизации в Иркутске учился в Педагогическом институте иностранных языков имени Хо Ши Мина, там же после окончания института работал ассистентом кафедры педагогики и психологии. Попал в Москву, был направлен на стажировку по психологии на кафедру психологии МГПИ им. В. И. Ленина, заведовал которой в то время Артур Владимирович Петровский.

Из автобиографического произведения Г. В. Залевского: «Первым заведующим этой кафедры был известный психолог-марксист Константин Николаевич Корнилов. О нем ходило много легенд, одна из них была о том, как он, по его словам, оценивал психологические диссертации. “Я кладу диссертацию рядом с ‘Капиталом’ Маркса и смотрю: если диссертация совпадает с ‘Капиталом’, то значит хорошая, а не совпадает, то плохая. На этой кафедре работали и классики советской психологии, такие, например, как профессор Николай Федорович Добрынин, автор классических работ по проблемам внимания и значимости,

Михаил Семенович Роговин, который уже при мне защитил докторскую диссертацию, стал профессором, глубокий ученый, знавший три европейских языка, а потому и мировую психологию, давший впоследствии согласие стать моим научным руководителем, хотя формально вторым (первым был Н. Ф. Добрынин), но по существу главным» (Залевский, 2013, т. 6, с. 36). И далее о своем научном руководителе М. С. Роговине: «Я всегда останусь благодарным Михаилу Семеновичу и его семье за науку, за понимание, поддержку в трудные минуты жизни в Москве, благодаря чему я досрочно — не за два года, а за один — завершил стажировку, поступил в аспирантуру, успешно ее закончил и защитил в сентябре 1971 года кандидатскую диссертацию. А много лет спустя, именно по рекомендации Михаила Семеновича и при поддержке академика АМН СССР А. В. Снежневского, я очутился в Томске в качестве руководителя лаборатории патопсихологии НИИ психического здоровья ТНЦ СО РАМН» (там же). И — трудно удержаться, чтобы не привести еще один фрагмент: «Вместо своего рассказа о защите я приведу отзыв на мою диссертацию, который дал на нее мой первый оппонент профессор Федор Дмитриевич Горбов, очень уважаемый ученый, медик и психолог, участвовавший в свое время в подготовке Юрия Гагарина к полету, за что был награжден орденом Красной звезды... Так вот, еще в такси по дороге на заседание диссертационного совета он меня почти что ругал, зачем я так много лишнего для кандидатской диссертации наделал. Но самое интересное, особенно для меня, а также для членов совета, коллег и друзей, было то, что сказал и предложил по поводу моей диссертации мой первый оппонент...: “Считаю своим долгом обратиться к Ученому совету с предложением о рассмотрении представленной работы как докторской диссертации

и представлении автора к степени доктора психологических наук, которой он достоин. Считаю также необходимым рекомендовать работу к печати. В такой монографии будет заинтересован самый широкий круг уже готовых специалистов, несомненна ее польза для людей, подготавливающихся к работе в психологии и медицине» (там же, с. 34–35).

Г. В. Залевский никогда не забывал своего учителя М. С. Роговина и сохранил ему благодарность на всю жизнь. В частности, к его 85-летию со дня рождения в 2006 году он опубликовал статью «О научном наследии М. С. Роговина», в которой описаны вехи научной биографии Роговина, отмечен его вклад в развитие психологической науки, прежде всего в общую психологию, патопсихологию и психопатологию. Освещена суть развитой М. С. Роговиным общепсихологической структурно-уровневой теории психики человека и возможности ее внедрения в клиничко-психологические исследования и практику (Залевский, 2006а).

Не будем пересказывать насыщенную событиями биографию Г. В. Залевского, тем более, что он сам прекрасно описал свою жизнь. Отсылаю заинтересованного читателя к автобиографическому произведению юбиляра (Залевский, 2013, т. 6). В связи с этим не могу не отметить еще один яркий талант нашего юбиляра — его литературный дар. Он легко и понятно пишет. Он автор пронзительных воспоминаний о своей жизни. Известно, что многим великим не удавалось преодолеть искушение, состоящее в том, чтобы совсем немного приукрасить, чуть-чуть «поправить» действительность. Залевскому это удается. Он пишет «как есть», приводя зачастую не самые приятные для себя факты. Это роднит его с З. Фрейдом, который был безжалостен к себе и во имя точности анализа не жертвовал истиной. И это дает основание заключить,

что Генрих Владиславович, действительно настоящий психолог, для которого главное — истина.

Г. В. Залевский, конечно, по его собственному определению, человек иррический. Процитируем одну его работу: «Согласно метафоре, предложенной нами..., сущность человека, его жизни, здоровья и развития выражается в движении в указанных выше мирах или пространствах и во времени от иррического (земного, телесного) к ноэтическому (духовному, ценностно-смысловому): человеческим идеалам, высшим чувствам, эстетическим, религиозным, интеллектуальным, нравственным ценностям, любви, самопознанию, творчеству, свободе, духовному здоровью и обратно. Мера личности и ее здоровья определяется высотой, на которую она поднимается, трансцендирует над иррическим, устремляясь к ноэтическому, и фактом ее возвращения назад к иррическому, с целью его одухотворения и принятия его энергии для нового взлета. Как известно из греческой мифологии, сила известного титана возрождалась в нем после того, как он дотрагивался до земли» (Залевский, 2013, т. 6).

Когда-то мне пришлось писать про учителя Генриха Владиславовича — замечательного отечественного психолога Михаила Семеновича Роговина (Мазилов, 2016). В семидесятые годы прошлого века мне посчастливилось учиться в Ярославском государственном университете у профессора М. С. Роговина. Студенты тех лет восхищались лекциями профессора М. С. Роговина, любили и уважали его. И все же должно было пройти несколько десятков лет, чтобы понять (даром, что психологи!) то, что поэту было ясно в молодости: «лицом к лицу — лица не увидать». Надо было прочесть не только книги, но и диссертацию Роговина, чтобы понять, что он был **титаном**. Не буду здесь повторять аргументацию. Скажу только,

что Генрих Владиславович Залевский — ученик **титана и сам титан**. Несколькоми строками выше мы уже процитировали его работу, где сказано про известного титана. Как и положено титану, Г. В. Залевский — скромная личность, но достигнутые высоты и динамика трансцендирования подтверждают нашу догадку, что схема, предложенная автором, не просто солидна и остроумна, но еще и «работает». Как и положено титану, Г. В. Залевский — многогранная личность. Он, как и его учитель, прекрасный методолог, философ психологии. Как и положено титану, он дарует народам и людям надежду на взаимопонимание, являясь автором многоязычных психологических словарей. Как и положено титану, он несет позитивное начало, являясь автором известных психотерапевтических концепций и практик, теоретиком и практиком супервизорства. И — мы уже говорили об этом — Г. В. Залевский настоящий психолог. Он любит и ценит психологическую науку, переживает за ее судьбу, способствуя ее дальнейшему развитию. Он искренне верит в большое и светлое будущее психологии. Он любит не себя в психологии, а психологию в себе — об этом свидетельствуют его мемуары, искренние и честные. Автору даже не приходит в голову приукрасить события, что-то смягчить, опустить детали. Это делает это произведение настоящим психологическим текстом, тем более что описание событий сопровождается рефлексией... Как сказано — мудро и точно — Генрихом Владиславовичем о себе, «все в моей жизни так складывалось, чтобы я обязательно стал психологом» (Залевский, 2013, т. 1, с. 5).

Случилось так, что с Генрихом Владиславовичем Залевским я познакомился достаточно поздно, в девяностые годы уже ушедшего века. Но услышал о нем намного раньше, в самом начале семидесятых: о нем рассказывали Михаил Семенович Роговин, профессор Ярославско-

го государственного университета, и Леонид Петрович Урванцев, который после защиты своей кандидатской диссертации также приехал в Ярославль. Из этих рассказов неизменно следовало, какой талантливый и трудоспособный Генрих Залевский. А потом появилась книжка про фиксированные формы поведения (Залевский, 1976), изданная в Иркутске в 1976 году (добытая правдами и неправдами), которая все разъяснила: стало ясно, что автор обозначил новое направление в психологии, казавшееся уже тогда фантастически перспективным. Так оно и оказалось.

В истории нет сослагательного наклонения. Был вариант, что Г. В. Залевский продолжил бы свою карьеру в Ярославском государственном университете. Увы, это не осуществилось, зато в итоге выиграл Томск.

Генрих Владиславович стал не просто психологом, а выдающимся психологом. Настоящим. Получившим все мыслимые награды и отличия. Психологом, которого ценят и уважают коллеги, последователи, ученики. Без преувеличения, которого любит и которым гордится вся наша необъятная страна. Г. В. Залевский — замечательный человек: открытый, добрый, порядочный, оптимистичный. И замечательный друг...

Пожелаем Генриху Владиславовичу доброго здоровья, долгих лет жизни, понимания и позитивных эмоций... И удачи!

В. А. Мазилев

Литература

- Залевский Г. В.* (1976). Фиксированные формы поведения. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во.
- Залевский Г. В.* (1993). Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: Изд-во Томского ун-та.
- Залевский Г. В.* (1999). К истории, состоянию и проблемам современной клинической

психологии // Сибирский психологический журнал. Вып. 10. С. 53–58.

Залевский Г. В. (2002). Основы современной бихевиорально-когнитивной психотерапии и консультирования. Томск: ТГУ.

Залевский Г. В. (2004). Краткий русско-англо-немецкий словарь по психологии. М.: Academia.

Залевский Г. В. (2006а). О научном наследии М. С. Роговина // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 99–102.

Залевский Г. В. (2006б). 110 лет клинической психологии // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 160–163.

Залевский Г. В. (2006в). Введение в клиническую психологию. Томск: ИДО ТГУ.

Залевский Г. В. (2007). Личность и фиксированные формы поведения. М.: ИП РАН.

Залевский Г. В. (2008а). Объяснение и понимание против «циклопной психологии» // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 41–46.

Залевский Г. В. (2008б). Психологическая супервизия: современное состояние и перспективы развития. Томск: ТМЛ-Пресс.

Залевский Г. В. (2013). Избранные труды: в 6 т. Томск: ТГУ, 2013.

Мазилов В. А. (2016). Последний титан: методологические работы М. С. Роговина (60-е годы XX столетия) // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. № 1 (36). URL: <http://mprj.ru>

Роговин М. С., Залевский Г. В. (1988). Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск: ТГУ.

ЗАДУМЧИВЫЙ РЫЦАРЬ МНОГОМЕРНОГО МИРА
(к 70-летию блестящего психолога и необыкновенного человека
В. Ф. Петренко)

DOI: 10.7868/S1819265318010132

Разве есть кто, знающий, как все происходит? Мы все стоим перед океаном неизведанного, радуемся, как дети, когда находим на берегу несколько красивых разноцветных камешков, но стараемся не слышать мощный шум океанского прибоя. Ведь чтобы успешно действовать, нам приходится опираться только на представления о мире, которые у нас уже есть, ибо действовать надо, а других представлений нет. Каждый убеждает себя, что находится на вершине холма знания, а то, что ему неизвестно, то, в общем, и не суть важно. Прав Монтень: из всех богатств Бог лучше всего распределил разум, так как никто не жалуется на его недостаток. Уже дети все знают и объясняют все «во что бы то ни стало» (формулировка Ж. Пиаже). Только редкие люди — та-

кие, как Сократ или Ньютон, — разрешали себе смотреть на мир с простодушным изумлением.

К этой когорте удивленных людей принадлежит и Виктор Федорович Петренко. Наверное, он сам не помнит, когда детская уверенность во всезнании сменилась ощущением, что мир многогранен, что каждый из нас видит только какую-то грань этого мира, да и ту строит на свой лад. Впрочем, сама судьба так активно смешивала краски жизни Виктора, сам он настолько часто кардинально менялся (при этом оставаясь самим собой), что не мог не почувствовать великой многомерности мира. В нем одном, похоже, сошлась чуть ли не вся противоречивость мира, он сам одновременно «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...»

Витя Петренко (около 3 лет) и Анечка Мильнер (двоюродная сестра)

Предок Виктора Петренко по отцовской линии был есаулом войска запорожского. Однажды привез из набега то ли турчанку, то ли персиянку — и взял ее в жены. Прабабушка — донская казачка. Отец Федор Силыч родился в селе Пологи. Там, между прочим, учительствовал небезызвестный Махно, позднее в соседнем селе «Гуляй поле» устроивший штаб своей армии. Предки матери Риммы Михайловны принадлежали к еврейской интеллигенции, жившей в Санкт-Петербурге со времен Николая Первого. Бабушка — из рода левитов (вспомним Курта Левина, Леви-Брюля, Леви-Стросса), дедушка — рано лишившийся родителей, сумел сам «выйти из люди», окончить Петербургскую консерваторию, стать композитором. Писал грустную еврейскую музыку. Так слились воедино запорожская воляница (с примесью восточной тонкости) и еврейская грусть.

Федор Силыч — офицер-подводник. После окончания войны с Северного флота (где воевал в должностях штурмана и старпома на подводной лодке «Челябинский комсомолец», построенной на деньги челябинцев) направлен в Морскую академию в Ленинград. Там он и познакомился с выпускницей Педагогического института им. Герцена Риммой Мильнер, слушавшей лекции по психологии самого С. Л. Рубинштейна и успевшей после

обучения поработать в Крыму директором детского дома для детей республиканской Испании. В этой военно-гуманитарной семье и родился их сын Виктор. Родители уже в детстве вынужденно давали ему полную самостоятельность: отец — флагманский штурман — часто в море, мать — директор школы — все время на работе. Но одновременно (как-никак офицер и директор школы!) были строги и требовательны к сыну.

После Академии отца направили в Заполярье. Строгая, стройная архитектура Питера сменилась ледяными просторами. Детство Виктора — это ловля на блесну трески и пикши с подводных лодок, это вид из окна на бухту, где снуют буксиры, где все наполнено гудками и расцветено корабельными огнями. Виктор только привык к Северу, как отца перевели на службу в Москву, в Генштаб ВМФ. Отец получил квартиру на окраине в районе Тушино. Новый пейзаж — бараки для людей, строивших Канал им. Москвы. И новая социальная среда: подработки, воспитанные блатной романтикой, гордившиеся судимостью так, как старослужащий гордится своими ефрейторскими лычками. Малообщительному Виктору было некомфортно в этой среде. Но он и к ней сумел приспособиться. Учился в школе плохо (хотя с интересом посещал лекции по физике в Политехническом музее). Чтобы уметь как-то постоять за себя, пошел в секцию бокса.

Наконец, восьмилетка закончилась. Виктор — в новой школе с физико-математическим уклоном. Здесь совсем другая атмосфера: престижно решать сложные математические задачи, участвовать в олимпиадах для школьников, писать стихи и осуществлять театральные постановки. В школе организуют лекции известных ученых (Виктор сам, прихватив за компанию пару симпатичных девушек, звал выступить в школе профессора Китайгородского и академика Колмогорова).

Теперь он отлично учится, побеждает во всесоюзных олимпиадах для школьников по физике и биологии, готовится к поступлению на отделение биофизики на биофак или физфак МГУ. Даже некоторое время посещает занятия клуба юных натуралистов при московском зоопарке, которые проходили и на биофаке МГУ. Вдруг одна-единственная встреча на биофаке МГУ со студентом психфака, где студенты сдавали практикум, все поменяла. Мгновенно открылось отчетливое видение будущего: психология — совершенно досель неведомая наука школьнику Виктору Петренко — вот выбор на всю жизнь!

Поступить на факультет психологии, однако, сразу не удалось — наделал ошибок в сочинении. Но надо же бороться и не сдаваться! Поступил на вечернее отделение в МЭИ. Днем работал, вечером — занятия в институте. Параллельно занимался в секции бокса. И готовился к поступлению на факультет психологии МГУ. Однако аттестат лежит в МЭИ, а без аттестата поступать нельзя. Можно, конечно, отчислиться и забрать аттестат, но поступить все равно не удастся, так как сразу заберут в армию на три года. Как быть? Виктор находит выход — он в дополнение ко всему зачисляется в вечернюю школу рабочей молодежи, заканчивает ее и получает второй аттестат. А после этого летом 1968 г. в составе студенческого отряда шабашников уезжает в Сибирь сплавать лес, делать плоты, где студенты часто работают вместе с освободившимися зеками (с которыми даже возникают дружеские отношения). С трудом успеваешь вернуться в самый последний день подачи документов в МГУ. Прямо из аэропорта — бородатый, в робе и сапогах, с ружьем в чехле за плечами — появляется в приемной комиссии. Конкурс на факультет — более 25 человек на место. Но Петренко поступает.

Абитуриенты первых лет существования факультета психологии МГУ мо-

В Сибири на лесосплаве, перед поступлением в МГУ, 1968 г.

тивированы исключительно увлеченностью психологией. Кем станут выпускники — не знает никто. Ведь профессии «психолог» в Советском Союзе еще нет. Жизнь и учеба на факультете — атмосфера вольницы и творческого поиска, лишенная прагматической и коммерческой составляющей. Смена социальной среды воспринимается Виктором как праздник: интересные лекции, факультетские вечера, красивые девушки, долгие застолья в общезитии с вином, гитарой и бурными обсуждениями психологических проблем. У Виктора уже есть своя собственная маленькая квартира, ключи от которой часто просили однокурсники, а сам он любил оставаться ночевать в общезитии. А. Г. Асмолов, вспоминая студенческие годы, дает такую «характеристику индивидуального стиля его личности» — бесшабашность. Он пишет: «Виктора Петренко, который учился на курс младше меня, невозможно было не замечать. При общении с ним не раз возникало ощущение, что есть еще на земле герои, готовые вскочить на коня и на паруснике совершить путешествие вокруг света». И это

о человеке, который совсем недавно был глубоким интровертом!

По окончании первого курса факультета психологии вместе с А. Асмоловым, В. Петровским, Е. Субботским, Е. Щединой и другими (многие потом составят славу отечественной науки) поехал в Летнюю психологическую школу (детище А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии) в Спортлагерь МГУ в Джемете Краснодарского края на берегу Черного моря. Руководитель школы 1969 года — молодой, ироничный и обаятельный В. П. Зинченко, задающий тон неформального общения профессора со студентами. Его личность и круг его общения (М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский, Ф. Д. Горбов, В. В. Давыдов и мн. др.) оказали огромное воздействие на Виктора. Он пишет: «Когда вспоминаешь этих людей и соотносишь их с ныне живущими, то удивляешься дефициту ярких харизматических личностей, мельчанию человеческого духа. Не то, что сейчас нет достойных ученых и хороших людей в нашей и близкой к ней профессии. Но исчезающе мало личностей необычных, незаурядных».

Читая лекции, Зинченко часто закуривал, и эти затяжки воспринимались как важные смысловые паузы. Когда Петренко сам начал читать лекции то, неосознанно подражая мэтру, так же курил на лекциях. Петренко вспоминает и такой эпизод: на защиту его дипломника пришла зам. декана по хозяйственной части и, желая защиту сорвать, заявила аттестационной комиссии: «Вхожу к нему в комнату, а там девушка...». Тогда подобное заявление могло стать поводом к отчислению. Но Зинченко — председатель комиссии — сделал удивленный вид: «Как? Вы вошли в комнату, не постучавшись?!» Защита была спасена. Но все же особенно ценит Петренко иное: «Логика развития незаурядной личности Зинченко неизбежно вывела его на решение базовых, экзистенциальных проблем созна-

ния и творчества». Мысль, — утверждает Зинченко, и Петренко в этом с ним солидарен, — нельзя ни свести к ощущениям, ни вывести из них, а сознание нельзя трактовать как форму отражения объективной реальности.

Профессора, читавшие лекции на факультете и оказавшие большое влияние на формирование ученого Виктора Петренко, как отмечает он сам: А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, П. Я. Гальперин, В. П. Зинченко, Б. В. Зейгарник, А. А. Брудный, М. К. Мамардашвили, Г. М. Андреева, А. А. Леонтьев, Е. Д. Хомская. О каждом из них Виктор отзывался с большим уважением и признательностью. Виктор Петренко был вдохновлен многими преподавателями факультета. Но, возможно, самой яркой фигурой, во много определившей его жизненный и научный путь, был его научный руководитель Алексей Николаевич Леонтьев. Петренко вспоминает: «А. Н. Леонтьев существовал сам и генерировал вокруг себя поле абсолютной включенности в науку, где наука выступала высшей ценностью, а личная жизнь была, скорее, фоном, чем фигурой... Казалось бы, чисто бытовой случай. При переезде летом на дачу Леонтьев переносил в машину клетку с попугайчиками. Случайно, в силу близорукости, он расфокусировал взгляд, направленный на клетку, и обнаружил странную иллюзию: прутья клетки словно провалились вглубь и сфокусировались на более дальнем от наблюдателя расстоянии... Алексей Николаевич поручил заняться этим феноменом выпускнику факультета А. Д. Логвиненко, который обнаружил новый, чрезвычайно интересный феномен, названный им «феноменом лупы». Оказалось, что при той же зрительной стимуляции детали решеток (например, нанесенные на них риски) при их иллюзорном увеличении воспринимаются более отчетливо, т.е. уменьшаются дифференциальные пороги восприятия, отсюда название,

Тираж первой книги В. Ф. Петренко «Введение в экспериментальную психо-семантику: исследование форм репрезентации в обычном сознании» (1983), слева аспирант В. В. Кучеренко

которое дал Логвиненко, — «феномен лупы», когда физически при той же стимуляции возрастает острота восприятия... Для Виктора этот эпизод, произошедший, как он пишет, почти что «на моих глазах», — «яркий пример способности Леонтьева в обычной жизни видеть психологические проблемы и инициировать своих учеников к готовности их парадоксальных интерпретаций».

А. Н. Леонтьев видел в каждом толковом студенте не просто студента, а научного коллегу. Он лично отбирал поступающих на факультет сотрудников, вплоть до лаборантов, говоря, что сегодняшний лаборант — это завтрашний доцент. Мэтр весьма одобрительно отнесся к предложенной В. Петренко трактовке образа как «своеобразного перцептивного высказывания о мире». Такая трактовка открыла для Петренко возможность использования психолингвистических и психосемантических методов анализа содержания чувственного образа. Как пишет Виктор, «судьбоносной для моей научной карьеры явилась поездка в Летнюю психологическую школу 1973 года, которая проводилась под руководством

А. Н. Леонтьева. Все лето я не вылезал из библиотеки и готовил свой доклад на школе. Алексей Николаевич воспринимался мной (и не только мной) высшим авторитетом в науке (почти полубогом), и его оценка моих исследований была исключительно важной для меня и давала направление дальнейшего вектора развития. На конкурсе дипломных работ я занял первое место...». Первое место на конкурсе дипломных работ давало право на выбор аспирантуры в трех престижных местах, но неожиданная болезнь помешала поступлению в аспирантуру. Виктор Петренко пошел работать на родной факультет старшим лаборантом, потом ассистентом, наконец, старшим научным сотрудником. Когда работал ассистентом нагрузка была колоссальная: «более полутора тысяч “горловых часов” и еще общественная нагрузка куратора курса». Виктор вспоминает: «Помню, как меня изматывали чисто психоаналитические сны, где мне снился один и тот же сон, что я играю на сцене какую-то роль, но не выучил текст и судорожно, по репликам партнеров на сцене пытаюсь понять, как я должен вести себя далее».

В. Ф. Петренко, 1988 г.

С этого момента столь разнонаправленная жизнь бесшабашного интроверта, грустного весельчака, любителя бокса и приверженца философии ненасилия, классицистического романтика, метущегося между Сциллой рационализма и Харридой интуиции, вдруг, как может показаться, входит вроде бы в спокойное однонаправленное русло. Даже когда бразильская революционерка предлагает ему фиктивный брак для последующей борьбы за светлое будущее Латинской Америки, он, воодушевленный революционной романтикой в духе Че Гевары, все-таки отказывается, потому, что его захватила другая страсть — наука. В 1978 г. Виктор защищает кандидатскую диссертацию, в 1988 г. — докторскую, в 1993 г. получает звание профессора, в 1997 г. избирается членом-корреспондентом РАН. В том же году за цикл работ «Анализ структуры и динамики общественного и индивидуального сознания современных россиян» награжден премией С. Л. Рубинштейна, присуждаемой Президиумом РАН. В 2007 г. психологическим сообществом награжден премией «Золотая Психея»... Но все же это только кажущаяся спокойная прямая.

Для мятежного интеллекта Петренко однонаправленность невозможна. Он лишь переносит многомерность в плоскость научного изучения. Ибо давно убедился: каждый человек видит мир по-своему. Никому не дано проникнуть во все многообразие построенных людьми миров. Но как тогда возможно понимание друг друга? Мы же не одинокие странники в непостижимом мире! Чтобы найти ключи к проникновению в разномыслие миров, нужен метод. Так появляется психосемантика. А в 1988 г. В. Ф. Петренко становится руководителем лаборатории «Психология общения и психосемантика», где он, несмотря на громадную занятость, остается заведующим и по сей день.

Все одномерное — не для него. Быт, семья, бизнес слишком одномерны, чтобы на них обращать внимание. Ему уютно все в той же маленькой холостяцкой квартире, сплошь заставленной книгами из самых разных областей знания. Петренко — верный друг, всегда готовый поддержать и прийти на помощь, но может в процессе беседы с друзьями вдруг уйти в другое измерение и без предупреждения исчезнуть... Жизнь для него — постоянное испытание самого себя: вместе с шаманами пробует галлюциногенные грибы; проверяет себя голоданием (после длительного голодания — говорит — пьянит даже стакан апельсинового сока); совершает практически пешком путешествие по всему Кавказу и Средней Азии; несколько дней пережил сильную метель на Тянь-Шане; оказавшись в Нью-Йорке без денег, не пугается, не бежит в посольство, а несколько дней бомжует; ходит босиком по костру с раскаленными камнями; по собственной инициативе читает лекцию пограничникам на острове Беринга и получает право провести «незабвенные дни в полном одиночестве на берегу Великого океана в охотничьей избушке, стоящей на вершине утеса»...

Несмотря на проблемы со здоровьем, постоянно разъезжает: руководит этнопсихологическими экспедициями на Камчатке, Чукотке, в Бурятии и Туве; проводит исследования в Грузии, Узбекистане, Азербайджане, Украине, Литве, Эстонии, Казахстане, Киргизии, Болгарии, Монголии, Тибете. И все время напряженно работает.

Петренко утверждает: мир — это мир, который мы воспринимаем. Не может трещать ветка в лесу, если этот треск никто не слышит (вспоминается Фихте: без субъекта нет объекта). Нет и не может

быть истинного восприятия, ибо каждый воспринимает мир по-своему. Истина — это устаревшее понятие. Нельзя оценивать психологические концепции как истинные или неистинные. Просто разные психологические школы дают описание лишь одной какой-то стороны психологической реальности. Скажем, бихевиоризм описывает формирование навыка, но бесполезен для описания экзистенциальных переживаний человека. Наверное, только Петренко может трактовать трансперсональную психологию в контексте развития идей А. Н. Леонтьева.

В казахских степях

Тува, на Енисее, 2007 г., слева направо: В. Ф. Петренко, И. Н. Карицкий

Тува, Кызыл, 2007 г., слева направо: шаман Ай-Чурек Оюн, В. Ф. Петренко, И. И. Каменев, д. ист. н., тувинский ученый и писатель М. Б. Кенин-Лопсан, И. Н. Кузнецов, И. Н. Карицкий

Тува, август 2009 г.

Если совсем кратко и неполно обозреть основные направления исследований Виктора Петренко, то это этнопсихологические и кросс-культурные исследования на основе построения многомерных семантических пространств для анализа этнического менталитета, начатые еще в советское время, в том числе исследования семейно-бытовых и гендерных отношений; психосемантика политического

сознания, образов политических лидеров и партий (результаты исследований имели высокий предсказательный потенциал); исследование восприятия респондентами геополитического пространства, отдельных стран и многомерная оценка их потенциала; исследование методами психосемантики сознания и его измененных форм (в гипнозе, созерцании, медитации, других трансовых состояниях);

психосемантические исследования искусства, прежде всего, живописи и кино; среди теоретических работ, помимо работ по психосемантике, важнейшими являются исследования многомерности сознания, теоретико-методологическое обоснование конструктивистского подхода в психологии и шире — в гуманитарных науках, поиск методологических пересечений психосемантики сознания и квантовой физики.

Из-под крыла ученого и наставника Виктора Федоровича Петренко выходят и под его крылом находятся многочислен-

ные ученики и сотрудники, которые занимаются совершенно разными проблемами и подходами: сознанием, измененными состояниями сознания, социальными представлениями, психосемантикой, психолингвистикой, массовой коммуникацией, кросс-культурными исследованиями, конструктивизмом, бессознательным, психоанализом, феноменологией, политической психологией, поведением, математическими методами в психологии, гипнозом, созерцанием, медитацией, духовностью, трансперсональной психологией, психологией искусства, психологи-

В. Ф. Петренко и В. М. Аллахвердов, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2008 г.

В. С. Степин и В. Ф. Петренко, на конференции в Сеуле, Южная Корея, 2008 г.

Р. Фрейджер и Ф. В. Петренко, Институт трансперсональной психологии, Калифорния, США, 2010 г.

В МГУ на Ломоносовских чтениях, 2011 г., на переднем плане В. Ф. Петренко и А. Н. Ждан

ческой трактовкой теории относительно-сти, сравнительной семантикой сознания и квантовой физики и т.д.

Петренко изучает, как именно воспринимает какой-либо аспект мира тот или иной человек или группа людей и размещает это восприятие в многомерном семантическом пространстве (в поле семантических категорий, политических, бытовых или духовных представлений, в поле сказочных персонажей, рисунков Чюрлениса и т.д.). Он получа-

ет поразительные результаты, исследуя самые разнообразные явления: этнические стереотипы, мотивацию, отношение к политическим партиям, к произведениям искусства, религиозные картины мира, восприятие россиянами разных стран мира — но здесь не пересказать 14 написанных им монографий и более 350 научных статей. В последние годы в его необъятной палитре все мощнее звучат культурологические и духовные мотивы. Он околдовывает читателей своими изящными

Выступление на конференции с докладом, 2015 г.

психолого-искусствоведческими изысканиями, анализом психологического наследия буддизма, размышлениями об автопортрете как форме рефлексии, о взаимоотношениях человека и космоса...

Благо для отечественной психологии, что в ней присутствуют такие ученые как Виктор Федорович Петренко — предан-

ный рыцарь науки, отразивший в глубине и многомерности своей личности сложность, разнообразие и многомерность мира реального. И мы ждем его новых научных свершений.

*Виктор Аллахвердов,
Игорь Карицкий*

Для цитаты: Аллахвердов В., Карицкий И. (2018). Задумчивый рыцарь многомерного мира (к 70-летию блестящего психолога и необыкновенного человека В. Ф. Петренко) // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 218–228.

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (юбилейные размышления)

DOI: 10.7868/S1819265318010144

Для цитаты: Богданчиков С. А. (2018). Проблема генезиса советской психологии (юбилейные размышления) // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 229–232.

4 февраля 2018 года кандидату психологических наук, известному исследователю истории советской психологии и одному из постоянных авторов нашего журнала Сергею Александровичу Богданчикову исполнилось шестьдесят лет. Редакция журнала обратилась к Сергею Александровичу с просьбой рассказать об основных вехах своей научной биографии. Ниже мы публикуем полученный от юбиляра текст в авторской редакции.

Я, Богданчиков Сергей Александрович, родился 4 февраля 1958 года в городе Эртиль Воронежской области. Мечта стать психологом зародилась у меня еще в десятом классе. Я пришел в городскую библиотеку и попросил дать мне какую-нибудь книгу по психологии. Как это ни странно и удивительно, но сотрудница библиотеки, недолго думая, вручила мне книгу М. Г. Ярошевского «История психологии» (М., 1966). Книгу я старательно прочел, но почти ничего не понял. Особенно меня поразило в ней загадочное

вездесущее слово «детерминизм». В то время я получал представления о психологии в основном из книг Владимира Леви («Охота за мыслью» и т.д.), научной фантастики (из произведений Александра Беляева, зарубежных писателей-фантастов) и телевизионных передач «Очевидное — невероятное» (ведущий — Сергей Петрович Капица).

В 1977–1982 г. я обучался на факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, специализировался по кафедре общей психологии. Тогда в ходу была шутка

о том, что «советская общая психология — самая общая психология в мире». Все мои курсовые работы были посвящены психологии установки, тема дипломной работы — «Зависимость установочного эффекта от места установки в структуре деятельности», научный руководитель — Марта Борисовна Михалевская. Благодаря работе над курсовыми работами и дипломом я получил адекватное представление об экспериментальной психологии, школе Д. Н. Узнадзе и теории деятельности А. Н. Леонтьева, а также обрел соответствующие профессиональные навыки. Я горжусь тем, что учился в Московском университете, в школе Л. С. Выготского — А. Н. Леонтьева, я горжусь своими учителями и своими однокурсниками. Все мы, окончившие факультет психологии МГУ, являемся, хотим мы того или не хотим, «деятельностниками». Понять человека — значит понять его деятельность. Это наше знание, наш лозунг и наш инструмент, и в этом все дело.

Помимо учебы, из больших воспоминаний о том времени у меня остались воспоминания о студенческих стройотрядах (после первого курса — во Владимирской области, после четвертого курса — в Целиноградской области, в Казахстане), об участии в качестве гида-переводчика немецкого языка в XXII Олимпийских играх (Москва, 1980), а также о том, как в качестве «массовки» я вместе со своими однокурсниками был задействован в съемках фильмов «Москва слезам не верит» и «Пыль под солнцем». Под руководством В. В. Меньшова нам пришлось вернуться лет на двадцать назад, в начало пятидесятых годов (однако эпизод в кинотеатре с плачущей героиней Веры Алентовой, к сожалению, в фильм не вошел), а для участия во втором фильме нам пришлось одеть красноармейскую форму, буденовку, взять в руки винтовку и проехать через всю Москву, чтобы послушать на станции Люблино выступление М. Н. Тухачевско-

го с паровоза перед нами — отправляющимися на фронт красноармейцами.

Окончив университет, с 1982 г. я вел преподавательскую деятельность в различных вузах Саратова, где преподавал психологию общую, военную (распределившись сразу после окончания университета преподавателем психологии в высшее военное училище и надев военную форму), детскую, возрастную, педагогическую (в Саратовском пединституте), юридическую (в Саратовском юридическом институте МВД РФ, где снова пришлось «надеть погоны»). Свою военную и милицейскую карьеру я закончил в 2008 году, так что вот уже десять лет я военный пенсионер (полковник милиции в отставке).

В конце 1980-х гг. (т.е. тридцать лет назад) я стал заниматься научно-исследовательской работой в области истории советской психологии с целью написания кандидатской диссертации. В итоге кандидатская диссертация «История проблемы “Психология и марксизм”» (дискуссия между К. Н. Корниловым и Г. И. Челпановым в отечественной психологии 1920-х годов) была успешно защищена (в статусе соискателя) в 1993 г. на кафедре общей психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Кафедрой тогда руководил Олег Константинович Тихомиров, и он весьма позитивно отнесся к моей теме, что было немаловажно. Моим научным руководителем была Антонина Николаевна Ждан. Рецензентами были Сергей Дмитриевич Смирнов и Василий Васильевич Давыдов, а отзыв от ведущей организации написал Михаил Григорьевич Ярошевский. Спасибо им всем, а особенно моему научному руководителю.

С октября 2011 г., переехав из Саратова в Ярославль, я стал вести преподавательскую деятельность в различных вузах Ярославля: в ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, в Ярославском филиале Московского

психолого-социального университета (МПСУ), в Академии МУБиНТ. С декабря 2015 года я веду преподавательскую деятельность в Москве, в АСОУ МО (Академии социального управления Московской области), сначала в качестве заведующего, а в настоящее время в качестве доцента кафедры практической психологии личности и индивидуального консультирования.

В настоящее время, как и всегда, область моих научных интересов — история советской психологии, главным образом период 1920–1930-х гг. Я являюсь участником многих научных психологических съездов и конференций по истории психологии, в том числе международных — в Москве, Ярославле, Саратове, Костроме, Арзамасе, Киеве, Мариуполе, Санкт-Петербурге, Тбилиси.

Имею свыше ста двадцати публикаций, среди них четыре монографии: «Происхождение марксистской психологии» (в основном по материалам кандидатской диссертации; Саратов, 2000), «Проблемы изучения истории советской психологии» (Саратов, 2009), «История советской психологии: 1920–1930-е годы» (по гранту РГНФ; Саратов, 2011) и «Открывая Г. И. Челпанова (Г. И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии: исследования и материалы)» (М., 2013). Кроме того, в Интернете можно встретить мою существующую только в электронном формате монографию «Советская психология 1920-х годов (восемь очерков)» (Саратов, 2007).

По линии публикаций по истории психологии мой главный партнер — журнал «Вопросы психологии», где, начиная с 1994 года, у меня опубликовано пятнадцать статей: «Неизвестный Г. И. Челпанов» (1994), «О ранних работах И. В. Страхова (к 90-летию со дня рождения)» (1995), «Почему был уволен Г. И. Челпанов? (Историография одного факта)» (1996), «Научно-организацион-

ная деятельность Г. И. Челпанова» (1998), «Судьба эйдетики в советской психологии» (2001), «Забывтый съезд (О Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека)» (2002), «А. Р. Лурия и психоанализ» (2002), «Феномен Енчмена» (2004), «К вопросу о термине “советская психология”» (2006), «Отечественная идеалистическая психология 1920-х годов» (2007), «Советская психология накануне 1936 года» (2008), «Современные тенденции в изучении истории советской психологии» (2008), «Обращаясь к основам (анализ рецензий на “Основы психологии” и “Основы общей психологии” С. Л. Рубинштейна)» (2009), «Школа Узнадзе в системе советской психологии» (2014), «Школа Д. Н. Узнадзе в контексте советской психологии 1950–1960-х гг.: время дискуссий (по материалам журнала «Вопросы психологии)»» (2015).

Кроме того, начиная с 2006 года пять моих статей были опубликованы на страницах журнала «Методология и история психологии»: «Основные направления и течения в отечественной психологии 1920-х годов» (2006), «От Л. С. Выготского к Г. И. Челпанову и обратно» (2007), «Сквозь время: школа Г. И. Челпанова в ее развитии, основных чертах и историческом значении» (2008), «К вопросу о персональном составе школы С. Л. Рубинштейна» (2008), «Современные отечественные авторы о научных школах в советской психологии 1920–1930-х гг. (опыт детального критического анализа)» (2009).

Думается, в совокупности эти статьи дают хорошее представление о моих приоритетах, проблемах и достижениях в области истории психологии.

Помимо кандидатской диссертации, защищенной в 1993 году, одной из важных вех в своей научной биографии я считаю 2004 год, когда я перестал быть «частником», т.е. перешел от изучения частных вопросов истории советской психологии к общим вопросам истории

психологии (и задумался над вопросом о том, что такое, собственно говоря, советская психология).

Я подверг тщательному анализу все существующие тогда книги (учебники, учебные пособия, монографии) по истории психологии — работы А. В. Петровского, Е. А. Будиловой, А. А. Смирнова, А. Н. Ждан, В. А. Кольцовой, Т. Д. Марцинковской и др. В конце концов я пришел к формулировке проблемы генезиса советской психологии. Данная проблема в современной российской историографии стоит, с моей точки зрения, предельно остро и применительно к периоду 1920–1930-х гг. заключается в следующем: если в первые послереволюционные годы советской психологии ни в каком виде не существовало (ни как термина, понятия, программы, лозунга или идеи, ни, тем более, как сложившейся теории, концепции, научной школы или самостоятельного, ясно оформившегося научного направления), то уже к концу 1930-х гг. в СССР не стало никакой иной психологии, кроме советской. Как произошло это превращение? Какие факторы и обстоятельства выступили в качестве условий, источников и предпосылок возникновения советской психологии? Как следует в настоящее время относиться к этому процессу и к тому, что получилось в итоге?

В постижении этого превращения, в понимании структуры, динамики, путей, детерминант и механизмов становления советской психологии в период 1920–1930-х гг. и заключается, как мне думается, проблема генезиса советской психологии. В настоящее время завершаю работу над докторской диссертацией, посвященной периоду 1920–1930-х гг. истории советской психологии, где я постараюсь ответить на эти и многие другие

вопросы, связанные с советской психологией и ее историей.

Мои увлечения — собирание и чтение книг (психология, фантастика, книги по истории, в особенности по истории Второй мировой войны — сейчас не столько в бумажном, сколько в электронном формате), просмотр художественных и документальных фильмов, соревнований по волейболу, прослушивание хороших старых и новых песен и мелодий, общение с симпатичными мне людьми и природой, работа на компьютере, компьютерные игры, деятельность и общение в Интернете (прежде всего на сайте «Методология и история психологии» в Фейсбуке), занятия физкультурой и спортом (игра в волейбол, бег).

В настоящее время моя озабоченность в области истории психологии выражается в размышлениях над такими глобальными вопросами, как необходимость создания базы данных по истории российской (отечественной, советской) психологии, капитальная коллективная монография по истории советской психологии, написание учебника по истории советской психологии, организация специализированного научного сообщества отечественных исследователей истории советской психологии, установление и расширение международных контактов с зарубежными коллегами по поводу прошлого и настоящего нашей психологии. Ведь спасение утопистов — дело рук самих утопистов. А по отношению к нескончаемым проблемам в области изучения истории советской психологии я слеую полюбившемуся мне с первого раза афоризму из «Сказки о тройке» братьев Стругацких: «Вы напрасно испытываете мое терпение — оно безгранично».

С. А. Богданчиков

**СЛОВО О Н. П. ФЕТИСКИНЕ
(памяти ушедшего друга)**

«На рассохшейся скамейке —
Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса»
Иосиф Бродский

24 ноября 2017 года оборвалась жизнь Николая Петровича Фетискина. Оборвалась внезапно, в полдень. Намеченный на 15 часов методологический семинар не состоялся. Руководитель семинара Н. П. Фетискин не смог прийти, чтобы его провести...

Как зафиксировано в популярном справочнике «Психологи мира от А до Я», Фетискин Николай Петрович — «доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Костромского университета им. Н. А. Некрасова, заслуженный работник высшей

школы, действительный академик Международной академии психологических наук, действительный академик Балтийской академии педагогических наук, почетный преподаватель высшей школы. За научные достижения в 2002 году награжден орденом “За заслуги в психологии”, а в 2003 удостоен именной премии А. Н. Лутошкина» (Сонин, 2012, с. 325).

Н. П. Фетискин был признанным авторитетным специалистом в психологии. Широко известны его многочисленные труды в области психологии труда, социальной психологии, педагогической

психологии, психологии семьи, этнопсихологии, психологии спорта, юридической психологии, гендерной психологии, акмеологии, девиантологии. Перечень можно продолжить. Проще назвать те разделы психологии, в которых многочисленные труды Николая Петровича не оставили своего следа.

Поскольку наш журнал профильный — методология и история психологии — обратим особенное внимание на работы Николая Петровича в этой области. Н. П. Фетискин был глубоким методологом и историком психологии. Вероятно, это может показаться некоторым преувеличением, но только тем, кто не очень близко знал Николая Петровича. Дело в том, что он никогда не афишировал своих методологических увлечений и изысканий, был к себе придиричив и научно скромн, притом с большим уважением относился к авторитетам и классикам. Для него такими авторитетами, к примеру, были Ксения Александровна Абульханова, перед талантом которой Николай Петрович преклонялся, его непосредственный учитель Евгений Павлович Ильин, старший друг и наставник по жизни Виктор Васильевич Новиков... С огромным уважением он относился к работам Александра Ивановича Субетто, известного философа и своего соавтора по методологическим штудиям в области психологии. К этим работам у нас еще будет повод вернуться.

Всю свою профессиональную жизнь психолога Николай Петрович собирал методики социально-психологических исследований. Начало его карьеры в психологии совпало с возрождением социальной психологии в СССР. Обратим внимание на то, что в первой половине семидесятых годов прошлого века методики были редкостью: их не публиковали, методики можно было только «достать». Причем достаточно распространенным был случай, когда методика

(список вопросов) была, а «ключей» к ней не было. Именно в ту пору Николай Петрович Фетискин положил начало своей знаменитой коллекции методик. Он полагал, что методики — рабочий инструмент мастера, а профессионал должен быть во всеоружии. Поскольку он специализировался на социальной психологии, его коллекция имела этот уклон. Через три десятилетия это увлечение воплотилось в продукт — известную работу «Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп» (в соавторстве) (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002). И вообще методолого-методической стороне психологического исследования Н. П. Фетискин уделяет повышенное внимание в своих работах по психологии монотонии, профессиональной деятельности, обучения, воспитания, педагогической психологии, психологии семьи, гендерных различий, отклоняющегося поведения, зависимостей, психологии стресса управления, реабилитации и т.д. (Фетискин, 1972; 1990; 1993; 2005; 2012; 2014; 2015а; 2015б; 2016; Фетискин, Бредихин, Кондрат, 2010; Фетискин и др., 2011; Фетискин, Козлов, 2018; Фетискин, Маслова, 2017; Фетискин, Миронова, Шепелева, 2016; 2017 и др.).

Главным методом психологии Николай Петрович все же считал эксперимент. В последние 25 лет своей жизни он собирал материал для книги «Великие эксперименты в психологии», подготовить к печати которую так и не успел... Целью его было написать книгу о возможностях научного метода в психологии...

Для Н. П. Фетискина было характерно стремление к расширению методологических горизонтов. Он выступил инициатором знаменитого проекта (в соавторстве с сотрудниками Института психологии РАН) «Психологический облик русского народа (на материале костромского региона)» — одно из первых масштабных этнопсихологических

исследований в нашей стране. Этот проект был поддержан РГНФ, по его итогам были написаны ряд статей и известная монография «Психологический облик русских (на материале исследования жителей Костромской области)» (Резников, 2014; Резников, Фетискин, 2003 и др.).

Про инновационный (в методологическом отношении, в первую очередь) характер проектов Н. П. Фетискина даже говорить не стоит — достаточно посмотреть на их названия. Методологию исследования приходилось создавать по ходу выполнения проекта, с чем авторский коллектив неизменно успешно справлялся. Николай Петрович, создававший методологию этих исследований, становился классиком-первопроходцем. Фонды, поддерживающие науку, неоднократно выделяли гранты для коллективов, возглавляемых Н. П. Фетискиным, поскольку это были новаторские проекты.

Собственно методологических сочинений у Н. П. Фетискина не очень много. Для примера остановимся чуть подробнее на статье, которую Н. П. Фетискин представил на Второй Ярославский методологический семинар, подготовив ее в соавторстве с А. И. Субетто (Субетто, Фетискин, 2004). Как представляется, много нового и неожиданного узнает читатель, даже бегло пролистав эту работу. Начнем с названия. «Теория фундаментальных противоречий человека как методологическая основа синтеза интегративной или неклассической психологии» — так называется эта публикация. Теория фундаментальных противоречий — это концепция А. И. Субетто, но прилагается она к психологии, интегративной или неклассической. В статье содержится указание на методологические ориентиры для авторов: «Вершинами методологической рефлексии психологической науки, несомненно, являются культурогенетическая концепция Вygотского, деятельностьная концепция психологии Леонтьева

и Рубинштейна, философско-психологические обобщения Гуссерля и Фромма, фундаментальное методологическое обобщение проблем психологии Ломова» (Субетто, Фетискин, 2004, с. 292). Авторы утверждают, что «онтологические императивы» стучатся в двери психологов, психологи должны искать ответы на эти императивы. Один из возможных ответов, связанный со строительством интегративной психологии, по мысли авторов: методологическим основанием психологии выступает теория фундаментальных противоречий.

Авторы выделяют семь фундаментальных противоречий. Не будем их перечислять, читатель легко может ознакомиться с полным текстом статьи. Обратим внимание лишь на один момент. Седьмое фундаментальное противоречие состоит в том, что имеет место противоречие между самоидентификацией на уровне сознания и бессознательного. Анализ этого противоречия приводит авторов к формулированию расширенного толкования закона Геккеля. Известный философ Б. М. Кедров так комментирует закон Геккеля: «Здесь важна сама по себе мысль, что процесс познания, протекающий в индивидуальной голове человека, вкратце повторяет путь, пройденный всей предшествующей историей внешнего мира. Это своего рода закон, гласящий, что познание индивида в своем движении кратко повторяет историю всего человеческого рода (и всей природы), другими словами, что онтогенез познания есть краткое повторение его филогенеза» (Кедров, Огурцов, 1985, с. 412).

Авторы формулируют обобщенный закон Геккеля. «Выполненные нами обобщения позволили сформулировать гипотезу о существовании “бытийного”, онтологического закона спиральной фрактальности системного времени, частными случаями которого являются “принцип Геккеля” и его аналоги, поэтому

мы и придали ему второе название — «обобщенный закон Геккеля»» (Субетто, Фетискин, 2004, с. 300). Не будем проводить дальнейшие комментарии.

«Теория фундаментальных противоречий вскрывает основания психологического антропного принципа как важнейшего принципа неклассической психологии» (там же, с. 301). В работе высказываются оригинальные и перспективные мысли: «Психологические теории формируются учеными-психологами, которые в своем “Я-бессознательном” несвободны от своей “эволюционной памяти” и таким образом в своих теоретико-психологических построениях отражают культурно-исторический архетип той цивилизации, в которой их бессознательное формировалось» (там же). И следующее заключение: «Психологический антропный принцип должен выстраивать рефлексию психолога-теоретика над теоретическими построениями, постоянно рефлексировать над доминантами оценочных пристрастий “Наблюдателя”, определяемыми его “Я-бессознательным”, национально-этической памятью, закодированной в нем. Теория фундаментальных противоречий, по нашей оценке, может и должна стать методологическим основанием интегративной психологии» (там же). Не правда ли, будит мысль? Это и есть главное качество методологического труда — стимулировать мысль читателя... В поиске вечных истин...

Философские и методологические проблемы поднимались Н. П. Фетискиным и в других работах: «Методологические аспекты гендерной психологии» (Фетискин, Журавлев, 2004), «Ментальные архетипы качества жизни» (Субетто, Фетискин, 2014), «Манифест воинствующего невежества монетарного “неокочевника” и “ответ” на него истории XXI века» (Субетто, Фетискин, 2015а), «Миссия образования в XXI веке в контексте императива выживаемости человечества»

(Субетто, Фетискин, 2015б), «Антропологические основания девиантного поведения» (Шепелева, Фетискин, 2016), «Представления о стратегиях жизни и самореализации обычного студента» (Фетискин, 2017) и др.

Н. П. Фетискин всегда интересовался историей психологии. Знаменательно, что первая из череды конференций, организованных на костромской земле, состоялась в декабре 1997 года и была посвящена памяти основателя костромской школы психологии Л. И. Уманского: «В декабре 1997 года в Костроме состоялась научная конференция, посвященная творчеству Льва Ильича Уманского, известного психолога и педагога. На ней были представлены десятки докладов ученых из Костромы, Курска, Москвы, Ярославля и других научных центров России и “ближнего зарубежья”... Уже сам факт “персональной” конференции говорит о многом: если через полтора десятилетия после смерти ученого собираются коллеги, ученики, друзья, сподвижники, научные оппоненты не только затем, чтобы поделиться воспоминаниями, но и для обсуждения судьбы идей Л. И. Уманского, его вклада в современную психологическую и педагогическую науку, наметить перспективы дальнейшего развития концепции, то становится ясно — научная биография состоялась в полной мере, а школа Уманского живет. И вместе с тем уже принадлежит истории» (Мазилев, 1998, с. 170). В том, что память об Уманском и его деятельности в Костроме жива, велика заслуга Николая Петровича Фетискина. Конференции, посвященные Л. И. Уманскому, проводились в Костроме ежегодно, выпускались книги о нем (под научной редакцией Н. П. Фетискина) (Фетискин, 2001; 2011; 2016 и др.)...

Смерть Николая Петровича — невосполнимая утрата для психологического сообщества. В жизни все очень близко: радость и печаль, восторг и слезы,

рождение и смерть... Николай Петрович Фетискин был удивительно жизнелюбивым, жизнелюбивым и жизнестойким человеком, любящим и ценящим жизнь во всех ее проявлениях... Как говорил классик, ничто человеческое ему было не чуждо, был он земным и очень добрым человеком. Любому занятию он отдавался со страстью, с присущими ему энтузиазмом и увлечением. Никогда и ничего не делал для «галочки», если брался за что-то, то был перфекционистом. Был целеустремлен и упрям: если решение было принято, остановить его не могло ничто — это была стихия. Общая психология приучила нас к тому, что «чистые» типы бывают редко. Сам он был воплощением холерика в самом «чистом» виде. В пору нашего знакомства он прибыл в Ярославль из Ленинграда, был учеником Е. П. Ильина, молодым кандидатом биологических наук. Близость Н. П. Фетискина к биологии и психофизиологии навевали мысли об очевидной похожести его на великого И. П. Павлова. Конечно, в этом отношении главную роль играли увлеченность, порывистость и страстность его натуры, а также рыцарская преданность науке. Последнее очень подкупало.

В жизни все рядом... Всего год назад мы с нашим общим с Николаем Петровичем другом В. В. Козловым сочиняли текст к славному юбилею: Н. П. Фетискину 2 января 2017 года исполнялось 75 лет. Он был молод душой, здоров, силен, динамичен и подвижен... Та статья называлась «Гимн психологу» и выражала восхищение личностью и деятельностью этого человека... Таким он оставался до последнего дня, таким он и останется в нашей памяти.

Николай Петрович Фетискин (1942–2017) родился 2 января 1942 года в Тамбовской области. С детства Николай тянулся к знаниям, любил читать, хотя его мать устремлений сына не разделяла, была против его учебы, поскольку видела

в нем помощника по хозяйству. Но тяга к знаниям победила, Николай Фетискин покинул родительский дом. Служил в погранвойсках в Хабаровске, впоследствии окончил два вуза: педагогический в Хабаровске, а высшее образование по психологии получил в ЛГУ. Питерский университет считал своей *alma mater*, при каждом удобном случае туда наведывался... В ЛГУ у Е. П. Ильина окончил и аспирантуру. В кандидатской диссертации он изучал монотонию (Фетискин, 1972). Молодым кандидатом наук прибыл в Ярославль.

Годы в Ярославле были насыщенными. На его плечи выпала большая нагрузка, надо было разрабатывать новые курсы, в том числе такие сложные, как психология личности. На нем была большая общественная нагрузка — он был секретарем партбюро факультета, а, значит, приходилось проводить «линию партии», осуществляя цензуру стенной печати, самодеятельности и студенческого театра. Не все получалось гладко, но это был бесценный опыт. В Ярославском государственном университете проработал до 1979 года. Эти годы работы на психологическом факультете Ярославского государственного университета были крайне важными для становления ученого. В Ярославском университете Н. П. Фетискин работал на кафедре психологии, которой руководил замечательный ученый-психолог и педагог Николай Павлович Ерастов. Ярославская школа психологии, которая складывалась тогда в университете, была представлена именами Н. П. Ерастова, В. Д. Шадрикова, М. С. Роговина, Ю. К. Корнилова. Фирменным знаком психологии в Ярославле было стремление использовать психологическое знание для решения практических задач.

По семейным обстоятельствам в 1979 году Николай Петрович переехал в Кострому, где стал работать на кафедре психологии у Л. И. Уманского, известного

отечественного психолога. Вся дальнейшая судьба и деятельность Н. П. Фетискина связана с Костромой. В Костромском государственном университете Н. П. Фетискин заведует кафедрой психологии. Кафедрой с прекрасными традициями, которые были заложены Л. И. Уманским. Н. П. Фетискин — достойный преемник: при его руководстве рост и качественные положительные изменения продолжают. Кафедра широко известна и авторитетна в психологических кругах. Регулярны-

ми стали научные и научно-практические конференции, проводимые кафедрой. Симпозиумы, конгрессы и конференции по проблемам личности и общества, ставшие ежегодными (1998—2016), неизменно привлекали ученых и собирали представительную аудиторию. К этому нужно добавить, что Николай Петрович являлся одним из организаторов и ведущих многих крупных международных форумов в России и за рубежом. Костромская конференция 2017 года была запланирована

Кафедра психологии Костромского государственного университета

Слева направо: В. А. Мазилев, М. М. Кашапов, В. В. Козлов, Н. П. Фетискин, Ю. П. Поваренков. Ярославль, 28 декабря 2003 г.

На конференции «Проблемы развития современной психологической помощи: концепции и практики», Гурзуф, 2–4 октября 2009 г.
Слева направо: С. В. Шепелева, Н. П. Фетискин, Т. И. Миронова

На Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы», Ярославль, 19–21 мая 2011 г.
Слева направо: В. А. Зобков, Н. П. Фетискин, В. Л. Ситников, В. В. Знаков, А. О. Прохоров, Е. А. Сергиенко, В. Ф. Петренко

на 15–16 декабря... Провести ее Н. П. Фетискин не успел...

В Костроме Н. П. Фетискин получил широчайшее признание: стал Заслуженным деятелем науки, Лауреатом премии Правительства в области образования, его авторитет и известность в России и за ее пределами были огромны. Он был

председателем докторского совета, действительным членом и вице-президентом Международной академии психологических наук, академиком ряда отраслевых академий.

Н. П. Фетискин был востребован, его приглашали прочитать лекции за рубежом, он издал огромное количество научных

работ, в том числе и за пределами страны. Справедливости ради надо сказать, что не все всегда было гладко. Бездумное реформаторство в образовании привело к тому, что Николай Петрович лишился кафедры, которой заведовал несколько десятилетий и ее развитию отдал столько сил. Как человек самолюбивый, он это остро переживал, но никто и никогда не слышал от него жалоб или сетований. Он стойко переносил невзгоды, никогда не жаловался на судьбу или дурное начальство...

Я уже упоминал, что дружба с Николаем Петровичем продолжалась почти 43 года... Это много, но, как оказывается, недостаточно, чтобы выразить чувства... Жизнь оказалась коротка...

Остается сделать несколько штрихов для будущего портрета ученого, педагога и организатора. Любовь к знаниям. Про детские годы уже вспоминали. Приезжая в Питер, Москву, Ярославль, первым делом Фетискин направлялся в книжные магазины, следил за новинками, собрал уникальную научную библиотеку, огромный научный архив, представляющий огромную ценность. На любом заседании диссертационного совета неизменно можно было видеть Н. П. Фетискина, делающего выписки из диссертаций. Потрясающая любознательность. Вопросы от Фетискина сыпались гроздьями, ему всегда хотелось докопаться до сути... Вот и на последнем конгрессе в октябре 2017 года в Ясных Звездах вопросов выступающим было много...

Николай Петрович был настоящим ученым. Это очень редкая порода, человек, целиком преданный науке... В его жизни было два периода. На первом он представлял собой классического ученого, занятого изучением одной проблемы. Двадцать лет он исследовал состояние монотонии и был, наверное, единственным человеком, знавшим об этом предмете все. При этом он становился «на горло» собственной песне, блокируя занятия

тем, что было для него «просто» интересно. Зато на втором он дал волю своим интересам — широта и разнообразие его изысканий потрясали. Это был феерический этап высочайшей продуктивности... Исследования Фетискина идут в самых разных направлениях: социальная, педагогическая, организационная психология, педагогика высшей школы, юридическая психология. Вероятно, это стремление восполнить узкую направленность исследований по монотонии — занятия девиантологией и специальной психологией, психологией спорта, методологией психологической науки, гендерной психологией, экспериментальной психологией. Причем все, что делается Фетискиным, делается с огромным увлечением, он стремится «дойти до самой сути».

Николай Петрович был замечательным учителем. Внимательным, понимающим, поддерживающим, вдохновляющим. Скольких людей он поддержал, благословил на научные исследования.

Он был замечательным учеником, хранил верность Е. П. Ильину, В. В. Новикову, Л. И. Уманскому... Заботился о сохранении памяти об учителях...

Он был замечательным, заботливым отцом, мужем, заботился о близких. Мог все сделать для друзей, умел и любил дружить. Это редкий дар, нам всегда будет не хватать внимания и заботы Николая Петровича. Он считал, что дружба — понятие «круглосуточное». Мог в 5 утра приехать на вокзал в Костроме, чтобы встретить друзей или коллег, озаботиться их проблемами, по максимуму включиться в их решение. И это не разовые случаи, а постоянная характеристика жизни и личности Николая Петровича...

Он был замечательным человеком. Он интересовался людьми, был открыт и доброжелателен. Всегда на его лице была обаятельная улыбка, искреннее расположение к собеседнику. Каждого надо выслушать, каждому дать слово. Он был

В. Ф. Петренко, В. В. Козлов, Н. П. Фетискин

Н. П. Фетискин, В. А. Мазилев

непревзойденным тамадой, который и в праздник объединял людей в сообщество, «строил коллектив»...

Он очень любил свой Дом в Слесарном переулке, постоянно благоустраивал «усадьбу», делая ее все более удобной и комфортной для жизни... Жизнь оказалась слишком коротка...

Он обладал кипучей энергией. Невозможно было представить, что она иссякнет. Она и не иссякла: он ушел на взлете, на полуслове... Наш долг, долг коллег и друзей, — продолжить Дело Николая Петровича...

Николай Петрович был безудержным оптимистом, всегда полным планов. Всегда говорил: «Все будет хорошо!»... Он любил строчку из стихотворения В. С. Высоцкого: «Ах! — скажут, — что вы, вы еще не жили! Вам надо только-только

начинать...» И он начинал... «Который раз сначала, покуда в жилах кровь, рассказывай, спеш!» Шум времени закончился, наступает вечность... Дальше — тишина... The rest is silence... По Шекспиру...

И — самое последнее. Строчки из стихотворения, вынесенные в эпиграф... Конечно же, я погорячился. Не растут в наших широтах лавры, пинии и кипарисы — нет их в Костроме... И вместо Понта там течет Волга, и в нее впадает Костромка... Совсем недалеко от гостеприимного Дома в Слесарном переулке, возле Ипатьевского монастыря. И скамейка у заботливого хозяина перед Домом точно не рассохшаяся. И — вообще — не стал бы Николай Петрович читать Старшего Плиния ни при каких обстоятельствах, наверняка предпочел бы что-то более актуальное и приземленное. А вот дрозды там точно

есть. И если кипарис заменить на тополь, томик Плиния на книгу Е. П. Ильина, сходство значимо увеличивается... Похоже становится на ту картину, которую поэтический гений обозначил двумя бессмертными строками... Уход в Вечность. Впечатление такое, что хозяин только что отошел на минуточку... Но он уже не вернется никогда... Никогда, потому что он уже в Вечности...

Он будет жить в нашей благодарной памяти — памяти всех тех, кому довелось быть знакомым с этим добрым, открытым, светлым, теплым и лучезарным человеком...

Литература

- Кедров Б. М., Огурцов А. П. (1985). Марксистские концепции истории естествознания: первая четверть XX века. М.: Наука.
- Мазилев В. А. (1998). Блаженное наследство (слово о Льве Ильиче Уманском) // Ярославский педагогический вестник. № 2. С. 170–176.
- Резников Е. Н. (2014). Психологический облик русских (на материале исследования жителей Костромской области). М.: ИП РАН.
- Резников Е. Н., Фетискин Н. П. (2003). Ценностные ориентации русских (на выборке жителей Костромской области) // Управление системой социальных ценностей личности и общества в мире изменений (краткосрочные и долговременные горизонты): мат-лы междунар. психол. конгресса / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Н. П. Фетискин. С. 68–74.
- Сонин В. А. (2012). Фетискин Николай Петрович // В. А. Сонин «Психологи мира от А до Я». СПб.: Петроцентр.
- Субетто А. И., Фетискин Н. П. (2004). Теория фундаментальных противоречий человека как методологическая основа синтеза интегративной или неклассической психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии / под ред. В. В. Новикова и др. Ярославль: МАПН. С. 292–301.
- Субетто А. И., Фетискин Н. П. (2014). Ментальные архетипы качества жизни // Триединство здоровья нации, качества жизни и гармоничного общества как основа устойчивого развития России в XXI веке: мат-лы междунар. конгресса. Кострома, 12–14 сентября 2014 г. Кострома: КГУ. С. 71–76.
- Субетто А. И., Фетискин Н. П. (2015а). Манифест воинствующего невежества монетарного «неокочевника» и «ответ» на него истории XXI века // Общество. Среда. Развитие. № 2 (35). С. 104–112.
- Субетто А. И., Фетискин Н. П. (2015б). Миссия образования в XXI веке в контексте императива выживаемости человечества. СПб.: Астерион.
- Фетискин Н. П. (1972). Монотония в спортивной и производственной деятельности. Дис... к. биол. н. Тарту: Тартуский гос. ун-т.
- Фетискин Н. П. (1990). Эмоциональное обеспечение учебной и трудовой деятельности. Кострома: КГПИ.
- Фетискин Н. П. (1993). Системное исследование монотонии в профессиональной деятельности. Дис... д. психол. н. СПб.: СПбГУ.
- Фетискин Н. П. (ред.) (2001). Талант организатора науки и воспитания: о жизни и деятельности основателя отечественной теории и практики организаторских способностей и социально-психологических школ в Курске и Костроме — Л. И. Уманского. М.; Кострома: ИП РАН; КГУ; Московский институт инновационных технологий.
- Фетискин Н. П. (2005). Психология аддиктивного поведения. Кострома: КГУ.
- Фетискин Н. П. (ред.) (2011). Костромская психологическая школа Льва Ильича Уманского: Традиции. Новые исследования. Перспективы. Кострома: КГУ.
- Фетискин Н. П. (2012). Психодиагностика детско-родительских девиаций. Практикум. Москва — Кострома: КГУ.
- Фетискин Н. П. (2014). Психология гендерных различий. М.: Форум; Инфра-М.
- Фетискин Н. П. (2015а). Практическая девиантология. М.: Форум; Инфра-М.
- Фетискин Н. П. (2015б). Психология воспитания стрессовосовладающего поведения. М.: Инфра-М, Форум.
- Фетискин Н. П. (ред.) (2016). Новая парадигма организационного управления в условиях вызовов XXI века (к 95-летию Л. И. Уманского): в 2 т. Т. 1. Кострома: КГУ.

Фетискин Н. П. (2017). Представления о стратегиях жизни и самореализации обычного студента // Ярославский психологический вестник. № 3 (39). С. 64–72.

Фетискин Н. П., Бредихин Г. А., Кондрат Е. Н. (2010). Коммуникативная стрессо-генность деятельности следователя. М.: Кострома: КГУ.

Фетискин Н. П., Журавлев А. Л. (2004). Методологические аспекты гендерной психологии // Гендерные ценности и самоактуализация личности и малых групп в XXI веке: мат-лы междунар. симпозиума: в 2 т. Т. 1. / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Н. П. Фетискин. М.: ИП РАН; Кострома: КГУ. С. 209–219.

Фетискин Н. П. и др. (2011). Социально-психологическая реабилитация социальных и соматических ограничений в детско-молодежных группах: методология, технологии, опыт. Кострома: КГУ.

Фетискин Н. П., Козлов В. В. (2018). Трудные дети. М.: Институт консультирования и системных решений.

Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. (2002). Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии.

Фетискин Н. П., Маслова О. С. (2017). Психология оппозиционного поведения в структуре малых групп. Кострома: КГУ.

Фетискин Н. П., Миронова Т. И., Шепелева С. В. (2016). Детско-молодежная девиантология. Кострома: КГУ.

Фетискин Н. П., Миронова Т. И., Шепелева С. В. (2017). Психодиагностика детско-молодежной девиантности. М.: Перо.

Шепелева С. В., Фетискин Н. П. (2016). Антропологические основания девиантного поведения // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. в 8 ч. Ч. 8 / под ред. В. С. Белгородского и др. М.: МГУДТ. С. 223–228.

В. А. Мазиллов

DOI: 10.7868/S1819265318010156

Для цитаты: Мазиллов В. А. (2018). Слово о Н. П. Фетискине (памяти ушедшего друга) // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 233–243.

ABSTRACTS & REFERENCES

Section EDITORIAL

CONSTRUCTION OF WORLDS

I. N. Karitsky

Moscow Institute of Psychoanalysis,

Moscow, Russia,

E-mail: ignikkar@mail.ru

The concept of constructivism in the humanities and social sciences, first of all in psychology, has been studied. It is shown that people's representations are constructed at all levels of people's organization: from biological and neurophysiological to social and linguistic. The main representatives of constructivism in psychology in Russia and abroad are indicated. The leading directions of constructivism in psychology are considered: constructivism in narrow meaning, radical constructivism, social constructivism, constructive realism and others. The constructivist views of A. G. Asmolov (praxeological constructivism) and V. F. Petrenko (epistemological constructivism) are analyzed in more detail. The contents of the articles presented in this issue of the journal, the general theme of construction of worlds, the diversity of approaches to construction of worlds by psychologists are shown.

Keywords: constructivism, directions of constructivism, social ideas, knowledge, pluralism, construction of worlds, social reality.

DOI: 10.7868/S1819265318010016

Citation: Karitsky I. N. (2018). Konstruirovaniye mirov [Construction of worlds] // *Metodologiya i istoriya psikhologii*. Iss. 1. P. 5–14.

References

Akopov G. V. (2010). *Psikhologiya soznaniya. Voprosy metodologii, teorii i prikladnykh issledovaniy* [Psychology of Consciousness: Issues of Methodology, Theory and Applied Research]. Moscow: Institut psikhologii RAN.

- Allakhverdov V. M.* (2013). Začem psihologii nužny pravila igry v nauku [Why do psychology need the rules of the game of science] // *Izvestiâ Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ «Psihologiâ»*. N 2. P. 2–17.
- Asmolov A. G.* (2001). Psihologiâ ličnosti: principy obšepsihologičeskogo analiza [Psychology of Personality: Principles of General Psychological Analysis]. Moscow: Smysl.
- Asmolov A. G.* (2008). Istoriko-ëvolücionnââ paradigma konstruirovaniâ raznoobraziâ mirov: deätel'nost' kak sušestvovanie [The historical and evolutionary paradigm of constructing the diversity of the worlds: activity as an existence] // *Voprosy psihologii*. N 5. P. 3–11.
- Asmolov A. G., Guseitseva M. S.* (2016). Psihologiâ kak remeslo social'nyh izmenenij: tehnologii gumanizacii i degumanizacii v obšestve [Psychology as a craft of social change: technologies of humanization and dehumanization in society] // *Mir psihologii*. N 4. P. 14–28.
- Berger P. L., Luckmann T.* (1995). Social'noe konstruirovanie real'nosti [The Social Construction of Reality]. Moscow: Medium.
- Kasavin I. T.* (2008). Konstruktivizm: zaâvlennye programmy i nerešennye problemy [Constructivism: declared programs and unsolved problems] // *Ëpistemologiâ i filosofîâ nauki*. N 1. P. 5–14.
- Lektorsky V. A.* (2015). Konstruktivizm vs realizm [Constructivism vs realism] // *Ëpistemologiâ i filosofîâ nauki*. N 1. P. 19–26.
- Maturana H., Varela F. J.* (2001). Drevo poznaniâ [The Tree of Knowledge]. Moscow: Progress-Tradicîâ.
- Mazilov V. A.* (2006). O predmete psihologii [On the subject-matter of psychology] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 55–72.
- Mazilov V. A.* (2014). O predmete naučnoj psihologii: utraty i obreteniâ [On the subject-matter of scientific psychology: losses and findings] // *Âroslavskij pedagogičeskij vestnik*. Vol. 2. N 1. P. 266–270.
- Petrenko V. F.* (1988). Psihosemantika soznaniâ [Psychosemantics of Consciousness]. Moscow: MGU.
- Petrenko V. F.* (2010). Paradigma konstruktivizma v gumanitarnykh naukakh [The constructivist paradigm in humanities] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 3. P. 5–12.
- Petrovskiy V. A.* (2010). Sušestvuet li Â — sub"ekt poznaniâ, volî, pereživaniy? [Does the "I" exist as a subject of cognition, will, experience?] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 136–148.
- Shkuratov V. A.* (2009). Novaâ istoričeskââ psihologiâ [New Historical Psychology]. Rostov-on-Don: ÛFU.
- Ulanovskiy A. M.* (2009). Konstruktivizm, radikal'nyj konstruktivizm, social'nyj konstrukcionizm: mir kak interpretaciâ [Constructivism, radical constructivism, social constructionism: the world as an interpretation] // *Voprosy psihologii*. N 2. P. 35–45.
- Yanchuk V. A.* (2005). Konstruktivistskij podhod v social'noj psihologii [Constructivist approach in social psychology] // *Vvedenie v sovremennuû social'nuû psihologiû*. Minsk: ASAR. P. 147–161.
- Yurevich A. V.* (2015). Psihologičeskoe sostoânie sovremennogo rossijskogo obšestva: nove ocenki [The psychological state of modern Russian society: new estimates] // *Voprosy psihologii*. N 2. P. 32–45.

Section METHODOLOGY OF CONSTRUCTION

CONSTRUCTION OF HISTORY

V. F. Petrenko

Lomonosov Moscow

State University,

Moscow, Russia,

E-mail: victor-petrenko@mail.ru

In the article, from the standpoint of philosophy of constructivism and cultural-historical psychology, the process of reconstructing a historical picture of the past is considered. History of psychology in this context is regarded as a part of historical psychology. Within the framework of the cultural-historical theory, interpreter's active participation in the construction of a model of the past, the derivativeness of a model he creates from implicit goals of an investigation, driving motives, a categorical structure of a researcher's language are justified. In addition to the conceptual reflection of an object of research, the possibility of empathy, identification with people of a particular era is supposed.

Keywords: philosophy of constructivism, cultural-historical psychology, empathy, identification, mental archeology.

DOI: 10.7868/S1819265318010028

Citation: Petrenko V. F. (2018). Konstruirovanie istorii [Construction of history] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 15–33.

References

Allakhverdov V. M. (2005). Blesk i nišeta èmpiričeskoj psihologii [Splendors and miseries of empirical psychology] // Psihologija. Žurnal Vysšej školy èkonomiki. N 1. P. 44–65.

Allakhverdov V. M. (2009). Soznanie — kažušeesâ i real'noe [Consciousness — seeming and real] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 137–150.

Allakhverdov V. M., Karmin A. S., Shilkov Yu. M. (2008). Počti postmodernistskij gipertekst o metodologii nauki [An almost postmodern hypertext about the methodology of science] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 3. P. 5–8.

Andresen J. (2000). Meditation Meets Behavioural Medicine: The Story of Experimental Research on Meditation // Cognitive Models and Spiritual Maps. Bowling Green, USA.

Asmolov A. G. (2016). Konstruirovanie obrazov obrazovaniâ v nauke i kul'ture [Construction of the images of education in science and culture] // Obrazovatel'naâ politika. N 1. P. 86–88.

Asmolov A. G., Guseltseva M. S. (2016). Psihologija kak remeslo social'nyh izmenenij: tehnologii gumanizacii i degumanizacii v obšestve [Psychology as a craft of social change: technologies of humanization and dehumanization in society] // Mir psihologii. N 4. P. 14–28.

Baba Virsa Singh (2004). Ob"âsnenie v lûbvi (izbrannoe) [Declaration of Love (selection)]. Moscow.

Bergson H. (1998). Tvorčeskaâ èvolûciâ [Creative Evolution]. Moscow: Kučkovo pole; Kanon-press.

- Bernstein N. A.* (1966). Očerki po fiziologii dviženij i fiziologii aktivnosti [Essays on the Physiology of Movements and Physiology of Activity]. Moscow: Medicina.
- Brenner P.* (2003). Buddha v priemnoj [Buddha in the Waiting Room: Simple Truths about Health, Illness, and Healing]. Kiev: Sofiâ.
- Brudny A. A.* (1998). Psihologičeskaâ germenevtika [Psychological Hermeneutics]. Moscow: Labirint.
- Bruner J.* (1977). Psihologiâ poznaniâ. Za predelami neposredstvennoj informacii [Beyond the Information Given: Studies in the Psychology of Knowing]. Moscow: Progress.
- Conze E.* (1993). Buddijskaâ meditaciâ [Buddhist Meditation]. Moscow: MGU.
- Davydov V. V.* (1972). Vidy obobšeniâ v obučenii (logiko–psihologičeskie problemy postroeniâ predmetov) [Types of Generalization in Learning: Logical and Psychological Problems of Constructing School Subjects]. Moscow: Pedagogika.
- Delgado J.* (1971). Mozg i soznanie [Physical Control of the Mind: Toward a Psychocivilized Society]. Moscow: Mir.
- Dilthey W.* (1996). Opisatel'naâ psihologiâ [Descriptive Psychology]. Saint Petersburg: Aletejâ.
- Ehlen P.* (1999). Udivlenie — pafos filozofskoj mysli [The “Amazement” — the pathos of philosophy = Das “Staunen” — das Pathos der Philosophie] // Razum i èkzistenciâ: analiz naučnyh i vnenaučnyh form myšleniâ / Ed. by I. T. Kasavin, V. N. Porus. Saint Petersburg: RH-GI. P. 74–89.
- Fukuyama F.* (2003). Velikij razryv [The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order]. Moscow: AST.
- Gadamer H.-G.* (1988). Istina i metod [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress.
- Green L.* (1966). Poslednie tajny staroj Afriki [Old Africa's Last Secrets]. Moscow: Mysl'.
- Grimak L. P.* (2004). Tajny gipnoza: sovremennij vzglâd [Mysteries of Hypnosis: A Modern View]. Saint Petersburg: Piter.
- Grinder J., Bandler R.* (1994). Formirovanie transa [Trance-Formations: Neuro-Linguistic Programming and the Structure of Hypnosis]. Moscow: Kaas.
- Grof S.* (1994). Oblasti čelovečeskogo bessoznatel'nogo [Realms of the Human Unconscious: Observations from LSD Research]. Moscow: Institut transpersonal'noj psihologii.
- Gurevich A. Ya.* (1984). Kategorii srednevekovoj kul'tury [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo.
- Gurevich A. Ya.* (1990). Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolvstvuûšego bol'sinstva [Medieval World: The Culture of the Silent Majority]. Moscow: Iskusstvo.
- Hintikka J.* (1980). Logiko–èpistemologičeskie issledovaniâ [Logical-Epistemological Studies]. Moscow: Progress.
- Humboldt W.* (1984). Izbrannye trudy po âzykoznaniiû [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress.
- Hunt H.* (2004). O prirode soznaniâ [On the Nature of Consciousness: Cognitive, Phenomenological, and Transpersonal Perspectives]. Moscow: AST.
- Huntington S.* (2003). Stolknovenie civilizacij [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Moscow: AST.
- Karitsky I. N.* (2005). Specifičeskij i vseobšij metod psihologii [The specific and the universal method of psychology] // Trudy Âroslavskogo metodologičeskogo seminarâ. Vol. 3: Metod psihologii / Ed. by V. V. Novikov et al. Yaroslavl: MAPN. P. 111–135.
- Karitsky I. N.* (2010). Ponâtie sub'ekta i ob'ekta v filozofii i psihologii [The concepts of subject and object in philosophy and psychology] // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Iss. 1. P. 69–101.

- Kasavin I. T.* (2000). Tradicii i interpretacii. Fragmenty istoričeskoj èpistemologii [Traditions and Interpretations: Fragments of Historical Epistemology]. Saint Petersburg: RHGI.
- Kelly G. A.* (1955). The Psychology of Personal Constructs. New York: Norton & Company.
- Kelly G. A.* (2000). Psihologija ličnosti. Teorija ličnih konstruktova [A Theory of Personality. The Psychology of Personal Constructs]. Saint Petersburg: Reč'.
- Kozlov V. V.* (2010). Transpersonal'naâ psihologija: izmenennye sostojaniâ soznaniâ, okolosmertnye pereživaniâ, intuiciâ, psihologija duhovnosti [Transpersonal Psychology: Altered States of Consciousness, Near-Death Experiences, Intuition, Psychology of Spirituality]. Moscow: Èksmo.
- Kucherenko V. V., Petrenko V. F., Rossokhin A. V.* (1998). Izmenennye sostojaniâ soznaniâ: psihologičeskij analiz [Altered states of consciousness: psychological analysis] // Voprosy psihologii. N 3. P. 70–78.
- Lossky N. O.* (1992). Učenie o perevoplošennii; Intuitivizm [The Doctrine of Reincarnation. Intuitivism]. Moscow: Progress; VIA.
- Luria A. R.* (1974). Ob istoričeskom razviii poznatel'nyh processov [On the Historical Development of Cognitive Processes]. Moscow: Nauka.
- Maikov V. A., Kozlov V. V.* (2004). Transpersonal'naâ psihologija. Istoki, istorija, sovremennoe sostojanie [Transpersonal Psychology: Origins, History, State of the Art]. Moscow: AST.
- Martinson K. E., Karpova A. K.* (2008). Interpretacija psihologii v sociokul'turnyh vzaimosvâzâh [Interpretation of psychology within socio-cultural interrelations] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 28–40.
- Mazilov V. A.* (2007). Stanovlenie metoda psihologii: stranicy istorii (metod introspekcii) [The formation of the method of psychology: pages of history (the method of introspection)] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 61–85.
- Mindell A.* (2004). Snovidenie v bodrstvovanii [Dreaming while Awake: Techniques for 24-hour Lucid Dreaming]. Moscow: AST.
- Moscovici S.* (1998). Mašina, tvorašaâ bogov [A Machine for Making Gods = La Machine à faire les dieux]. Moscow: Centr psihologii i psihoterapii.
- Nazaretyan A. P.* (2001). Civilizacionnye krizisy v kontekste Universal'noj istorii [Civilizational Crises in the Context of Universal History]. Moscow: Per se.
- Nepeivoda N. N.* (2010). Intuicionizm [Intuitionism] // Novaâ filosofskaâ ènciklopedija [New Philosophical Encyclopedia]. In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl'. P. 136–138.
- Nourkova V. V.* (2000). Sveršennoe prodolžaetsâ: psihologija avtobiografičeskoj pamâti ličnosti [Perfected Continues: Psychology of the Autobiographical Memory]. Moscow: URAO.
- Osgood Ch. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H.* (1957). The Measurement of Meaning. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.
- Petrenko V. F.* (1983). Vvedenie v èksperimental'nuû psihosemantiku: issledovanie form reprezentacii v obydenom soznanii [Introduction to Experimental Psychosemantics: The Study of the Forms of Representation of Everyday Consciousness]. Moscow: MGU.
- Petrenko V. F.* (1987). Psihosemantičeskij podhod k ètnopsihologičeskim issledovaniâm [Psychosemantic approach to ethnopsychological research] // Sovetskaâ ètnografija. N 4. P. 22–38.
- Petrenko V. F.* (1988). Psihosemantika soznaniâ [Psychosemantics of Consciousness]. Moscow: MGU.
- Petrenko V. F.* (1997). Osnovy psihosemantiki [Fundamentals of Psychosemantics]. Moscow: MGU.
- Petrenko V. F.* (2002). Konstruktivistskaâ paradigma v psihologičeskoj nauke [Constructivist paradigm in psychological science] // Psihologičeskij žurnal. N 3. P. 113–121.
- Petrenko V. F.* (2013). Mnogomernoe soznanie: psihosemantičeskaâ paradigma [Multidimensional Consciousness: The Psychosemantic Paradigm]. Moscow: Èksmo.

Petrenko V. F., Mitina O. V. (1997). Psihosemantičeskij analiz dinamiki obščestvennogo soznaniâ (na materiale issledovaniâ političeskogo mentaliteta) [Psychosemantic Analysis of the Dynamics of Social Consciousness (On the Basis of the Political Mentality)]. Moscow: MGU.

Petrenko V. F., Suprun A. P. (2017). Metodologičeskije peresečeniâ psihosemantiki soznaniâ i kvantovoj fiziki [Methodological Intersections of Psychosemantics of Consciousness and Quantum Physics]. Moscow: Nestor-Istoriâ.

Piaget J. (1960). Struktury matematičeskije i operatornye struktury myšleniâ [The mathematical structures and operational structures of intelligence = Les structures mathématiques et les structures opératoires de l'intelligence] // Prepodavanje matematiki [Mathematics Education = L'Enseignement des Mathématiques] / Ed. by J. Piaget. Moscow: Učpedgiz.

Pokrovsky N. E. (2004). Globalizacionnyje processy i vozmožnyj scenarij ih vozdejstviâ na rossijskoe obščestvo [Globalization processes and a possible scenario of their impact on Russian society] // Gorod i selo v sovremennoj Rossii: perspektivy strukturnogo vossoedineniâ / Ed. by N. E. Pokrovsky. Moscow: SoPSO.

Prishvin M. (1926). Rodniki Berendeâ [The Springs of Berendey]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Putnam H. (2002). Razum, istina i istoriâ [Reason, Truth, and History]. Moscow: Praksis.

Rogers C. (2001). Klientocentrirovannyj / čelovekocentrirovannyj podhod v psihoterapii [A client-centered / person-centered approach to therapy] // Voprosy psihologii. N 2. P. 48–58.

Rubinstein S. L. (1997). Čelovek i mir [Man and the World]. Moscow: Nauka.

Schütz A. (2004). Izbrannoe: Mir, svetâšijsâ smyslom [Selected Writings: The World, Glowing with Meaning]. Moscow: Rossijskaâ političeskaâ ènciklopediâ.

Shkuratov V. A. (1994). Istoričeskaâ psihologiâ [Historical Psychology]. Rostov-on-Don: Gorod N.

Shmelev A. G. (1983). Vvedenie v èksperimental'nuû psihosemantiku: teoretiko-metodologičeskije osnovaniâ i psihodiagnostičeskije vozmožnosti [Introduction to Experimental Psychosemantics: Theoretical and Methodological Foundations and Psychodiagnostic Potentialities]. Moscow: MGU.

Shmelev A. G. (2002). Psihodiagnostika ličnostnyh čert [Psychodiagnostics of Personality Traits]. Saint Petersburg: Reč'.

Sokolova E. T. (2002). Psihoterapiâ. Teoriâ i praktika [Psychotherapy: Theory and Practice]. Moscow: Academia.

Spengler O. (1998). Zakat Evropy: očerki morfologii mirovoj istorii [The Decline of the West: Perspectives of World History]. Moscow: Mysl'.

Stehr N. (1994). Knowledge Societies. London: Sage Publications.

Stepin V. S. (1986). O prognostičeskoj prirode filosofskogo znaniâ [On the predictive nature of philosophical knowledge] // Voprosy filosofii. N 4. P. 39–53.

Suleimanyan A. G. (2003). O «âzyke dymov» bušmenov [On the “language of smoke” of the Bushmen] // Problemy mediapsihologii / Ed. by E. E. Pronina. Moscow: RIP-holding. P. 96–103.

Tart C. (2003). Izmenennye sostoâniâ soznaniâ [Altered States of Consciousness]. Moscow: Èksmo.

Toynbee A. J. (1996). Postiženie istorii [A Study of History, selected works]. Moscow: Progress.

Vygotsky L. S. (1934). Myšlenie i reč' [Thinking and Speech]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-èkonomičeskoe izdatel'stvo.

Vygotsky L. S., Luria A. R. (1930). Ètûdy po istorii povedeniâ [Ape, Primitive Man, and Child: Essays in the History of Behaviour]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Whorf B. L. (1960). Otnošenje norm povedeniâ i myšleniâ k âzyku [The relation of habitual thought and behavior to language] // *Novoe v lingvistike*. Iss. 1 / Ed. by V. A. Zvegintsev. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury.

Yanchuk V. A. (2007). Postmodernistskaâ sociokul'turno-interdeterministskaâ dialogičeskaâ perspektiva metoda psihologičeskogo issledovaniâ [Postmodern sociocultural interdeterministic dialogical perspective of the method of psychological research] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 207–226.

Zalevsky G. V. (2008). Ob"âsnenie i ponimanie protiv «cikloпноj psihologii» [Explanation and understanding versus "cyclopean psychology"] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 41–46.

Znakov V. V. (2007). Samosoznanie, samoponimanie i ponimaûšee sebâ bytie [Self-consciousness, self-understanding and the being understanding itself] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 3. P. 65–74.

Znakov V. V. (2010). Tezaurusnoe i narrativnoe ponimanie sobytij kak problema psihologii čelovečeskogo bytiâ [Thesaurus and narrative understanding of events as a problem of the psychology of human existence] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 3. P. 105–119.

PSYCHOLOGY OF ART: FROM L. S. VYGOTSKY TO V. F. PETRENKO (TRANSCENDENCE OF PROJECTS IN PSYCHOLOGY OF ART IN VARIOUS CONSCIOUSNESS MODES)

G. V. Akopov
*Samara State Social and
Pedagogical University,
Samara, Russia,
E-mail: akopovgv@gmail.com*

The article considers various projects of research directions in psychology of art. From L. S. Vygotsky's famous publication to one of the last works in this field, methodological foundations and theoretical features of various projects are examined. The analyzed projects correspond to a postulate of the complementarity of science and art with more or less specificity of the object, subject-matter and methods of the relevant research. The concept of "consciousness" is proposed as a universal category of psychological analysis of art phenomena and provides diachronic transcendence of art works' meaningful analysis and psychological research methods. The conceptual variations of the "consciousness" concept, for different projects under consideration, are revealed in the following word combinations: artistic consciousness, aesthetic, creative, communicative and other modes of consciousness, as well as the states of experience, comprehension and co-creation. The art sociality problem can be traced in a functional way, from L. S. Vygotsky's "social sensory technique" to the political and mass media manipulation of the "economic relationship of fiction and death" in modern social practices of the ancient Roman experience "revival" (V. A. Shkura-tov). The dialectic of art direction historical cyclicity is confirmed: in the psychological dimension by change of the emotional dominant (empathy, catharsis) by the cognitive (ideal) dominant of values and meanings (V. V. Znakov, V. F. Petrenko, V. E. Semenov, N. A. Khrenov and others). In the recent research on psychology of art, unconscious can be organically included in the art

work meaningful analysis (V. M. Allahverdiv), as well as in the instrumental support of relevant studies (V. F. Petrenko). The psychosemantic equipment of research procedures determines the universality of corresponding methodological apparatus.

Keywords: art, psychology, artistic consciousness; projects; L. S. Vygotsky; V. P. Zinchenko; V. E. Semenov; V. M. Allahverdiv; V. F. Petrenko; author of art work, text (product), reader (consumer); perception; understanding; interpretation; evaluation; art and freedom, communication; cyclicity; modernity.

DOI: 10.7868/S181926531801003X

Citation: Akopov G. V. (2018). Psihologija iskusstva: ot L. S. Vygotskogo k V. F. Petrenko (transcendencija proektov psihologii iskusstva v razlicnyh modusah soznaniâ) [Psychology of art: from L. S. Vygotsky to V. F. Petrenko (transcendence of projects in psychology of art in various consciousness modes)] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 34–45.

References

Akopov G. V. (2007). Faktory kontakta i svobody v ob"âsnenii âvlenij soznaniâ [Factors of contact and freedom in explaining the phenomena of consciousness] // Mat-ly I Vseross. konf. «Psihologija soznaniâ: sovremennoe sostoânie i perspektivy». Samara, 29 iûnâ — 1 iûlâ 2007 g. Samara: Naučno-tehničeskij centr. P. 13–15.

Akopov G. V. (2009). Klassičeskaâ i / ili neklassičeskaâ psihologija soznaniâ [Classical and / or non-classical psychology of consciousness] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 130–136.

Akopov G. V. (2010). Psihologija soznaniâ. Voprosy metodologii, teorii i prikladnyh issledovanij [Psychology of Consciousness: Issues of Methodology, Theory and Applied Research]. Moscow: Institut psihologii RAN.

Akopov G. V. (2011a). Globalizacija kak faktor transformacii soznaniâ [Globalization as a factor in the transformation of consciousness] // Vyzovy èpohi v aspekte psihologičeskoj i psihoterapevtičeskoj nauki i praktiki: Mat-ly V Meždunar. ežegod. naučno-prakt. konf. Kazan', 15–16 aprelâ 2011 g. / Ed. by S. V. Petrushin. Kazan: Otečestvo. P. 14–17.

Akopov G. V. (2011b). Obšenie: urovnevaâ strukturacija [Communication: its level structure] // Psihologija obšeniâ. Ènciklopedičeskij slovar' [Psychology of Communication: Encyclopedic Dictionary] / Ed. by A. A. Bodalev. Moscow: Kogito-centr. P. 46.

Akopov G. V. (2013). Soznanie i vremâ: apologija mental'nosti i poètičeskogo soznaniâ [Consciousness and Time: The Apology of Mentality and Poetic Consciousness]. Samara: VEK#21.

Akopov G. V. (2017a). Napravlenija i formy integracii psihologičeskikh znanij v kontekste razvitiâ nauki [Trends and forms of integration of psychological knowledge in the context of the development of science] // Integrativnyj podhod k poznaniû psihologii čeloveka / Ed. by E. Yu. Korzhova. Saint Petersburg: RGPU im. A. I. Gercena. P. 87–107.

Akopov G. V. (2017b). Poèziâ kak kommunikacija: psihologičeskaâ ocenka poètičeskogo proizvedeniâ [Poetry as communication: the psychological assessment of a poetic work] // Aktual'naâ psihologija: naučnyj vestnik. N 1. Yerevan, Armenia. P. 273–279.

Allakhverdiv V. M. (2000). Soznanie kak paradoks [Consciousness as a Paradox]. Saint Petersburg: DNK.

Allakhverdiv V. M. (2001). Psihologija iskusstva. Èsse o tajne èmocional'nogo vozdeystvija hudožestvennyh proizvedenij [Psychology of Art: The Essay on the Mystery of the Emotional Impact of Artworks]. Saint Petersburg: DNK.

Bakhtin M. M. (1994). Problemy tvorčestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Works]. Kiev: Next.

Bratus B. S., Umrikhin V. V. (2011). L. S. Vygotskij i A. N. Leont'ev: ličnostnye osnovaniâ preemstvennosti idej [L. S. Vygotsky and A. N. Leontiev: the personal grounds for the continuity of ideas] // Metodologijâ i istorijâ psihologii. Iss. 2. P. 5–17.

Dorfman L. Ya. (1997). Èmocii v iskusstve: teoretičeskie podhody i èmpiričeskie issledovaniâ [Emotions in Art: Theoretical Approaches and Empirical Studies]. Moscow: Smysl.

Ionesov V. I. (2011). Mul'tikul'turalizm kak integracionnyj process: model' transformacii [Multiculturalism as an integration process: a model of transformation] // Kreativnaâ èkonomika i social'nye innovacii. N 1. P. 60–65.

Khrenov N. A. (2005). Social'naâ psihologijâ iskusstva: perehodnaâ èpoxa [Social Psychology of Art: The Transitional Epoch]. Moscow: Al'fa-M.

Lotman Yu. M. (2010). K postroeniû teorii vzaimodejstviâ kul'tur [Building a theory of interaction between cultures] // Semiosfera. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. P. 603–614.

Petrenko V. F. (2010). Mnogomernoe soznanie: psihosemantičeskaâ paradigma [Multidimensional Consciousness: The Psychosemantic Paradigm]. Moscow: Novyj hronograf.

Petrenko V. F. (2011). Problema psihologii soznaniâ [The problem of the psychology of consciousness] // Psihologijâ soznaniâ: sovremennoe sostoânie i perspektivy: materialy II Vseros. nauč. konf. Samara, 29 sentâbrâ — 1 oktâbrâ 2011 g. Samara: PGSGA. P. 109–125.

Petrenko V. F. (2014). Psihosemantika iskusstva [Psychosemantics of Art]. Moscow: MAKS-Press.

Petrenko V. F., Suprun A. P. (2010). «Šinel'» Gogolâ: hristianskaâ pritča i buddijskij koan [“The Overcoat” by Gogol: Christian parable and Buddhist koan] // Obšestvennye nauki i sovremennost'. N 2. P. 160–166.

Pozner R. (2015). Racional'nyj diskurs i poètičeskaâ kommunikaciâ: metody lingvističeskogo, literaturnogo i filosofskogo analiza [Rational Discourse and Poetic Communication: Methods of Linguistic, Literary and Philosophical Analysis]. Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet; Provinciâ.

Semenov V. E. (1988). Social'naâ psihologijâ iskusstva [Social Psychology of Art]. Leningrad: LGU.

Semenov V. E. (2007). Iskusstvo kak mežličnostnaâ kommunikaciâ (social'no-psihologičeskaâ koncepciâ) [Art as Interpersonal Communication (A Socio-psychological Conception)] // Samara: Samarskij naučnyj centr RAN.

Semenov V. E. (2015). Polimental'nost' i social'nye cennosti sovremennoj rossijskoj molodeži [Polymortality and social values of contemporary Russian youth] // Psihologijâ soznaniâ: ètno-nacional'nye, religioznye, pravovye i regulâtivnye aspekty: mat-ly meždunar. nauč. konf. Samara, 15–17 oktâbrâ 2015 g., / Ed. by G. V. Akopov, E. L. Chernyshova, S. G. Ikhsanova. Samara: PGSGA. P. 276–280.

Shkuratov V. A. (2006). Iskusstvo èkonomnoj smerti. Sotvorenje videomira [The Art of Economical Death: Creation of the Video World]. Rostov-on-Don: Narradigma.

Vygotsky L. S. (2000a). Soznanie kak problema psihologii povedeniâ [Consciousness as a problem in the psychology of behavior] // Psihologijâ. Moscow: ÈKSMO-Press. P. 233–248.

Vygotsky L. S. (200b). Psihika, soznanie, bessoznatel'noe [Mind, consciousness, the unconscious] // Psihologijâ. Moscow: ÈKSMO-Press. P. 249–261.

Vygotsky L. S. (1987). Psihologijâ iskusstva [Psychology of Art]. Moscow: Pedagogika.

Yaroshevsky M. G. (1987). Vygotskij kak issledovatel' problem psihologii iskusstva. Posleslovie [Vygotsky as a researcher of the problems of the psychology of art. Afterword] // L. S. Vygotsky. Psihologijâ iskusstva [Psychology of Art]. Moscow: Pedagogika. P. 292–323.

Yurevich A. V. (2005). Psihologijâ i metodologijâ [Psychology and Methodology]. Moscow: IP RAN.

Zavershneva E. Yu. (2007). K publikacii zametok L. S. Vygotskogo [Comments on the publication of notes by L. S. Vygotsky] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 4. P. 15–24.

Zinchenko V. P. (1994). Vozmožna li poëtičeskaâ antropologija? [Is Poetic Anthropology Possible?]. Moscow: Rossijskij otkrytyj universitet.

Zinchenko V. P. (1998). Živoe znanie. Psihologičeskaâ pedagogika [The Living Knowledge: Psychological Pedagogy]. Samara: SGPU.

Zinchenko V. P. (2009). Mysl', slovo, obraz, dejstvie, affekt: obšee načalo i puti razvitiâ [Thought, word, image, action, affect: the common origin and ways of development] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 87–112.

Zinchenko V. P. (2010). Soznanie i tvorčeskij akt [Consciousness and Creative Act]. Moscow: Ŗzyki slavânskikh kul'tur.

Znakov V. V. (2003). Ponimanie proizvedenij iskusstva [Understanding of artworks] // Psihologija iskusstva. Mat-ly Vseros. konf. Samara, 3–5 sentâbrâ 2002 g. Vol. 1. Pt. 1. Samara: Samarskij naučnyj centr RAN. P. 29–33.

Section SUBJECT FOUNDATIONS OF WORLDS CONSTRUCTION

PSYCHOLOGY AS A SCIENCE AND A DEMARCATION PROBLEM

(article 1)

V. M. Allakhverdov

*St. Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia,
E-mail: vimiall@gmail.com*

The demarcation problem that allows to distinguish between scientific and non-scientific knowledge is severe in psychology now. This article discusses why it is impossible for science to be tantamount to truth. Moreover, the author argues that it is impossible to identify the only one criterion of cognitive activity effectiveness. The article describes and analyzes different variants of the demarcation criterion (scientific knowledge is only empirical knowledge, only consistent knowledge, only applicable knowledge). All those approaches play key roles in assessing science. However, it is not enough to draw a demarcation line between science and non-science (pseudoscience, junk science). But science can be measured through these criteria. The author tests psychology against these criteria. The next article continues this idea and proposes other understandings of the demarcation criterion.

Keywords: science, psychology, truth, obviousness, consistency, empirics, effectiveness.

DOI: 10.7868/S1819265318010041

Citation: Allakhverdov V. M (2018). Psihologija kak nauka i problema demarkacii (stat'â pervââ) [Psychology as a science and a demarcation problem (the first article)] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 46–57.

References

- Allakhverdov V. M.* (1993). Opyt teoretičeskoj psihologii (v žanre naučnoj revolûcii) [An Essay in Theoretical Psychology (in the Genre of Scientific Revolution)]. Saint Petersburg: Pečatnyj dvor.
- Allakhverdov V. M.* (2009). Razmyšlenie o nauke psihologii s vosklicatel'nyim znakom [Reflections on the Science of Psychology with an Exclamation Point]. Saint Petersburg: Format.
- Allakhverdov V. M.* (2017). Soznanie i problema svobody voli [Consciousness and the problem of free will] // *Žurnal vyššej nervnoj deatel'nosti*. 2017. Vol. 67. N 6. P. 734–738.
- Barker R.* (1969). Wanted: An eco-behavioral science // *Naturalistic Viewpoints in Psychological Research* / Ed. by E. Willems & H. Rausch. N.Y.: Holt, Rinehart, & Winston.
- Dean G., Kelly I. W.* (2003). Is astrology relevant to consciousness and psi? // *Journal of Consciousness Studies*. N 10. P. 175–198.
- Feynman R., Leighton R., Sands M.* (1966). Fejnmanovskie lekcii po fizike [The Feynman Lectures on Physics]. Vol. 3. Moscow: Mir.
- Grinder J., Bandler R.* (1992). Iz lâgušek v princy [Frogs into Princes: Neuro Linguistic Programming]. Saint Petersburg: Al'vis.
- Heisenberg W.* (1987). Šagi za gorizont [Across the Frontiers]. Moscow: Progress.
- Leontiev A. N.* (1966). Ponâtie otraženiâ i ego značenie dlâ psihologii [The concept of reflection and its significance for psychology] // *Voprosy filosofii*. N 12. P. 48–56.
- Mazilov V. A.* (2004). Steny i mosty: metodologiâ psihologičeskoj nauki [Walls and Bridges: Methodology of Psychological Science]. Yaroslavl: MAPN.
- Polanyi M.* (1985). Ličnostnoe znanie [Personal Knowledge]. Moscow: Progress.
- Russell B.* (2001a). Istoriâ zapadnoj filosofii [A History of Western Philosophy]. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo.
- Russell B.* (2001b). Čelovečeskoe poznanie, ego sfera i granicy [Human Knowledge: Its Scope and Limits]. Moscow: Nika-Centr; Institut obšegumanitarnyh issledovanij.
- Tikhomirov O. K.* (1995). K. Popper i psihologiâ [K. Popper and psychology] // *Voprosy psihologii*. N 4. P. 116–129.
- Vavilov S. I.* (1961). Isaak N'ûton [Isaac Newton]. Moscow: Nauka.
- Wigner E.* (1971). Nepostižimaâ effektivnost' matematiki v estestvennyh naukah [The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences] // *Ètûdy o simmetrii* [Symmetries and Reflections: Scientific Essays]. Moscow: Mir.
- Yurevich A. V.* (2008). Problema ob"âsneniâ v psihologii [The problem of explanation in psychology] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 74–87.
- Zinchenko V. P.* (2004). Istoričeskij ili psihologičeskij krizis? [Historical or psychological crisis?] // *Voprosy psihologii*. N 3. P. 86–89.

**A PSYCHOPHYSICAL PROBLEM: “WHO” SEES THE WORLD?
(a sketch of the concept of intermediation)**

V. A. Petrovsky
*Higher School of Economics,
Moscow, Russia,
E-mail: petrowskiy@mail.ru*

The problem of the connection between the mental and the physical (the soul and the body) (while maintaining the meanings of one of the major problems of philosophy), intrigues as a challenge for consideration by both philosophers and authorities in specific sciences, psychologists, physicists, logicians and semioticians. In the past two centuries new terms have appeared (Qualia, Supervenience, Emergence, philosophical zombies) designed to help solve the “hard problem of consciousness” (David Chalmers). But do these linguistic innovations allow significant progress in solving the old problem? The author believes that, while updating the traditional discourse, they require significant refinement, since the criterion for distinguishing between “mental” and “physical” is left unclear (without which the question of their correlation becomes irrelevant). The required criterion is described in the paper as transferability (generalizability “beyond”) ↔ non-transferability (adherence to a place). The “physical” (waves, particles) retains their own properties beyond their origin, thus revealing transference (particles are transferred, waves travel without changing their own properties); the “mental” (sensations, ideas, feelings, thoughts, emotions, aspirations, etc.) are non-transferent (they exist there and only where they originated). The challenge in resolving the psychophysical problem is related to the “error of the observer” — the non-distinction between sensory (imagined) and supersensory (conceivable) elements. Mental phenomena are the result of the interaction of conceivable physical elements (following the example of waves’ interference and the formation of a “standing wave”). It is implied that the organic body of an individual (and, in particular, their brain) is one of the participants in the interaction (a “co-producer”). A hypothetical model of mental contents (a metaphorical model) is an internal hologram generated by an individual that exists as a single copy.

It is assumed that the model has a structure and can configure the radiant energy of a body passing through it, thus performing as both “formal” and “final” causes of behaviour (in terms of Aristotle). Thus, the concept of the epiphenomenal (redundant) quality of the psyche in the organization of an individual’s activity is questioned. The exclusive nature of mental phenomena as internal holograms is specifically emphasized, since according to the initial hypothesis they adhere to their place of origin (they cannot be fixed by means of technical devices or, as they say, by the “eye”, “from the outside” — cannot be “extracted”, “peeped at”, “transferred”, “photographed”, “scanned”, etc.). It is believed that mental contents are “hidden from an outside observer” and at the same time can be “visible (experienced) only from within”. The author shows that the notions of “the visibility of mental contents from within” are subject to critical examination: the idea of an “inner contemplator” generates an idea of “homunculi” (an evil infinity of “little men” embedded in each other).

The author’s thesis is that initially “there is no one inside who would see, experience, and seek”, in other words, who would be a subject of the inner life (the I); the “contemplated” and the “contemplator” are fragments of the phenomenal field “commented” on with the culturally

defined verbal signs (“I see”, “I imagine”, “I experience”, etc.). Some models of the I generated by the corporeality of an individual in a sociocultural environment exhibit the property of self-movement — *causa sui*. Thus, on the whole, the relationship between the mental and the physical is interpreted as their intermediation, co-being; the relations are not symmetrical: rather than the mind being “for the body” but the body — “for the mind”.

Keywords: “hard problem of consciousness”, qualia, supervenience, emergence, mental, physical, marginal, transferability, non-transferability, sensory, supersensory, causality, *causa sui*, epiphenomenon, mediation, the I.

DOI: 10.7868/S1819265318010053

Citation: Petrovsky V. A. (2018). Psihofizičeskaâ problema: «kto» vidit mir? (èskiz koncepcii vzaimooposredovaniâ) [A psychophysical problem: “who” sees the world? (a sketch of the concept of intermediation)] // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Iss. 1. P. 58–83.

References

Asmolov A. G. (2015). Optika prosvešeniâ: sociokul’turnye perspektivy [Optics of Enlightenment: Socio-Cultural Perspectives]. Moscow: Prosvešenie.

Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. (2017). Preadaptaciâ k neopredelennosti kak strategiâ navigacii razvivaûšihâ sistem: maršruty èvolûcii [Preadaptation to uncertainty as a strategy of navigation of developing systems: routes of evolution] // Voprosy psihologii. N 4. P. 1–24.

Bergson H. (1913–1914). Sobranie sočinenij [Collected Works]. Vol. 1–5. Saint Petersburg: Izdatel’ I. I. Semenov.

Bergson H. (1992). Sobranie sočinenij [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Moskovskij klub.

Berkeley G. (1978). Sočineniâ [Writings]. Moscow: Mysl’.

Beskova D. A., Tkhostov A. Sh. (2005). Telesnost’ kak prostranstvennaâ struktura [Bodiness as a spatial structure] // Psihologiâ telesnosti. Meždu dušoj i telom / Ed. by V. P. Zinchenko, T. S. Levi. Moscow: AST. P. 236–252.

Bower T. (1979). Psihičeskoe razvitie mladenca [Development in Infancy]. Moscow: Progress.

Chalmers D. J. (2013). Soznaûšij um. V poiskah fundamental’noj teorii [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Moscow: URSS; LIBROKOM.

Davidson D. (2006). The Essential Davidson. Oxford: Oxford University Press.

Dennett D. (1998). Ontologičeskaâ problema soznaniâ [The ontological problem of mind] // Analitičeskaâ filosofijâ: stanovlenie i razvitie (antologiâ) / Ed. by A. F. Gryaznov. Moscow: Dom intellektual’noj knigi, Progress-Tradicijâ.

Fenichel O. (2015). Psihoanalitičeskaâ teoriâ nevrozov [The Psychoanalytic Theory of Neurosis]. Moscow: Akademičeskij projekt.

Heckhausen H. (1986). Motivaciâ i deâtel’nost’ [Motivation and Action]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.

Lefebvre V. A. (1996). Kosmičeskij sub’ekt [The Cosmic Subject]. Moscow: In-kvarto.

Lefebvre V. A. (2000). Konfliktuûšie struktury [Conflicting Structures]. Moscow: IP RAN.

Lefebvre V. A. (2003). Refleksijâ [Reflection]. Moscow: Kogito-Centr.

Locke J. (1960). Izbrannye filosofskie proizvedeniâ [Selected Philosophical Works]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Socèkgiz.

Mach E. (1908). Analiz ošusenij i otnošenje fizičeskogo k psihičeskomu [The Analysis of Sensations and the Relation of the Physical to the Psychical]. Moscow: Izd. S. Skirmunta.

Menskii M. B. (2005). Čelovek i kvantovyj mir [Man and the Quantum World]. Fryazino: Vek 2.

- Nagel T. (2003). Kakovo byt' letučej myš'û? [What Is It Like to Be a Bat?]. Samara: Bahrah-M.
- Nagibina N. L., Mironycheva A. V. (2002). Psihologičeskie tipy. Sistemnyj podhod. Telo i duša [Psychological Types. Systems Approach. Body and Soul]. Pt. 2. Moscow: MGSA.
- Nagibina N. L., Mironycheva A. V. (2005). Tipologičeskie osobennosti predstavlenij čeloveka o tele i duše [Typological features of human representations of body and soul] // Psihologičeskie telesnosti. Meždu dušoj i telom / Ed. by V. P. Zinchenko, T. S. Levi. Moscow: AST. P. 344–355.
- Pavlov V. P. (n. d.). *Real'naâ fizika. Glossarij po fizike [The Real Physics. Glossary of Physics]*. URL: <http://bourabai.kz/physics/2985.html>
- Petrenko V. F. (2010). Vernem psihologii soznanie [Let's restore the psychology of consciousness] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 14. Psihologičeskie. N 3. P. 121–141.
- Petrovskiy A. V., Petrovskiy V. A. (1982). Individ i ego potrebnost' «byt' ličnost'û» [Individual and his need to “be a personality”] // Voprosy filosofii. N 3. P. 44–53.
- Petrovskiy V. A. (1975). K psihologii aktivnosti ličnosti [Towards the psychology of active personality] // Voprosy psihologii. N 3. P. 26–38.
- Petrovskiy V. A. (1981). K ponimaniû ličnosti v psihologii [Towards an understanding of personality in psychology] // Voprosy psihologii. N 2. P. 40–46.
- Petrovskiy V. A. (2004). Psihologičeskie: «nepredmetnost' predmeta» [Psychology: the “non-objectivity” of the subject-matter] // Trudy Âroslavskogo metodologičeskogo seminarâ. Vol. 2: Predmet psihologii. Yaroslavl: MAPN.
- Petrovskiy V. A. (2008). Logika «Â» [The Logic of the “I”]. Moscow: TGPU im. L. N. Tolstogo.
- Petrovskiy V. A. (2010a). Sušestvuet li Â — sub'ekt poznaniâ, voli, pereživanij? [Does the “I” exist as a subject of cognition, will, experience?] // Metodologičeskie i istoričeskie psihologii. Iss. 1. P. 136–148.
- Petrovskiy V. A. (2010b). Čelovek nad situacij [Man above the Situation]. Moscow: Smysl.
- Petrovskiy V. A. (2012). Â v mysli i â naâvu: kak vozmožno sušestvovanie Â? [The Self in the mind and the Self in reality: how the existence of the “I” is possible?] // Problema «Â»: filosofskie tradicii i sovremennost' / Ed. by V. N. Porus. Moscow: Al'fa M. P. 195–222.
- Petrovskiy V. A. (2013). «Â» v personologičeskoj perspektive [The “I” in the personological perspective]. Moscow: Vysšââ škola èkonomiki.
- Petrovskiy V. A. (2014). Â: konfiguracii artefakta [The “I”: the configuration of the artifact] // Kul'turno-istoričeskaâ psihologičeskaâ. N 1. P. 63–78.
- Petrovskiy V. A., Yaroshevskiy M. G. (2005). Psihika [Psyche] // Psihologičeskij leksikon. Ènciklopedičeskij slovar' v 6 t. Tom: Obšââ psihologičeskaâ. Slovar' [Psychological Lexicon: Encyclopedic Dictionary in 6 vols. Volume: General Psychology. Dictionary] / Ed. by A. V. Petrovskiy. Moscow: PER SÈ. P. 24–27.
- Porus V. N. (2014). «Toždestvo Â» v filosofsko-metodologičeskom i psihologičeskom izmerenijah [“Identity of the I” in the philosophical-methodological and psychological dimensions] // Sub'ekt i kul'tura / Ed. by V. N. Porus. Saint Petersburg: Aletejâ. P. 214–229.
- Pushkin V. N. (1980). O material'noj osnove otrâženij dejstvitel'nosti [On the material basis of reflection of reality] // Voprosy psihologii, psihofiziologii, sociologii truda v ugol'noj promyšlennosti i psihoènergetiki / Yu. E. Podshivalov et al. Moscow. P. 326–340.
- Rubinstein S. L. (1946). Osnovy obšej psihologii [Fundamentals of General Psychology]. Moscow: Učpedgiz.
- Ryabushkina T. M. (2014). Samoreferenciâ i samoopisanie kak osnovaniâ samoidentičnosti: poisk al'ternativnoj substancii [Self-reference and self-description as the basis of self-identity: the search for an alternative to the substance] // Sub'ekt i kul'tura / Ed. by V. N. Porus. Saint Petersburg: Aletejâ. P. 230–254.

Schrödinger E. (2001). *What is life? // The Physical Aspects of the Living Cell*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Shpet G. G. (2010). *Filosofskaâ kritika: otzyvy, recenzii, obzory [Philosophical Criticism: Comments, Reviews, Surveys]*. Moscow: ROSSPËN.

Vasiliev V. V. (2009). *Trudnaâ problema soznaniâ [The Hard Problem of Consciousness]*. Moscow: Progress-Tradicia.

Velichkovsky B. M., Krotkova O. A., Sharaev M. G., Ushakov V. L. (2017). In search of the “I”: neuropsychology of lateralized thinking meets dynamic causal modeling // *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 10. Issue 3.

Volkov D. B. (2008). *Teoriâ soznaniâ D. Denneta [D. Dennett’s Theory of Consciousness]*. Candidate of philosophical sciences dissertation. Moscow: MGU.

Zinchenko V. P. (2010). *Soznanie i tvorčeskij akt [Consciousness and Creative Act]*. Moscow: Âzyki slavânskikh kul’tur.

CULTURE OF THOUGHT AND KNOWLEDGE-POWER

V. A. Shkuratov

Southern Federal University,

Rostov-on-Don, Russia,

E-mail: narradigma94@yandex.ru

The article is divided into a theoretical part explaining the conceptual apparatus of the author’s conception of historical psychology, and an etude on the history of knowledge in European culture. The concepts of anthropoculture, a sapient diapason of evolution, and a sapient a priori are proposed. The culture of thought is defined as one of the anthropocultures. Demystification of a mediation category is planned for its transformation into a working concept of historical humanitarian research. In line with the new historical psychology, the concept of anthropology is supplemented by a sociopolitical dimension. Starting from the poststructuralist link “power-knowledge” and involving the model of the paradigm, the author offers concepts of cogitocracy and a cogidigma. A list of cogitocratic couples is given: ritual-community, philosophy-empire, religion-church, modern state-science, postmodern government-mass media. In the sketch of the European thinking culture, the cogitocracy of Antiquity and Modernity are examined. The origin of science and the psychological praxis of modern times (psy-complex) are treated in the aspect of historical relations of power and knowledge.

Keywords: historical psychology, anthropoculture, sapient diapason of evolution, sapient a priori, mediation, culture of thought, knowledge-power, M. Foucault, cogitocracy, paradigm, ritual-community, philosophy-empire, religion-church, modern state-science, psy-complex, q-complex.

DOI: 10.7868/S1819265318010065

Citation: Shkuratov V. A. (2018). *Kul’tura mysli i znanie-vlast’ [Culture of thought and knowledge-power] // Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 84–107.

References

- Brett G. S.* (1962). *Brett's History of Psychology*. London: Routledge.
- Coleman J.* (2000). *A History of Political Thought from Ancient Greece to Early Christianity*. London: Blackwell.
- Cosmides L., Tooby J.* (1997). *Evolutionary Psychology: A Primer*. URL: <https://www.cep.ucsb.edu/primer.html>
- Diogenes Laërtius.* (1986). *O žizni, učeniáh i izrečeniáh znamenityh filosofov* [Lives and Opinions of Eminent Philosophers]. Moscow: Mysl'.
- Foucault M.* (1975). *Surveilleur et punir. Naissance de la prison*. Paris: Gallimard.
- Harré R.* (2004). Discursive psychology and boundaries of sense // *Organization Studies*. N 25(8). P. 1436–1449.
- Huarte J.* (1960). *Issledovanie sposobnostej k naukam* [The Examination of Men's Wits]. Moscow: Nauka.
- Kuhn T.* (1977). *Struktura naučnyh revolúcij* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Nauka.
- Levi-Bruhl L.* (1949). *Les carnets*. Paris: PUF.
- Lloyd G. E. R.* (1968). *Aristotle The Growth and Structure of His Thought*. Cambridge: Camb. Univ. Press.
- Popper K.* (1992). *Otkrytoe obščestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Feniks.
- Rose N.* (1985). *The Psychological Complex: Psychology, Politics and Society in England, 1869–1939*. London: Routledge.
- Shkuratov V. A.* (1990). *Psihika. Kul'tura. Istorija. Vvedenie v teoretiko-metodologičeskie osnovy istoričeskoj psihologii* [Mind. Culture. History. Introduction to the Theoretical and Methodological Foundations of Historical Psychology]. Rostov-on-Don: RGU.
- Shkuratov V. A.* (1991). *Istoričeskaâ psihologija na perekrestkah čelovekoznaniâ* [Historical psychology at the crossroads of human science] // *Odissej. Čelovek v istorii. Kul'turno-antropologičeskaâ istorija segodnâ*. Moscow: Nauka. P. 103–114.
- Shkuratov V. A.* (1994). *Istoričeskaâ psihologija* [Historical Psychology]. Rostov-on-Don: Gorod N.
- Shkuratov V. A.* (1997). *Istoričeskaâ psihologija* [Historical Psychology]. 2nd ed. Moscow: Smysl.
- Shkuratov V. A.* (2006). *Iskusstvo èkonomnoj smerti. Sotvorenje videomira* [The Art of Economical Death: Creation of the Video World]. Rostov-on-Don: Narradigma.
- Shkuratov V. A.* (2009). *Novaâ istoričeskaâ psihologija* [New Historical Psychology]. Rostov-on-Don: ŪFU.
- Shkuratov V. A.* (2011). *Psihologija v istorii kul'tury i poznaniâ* [Psychology in the History of Culture and Knowledge]. Rostov-on-Don: ŪFU.
- Shkuratov V. A.* (2012). *Samyj pervyj roman psihopatologii* [The very first romance of psychopathology] // *Èkzistencial'nââ tradiciâ: filosofija, psihologija, psihoterapiâ*. N 1 (20). P. 131–150.
- Shkuratov V. A.* (2014). *Russkaâ kogitokratiâ* [The Russian cogitocracy] // *Intellektual'nyj Rostov: kniga diskussij* / Ed. by V. P. Makarenko. Rostov-on-Don: ŪFU. P. 334–339.
- Shkuratov V. A.* (2015a). *Istoričeskaâ psihologija* [Historical Psychology]. 3d ed. Book 1. *Vvedenie v istoričeskuû psihologiju* [Introduction to Historical Psychology]. Moscow: Kredo.
- Shkuratov V. A.* (2015b). *Mezhdisciplinarnost' v sociokul'turnom kontekste (proekty istoričeskogo sinteza i novej istorii vo Francii)* [Interdisciplinarity in the socio-cultural context (projects of historical synthesis and new history in France)] // *Steny i mosty — III. Istorija vozniknoveniâ*

i razvitiâ idei meždisciplinarnosti: mat-ly Meždunar. nauč. konf. Moskva, RGGU, 25–26 aprilâ 2014 g. / Ed. by G. G. Ershova et al. Moscow: Akademičeskij proekt; Gaudeamus. P. 85–102.

Shkuratov V. A. (2015c). Čelovečeskij i ačelovečeskij obliki vlasti [Human and inhuman forms of power] // *Političeskaâ konceptologija*. N 4. P. 26–28.

Shkuratov V. A. (2016). Kogitokratiâ: novoe izmerenie istoričeskoj psihologii [Cogitocracy: a new dimension of historical psychology] // *Steny i mosty — IV: Meždisciplinarnye issledovaniâ v istorii: mat-ly Meždunar. nauč. konf. Moskva, RGGU, 22 maâ 2015 g.* / Ed. by G. G. Ershova et al. Moscow: Akademičeskij proekt. P. 70–86.

Vernant J.-P. (1988). Proishoždenie drevnegrečeskoj mysli [Origins of Greek Thought]. Moscow: Progress.

Section CONSTRUCTION OF PSYCHOLOGY SUBJECT-MATTER

PSYCHOLOGY IN THE 21st CENTURY: A PROBLEM OF SCIENCE SUBJECT-MATTER

V. A. Mazilov
Yaroslavl State Pedagogical
University named after
K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia,
E-mail: v.mazilov@yspu.org

The article is devoted to discussion of psychology prospects as a science. It is disputed that psychology does not represent a single science, but is a set of generally unconnected disciplines. The author considers psychology to be a fundamental scientific discipline, to have a beautiful future. It is at the beginning of its becoming as the fundamental science. In the article, the traditional conclusion is questioned, according to which psychology became the independent science in the second half of the nineteenth century. The author argues psychology not to have been become the independent science yet. This goal has not been achieved yet. The article analyzes the conditions and the first steps along this path. A problem of the psychology subject-matter is analyzed. The author offered the subject-matter to be the inner world of human. Advantages of this approach are traced. The first step to be taken is to revise the interpretation of the psychology subject-matter. The article suggests the subject-matter of psychology to be the inner world of human, the advantages of this approach are analyzed. The psychology subject matter as the inner world of human is considered to allow solving a lot of problems accumulated in general psychology.

Keywords: psychology, future, development of psychology, unity, fundamental science, subject-matter, inner world.

DOI: 10.7868/S1819265318010077

Citation: Mazilov V. A. (2018). Psihologija v XXI stoletii: problema predmeta nauki [Psychology in the 21st century: a problem of science subject-matter] // *Metodologija i istorija psihologii*. Iss. 1. P. 108–123.

References

- Allakhverdov V. M.* (2002). Prišla metodologiĉeskaâ pora — psihologiâ, otvorâj vorota! [The methodological time has come — psychology, open the gate!] // *Voprosy psihologii*. N 4. P. 154–157.
- Allakhverdov V. M.* (2006). Veĉno zeleneûšij predmet psihologii na fone suhoj teorii [Ever-green subject-matter of psychology against background of dry theory] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 100–104.
- Aristotle.* (1976). Soĉineniâ [Works]. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
- Asmolov A. G.* (2002). Po tu storonu soznaniâ. Metodologiĉeskie problemy neklassiĉeskoj psihologii [Beyond Consciousness: Methodological Problems of Non-Classical Psychology]. Moscow: Smysl.
- Asmolov A. G.* (2012). Optika prosvêšeniâ: sociokul'turnye perspektivy [Optics of Enlightenment: Socio-Cultural Perspectives]. Moscow: Prosvêšenie.
- Ĉelovek, sub"ekt, liĉnost' v sovremennoj psihologii [Person, Subject, Personality in Modern Psychology]. (2013). Mat-ly Meždunar. konf., posvâšennoj 80-letiju A. V. Brušlinskogo. Vol. 1 / Ed. by A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko. Moscow: IP RAN.
- Chuprikova N. I.* (2006). Teoriâ otraženiâ, psihiĉeskaâ real'nost' i psihologiĉeskaâ nauka [The theory of reflection, psychic reality and psychological science] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 174–192.
- Frith Ch.* (2016). Mozg i duša. Kak nervnaâ deâtel'nost' formiruet naš vnutrennij mir [Making up the Mind: How the Brain Creates Our Mental World]. Moscow: Corpus; AST.
- Guseltseva M. S.* (2009). Problema izuĉeniâ psihiki kak meždisciplinarnogo fenomena: kul'turno-analitiĉeskij podhod [The problem of studying the psyche as an interdisciplinary phenomenon: a cultural-analytical approach] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 166–179.
- Istoriâ psihologii: period otkrytogo krizisa [History of Psychology: The Period of an Open Crisis]. (1992). Ed. by P. Ya. Galperin, A. N. Zhdan. Moscow: MGU.
- Karitsky I. N.* (2006). Èksplikaciâ predmeta psihologii [Explication of the subject-matter of psychology] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 105–118.
- Leontiev A. N.* (1975). Deâtel'nost'. Soznanie. Liĉnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
- Leontiev D. A.* (2006). Liĉnost' kak preodolenie individual'nosti: kontury neklassiĉeskoj psihologii liĉnosti [Personality as the overcoming of individuality: the foundations of the non-classical psychology of personality] // *Psihologiĉeskaâ teoriâ deâtel'nosti: vĉera, segodnâ, zavtra* / Ed. by A. A. Leontiev. Moscow: Smysl. P. 134–147.
- Leontiev D. A.* (2008). Teoriâ liĉnosti A. F. Lazurskogo: ot naklonnostej k otnošeniâm [A. F. Lazursky's theory of personality: from inclinations to relationships] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 4. P. 7–20.
- Mazilov V. A.* (1998). Teoriâ i metod v psihologii [Theory and Method in Psychology]. Yaroslavl: MAPN.
- Mazilov V. A.* (2002). Predmet i zadaĉi psihologii [The subject-matter and tasks of psychology] // *Obšaâ psihologiâ: Uĉebnik* [General Psychology: A Textbook] / Ed. by A. V. Karpov. Moscow: Gardariki. P. 5–23.
- Mazilov V. A.* (2004). Nauĉnaâ psihologiâ: problema predmeta [Scientific psychology: the problem of the subject-matter] // *Trudy Âroslavskogo metodologiĉeskogo seminarâ*. Vol. 2: Predmet psihologii / Ed. by V. V. Novikov et al. Yaroslavl: MAPN. P. 207–225.
- Mazilov V. A.* (2006). O predmete psihologii [On the subject-matter of psychology] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 55–72.

Mazilov V. A. (2008). Integraciã psihologičeskogo znaníã [Integration of Psychological Knowledge]. Yaroslavl: MAPN.

Mazilov V. A. (2015). Psihologiã akademičeskaã i praktičeskaã: aktual'noe sosušestvovanie i perspektivy [Academic and practical psychology: actual coexistence and perspectives] // Psihologičeskij žurnal. N 3. P. 87–96.

Mazilov V. A. (2017a). Metodologiã psihologičeskoj nauki: istoriã i sovremennost' [Methodology of Psychological Science: History and Modernity]. Yaroslavl: ÅGPU.

Mazilov V. A. (2017b). Psihologiã: vozvrašenie k Demokritu [Psychology: a return to Democritus] / Åroslavskij pedagogičeskij vestnik. N 1. P. 178–188.

Merton R. K. (1949). *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press.

Nikitin E. P. (1970). *Ob"ãsnenie — funkciã nauki* [Explanation, the Function of Science]. Moscow: Nauka.

Paradigmy v psihologii: naukovedčeskij analiz [Paradigms in Psychology: A Science Analysis]. (2012). Ed. by A. L. Zhuravlev, T. V. Kornilova, A. V. Yurevich. Moscow: IP RAN.

Petrenko V. F. (2009). Kosmičeskij strannik — soznanie: opyt individual'nogo brejn-štormin-ga [The cosmic wanderer — consciousness: The experience of individual brain-storming] // Metodologiã i istoriã psihologii. Iss. 1. P. 5–24.

Petrenko V. F. (2010). Mnogomernoe soznanie: psihosemantičeskaã paradigma [Multidimensional Consciousness: The Psychosemantic Paradigm]. Moscow: Novyj hronograf.

Piskoppel A. A. (2006). Gumanističeskij princip ličnosti i predmet psihologii [The humanistic principle of personality and the subject-matter of psychology] // Metodologiã i istoriã psihologii. Iss. 1. P. 232–250.

Progress psihologii: kriterii i priznaki [Progress of Psychology: Criteria and Indications]. (2011). / Ed. by A. L. Zhuravlev, T. D. Martsinkovskaya, A. V. Yurevich. Moscow: IP RAN.

Rogovin M. S. (1969). *Vvedenie v psihologiã* [Introduction to Psychology]. Moscow: Vysšaã škola.

Rubinstein S. L. (1940). *Osnovy obšej psihologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow: Učpedgiz.

Rubinstein S. L. (1973). Filozofskie korni èksperimental'noj psihologii [Philosophical roots of experimental psychology] // Problemy obšej psihologii. Moscow: Pedagogika. P. 68–90.

Shadrikov V. D. (2004). O predmete psihologii (Mir vnutrennej žizni čeloveka) [On the subject-matter of psychology (The world of human inner life)] // Psihologiã. Žurnal Vysšej školy èkonomiki. N 1. P. 5–19.

Shadrikov V. D. (2006). *Mir vnutrennej žizni čeloveka* [The World of Human Inner Life]. Moscow: Logos.

Shadrikov V. D., Mazilov V. A. (2015). *Obšaã psihologiã: Učebnik dlã akademičeskogo baka-lavriata* [General Psychology: A Textbook]. Moscow: Ūrajt.

Sub'ektnyj podhod v psihologii [Subject Approach in Psychology]. (2009). Ed. by A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, E. A. Sergienko. Moscow: IP RAN.

Teoriã i metodologiã psihologii: postneklassičeskaã perspektiva [Theory and Methodology of Psychology: Post-non-classical Perspective]. (2007). Ed. by A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich. Moscow: IP RAN.

Vasilyuk F. E. (2003). *Metodologičeskij analiz v psihologii* [Methodological Analysis in Psychology]. Moscow: Smysl.

Vasilyuk F. E., Zinchenko V. P., Meshcheryakov B. G., Petrovskiy V. A., Pruzhinin B. I., Shchedrina T. G. (2012). *Metodologiã psihologii: problemy i perspektivy* [Methodology of Psychology: Problems and Prospects] / Ed. by T. G. Shchedrina. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ.

Vzaimootnošeniâ issledovatel'skoj i praktičeskoj psihologii [The Relationships Between Research and Practical Psychology]. (2015). Ed. by A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich. Moscow: IP RAN.

Wundt W. (1880). Osnovaniâ fiziologičeskoj psihologii [Principles of Physiological Psychology]. Moscow: Tipogr. M. N. Lavrova i Ko.

Yanchuk V. A. (2006). Postmodernistskij, sociokul'turnyj interdeterministskij dialogizm kak perspektiva pozicionirovaniâ v predmete psihologii [Postmodern sociocultural interdeterministic dialogism as a perspective of positioning in the subject-matter of psychology] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 193–206.

Zinchenko V. P. (2003). Prehodâšie i večnye problemy psihologii [Transient and everlasting problems of psychology] // Trudy Âroslavskogo metodologičeskogo seminarâ: Metodologija psihologii / Ed. by V. V. Novikov et al. Yaroslavl: MAPN. P. 98–134.

Zinchenko V. P. (2006). Soznanie kak predmet i delo psihologii [Consciousness as a subject-matter and an objective of psychology] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 207–231.

Zinchenko V. P., Podoroga V. A. (2005). O čelovečeskoj duše i ploti [About the human soul and flesh] // Znanie. Ponimanie. Umenie. N 1. P. 34–43.

CULTURAL-DIALOGICAL METAPERSPECTIVE OF PSYCHOLOGY KNOWLEDGE INTEGRATION IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY AND CONSTRUCTIVIST DIVERSITY

V. A. Yanchuk

*Academy of Postgraduate
Education,*

Minsk, Belarus,

E-mail: yanchuk1954@gmail.com

The problem of finding theoretical and empirical grounds for integrating psychological knowledge in the context of cultural-dialogic interdeterministic metatheory is presented. The idea of four-dimensional continuity of psychological phenomenology is grounded, the system-forming universal basis of which is culture in the aspect of the psychic reality cultural construction.. Hetero-qualitative, multidimensional and multi-paradigm psychological knowledge is represented in the form of three four-dimensional continuums. In accordance with the introduced principle of cultural-dialogic interdeterminism, the interdeterministic character of the interaction of the constituent structural elements. Theoretical and empirical substantiations of innovative approach are given.

Keywords: cultural constructivism; cultural-scientific tradition; culture; dialogical intertermination; heterogeneous system; integration; metatheory; methodology; principle of cultural-dialogic interdeterminism; cultural-dialogical interdeterminist approach; four-dimensional continuums of psychological phenomenology.

Citation: Yanchuk V. A. (2018). Kul'turno-dialogičeskaâ metaperspektiva integracii psihologii v usloviâh neopredelennosti i konstruktivistskogo mnogoobraziâ [Cultural-dialogical metaperspective of psychology knowledge integration in conditions of uncertainty and constructivist diversity] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 124–154.

References

Asmolov A. G. (2008). Istoriko-ëvolücionnaâ paradigma konstruirovaniâ raznoobraziâ mirov: deâtel'nost' kak sušestvovanie [The historical and evolutionary paradigm of constructing the diversity of the worlds: activity as an existence] // *Voprosy psihologii*. N 5. P. 3–11.

Asmolov A. G. (2012). Krizisy psihologii v setevom stoletii (vystuplenie na V s'ezde RPO) [Crisis of psychology in the network century (speech at the 5th Congress of the RPS)] // *Rossiiskij psihologičeskij žurnal*. Vol. 9 (1). P. 7–11.

Asmolov A. G. (2017). Psihologiâ sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, složnosti i raznoobraziâ [The psychology of modernity: the challenges of uncertainty, complexity and diversity] // *Ot istokov k sovremennosti: 130 let Moskovskomu psihologičeskomu obšestvu: mat-ly ūbilejnoj konf.*: Vol. 6 / Ed. by D. B. Bogoyavlenskaya. Moscow: Kogito-Centr. P. 79–95.

Bakhtin M. M. (1986). K metodologii gumanitarnyh nauk [Toward a methodology for the human sciences] // *Ëstetika slovesnogo tvorčestva* [The Aesthetics of Verbal Art]. Moscow: Iskusstvo.

Bakhtin M. M. (1986). *Speech Genres and Other Late Essays*. Austin, TX: University of Texas Press.

Bandura A. (1978). The self-system in reciprocal determinism // *American Psychologist*, 33 (4), 345–358.

Bibler V. S. (1991). Ot naukoučeniâ — k logike kul'tury: dva filosofskih vvedeniâ v dvadcat' pervyj vek [From the Science of Knowledge to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-first Century]. Moscow: Politizdat.

Bohannon J. (2015). Many psychological papers fail replication test // *Science*, 349 (6251), 910–911.

Boss M. (1983). *The Existential Foundations of Medicine and Psychology*. New York: Jason Aronson.

Brinkmann S. (2011). Towards an expansive hybrid psychology: Integrating theories of the mediated mind // *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45, 1–20.

Cole M. (2010). Vygotsky and context: Toward a resolution of theoretical disputes // *The Sociocultural Turn in Psychology: The Contextual Emergence of Mind and Self*. New York: Columbia University Press. P. 253–280.

Crumley C. (Ed.). (1994). *Historical Ecology: Cultural Knowledge and Changing Landscapes*. Santa Fe, New Mexico: School of American Research Press.

de Jong H. (2000). Genetic determinism. How not to interpret behavioral genetics // *Theory & Psychology*, 10 (5), 615–637.

Earp B. D., Trafimow D. (2015). Replication, falsification, and the crisis of confidence in social psychology // *Frontiers in Psychology*, 6.

Edwards M. (2010). *Organizational Transformation for Sustainability: An Integral Metatheory*. New York: Routledge.

Ellis B. D., Stam H. J. (2015). Crisis? What crisis? Cross-cultural psychology's appropriation of cultural psychology // *Culture & Psychology*, 21 (3), 293–317.

Fogel A., Lyra C. D. P., Valsiner J. (Eds.). (1997). *Dynamics and Indeterminism in Developmental and Social Processes*. New York: Psychology Press.

- Funder D.* (2016). Taking situations seriously: The situation construal model and the riverside situational Q-sort // *Current Directions in Psychological Science*, 25 (3), 203–208.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi.* (2011). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 1. New York: Oxford University Press.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi.* (2012). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 2. New York: Oxford University Press.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi.* (2013). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 3. New York: Oxford University Press.
- Gelfand N. G., Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi.* (2014). *Advances in Culture and Psychology*. Vol. 4. New York: Oxford University Press.
- Gergen K.* (2010). The acculturated brain // *Theory & Psychology*, 20 (6), 795–816.
- Goli Z.* (2014). *Sravnjenje predstavljenij, koping-strategij i sposobov regulirovaniâ boli u iranskih i belorusskih pacientov, ispytyvaûših hroničeskuû bol'* [Comparison of views, coping strategies and methods of pain management in Iranian and Belarusian patients experiencing chronic pain]. Dissertation. Minsk: BGU.
- Goli Z., Yanchuk V. A.* (2012). Effect of racial and ethnical differences in pain perception: Explaining the effective mechanisms on it // *Psihologiĉeskij Źurnal*. N 3–4. P. 41–49.
- Goli Z., Yanchuk V. A., Torkaman Z.* (2015). Cross-cultural adaptation and validation of the Russian version of the Pain Beliefs and Perceptions Inventory (R-PBPI) in patients with chronic pain // *Current Psychology*, 34 (4), 772–780.
- Hart J.* (2014). Toward an integrative theory of psychological defense // *Perspectives on Psychological Science*, 9 (1), 19–39.
- Healy P.* (2012). Toward an integrative, pluralistic psychology: On the hermeneutico-dialogical conditions of the possibility for overcoming fragmentation // *New Ideas in Psychology*, 30, 271–280.
- Henriques G.* (2008). The problem of psychology and the integration of human knowledge: Contrasting Wilson's consilience with the tree of knowledge system // *Theory & Psychology*, 18 (6), 731–755.
- Junne F., Zipfel S.* (2015). Research prospects in BioPsychoSocial medicine: New year reflections on the "Cross-Border Dialogue" paradigm // *BioPsychoSocial Medicine*, 9 (10), 1–4.
- Keith K. (Ed.)*. (2011). *Cross-Cultural Psychology: Contemporary Themes and Perspectives*. Wiley-Blackwell.
- Kitayama S., Salvador C. E.* (2017). Culture embrained: Going beyond the nature-nurture dichotomy // *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 12 (5), 841–854.
- Lane R. D.* (2014). Is it possible to bridge the Biopsychosocial and Biomedical models? // *BioPsychoSocial Medicine*, Vol. 8 (3), 1–3.
- Leontiev D. A.* (2013). O nekotoryh aspektah problemy «kul'tura i liĉnost'» [On some aspects of the problem of "culture and personality"] / *Kul'turno-istoričeskaâ psihologiâ*. N 1. P. 22–31.
- Leontiev D. A., Mospan A. N.* (2017). Kartina mira, mirovozzrenie i opredelenie neopredelenogo [The picture of the world, the worldview and the definition of the indefinite] // *Mir psihologii*. N 2. P. 12–19.
- Lilienfeld S.* (2017). Psychology's replication crisis and the grant culture: Righting the ship // *Perspectives on Psychological Science*, 12 (4), 660–664.
- Marsh H. W., Graven R. G.* (2006). Reciprocal effects of self-concept and performance from a multidimensional perspective // *Perspective on Psychological Science*, 1 (2), 133–263.
- Mazur L. B., Watzlawik M.* (2016). Debates about the scientific status of psychology: Looking at the bright side // *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 50 (4), 555–567.

Mininni G. (2010). The method of dialogue: Transaction Through Interaction // *IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science*, 44 (1), 23–29.

Patil P., Peng R. D., Leek J. T. (2016). What should researchers expect when they replicate studies? A statistical view of replicability in psychological science // *Perspectives on Psychological Science*, 11 (4), 539–544.

Petrenko V. F. (2010). Paradigma konstruktivizma v humanitarnyh naukah [The constructivist paradigm in humanities] // *Metodologîâ i istoriâ psihologii*. Iss. 3. P. 5–12.

Petrenko V. F. (2016). Perspektivy razvitiâ psihologîcheskoj školy Vygotskogo–Leont’eva–Lurii v kontekste problematiki psihosemantiki bessoznatel’nogo [Prospects for the development of the Vygotsky–Leontiev–Luria psychological school in the context of the psychosemantics of the unconscious] // *Mir psihologii*. N 4. P. 54–67.

Powers J. T., Cook J. E., Purdie-Vaughns V., Garcia J., Apfel N., Cohen J. L. (2016). Changing environments by changing individuals: The emergent effects of psychological intervention // *Psychological Science*, 27 (2), 150–160.

Proietto M., Lombardo G. P. (2015). The “crisis” of psychology between fragmentation and integration: The Italian case // *Theory & Psychology*, 25 (3), 313–327.

Rauthmann J. F., Sherman R. A., Funder D. C. (2015). Principles of situation research: Towards a better understanding of psychological situation // *European Journal of Personality*, 29, 363–381.

Salgado J., Clegg J. W. (2011). Dialogism and the psyche: Bakhtin and contemporary psychology // *Culture & Psychology*, 17 (4), 421–440.

Schmidt F. L., Oh I.-S. (2016). The crisis of confidence in research findings in psychology: Is lack of replication the real problem? Or is it something else? // *Archives of Scientific Psychology*, 4, 32–37.

Shotter J. (2001). Toward a third revolution in psychology: from inner mental representations to dialogically structured social practices // *Jerome Bruner: Language, Culture, Self* / Ed. by D. Bakhurst, S. G. Shanker. P. 167–183.

Simão L. M. (2005). Bildung, culture and self // *Theory & Psychology*, 15 (4), 549–574.

Smythe W. E., McKenzie S. A. (2010). A vision of dialogical pluralism in psychology // *New Ideas in Psychology*, 28 (2), 227–234.

Spellman B. (2015). A short (personal) future history of revolution 2.0 // *Perspectives on Psychological Science*, 10 (6), 886–899.

Sripada C., Kessler D., Jonides J. (2016). Sifting signal from noise with replication science // *Perspectives on Psychological Science*, 11 (4), 576–578.

Sternberg R. (2017). Mountain climbing in the dark: Introduction to the special symposium on the future direction of psychological science // *Perspectives on Psychological Science*, 12 (4), 649–651.

Toomela A. (2007). Culture of science: Strange history of the methodological thinking in psychology // *IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science*, 41 (1), 6–20.

Turner J. (1990). The misuse and use of metatheory // *Sociological Forum*. Vol. 5 (1). P. 37–53.

Valsiner J., Molenaar C. M., Lyra M., Chaudhary N. (Eds.). (2009). *Dynamic Process Methodology in the Social and Developmental Sciences*. New York: Springer-Verlag.

Valsiner J. (2007). Becoming integrative in science: Re-building contemporary psychology through interdisciplinary and international collaboration // *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 41, 1–5.

Valsiner J. (2009). Integrating psychology within the globalizing world: A requiem to the post-modernist experiment with Wissenschaft // *IPBS: Integrative Psychological and Behavioral Science*, 43, 1–21.

- Valsiner J. (2014a). *An Invitation to Cultural Psychology*. New York: SAGE Publications.
- Valsiner J. (2014b). Needed for cultural psychology: Methodology in a new key // *Culture & Psychology*, 20 (1), 3–30.
- van Geert P. (1997). Que sera, sera: Determinism and nonlinear dynamic model building in development // A. Fogel, C. D. P. Lyra, J. Valsiner (Eds.). *Dynamics and Indeterminism in Developmental and Social Processes*. New York: Psychology Press. P. 13–38.
- Wallis S. E. (2010). Toward a science of metatheory // *Integral Review. A Transdisciplinary and Transcultural Journal For New Thought, Research, and Praxis*. Vol. 6. N 3. P. 73–115.
- Watanabe T. (2010). Metascientific foundations for pluralism in psychology // *New Ideas in Psychology*, 28 (2), 253–262.
- Weinstein N., Przybylski A. K., Ryan R. M. (2013). The integrative process: New research and future directions // *Current Directions in Psychological Science*, 22 (1), 69–74.
- Wertheimer M. (1912). Experimentelle Studien über das Sehen von Bewegung // *Zeitschrift für Psychologie*, 61 (1), 161–265.
- Witherington D. (2007). The dynamic systems approach as metatheory for developmental psychology // *Human Development*, 50, 127–153.
- Yanchuk V. A. (2000). Metodologîâ, teoriâ i metod v sovremennoj social'noj psihologii i personologii: integrativno-èklektičeskij podhod [Methodology, Theory and Method in Modern Social Psychology and Personology: Integrative-Eclectic Approach]. Minsk: Bestprint.
- Yanchuk V. A. (2003). Psihologiâ postmoderna [Psychology of Postmodern] // *Vremâ kak faktor izmenenij ličnosti: sb. nauč. trudov / Ed. by A. V. Brushlinsky, V. A. Polikarpov*. Minsk: EGU. P. 175–201.
- Yanchuk V. A. (2005). *Vvedenie v sovremennuû social'nuû psihologiû* [Introduction to Modern Social Psychology]. Minsk: ASAR.
- Yanchuk V. A. (2006). Postmodernistskij, sociokul'turno-interdeterministskij dialogizm kak perspektiva pozicionirovaniâ v predmete psihologii [Postmodern sociocultural interdeterministic dialogism as a perspective of positioning in the subject-matter of psychology] // *Metodologîâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 193–206.
- Yanchuk V. A. (2012). Mežparadigmal'nyj dialog kak resurs uglubljeniâ ponimaniâ psihologičeskoj fenomenologii: sociokul'turno-interdeterministskaâ dialogičeskaâ perspektiva [Inter-paradigm dialogue as a resource for deepening understanding of psychological phenomenology: sociocultural-interdeterministic dialogical perspective] // *Psihologičeskij žurnal*. N 2. P. 4–17.
- Yanchuk V. A. (2013a). Èko-kul'turnaâ obrazovatel'naâ sreda: formirovanie i razvitie. Č. 1: Obrazovanie, nauka i innovacii [Eco-cultural educational environment: formation and development. Part 1: Education, Science and Innovation] // *Adukacyâ i vyhavanne*, 1, 60–67.
- Yanchuk V. A. (2013b). Èko-kul'turnaâ obrazovatel'naâ sreda: formirovanie i razvitie. Č. 2: Ot kul'turnoj k mežkul'turnoj kompetentnosti [Eco-cultural educational environment: formation and development. Part 2: From cultural to intercultural competence] // *Adukacyâ i vyhavanne*, 7, 69–76.
- Yanchuk V. A. (2014). Sociocultural-interdeterminist dialogical perspective of intercultural mutual understanding comprehension // *Open Journal of Social Sciences*. Vol. 2, 178–191.
- Yanchuk V. A. (2014). Sociokul'turno-interdeterministskaâ dialogičeskaâ perspektiva uglubljeniâ ponimaniâ mežkul'turnogo vzaimoponimaniâ [Sociocultural-interdeterministic dialogical perspective of deepening understanding of intercultural mutual understanding] // *Izvestiâ Saratovskogo universiteta. Novaâ seriâ. Akmeologiâ obrazovaniâ. Psihologiâ razvitiâ*. N 3 (11). P. 241–253.
- Yanchuk V. A. (2015a). K postroeniû sociokul'turno-interdeterministskoj dialogičeskoj meta-teorii integracii psihologičeskogo znaniâ [Towards the construction of a sociocultural-interde-

terministic dialogical metatheory of the integration of psychological knowledge] // *Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizacii psihologičeskogo obščestva pri Moskovskom universitete: Sb. mat-lov ūbilejnoj konf.*: In 5 vols. Vol. 1. Moscow: Kogito-Centr. P. 136–138.

Yanchuk V. A. (2015b). Četyrehmernyj kontinuum ponimaniâ fenomenologii biopsihosocial'noj adaptacii: sociokul'turno-interdeterministskaâ dialogičeskaâ perspektiva [Four-dimensional continuum of understanding of phenomenology of biopsychosocial adaptation: sociocultural-interdeterministic dialogical perspective] // *Materialy IV Meždunar. konf. «Psihosocial'naâ adaptaciâ v transformiruŭšemsâ obščestve. Socializaciâ sub'ekta na raznyh etapah socializacii»*. Minsk: BGU. P. 530–536.

Yanchuk V. A. (2016a). Dialogičeskaâ interdeterminaciâ v sisteme četyrehmernyh prostranstv analiza kross-kul'turnoj fenomenologii [Dialogical interdetermination in the system of four-dimensional spaces of the analysis of cross-cultural phenomenology] // *Teoretičeskie problemy ètničeskoj i kross-kul'turnoj psihologii: mat-ly V Meždunar. nauč. konf.*, 27–28 maâ 2016 g. In 2 vols. Vol. 1. Smolensk: SGU. P. 56–63.

Yanchuk V. A. (2016b). L. S. Vygotskij i kul'turnyj perevorot v psihologii [L.S. Vygotsky and the cultural revolution in psychology] // *Psihologičeskij Vademecum: Vitebšina L. S. Vygotsko-go: sb. nauč. statej*. Vitebsk: VGU im. P. M. Mašerova. P. 21–33.

Yanchuk V. A. (2016c). Sociocultural-interdeterminist dialogical metatheory of psychological knowledge integration // *International Journal of Psychology*, 51, p. 438.

Yanchuk V. A. (2016d). Sociokul'turno-interdeterministskaâ dialogičeskaâ metateorii integracii psihologičeskogo znaniâ v kontekste problemy social'nogo progressa [Sociocultural-interdeterministic dialogical metatheory of the integration of psychological knowledge in the context of the problem of social progress] // *Gumanitarnye osnovaniâ social'nogo progressa: Rossiâ i sovremennost': sb. statej Meždunar. nauč.-prakt. konf.* In 8 parts. Pt. 1 / Ed. by V. S. Belgorodsky et al. Moscow: MGUDT. P. 317–324.

Yanchuk V. A. (2017a). Kul'turno-dialogičeskaâ interdeterministskaâ perspektiva pozicionirovaniâ v problematike razvitiâ ličnosti [Cultural-dialogical interdeterministic perspective of positioning in the problems of personal development] // *Aktual'nye problemy psihologii razvitiâ ličnosti: sb. nauč. statej* / Ed. by A. V. Rakitskaya, O. G. Mitrofanova. Grodno: GrGU. P. 7–13.

Yanchuk V. A. (2017b). Sociokul'turno-interdeterministskaâ dialogičeskaâ metateoriâ integracii psihologičeskogo znaniâ [Sociocultural-interdeterministic dialogical metatheory of the integration of psychological knowledge] // *Ot istokov k sovremennosti: 130 let Moskovskomu psihologičeskomu obščestvu: mat-ly ūbilejnoj konf.*: Vol. 6 / Ed. by D. B. Bogoyavlenskaya. Moscow: Kogito-Centr. P. 297–331.

Yanchuk V. A., Sapego E. I. (2017). Dialogičeskaâ interdeterminaciâ v psihologičeskoj fenomenologii: primer professional'noj deformacii pedagogov [Dialogical interdetermination in psychological phenomenology: an example of professional deformation of teachers] // *Integraciâ obrazovaniâ*. N 3. P. 459–476.

Yurevich A. V. (1999). Sistemnyj krizis v psihologii [Systemic crisis in psychology] // *Voprosy psihologii*. N 2. P. 3–11.

Section CONSTRUCTION OF SOCIETY

THE QUANTITATIVE ESTIMATION METHODOLOGY OF MODERN RUSSIAN SOCIETY'S PSYCHOLOGICAL STATE

A. V. Yurevich

*Institute of Psychology of
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
E-mail: av.yurevich@mail.ru*

The author describes and substantiates the quantitative estimation methodology of modern Russian society's psychological state. For the purposes of the quantitative estimation of this state the author used a composite index elaborated by him and based on the integration of 6 primary indicators. Using the Index, there is a possibility to estimate quantitatively the dynamics of Russian society's psychological state from 1991 to 2016. The author analyses this dynamics in relation to social-economic and political events. In addition, the dynamics of primary indicators involved in the Composite Index is examined as well. There are the results of other investigations — sociological and psychological ones, characterizing the modern Russian society's psychological state and its dynamics. The author comes to the conclusion about the existence of socio-psycho-somatic influence implied in the fact that social processes are reflected in citizens' psychological state which has important somatic consequences.

Keywords: *macropsychology, modern Russian society, psychological state, quantitative estimation, Composite Index, dynamics, socio-psycho-somatic influence.*

DOI: 10.7868/S1819265318010090

Citation: Yurevich A. V. (2018). Metodologija količestvennoj ocenki psihologičeskogo sostoāniā sovremennoĝo rossijskogo obšestva [The quantitative estimation methodology of modern Russian society's psychological state] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 155–173.

References

Balatsky E. V. (2005). Faktory udovletvorennosti ŝizn'ŭ: izmerenie i integral'nye pokazately [Factors of life satisfaction: measurement and integral indicators] // Monitoring obšestvennoĝo mneniā. N 4. P. 42–52.

Biderman A. D. (1974). Social indicator: Whence and whither // Social Indicators and Marketing / Ed. by R. L. Clewett, J. C. Olson. Chicago: American Marketing Association. P. 27–44.

Boenko N. I. (2005). Ėkonomičeskie reformy, cennosti i rossijskaā polimental'nost' [Economic reforms, values and Russian polymentality] // Social'nye i mental'nye tendencii sovremennoĝo rossijskogo obšestva / Ed. by V. E. Semenov. Saint Petersburg: SPbGU. P. 48–68.

Boyko V. V. (1985). Roŝdaemost'. Social'no-psihologičeskie aspekty [Fertility: Socio-Psychological Aspects]. Moscow: Mysl'.

Durkheim Ė. (1998). Samoubijstvo: sociologičeskij ètŭd [Suicide: A Study in Sociology]. Saint Petersburg: Soŭz.

Gaidar Ye. T. (2006). *Gibel' imperii. Uroki dlá sovremennoj Rossii* [Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia]. Moscow: Rossijskaâ političeskaâ ènciklopediâ.

Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (Eds.). (2015). *Rossijskoe obšestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and the Challenges of Time]. Book 2. Moscow: Ves' mir.

Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (Eds.). (2016). *Rossijskoe obšestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and the Challenges of Time]. Book 4. Moscow: Ves' mir.

Gundarov I. A. (2001). *Demografičeskaâ katastrofa v Rossii: pričiny, mehanizmy, puti preodoleniâ* [Demographic Catastrophe in Russia: Causes, Mechanisms, Ways to Overcome]. Moscow: URSS.

Keltner D., Locke K. D., Audrian P. C. (1993). The influence of attributions on the relevance of negative feelings to personal satisfactions // *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 19. P. 21–29.

Kosov A. V. (2007). *Mental'nost' kak mirovozzrenčeskaâ sistema i komponenta mifosoznaniâ* [Mentality as a worldview system and a component of mythological consciousness] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 3. P. 75–90.

Kozlov A. A., Utisheva E. V. (2005). *Problematika social'nogo zdorov'â i zdorovogo obraza žizni molodeži (na materiale sociologičeskogo issledovaniâ)* [The problem of social health and healthy lifestyle of young people (based on sociological research)] // *Social'nye i mental'nye tendencii sovremennoho rossijskogo obšestva* / Ed. by V. E. Semenov. Saint Petersburg: SPbGU. P. 124–143.

Le Bon G. (1896). *Psihologiâ narodov i mass* [The Psychology of Peoples. The Crowd]. Saint Petersburg: F. Pavlenkov.

Leonov V., protoiereus. (2013). *Osnovy pravoslavnoj antropologii: Učebnoe posobie* [Fundamentals of Orthodox Anthropology: A Textbook]. Moscow: Izd-vo Moskovskoj Patriarii Russkoj Pravoslavnoj cerkvi.

Polanyi K. (1957). *The Great Transformation*. Boston: Beacon Press.

Rats M. V. (1997). *Ideâ otkrytogo obšestva v sovremennoj Rossii* [The Idea of an Open Society in Modern Russia]. Moscow: Magistr.

Samsonova T. I. (2014). *Kompetentnost' mladogo pokoleniâ i budušee rossijskogo obšestva* [Competence of the younger generation and the future of Russian society] // *Rossijskoe obšestvo: problemy social'nogo soglasiâ i razvitiâ* / Ed. by V. E. Semenov. Saint Petersburg: SPbGU. P. 150–166.

Sharov A. N. (2014). *Peterburžcy 2012: problemy i perspektivy* [Petersburgers 2012: problems and prospects] // *Rossijskoe obšestvo: problemy social'nogo soglasiâ i razvitiâ* / Ed. by V. E. Semenov. Saint Petersburg: SPbGU. P. 121–132.

Sirotkina I. E., Smith R. (2008). «Psihologičeskoe obšestvo» i social'no-političeskie peremeny v Rossii [“Psychological Society” and socio-political changes in Russia] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 3. P. 73–90.

Sulakshin S. S. (2006). *Rossijskij demografičeskij krizis: ot diagnostiki k preodoleniû* [The Russian Demographic Crisis: From Diagnosis to Overcoming]. Moscow: Naučnyj èkspert.

Toqueville A. (1955). *The Old Regime and the French Revolution*. New York: Anchor.

Wundt W. (1912). *Problemy psihologii narodov* [Problems in Cultural Psychology = Probleme der Völkerpsychologie]. Moscow: Kosmos.

Yurevich A. V. (2014). *Psihologiâ social'nyh âvlenij* [Psychology of Social Phenomena]. Moscow: IP RAN.

Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. (2016). *Patriotizm kak ob'ekt izučeniâ psihologičeskoj nauki* [Patriotism as an object of study for psychological science] // *Psihologičeskij žurnal*. N 4. P. 88–98.

Zhuravleva N. A. (2014). Aktual'nye tendencii v cennostnyh orientaciâh molodeži v sovremenom rossijskom obšestve [Actual tendencies in value orientations of youth in modern Russian society] // Psihologičeskoe zdorov'e ličnosti i duhovno-nravstvennye problemy sovremenogo rossijskogo obšestva / Ed. by A. L. Zhuravlev, M. I. Volovikova, T. V. Galkina. Moscow: IP RAN. P. 171–191.

Zobov R. A., Matveev A. M., Sugakova L. I. (2014). Problema zdorov'â čeloveka v sovremenom obšestve [The problem of human health in modern society] // Rossijskoe obšestvo: problemy social'nogo soglasiâ i razvitiâ / Ed. by V. E. Semenov. Saint Petersburg: SPbGU. P. 233–240.

Section INTERVIEW

THE INTERVIEW ON THE FUTURE OF PSYCHOLOGY

A. G. Asmolov

*Lomonosov Moscow State University,
Federal Institute for Educational Development, Moscow, Russia,
E-mail: agas@mail.ru*

T. A. Nestik

*Institute of Psychology of
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
E-mail: nestik@gmail.com*

The interview with Professor A. G. Asmolov took place within the framework of the ongoing project — the meetings with authoritative Russian scientists devoted to the discussion of actual problems and directions of research in psychological science. The questions are prepared and asked by Professor T. A. Nestik. A. G. Asmolov noted the change in the social status of psychology as a unique interdisciplinary area of science, which takes on the function of social construction of reality nowadays. A psychologist-constructor leads to the transformation of society through the modernization of education, he helps a person to gain self-esteem and build a model of the desired future through the construction of variational, developing, semantic education. Psychology is already on the verge of supertransformation and vision of life as a unique evolutionary stream of consciousness towards personalization of life. The psychology of our time is in the coordinates of complexity, uncertainty and diversity. Psychologists must reflect their mission in order to meet the challenges of our time.

Keywords: psychology, reality, society, evolution, construction, education, complexity, uncertainty, diversity.

DOI: 10.7868/S1819265318010107

Citation: Asmolov A. G. (2018). Interv'û o budušem psihologii [The interview on the future of psychology] // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Iss. 1. P. 174–185.

Section EVENTS OF PSYCHOLOGICAL LIFE

THE IMMENSITY OF PERSONALITY AND ACTIVITIES OF A. N. LEONTIEV (5.02.1903 — 21.01.1979)

A. N. Zhdan
*Lomonosov Moscow
State University,
Moscow, Russia,
E-mail: zhdan@list.ru*

The article is devoted to the 115th anniversary of the birth of Aleksei Nikolaevich Leontiev (1903–1979), the classic of Russian psychology of the 20th century. The author believes that the activity and personality of A. N. Leontiev must be considered in the context of an era that largely determined the style of his scientific language and explained the difficulties in understanding the texts of his writings. His personality traits and diverse areas of his organizational, scientific, pedagogical and social activities are reconstructed. A theoretical analysis of the basic notions and problems of the general-psychological theory developed by him is given, its successive links with the cultural-historical theory of L. S. Vygotsky are emphasized, its qualitative features are revealed in contrast to classical psychology. The article shows the connections of Leontiev's theory with the disciples and followers' works, the formation of a large scientific tradition — cultural-historical activity psychology. The author expresses her confidence in the inexhaustible resources and possible prospects for the further development of the activity theory in the 21st century.

Keywords: activity theory, postulate of immediacy, activity, action consciousness personality, act, interiorization, exteriorization, sensory fabric, personal meaning, denotation, motive, purpose, external, internal, psyche, psyche development, immensity of personality and activities of Leontiev, department of psychology of Moscow State University.

DOI: 10.7868/S1819265318010119

Citation: Zhdan A. N. (2018). Masštabnost' ličnosti i deatel'nosti A. N. Leont'eva (5.02.1903 — 21.01.1979) [The immensity of personality and activities of a. N. Leontiev (5.02.1903 — 21.01.1979)] // *Metodologija i istorija psihologii*. Iss. 1. P. 186–206.

References

Davydov V. V. (1996). *Teoriâ razvivaûšego obučeniâ* [The Theory of Developmental Education]. Moscow: INTOR.

Elkonin D. B. (1971). K probleme periodizacii psihičeskogo razvitiâ v detskom vozraste [On the problem of periodization of mental development in childhood] // *Voprosy psihologii*. N 4. P. 6–20.

Elkonin D. B. (1978). *Psihologija igry* [Psychology of Child Playing]. Moscow: Pedagogika.

Karpova N. L., Labunskaya V. A., Pashukova T. I. (Eds.) (2017). *Psihologija obšeniâ: škola akademika A. A. Bodaleva* [Psychology of Communication: The School of Academician A. A. Bodalev]. Moscow: *Associaciâ škol'nyh bibliotek russkogo mira (RŠBA)*.

- Klimov E. A.* (1996). Psihologija profesionala [Psychology of a Professional]. Moscow: Institut praktičeskoj psihologii; Voronezh: NPO «MODÈK».
- Klimov E. A., Noskova O. G., Solntseva G. N. (Eds.)*. (2015). Psihologija truda, inženerna psihologija i ergonomika [Psychology of Labor, Engineering Psychology and Ergonomics]. Moscow: Úrajt.
- Leontiev A. A.* (2003). Žiznennyj i tvorčeskij put' A. N. Leont'eva [Life and Work of A. N. Leontiev]. Moscow: Smysl.
- Leontiev A. A., Leontiev D. A., Sokolova E. E.* (2005). Aleksej Nikolaevič Leont'ev. Deatel'nost', soznanie, ličnost' [Aleksi Nikolaevich Leontiev: Activity, Consciousness, Personality]. Moscow: Smysl.
- Leontiev A. N.* (1975). Deatel'nost'. Soznanie. Ličnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
- Leontiev A. N.* (1983a). Izbrannye psihologičeskie proizvedeniâ [Selected Psychological Works]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
- Leontiev A. N.* (1983b). Izbrannye psihologičeskie proizvedeniâ [Selected Psychological Works]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Pedagogika.
- Leontiev A. N.* (1994). Filosofija psihologii: Iz naučnogo nasledija [Philosophy of Psychology: From the Scientific Heritage] / Ed. by A. A. Leontiev, D. A. Leontiev. Moscow: MGU.
- Leontiev A. N.* (2000). Lekcii po obšej psihologii [Lectures on General Psychology]. Moscow: Smysl.
- Leontiev D. A.* (1999). Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti [Psychology of Sense: Nature, Structure and Dynamics of the Semantic Reality]. Moscow: Smysl.
- Petrenko V. F.* (1997). Osnovy psihosemantiki [Fundamentals of Psychosemantics]. Smolensk: SGU.
- Petrenko V. F.* (2010). Mnogomernoe soznanie: psihosemantičeskaâ paradigma [Multidimensional Consciousness: The Psychosemantic Paradigm]. Moscow: Novyj hronograf.
- Petrovskij A. V.* (1987). Razvitie ličnosti i problema vedušej deatel'nosti [Personality development and the problem of leading activity] // Voprosy psihologii. N 1. P. 15–26.
- Sechenov I. M.* (1863). Refleksy golovnogo mozga [Reflexes of the brain] // Medicinskij vestnik. N 47–48.
- Talyzina N. F.* (1975). Upravlenie processom usvoeniâ znanij [Control of the Learning Process]. Moscow: MGU.
- Talyzina N. F.* (1998). Pedagogičeskaâ psihologija [Pedagogical Psychology]. Moscow: Akademiâ.
- Tendryakov V. F.* (1983). Proseločnye besedy [Country-road conversations] // A. N. Leont'ev i sovremennaâ psihologija [A. N. Leontiev and Modern Psychology] / Ed. by A. V. Zaporozhets, V. P. Zinchenko, O. K. Tikhomirov. Moscow: MGU.
- Uznadze D. N.* (1966). Psihologičeskie issledovaniâ [Psychological Studies]. Moscow: Nauka.
- Vasilyuk F. E.* (2003). «Vy ponimaete...» [“You see ...”] // Žurnal praktičeskogo psihologa. N 1–2. P. 232–240.
- Zhdan A. N.* (2009). Puti i principy issledovaniâ soznaniâ v istorii psihologii [Ways and principles of studying consciousness in the history of psychology] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 47–60.
- Zinchenko V. P.* (2010). Soznanie i tvorčeskij akt [Consciousness and Creative Act]. Moscow: Âzyki slavânskikh kul'tur.
- Zinchenko V. P.* (2017). Vospriâtie i vizual'naâ kul'tura [Perception and Visual Culture] / Ed. by N. D. Gordeeva, A. I. Nazarov, T. G. Shchedrina. Moscow; Saint Petersburg: CGI Print.

**“EVERYTHING IN MY LIFE WAS FOR MY BECOMING A PSYCHOLOGIST”:
ON THE PORTRAIT OF G. V. ZALEVSKY**

The article is devoted to the 80th anniversary of Genrikh Vladislavovich Zalevsky, the famous Russian psychologist. The main milestones of the scientist's biography, the time of his formation as a psychologist, the influence of his teacher M. S. Rogovin are traced. The most important researches of the scientist are: “Fixed Forms of Behavior” (1976), “Theoretical Foundations of Psychological and Psychopathological Research” (co-authored with M. S. Rogovin) (1988), “Mental Rigidity in Norm and Pathology” (1993), “Foundations of Contemporary Behavioral-Cognitive Psychotherapy and Counseling” (2002), “Brief Russian-English-German Dictionary on Psychology” (2004), “Introduction to Clinical Psychology” (2006), “Psychological Supervision: State of the Art and Prospects” (2008), etc. The main directions of research, organizational, publishing and pedagogical activities are covered. The main directions of G. V. Zalevsky's scientific activities include methodology and theory of psychological science (in particular, the study of psychological knowledge types, methods of psychology, the problem of explanation, the correlation of psychological and psychopathological research), history of psychology, and various fields of clinical psychology. G. V. Zalevsky is the creator and editor-in-chief of the authoritative “Siberian Psychological Journal”.

Keywords: G. V. Zalevsky, methodology, clinical psychology, psychological research, types of psychological knowledge, methods of psychology.

DOI: 10.7868/S1819265318010120

Citation: Mazilov V. A. (2018). «Vse v moej žizni tak skladyvalos', čtoby â obâzatel'no stal psihologom»: neskol'ko štrihov k portretu G. V. Zalevskogo [“Everything in my life was for my becoming a psychologist”: on the portrait of G. V. Zalevsky] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 1. P. 207–217.

References

- Mazilov V. A.* (2016). Poslednij titan: metodologičeskie raboty M. S. Rogovina (60-e gody XX stoletija) [The last Titan: the methodological works of M. S. Rogovin (60s of the 20th century)] // Medicinskaâ psihologija v Rossii: èlektron. nauč. žurn. N 1 (36). URL: <http://mprj.ru>
- Rogovin M. S., Zalevsky G. V.* (1988). Teoretičeskie osnovy psihologičeskogo i psihopatologičeskogo issledovaniâ [Theoretical Foundations of Psychological and Pathopsychological Research]. Tomsk: TGU.
- Zalevsky G. V.* (1976). Fiksirovannye formy povedeniâ [Fixed Forms of Behavior]. Irkutsk: Vost.-Sib. izd-vo.
- Zalevsky G. V.* (1993). Psihičeskaâ rigidnost' v norme i patologii [Mental Rigidity in Norm and Pathology]. Tomsk: TGU.
- Zalevsky G. V.* (1999). K istorii, sostoâniû i problemam sovremennoj kliničeskoj psihologii [On the history, state and problems of modern clinical psychology] // Sibirskij psihologičeskij žurnal. Iss. 10. P. 53–58.
- Zalevsky G. V.* (2002). Osnovy sovremennoj bihevioral'no-kognitivnoj psihoterapii i konsul'tirovaniâ [Fundamentals of Modern Cognitive Behavioral Therapy and Counseling]. Tomsk: TGU.
- Zalevsky G. V.* (2004). Kratkij russko-anglo-nemeckij slovar' po psihologii [A Short Russian-English-German Dictionary of Psychology]. Moscow: Academia.
- Zalevsky G. V.* (2006a). O naučnom nasledii M. S. Rogovina [On the scientific heritage of M. S. Rogovin] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 2. P. 99–102.
- Zalevsky G. V.* (2006b). 110 let kliničeskoj psihologii [110 years of clinical psychology] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 2. P. 160–163.

Zalevsky G. V. (2006c). *Vvedenie v kliničeskuû psihologiû* [Introduction to Clinical Psychology]. Tomsk: IDO TGU.

Zalevsky G. V. (2007). *Ličnost' i fiksirovannye formy povedeniâ* [Personality and Fixed Forms of Behavior]. Moscow: IP RAN.

Zalevsky G. V. (2008). *Ob''âsnenie i ponimanie protiv «ciklopoj psihologii»* [Explanation and understanding versus “cyclopean psychology”] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 41–46.

Zalevsky G. V. (2008b). *Psihologičeskaâ superviziâ: sovremennoe sostoânie i perspektivy razvitiâ* [Psychological Supervision: Current State and Prospects of Development]. Tomsk: TML-Press.

Zalevsky G. V. (2013). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. In 6 vols. Tomsk: TGU.

THE THOUGHTFUL KNIGHT OF THE MULTIDIMENSIONAL WORLD (on the 70th anniversary of V. F. Petrenko, the brilliant psychologist and extraordinary man)

The article is devoted to the 70th anniversary of Viktor Petrenko, the famous Russian psychologist. The article presents biographical and scientific information about the hero of the day. It is shown how the interest of the schoolboy Viktor Petrenko was formed to science, what events led to the fateful penchant for psychology, the main stages of the scientific career were traced. The teachers, first of all, A. N. Leontiev and V. P. Zinchenko, and their influence on the formation of V. F. Petrenko are indicated. A gallery of research expeditions to different regions of Russia and foreign countries is presented. The main line of research of Viktor Petrenko — psychosemantics — is reflected in the article, the most important results of theoretical and empirical research are presented: psychosemantics of everyday, political, religious consciousness, altered states of consciousness, psychosemantics of art, comparative semantics of consciousness and quantum physics, etc. The theoretical and methodological basis of V. F. Petrenko's psychosemantic research is cultural-historical psychology and constructivism, the basic provisions of which have been analyzed by the scientist in a number of theoretical works.

Keywords: V. F. Petrenko, psychosemantics, consciousness, ethnopsychology, cross-cultural studies, multidimensionality.

DOI: 10.7868/S1819265318010132

Citation: Allakhverdov V., Karitsky I. (2018). *Zadumčivyy rycar' mnogomernogo mira (k 70-letiu blestâsego psihologa i neobyknovennogo čeloveka V. F. Petrenko)* [The thoughtful knight of the multidimensional world (on the 70th anniversary of V. F. Petrenko, the brilliant psychologist and extraordinary man)] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 218–228.

THE PROBLEM OF THE GENESIS OF SOVIET PSYCHOLOGY (anniversary reflections)

Sergey Aleksandrovich Bogdanchikov, the well-known Russian historian of psychology, is 60 this year. This article consists the reflections of the hero of the day, associated with his comprehension of the life path and scientific activities. The author recalls the main events of life, his teachers, the

places of life and work, his scientific interests, as well as hobbies. The main direction of the research of S. A. Bogdanchikov is the history of Soviet psychology, first of all, during 1920–1930s. On the author's opinion, the main problems of this period are: the concept of Soviet psychology and its genesis. The author notes that while Soviet psychology did not exist in the early twenties, no other psychology, except the Soviet one, existed in the USSR by the end of the 1930s. For a researcher it is essential to understand how this transformation happened, what were its causes. S. A. Bogdanchikov has over one hundred and twenty publications on the history of Russian psychology, including five monographs.

Keywords: S. A. Bogdanchikov, history of psychology, Soviet psychology, genesis of Soviet psychology.

DOI: 10.7868/S1819265318010144

Citation: Bogdanchikov S. A. (2018). Problema genezisa sovjetskoj psihologii (ûbilejnye razmyšleniâ) [The problem of the genesis of soviet psychology (anniversary reflections)] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 229–232.

THE WORD ABOUT N. P. FETISKIN (in memory of the departed friend)

November 24, 2017 suddenly the life of Nikolay Petrovich Fetiskin, the famous and authoritative Russian psychologist, ended. V. A. Mazilov, the psychologist and his closest friend, shares his memories and experiences, involuntarily assesses the life path of N. P. Fetiskin, his personality, scientific research, organizational, pedagogical and publishing activities. N. P. Fetiskin is a man with a broad soul, ebullient energy, sociable and cheerful, appreciating the life in all its manifestations, a caring friend and family man, easy on the rise, ready to help even strangers. N. P. Fetiskin's field of research interests is diverse: methodology and history of psychology, psychophysiology, psychology of emotions, labor psychology, social psychology, organizational psychology, pedagogical psychology, family psychology, ethnopsychology, sports psychology, legal psychology, gender psychology, stress psychology, acmeology, deviantology, addiction psychology, psychodiagnostics, psychological publicism, etc. Throughout his life, N. P. Fetiskin mastered new horizons of science, conducted innovative research, brought up a large number of scientific disciples. Under his direction, the scientific collectives worked successfully, what is reflected in a large number of publications. N. P. Fetiskin's departure from the life is a grievous loss for the family, friends, fellow scientists, this is a great loss for Russian psychology.

Keywords: N. P. Fetiskin, N. P. Fetiskin's personality and scientific works, N. P. Fetiskin's organizational activity.

DOI: 10.7868/S1819265318010156

Citation: Mazilov V. A. (2018). Slovo o N. P. Fetiskine (pamâti ušedšego druga) [The word about N. P. Fetiskin (in memory of the departed friend)] // *Metodologiâ i istoriâ psihologii*. Iss. 1. P. 233–243.

References

Fetiskin N. P. (1972). *Monotoniâ v sportivnoj i proizvodstvennoj deâtel'nosti* [Monotony in Sports and Production Activities]. Candidate of biological sciences dissertation. Tartu: TGU.

Fetiskin N. P. (1990). Èmocional'noe obespečenie učebnoj i trudovoj deätel'nosti [Emotional Support of Educational and Labor Activities]. Kostroma: KGPI.

Fetiskin N. P. (1993). Sistemnoe issledovanie monotonii v professional'noj deätel'nosti [Systemic Study of Monotony in Professional Activity]. Doctor of psychological sciences dissertation. Saint Petersburg: SPbGU.

Fetiskin N. P. (Ed.). (2001). Talant organizatora nauki i vospitaniâ: o žizni i deätel'nosti osnovatelâ otečestvennoj teorii i praktiki organizatorskih sposobnostej i social'no-psihologičeskikh škol v Kurske i Kostrome — L. I. Umanskogo [Talent of the Organizer of Science and Education: On the Life and Work of the Founder of the Theory and Practice of Organizational Abilities and Socio-Psychological Schools in Kursk and Kostroma — L. I. Umansky]. Moscow; Kostroma: IP RAN; KGU; Moskovskij institut innovacionnyh tehnologij.

Fetiskin N. P. (2005). Psihologijâ addiktivnogo povedeniâ [Psychology of Addictive Behavior]. Kostroma: KGU.

Fetiskin N. P. (Ed.). (2011). Kostromskaâ psihologičeskaâ škola L'va Il'iča Umanskogo: Tradicii. Nove issledovaniâ. Perspektivy [Kostroma Psychological School of Lev Ilyich Umansky: Traditions. New Research. Prospects]. Kostroma: KGU.

Fetiskin N. P. (2012). Psihodiagnostika detsko-roditel'skih deviacij. Praktikum [Psychodiagnostics of Child-Parent Deviations: A Tutorial]. Moscow; Kostroma: KGU.

Fetiskin N. P. (2014). Psihologijâ gendernyh različij [Psychology of Gender Differences]. Moscow: Forum; Infra-M.

Fetiskin N. P. (2015a). Praktičeskaâ deviantologijâ [Practical Deviantology]. Moscow: Forum; Infra-M.

Fetiskin N. P. (2015b). Psihologijâ vospitaniâ stressosvladaûšego povedeniâ [Psychology of Training in Stress Coping Behavior]. Moscow: Infra-M, Forum.

Fetiskin N. P. (Ed.). (2016). Novaâ paradigma organizacionnogo upravleniâ v usloviâh vyzovov XXI veka (k 95-letiju L. I. Umanskogo) [The New Paradigm of Organizational Management in the Context of the Challenges of the XXI Century (at the 95th Anniversary of L. I. Umansky)]. In 2 vols. Vol. 1. Kostroma: KGU.

Fetiskin N. P. (2017). Predstavleniâ o strategiâh žizni i samorealizacii obyčnogo studenta [Ideas about the strategies of life and self-realization of an ordinary student] // Âroslavskij psihologičeskij vestnik. N 3 (39). P. 64–72.

Fetiskin N. P. et al. (2011). Social'no-psihologičeskaâ rehabilitaciâ social'nyh i somatičeskikh ograničenij v detsko-molodežnyh gruppah: metodologijâ, tehnologii, opyt [Socio-Psychological Rehabilitation of Social and Somatic Disabilities in Children's and Adolescent Groups: Methodology, Technology, Experience]. Kostroma: KGU.

Fetiskin N. P., Bredikhin G. A., Kondrat E. N. (2010). Kommunikativnaâ stressogennost' deätel'nosti sledovatelâ [Communicative Stressfulness of the Investigator's Work]. Moscow; Kostroma: KGU.

Fetiskin N. P., Kozlov V. V. (2018). Trudnye deti [Difficult Children]. Moscow: Institut konsul'tirovaniâ i sistemnyh rešenij.

Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. (2002). Social'no-psihologičeskaâ diagnostika razvitiâ ličnosti i malyh grupp [Socio-Psychological Diagnosis of the Development of Personality and Small Groups]. Moscow: Institut psihoterapii.

Fetiskin N. P., Maslova O. S. (2017). Psihologijâ oppozicionnogo povedeniâ v strukture malyh grupp [Psychology of Oppositional Behavior in the Structure of Small Groups]. Kostroma: KGU.

Fetiskin N. P., Mironova T. I., Shepeleva S. V. (2016). Detsko-molodežnaâ deviantologijâ [Child and Adolescent Deviantology]. Kostroma: KGU.

Fetiskin N. P., Mironova T. I., Shepeleva S. V. (2017). Psihodiagnostika detsko-molodežnoj deviantnosti [Psychodiagnosis of Child and Adolescent Deviance]. Moscow: Pero.

Fetiskin N. P., Zhuravlev A. L. (2004). Metodologičeskie aspekty gendernoj psihologii [Methodological aspects of gender psychology] // Gendernye cennosti i samoaktualizaciâ ličnosti i malyh grupp v XXI veke: mat-ly meždunar. simpoziuma. In 2 vols. Vol. 1. / Ed. by A. L. Zhuravlev, N. P. Fetiskin. Moscow: IP RAN; Kostroma: KGU. P. 209–219.

Kedrov B. M., Ogurtsov A. P. (1985). Marksistskie koncepcii istorii estestvoznaniâ: pervaâ četvert' XX veka [Marxist Concepts of the History of Natural Science: The First Quarter of the Twentieth Century]. Moscow: Nauka.

Mazilov V. A. (1998). Blažennoe nasledstvo (slovo o L'Ve Il'iče Umanskom) [The blissful heritage (the word about Lev Ilyich Umansky)] // Âroslavskij pedagogičeskij vestnik. N 2. P. 170–176.

Reznikov E. N. (2014). Psihologičeskij oblik ruskikh (na materiale issledovaniâ žitelej Kostromskoj oblasti) [The Character of Russians (Based on the Study of the Inhabitants of the Kostroma Region)]. Moscow: IP RAN.

Reznikov E. N., Fetiskin N. P. (2003). Cennostnye orientacii ruskikh (na vyborke žitelej Kostromskoj oblasti) [Value orientations of Russians (on a sample of inhabitants of the Kostroma region)] // Upravlenie sistemoy social'nyh cennostej ličnosti i obščestva v mire izmenenij (kratkosročnye i dolgovremennye gorizonty): mat-ly meždunar. psihol. kongressa / Ed. by A. L. Zhuravlev, N. P. Fetiskin. P. 68–74.

Shepeleva S. V., Fetiskin N. P. (2016). Antropologičeskie osnovaniâ deviantnogo povedeniâ [Anthropological grounds for deviant behavior] // Gumanitarnye osnovaniâ social'nogo progressa: Rossiâ i sovremennost': sb. statej Meždunar. nauč.-prakt. konf. In 8 parts. Pt. 8 / Ed. by V. S. Belgorodsky et al. Moscow: MGUDT. P. 223–228.

Sonin V. A. (2012). Fetiskin Nikolaj Petrovič [Fetiskin Nikolai Petrovich] // Psihologi mira ot A do Z [Psychologists of the World from A to Z]. Saint Petersburg: Petrocentr.

Subetto A. I., Fetiskin N. P. (2004). Teoriâ fundamental'nyh protivorečij čeloveka kak metodologičeskaâ osnova sinteza integrativnoj ili neklassičeskoj psihologii [The theory of fundamental human contradictions as a methodological basis for the synthesis of integrative or non-classical psychology] // Trudy Âroslavskogo metodologičeskogo seminarâ. Vol. 2: Predmet psihologii / Ed. by V. V. Novikov et al. Yaroslavl: MAPN. P. 292–301.

Subetto A. I., Fetiskin N. P. (2014). Mental'nye arhetipy kačestva žizni [The quality of life archetypes] // Triedinstvo zdorov'â nacji, kačestva žizni i garmoničnogo obščestva kak osnova ustojčivogo razvitiâ Rossii v XXI veke: mat-ly meždunar. kongressa. Kostroma, 12–14 sentâbrâ 2014 g. Kostroma: KGU. P. 71–76.

Subetto A. I., Fetiskin N. P. (2015a). Manifest voinstvuûšego nevežestva monetarnogo «neokočevnika» i «otvet» na nego istorii XXI veka [Manifesto of the militant ignorance of the monetary “neo-nomad” and the “answer” to it of the history of the XXI century] // Obščestvo. Sreda. Razvitie. N 2 (35). P. 104–112.

Subetto A. I., Fetiskin N. P. (2015b). Missiâ obrazovaniâ v XXI veke v kontekste imperativa vyživaemosti čelovečestva [The Mission of Education in the XXI Century in the Context of the Imperative of Mankind Survival]. Saint Petersburg: Asterion.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопов, Гарник Владимирович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Самарского государственного социально-педагогического университета. Самара, Россия.

Эл. адрес: akopovgv@gmail.com

Аллахвердов, Виктор Михайлович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

Эл. адрес: vimiall@gmail.com

Асмолов, Александр Григорьевич — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАО, директор Федерального института развития образования. Москва, Россия.

Эл. адрес: agas@mail.ru

Богданчиков, Сергей Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии личности и индивидуального консультирования Академии социального управления Московской области. Москва, Россия.

Эл. адрес: bogdanch4@rambler.ru

Ждан, Антонина Николаевна — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносо-

ва, член-корреспондент РАО. Москва, Россия.

Эл. адрес: zhdan@list.ru

Карицкий, Игорь Николаевич — кандидат психологических наук, главный специалист ИТО Московского института психопсихологии, доцент кафедры психологии РГУ им. А. Н. Косыгина. Москва, Россия.

Эл. адрес: ignikkar@mail.ru

Мазилов, Владимир Александрович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. Ярославль, Россия.

Эл. адрес: v.mazilov@yspu.org

Нестик, Тимофей Александрович — доктор психологических наук, профессор РАН, исполняющий обязанности заведующего лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Москва, Россия.

Эл. адрес: nestik@gmail.com

Петренко, Виктор Федорович — доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН. Москва, Россия.

Эл. адрес: victor-petrenko@mail.ru

Петровский, Вадим Артурович — доктор психологических наук, профессор ка-

федры психологии личности НИУ Высшая школа экономики, член-корреспондент РАО. Москва, Россия.

Эл. адрес: petrowskiy@mail.ru

Шкуратов, Владимир Александрович — доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры клинической психологии и психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета. Ростов-на-Дону. Россия.

Эл. адрес: narradigma94@yandex.ru

Юревич, Андрей Владиславович — доктор психологических наук, заместитель директора Института психологии РАН, член-корреспондент РАН. Москва, Россия.

Эл. адрес: av.yurevich@mail.ru

Янчук, Владимир Александрович — доктор психологических наук, профессор, декан факультета профессионального развития специалистов образования Академии последиplomного образования. Минск, Беларусь.

Эл. адрес: yanchuk1954@gmail.com

Научный теоретико-методологический и историко-психологический журнал
«МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ»

Сайт журнала: <http://mhp-journal.ru>

Международный стандартный номер периодического издания: ISSN 1819-2653

Свидетельство о государственной регистрации: ПИ ФС77-35640 от 17.03.2009

Адрес редакции: 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект,
д. 34, стр. 14, ком. 300. E-mail: mhp@bk.ru

Ответственный редактор: И. Н. Карицкий.

Редактор английского языка: А. А. Костригин.

Технический редактор: С. П. Сенюшенков.

Корректор: Д. А. Тараян.

Компьютерная верстка: Г. Ю. Федотова.

Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 22,75.

Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г./кв.м. Гарнитура Newton.

Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский переулок, д. 6.

Сайт: www.tnauka.ru. Тел.: 8-499-241-9464

Scientific journal
«Methodology and History of Psychology»

The journal is published since 2006

Website: <http://mhp-journal.ru/eng>

ISSN 1819-2653

The journal is published 4 times a year

Editorial Team

V. F. Petrenko (Editor-in-Chief, Moscow, Russia),
Yu. I. Aleksandrov (Moscow, Russia),
V. M. Allakhverdov (St. Petersburg, Russia),
A. A. Demidov (Moscow, Russia),
I. N. Karitsky (Deputy editor, Moscow, Russia),
D. A. Leontiev (Moscow, Russia),
V. A. Mazilov (Yaroslavl, Russia),
A. V. Yurevich (Deputy Editor, Moscow, Russia)

International Advisory Board

Ch. I. Abramson (Stillwater, Oklahoma, USA), J. Valsiner (Aalborg, Denmark),
H. Luck (Hagen, Germany), R. Smith (Lancaster, UK),
K. Shigemasu (Tokyo, Japan), V. A. Yanchuk (Minsk, Belarus)

Editorial and Technical Group

A. A. Kostigrin (Moscow, Russia), S. P. Senuschenkov (Krasnodar, Russia)

Address of the editorial office: 121170, Russia, Moscow, Kutuzovsky prospect,
34, building 14, room 300. E-mail: mhp@bk.ru

